

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2024

№ 88

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

**Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»**

***Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
М.М. Угрюмова (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жиликова (Томск, Россия)
И.Е. Ким (Новосибирск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
А.В. Колмогорова
(Санкт-Петербург, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Н.Е. Никонова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

***Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Венеция, Италия)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

***Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology***

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
M.M. Ugryumova (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
I.Ye. Kim (Novosibirsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
A.V. Kolmogorova
(Saint Petersburg, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
N.E. Nikonova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

***Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology***

J.F. Bailyn (Stony Brook, USA)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Venice, Italy)
M.N. Lipovetsky (Boulder, USA)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, USA)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Андреев С.Н. Система атрибутов в цикле Осипа Мандельштама «Армения»: скрытая тенденция к упорядоченности	5
Березович Е.Л., Осипова К.В. Ех onomasticā origine: об истории и методологии уральской школы ономастики, этимологии и этнолингвистики	20
Жакупова А.Д., Анищенко О.А., Темирова Ж.Г. Исследование мотивационной рефлексии детей-монолингвов и детей-билингвов Казахстана (на материале данных психолингвистического эксперимента)	48
Лукина А.Е. Диасистемная вариативность в эволюции французского языка (на материале глагола)	76
Рыжиков Т.Р., Тимкин Т.В., Добрынина А.А. Язычные носовые согласные алтайского языка (результаты электропалатографического и ультразвукового исследования)	92
Соломоновская А.Л. Интертекстуальность средневековых славянских переводческих предисловий и послесловий на фоне современного им переводческого дискурса Западной Европы	111

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Анисимова Е.Е. Ермак в русской словесности до Карамзина: первые опыты нарративизации истории покорения Сибири	128
Каяниди Л.Г. Репрезентация мистериально-дионисийского сюжета в книге лирики Вячеслава Иванова «Кормчие звезды»	148
Ли Цзивэй. О «пофразовом переводе» Ли Сиинем «Слова о полку Игореве»	167
Nikitina N.A., Tuliakova N.A. Interpreting the title: What is stored inside Anatole France's <i>L'Étui de nacre</i>	196
Павлович К.К. Неоконченный роман А.В. Никитенко «Леон» и его аллюзии в «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова	217
Спивак-Лавров И. Интерпретация мотива женской кукольности: от мифа до постмодерна	230
У Ваньин, Поплавская И.А. Критическая и переводческая рецепция поэзии В.А. Жуковского в Китае: 1980-е гг.	242

ЖУРНАЛИСТИКА

Ачето Т.О., Зеленцов М.В. Продуктовый подход в работе информационного агентства: опыт медиагруппы «Россия сегодня»	265
Громова Е.Б., Ершов Ю.М. СМИ о российском рынке труда: главные темы, форматы освещения и жанровые решения	286

CONTENTS

LINGUISTICS

Andreev S.N. The attribute system in Osip Mandelstam's <i>Armenia</i> cycle: A hidden trend to orderliness	5
Berezovich E.L., Osipova K.V. Ex onomasticā origine: About the history and methodology of the Ural school of onomastics, etymology and ethnolinguistics	20
Zhakupova A.D., Anichshenko O.A., Temirova Zh.G. A study of motivational language awareness of monolingual and bilingual children (based on the data from a psycholinguistic experiment)	48
Lukina A.E. Diasystem variation in the evolution of the French language (on the material of the verb)	76
Ryzhikova T.R., Timkin T.V., Dobrynina A.A. Lingual nasal consonants of the Altai language (results of electropalatographic and ultrasound research)	92
Solomonovskaya A.L. Intertextuality of medieval Slavic translators' paratexts against the background of contemporary translators' discourse of Western Europe	111

LITERATURE STUDIES

Anisimova E.E. Yermak in Russian literature before Karamzin: First efforts to narrate the story of the Siberian campaign	128
Kaianidi L.G. Representation of the Dionysian-mysterical plot in the book of poems <i>Pilot Stars</i> by Vyacheslav Ivanov	148
Li Ziwei. On the "phrase-for-phrase" translation of <i>The Song of Igor's Campaign</i> by Xiyin Li	167
Nikitina N.A., Tuliakova N.A. Interpreting the title: What is stored inside Anatole France's <i>L'Étui de nacre</i>	196
Pavlovich K.K. Nikitenko's unfinished novel <i>Leon</i> and its allusions in <i>An Ordinary Story</i> by Goncharov	217
Spivak-Lavrov I. Interpretation of the motif of female puppetry: From myth to postmodernism	230
Wu Wanying, Poplavskaya I.A. Critical and translational reception of Vasily Zhukovsky's poetry in China: The 1980s	242

JOURNALISM

Acheto T.O., Zelentsov M.V. Product approach in the work of a news agency: The case of the Rossiya Segodnya media group	265
Gromova E.B., Ershov Yu.M. Mass media about the Russian labor market: Main topics, coverage formats and genre solutions	286

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 81-32

doi: 10.17223/19986645/88/1

Система атрибутов в цикле Осипа Мандельштама «Армения»: скрытая тенденция к упорядоченности

Сергей Николаевич Андреев¹

¹ *Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия, smol.an@mail.ru*

Аннотация. Проверяется гипотеза о том, что распределение атрибутов, важного средства описания художественного мира в лирических стихотворных циклах, характеризующихся сложным сочетанием ритмометрических моделей и типов версификации, упорядочено и подчиняется принципу экспоненциального распределения. Для исследования был взят уникальный по сложности и разнообразию размеров поэтический цикл Осипа Мандельштама «Армения». Анализ показал, что ранжированные частоты различных атрибутивных типов в нем упорядочены и имеют тенденцию к экспоненциальному распределению, что подтверждает указанную гипотезу.

Ключевые слова: Мандельштам, цикл «Армения», атрибуты, экспоненциальное распределение, ранги, частоты

Благодарности: исследование проведено за счет гранта РФФ, проект 22-18-00339 «Электронный ресурс “Армянский текст русской поэзии”: репрезентация локального текста русской литературы».

Для цитирования: Андреев С.Н. Система атрибутов в цикле Осипа Мандельштама «Армения»: скрытая тенденция к упорядоченности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 88. С. 5–19. doi: 10.17223/19986645/88/1

Original article

doi: 10.17223/19986645/88/1

The attribute system in Osip Mandelstam's *Armenia* cycle: A hidden trend to orderliness

Sergey N. Andreev¹

¹ *Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation, smol.an@mail.ru*

Abstract. Attributes, playing the main role in the description of the fiction world, nevertheless are not members of the obligatory environment of the verb. Due to this, their use, as well as the choice of the types of attributes, depends mainly on the author's preferences and, in general, on the author's style. The question of how arbitrary the use of attributes is has been considered in a number of quantitative studies, whose results

led to the hypothesis that there are certain tendencies in the distribution of various types of attributes in literary texts that do not depend either on the author's style or poetic form in poetry. One of such important tendencies, hidden from direct observation, is the tendency for an exponential distribution of ranked frequencies of various attribute types in the text. The aim of this study is to test this hypothesis on the basis of Osip Mandelstam's famous lyrical cycle *Armenia*, which is characterized by an extremely complicated versification structure. Integrated in sense, it is at the same time extremely heterogeneous in metrical models and in terms of the diversity of the metrical repertoire and rhythmic composition, being one of the most complex cyclic units in Russian literature. This makes it possible to test this hypothesis under special, extremely unfavorable conditions for maintaining the above-mentioned trend. The analysis involves 12 poems of the *Armenia* cycle and 3 poems about Armenia adjacent to the cycle, which form a single supertextual space. The list of attributive classes is formed based on the parts of speech of words that take the position of the attribute in the syntactic structure of the sentence. Two approaches to the formation of attribute classes are used: more generalized classes (8 classes) and more fractional classes (21 classes) are formed. In the latter case, a number of additional features of attributes are taken into account (position relative to the word being defined, the possibility of the attribute itself to have attributive valency, structural complexity). The study was carried out within the framework of quantitative analysis using a number of statistical measures (coefficient of variation, coefficient of determination, fitting an exponential function to data). The results of the analysis testify to the strong diversity of the description and the extremely strong variability of the attribute types alongside with the high intensity and static nature of the description. Nevertheless, despite these factors and the presence of various forms and rhythm-metric models in heteromorphic verse, both for a short list of generalized classes and for a more detailed list of attributive types, a tendency was revealed for an exponential distribution of their ranked frequencies, which corroborates the hypothesis about the presence of this kind of regularity in poetic texts.

Keywords: Mandelstam, *Armenia* cycle, attributes, exponential distribution, ranks, frequencies

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00339.

For citation: Andreev, S.N. (2024) The attribute system in Osip Mandelstam's *Armenia* cycle: A hidden trend to orderliness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 88. pp. 5–19. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/88/1

Введение

Определения играют важную роль в описании художественного мира и, не входя в обязательное окружение глагола и являясь факультативным членом синтаксической структуры предложения, в значительной степени зависят от авторских предпочтений и индивидуального стиля писателя или поэта.

Вопрос о том, до какой степени использование атрибутов является произвольным, поднимался в ряде исследований, в которых рассматривались такие параметры, как частоты использования различных атрибутивных типов (АТ), расстояния между идентичными АТ, виды их агрегации, сила се-

мантической и синтаксической связи с определяемым словом, инверсия атрибутов и другие аспекты [1–12]. В результате был сделан вывод о существовании определенных тенденций и закономерностей в использовании и распределении атрибутов в тексте.

Одной из наиболее важных тенденций, обнаруженных в ходе этих исследований, является то, что распределение частот различных атрибутивных типов может быть аппроксимировано экспоненциальной функцией или функцией Ципфа–Алексеева, что для русского языка подтвердилось на материале прозы и поэмы XIX и XX вв. [13, 14]. Исследование русских сонетов XIX–XX вв. [15, 16] подтвердило наличие указанной закономерности в распределении частот АТ в лирике. В связи с тем, что сонеты относятся к жанру с твердой формой, возник вопрос, можно ли ожидать, что указанная тенденция распределения единиц описания будет характерна для лирических стихотворений с разными (в том числе сложными) типами версификации.

Задача данного исследования состоит в проверке указанной гипотезы в более сложных условиях – в стихах известного цикла Осипа Мандельштама «Армения», который отличается в высшей степени усложненной структурой. Обладая общностью смысла, он в то же время крайне неоднороден в отношении метрических моделей стихов. Как указывает Ю.Б. Орлицкий, по разнообразию метрического репертуара и ритмической композиции цикл является уникальным для поэзии Мандельштама [17], однако будет справедливо признать его также одним из наиболее сложных по разнообразию форм для свертхтекстовых единств вообще. Таким образом, данная гипотеза может быть проверена в особых, крайне неблагоприятных условиях – в стихах с богатой палитрой различных форм и ритмо-метрических моделей в гетероморфном стихе [18].

Еще одной важной чертой этого путевого цикла является то, что его можно отнести к классу локальных текстов, в которых в виде локуса выступают либо сама Армения, либо отдельные географические области, входящие или входившие в ее состав. Следует отметить, что описание Армении в русской художественной литературе заметно отличается от описания Кавказа в целом. Это можно объяснить наличием в армянском тексте смысловых доминант сопереживания с народом этой страны в связи с тяжелыми испытаниями, которым подвергались армянские христиане, особенно во время геноцида 1915–1916 гг. В семантической палитре армянского текста, как правило, достаточно много атрибутов с эмотивным семантическим компонентом, и в большинстве случаев они выражены прилагательными, что также может создать сдвиг в распределении частот атрибутивных типов. Это еще больше усложняет условия для реализации указанной выше тенденции.

Материал и схема признаков

К анализу привлекаются 12 стихотворений цикла «Армения» и примыкающие к циклу 3 стихотворения «Колючая речь араратской долины...», «Дикая кошка – армянская речь...», «Как люб мне натугой живущий...», ко-

торые образуют единое свертхтекстовое пространство. В дальнейшем, говоря о цикле, мы будем иметь в виду все 15 стихотворений. Произведения берутся по книге М.Д. Амирханяна «Армения в зеркале русской поэзии» [19], их список дан в приложении.

Классы атрибутов определяются в соответствии с теми частями речи, которые эту определительную функцию выполняют. В зависимости от степени детализации морфологических, семантических и синтаксических свойств атрибутов можно выделить различные схемы атрибутивных типов (АТ). В этом исследовании были сформированы две схемы атрибутивных типов, включающие более обобщенные (Список 1) и более детализированные (Список 2) классы. Списки атрибутивных типов даются ниже. В списки включены только те АТ, которые были зафиксированы в цикле. В скобках указываются краткие обозначения, после двоеточия приводятся примеры из стихов рассматриваемого цикла. Атрибуты каждого типа выделяются курсивом.

Список 1 (С-1) – список обобщенных классов АТ.

- Прилагательное (ПЛГ): Мужичких *бычачьих* церквей.
- Существительное в родительном падеже (ГЕН): На дорожный шатер *Арарата*.
- Существительное в предложной конструкции (ПРК): И нахохленные орлы с *совиными крыльями*.
- Приложение (ПРЛЖ): И нянчишь зверушек-*детей*.
- Причастие (ПРИЧ): *Рисующий* лев из пенала.
- Местоимение-прилагательное (МЕСТ): В самую гущу *его* целлулоидных терний.
- Придаточное предложение (ПРИД): Как люб мне язык твой зловещий ... / *Где буквы — кузнечные клещи, И каждое слово — скоба*.

Указанный список С-1 может быть расширен за счет учета ряда дополнительных характеристик: положение атрибута относительно определяемого слова, наличие зависимых слов у самих атрибутов, учет типов местоимений-прилагательных. Ниже приводится расширенная схема АТ.

Список 2 (С-2) – список детализированных классов АТ.

- Прилагательное в препозиции относительно определяемого слова (ПЛГ-Л): *Сытых* форелей *усатые* морды.
- Прилагательное в постпозиции относительно определяемого слова (ПЛГ-П): Ах, Эривань, Эривань! Не город – орешек *каленный*.
- Адъективное словосочетание (оборот) в препозиции (ПЛГк-Л): *И для шербета негодный* дичок.
- Существительное в родительном падеже в препозиции (ГЕН-Л): *Солнца* персидские деньги.
- Существительное в родительном падеже в постпозиции (ГЕН-П): На дорожный шатер *Арарата*.
- Существительное в предложной конструкции в постпозиции (ПРК-П): Из чайного блюда с *водой*.

- Причастие в препозиции (ПРИЧ-Л): *Орущих* камней государство.
- Причастный оборот в препозиции (ПРИЧоб-Л): *Хриплые горы к оружью зовущая* – Армения, Армения!
- Причастный оборот в постпозиции (ПРИЧоб-П): И нахохленные орлы с совиными крыльями, *еще не оскверненные Византией*.
- Приложение в постпозиции (ПРЛЖ-П): И нянчишь зверушек-детей.
- Определительное местоимение в препозиции (МЕСТопр-Л): Ты видела *всех* жизнелюбцев.
- Определительное местоимение в постпозиции (МЕСТопр-П): Ты *вся* далеко за горой.
- Притяжательное местоимение в препозиции (МЕСТпос-Л): Я не хочу *твоего* замороженного винограда!
- Притяжательное местоимение в постпозиции (МЕСТпос-П): Время *свое* заморозил и крови горячей не пролил.
- Неопределенное местоимение в препозиции (МЕСТн-Л): Ее бы приманить *какой-то* окариной.
- Относительное местоимение в препозиции (МЕСТот-Л): *Какая* роскошь в нищенском селенье.
- Придаточное предложение (ПРИД): Прекрасной земли пустотелую книгу, / *По которой учились первые люди*.

Кроме того, основываясь на синтаксических параметрах, можно выделить еще одну характеристику атрибутов. Дело в том, что в ряде случаев существительное может выступать в качестве атрибута, определяя другое слово, и в то же время иметь атрибут при себе. Так, например, в сравнительном обороте «как товар из языческой разграбленной лавки» слово *товар* определяется предложной конструкцией *из лавки*, в которой существительное имеет определение, выраженное причастием *разграбленной*.

Такие типы атрибутов (в цикле четыре типа) выделяются в отдельные атрибутивные классы:

- Существительное в родительном падеже в препозиции с определением (ГЕН-Л-О): Колючая речь араратской долины (*долины*, атрибут существительного *речь* имеет атрибут *колючая*).
- Существительное в родительном падеже в постпозиции с определением (ГЕН-П-О): Страна *москательных пожаров*. (Атрибут *пожаров* определяется словом *москательных*.)
- Существительное в предложной конструкции в постпозиции с определением (ПРК-П-О): Виноградины *с голубиное яйцо* (*яйцо* – атрибут, который определяется прилагательным *голубиное*).
- Приложение в постпозиции с определением (ПРЛЖ-П-О): Розовый мусор – муслин – *лепесток соломонов*. (Приложение *лепесток* имеет атрибут *соломонов*.)

Общее количество детализированных классов АТ, таким образом, составляет 21 класс.

Использование двух схем АТ, различающихся по степени детализации, имеет целью дать всестороннюю проверку гипотезы в условиях относительно более простой и значительно более детальной схемы организации АТ. В последнем случае условия для существования константы распределения представляются более сложными.

На первом этапе анализа проводится исследование степени вариативности обобщенных АТ, на втором – проверяется гипотеза о распределении ранжированных частот АТ для обобщенных классов (С-1), на третьем – для детализированных классов (С-2).

Результаты и обсуждение

Степень вариативности АТ. В результате анализа в стихотворениях цикла были подсчитаны частоты 7 обобщенных и 21 детализированной АТ. Затем на основании этих данных была определена однородность цикла с точки зрения представленности атрибутивных типов в его разных текстах. Для этого была установлена вариативность 7 обобщенных АТ в текстах цикла при помощи коэффициента вариации. Рассматривать вариацию детализированных классов не имеет смысла, так как объем текстов небольшой, что приводит к малой частотности АТ из детализированного списка (С-2).

Коэффициент вариации представляет собой отношение среднеквадратического (стандартного) отклонения к средней арифметической, выраженное в процентах:

$$CV = \frac{\sigma}{k} \times 100\%,$$

где σ – среднеквадратическое (стандартное) отклонение; k – средняя арифметическая. Чем ближе CV к 0, тем меньше вариативность. В ряде случаев CV может превышать 100%, что говорит о сверхвысокой вариативности.

Прежде чем определить вариативность, необходимо привести данные для разных текстов к сопоставимому виду. Поскольку стихотворения имеют разный объем, абсолютные частоты типов определений были переведены в относительные при помощи подхода, предложенного Д. Лабе (Labbé). Согласно этому методу для сопоставления частоты некоторого признака i в двух текстах A и B , с частотой признака i в тексте B равной $f_{i,B}$ при соотношении объемов в словах текстов A (N_A) и B (N_B) как $N_A \leq N_B$, относительная частота признака i в тексте N_B (f_{iB}^*) определяется следующим образом [20]:

$$f_{iB}^* = f_{iB} \frac{N_A}{N_B}.$$

Иными словами, вначале определяется индекс – частное от деления количества слов меньшего текста на объем в словах большего текста, затем частота признака большего текста умножается на этот индекс.

Наименьшим по числу слов в цикле является стихотворение Т6 («Оружиям камней государство...»), поэтому его индекс равен 1, а для всех остальных были определены индексы относительно этого текста. Полученные индексы для текстов приведены в табл. 1.

Таблица 1

Индексы для определения относительных частот АТ

Текст	Индекс	Текст	Индекс
T1	0,8710	T7	0,6136
T2	0,3418	T8	0,4219
T3	0,2571	T9	0,8438
T4	0,6429	T10	0,7105
T5	0,6000	T11	0,7714
T6	1,0000	T12	0,7105

Использование полученных индексов позволило определить относительные частоты семи обобщенных АТ во всех текстах цикла. Стандартное отклонение, средняя арифметическая и коэффициент вариации (последняя строка) показана в табл. 2.

Таблица 2

Коэффициент вариации АТ

Текст	ПЛГ	ГЕН	ПРК	ПРЛЖ	ПРИЧ	МЕСТ	ПРИД
Станд.откл. (σ)	1,59	0,91	1,00	1,95	0,26	0,85	0,27
Ср.арифм. (k)	4,12	1,17	0,50	1,24	0,10	0,73	0,12
Козф.вар. (CV)	38%	77%	202%	157%	269%	116%	219%

Как видно из полученных данных, вариативность чрезвычайно высока. Только ПЛГ и ГЕН имеют вариативность меньше 100%, в то время как у всех остальных АТ наблюдается сверхсильная вариация. Если исходить из трехчастной градации диапазона изменения коэффициента вариации, который обычно составляет 0–100%, то вариативность от 0 до 33% можно рассматривать как слабую (0–20%) или не очень высокую (от 20 до 33%). Вариация в диапазоне $34\% \leq V \leq 66\%$ будет считаться средней по силе, после 66% ($66\% < V$) – высокой и сверхвысокой. Тогда, судя по полученным данным, все АТ, кроме ПЛГ, относятся к сильной и сверхсильной вариативности. Но даже и ПЛГ, класс, который обычно достаточно устойчиво и равномерно представлен в стихах, в этом цикле распределен по стихотворениям неравномерно. Таким образом, даже на уровне обобщенных классов разные стихи цикла очень сильно различаются по используемым в них атрибутивным типам.

Для сравнения приведем вариативность атрибутивных типов, которую мы установили для ряда других авторов. Так, вариативность АТ в шести сборниках лирики Б. Пастернака («Близнец в тучах», «Поверх барьеров», «Сестра моя, жизнь», «Второе рождение», «На ранних поездах», «Стихотворения Юрия Живаго», объем выборки по сборникам соответственно равен 1931, 5076, 5980, 5140, 3670 и 4140 слов) в среднем составляет у ПЛГ 22,6%.

Для остальных АТ: ГЕН – 30,2%, МЕСТ – 27,2%, ПРК – 34,3%, ПРИЧ – 64%. В 10% выборке из лирики И. Бродского (объем выборки до эмиграции составил свыше 6 тыс. слов, после эмиграции – свыше 4 тыс. слов) вариативность также намного ниже: ПЛГ – 30%, ГЕН – 28,1%, МЕСТ – 35,2%, ПРК – 41,8%, ПРИЧ – 46,9%. В 10% выборке из корпуса лирических произведений, отобранных в рамках проекта «Электронный ресурс “Армянский текст русской поэзии”»: репрезентация локального текста русской литературы» (объем около 7 тыс. слов) [21], нами была установлена следующая вариативность АТ: ПЛГ – 13,3%, ГЕН – 24,9%, МЕСТ – 47,6%, ПРК – 64,1%, ПРИЧ – 26,2%. Объемы указанных выборок соотносимы и достаточно репрезентативны для того, чтобы отразить существующие в русской лирике тенденции формирования пропорций АТ. Как видно из сопоставления, вариативность АТ в цикле Мандельштама намного выше. Следует сказать, что во всех указанных выборках имела место аппроксимация распределения атрибутивных типов экспоненциальной функции.

При этом надо отметить, что интенсивность использования атрибутов у Мандельштама достаточно большая. Так, если разделить число всех используемых поэтом в цикле существительных (260) на количество существительных, имеющих одно и более определений (147), то получается вполне высокий индекс $I = 0,6$. Или, иначе, соотношение «существительные с атрибутами» vs «существительные без атрибутивной валентности» равно $1,2 : 1$. Таким образом, высокая вариативность не сводится к редко наблюдаемым случаям.

Отметим еще одну специфическую черту описания в цикле. Если взять все прилагательные (на этот раз не только в позиции определения, но и вне этой позиции) и все глаголы, то на каждый глагол приходится 1,5 прилагательных. Если же брать только прилагательные в позиции определения, то их число в три раза превышает число всех субстантивных определений (ГЕН+ПРК+ПРЛЖ). Это свидетельствует о явном превалировании статического (декоративного) стиля описания, при котором доминируют прилагательные [22–24].

Как указывалось выше, смещение акцента на статическое описание может изменить соотношения АТ, что, в свою очередь, может усложнить условия для реализации указанной выше тенденции их распределения.

Подводя итог этому этапу исследования, можно сказать, что большое разнообразие и вариативность наблюдаются в цикле не только в плане стихотворных размеров 15 текстов, но и по относительным частотам АТ в разных стихах, что усиливает сомнения в возможности найти упорядоченность в их распределении. Статика описания со значительным увеличением доли прилагательных также может быть препятствующим в этом отношении фактором.

Проверка упорядоченности описания (краткая схема АТ)

Для проверки гипотезы о закономерности распределения ранжированных частот была использована формула экспоненциальной функции плюс 1, предложенная Г. Альтманом для этих целей [25; 26; 27. С. 98–99]:

$$f_x = 1 + a * \exp^{-bx},$$

где a и b – параметры. Параметр b показывает характер убывания функции.

В этом случае используются абсолютные частоты АТ в текстах цикла, которые были ранжированы по убыванию. Результаты приведены в табл. 3. В первом столбце таблицы приведены типы атрибутов, во втором – их частоты в цикле (наблюдаемые частоты). В третьем столбце указываются теоретически ожидаемые частоты, которые должны были бы быть получены в соответствии с используемой формулой. На рис. 1 эти данные представлены в графическом виде. В последней строке табл. 1 приводятся значения параметров и коэффициента детерминации R^2 .

Таблица 3

Аппроксимация частотно-рангового распределения АТ
(список обобщенных классов С-1)

АТ	Наблюдаемые частоты	Ожидаемые частоты
ПЛГ	106	102,38
ГЕН	27	41,64
МЕСТ	24	17,29
ПРИЧ	23	7,53
ПРК	10	3,62
ПРИД	3	2,05
ПРЛЖ	2	1,42
$a = 252,92$ $b = 0,91$ $R^2 = 0,929$		

Для того чтобы понять, насколько успешно распределение частот АТ отражается данной формулой, необходимо сопоставить наблюдаемые и теоретически ожидаемые частоты. Это можно сделать по рисунку, на котором наблюдаемые частоты изображены кружками, а ожидаемые – линией.

Сопоставляя их расположение, можно заметить, что кружки находятся достаточно близко к кривой, а в некоторых случаях почти накладываются на нее. Это свидетельствует о том, что формула хорошо отражает распределение ранжированных частот АТ.

Об этом же говорит высокое значение коэффициента детерминации R^2 . Этот коэффициент может принимать значения от 0 до 1. Чем ближе коэффициент детерминации к 1, тем успешнее функция аппроксимирует рассматриваемое распределение частот. В нашем случае R^2 очень близок к 1, что доказывает высокую степень успешности применения данной формулы для отражения рассматриваемого распределения частот.

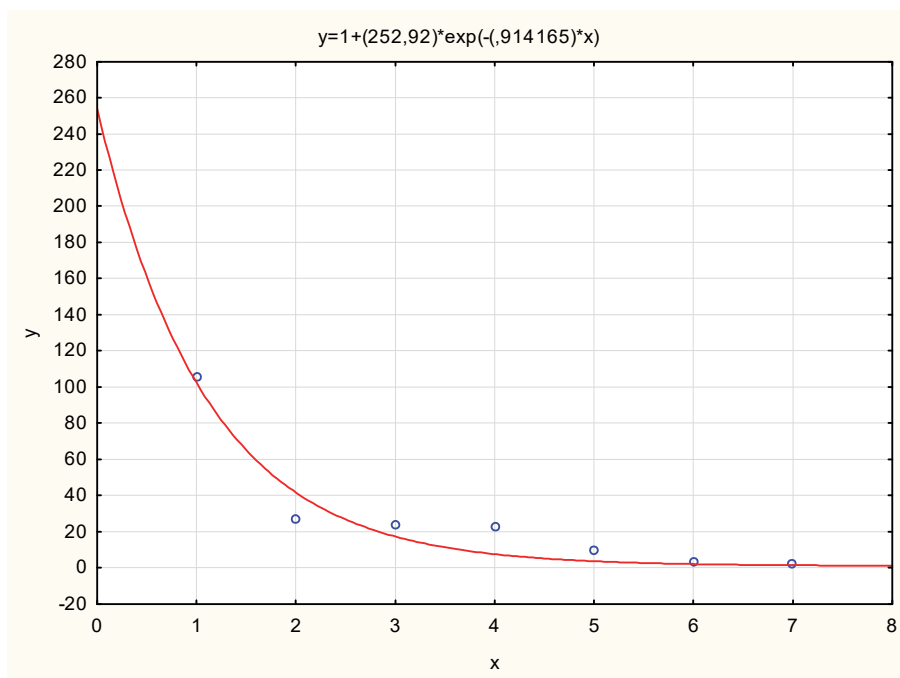

Рис. 1. Теоретически ожидаемые и наблюдаемые ранжированные частоты краткого списка АТ

Степень упорядоченности описания (детализированная схема АТ)

Как указывалось выше, использование дополнительных характеристик для классификации атрибутов приводит к образованию достаточно детальной схемы АТ, включающей 21 тип.

В таблице 4 помещены ранжированные по убыванию наблюдаемые абсолютные частоты 21 типа атрибутов и ожидаемые (теоретически предсказанные) частоты экспоненциальной функции плюс 1. Табличные данные представлены в графической форме на рис. 2.

Увеличение и детализация классов АТ, казалось бы, должно было в значительной степени усложнить задачу поиска какой-либо регулярности распределения их частот в тексте. Однако так же, как и для краткого списка АТ, здесь зафиксировано успешное применение экспоненциальной функции.

Таким образом, и в этом случае имеет место упорядоченность в распределении, но сам график распределения частот несколько отличается. По сравнению с рис. 1 изменяется характер убывания функции, что видно по большей крутизне кривой на рис. 2. Более пологая и более крутая кривые на рис. 1 и 2 соответствуют разнице значений параметра b в двух случаях (0,91 и 1,45). Увеличение числа классов делает более заметной общую картину статичности описания в цикле, выдвигая на первый план оппозицию основного типа статического описания ПЛГ-Л всем другим типам, у которых различия по частоте уменьшаются.

Таблица 4

**Аппроксимация частотно-рангового распределения АТ
(список детализированных классов С-2)**

АТ	Набл. част.	Ожид. част.	АТ	Набл. част.	Ожид. част.
ПЛГ-Л	89	88,27	ПРИЧоб-Л	5	1,00
ПЛГ-П	16	21,45	ПРИД	3	1,00
ПРИЧ-Л	13	5,79	ПРК-П	2	1,00
ГЕН-П-О	11	2,12	МЕСТн-Л	2	1,00
ГЕН-П	10	1,26	МЕСТот-Л	1	1,0
МЕСТ-опр-Л	9	1,06	ПЛГк-Л	1	1,0
ПРК-П-О	8	1,00	ГЕН-Л	1	1,0
МЕСТ-пос-Л	6	1,00	ПРЛЖ-П	1	1,0
МЕСТ-пос-П	6	1,00	ПРЛЖ-П-О	1	1,0
ГЕН-Л-О	5	1,00	МЕСТопр-П	1	1,0
ПРИЧоб-П	5	1,00			
a = 372,45 b = 1,45 R ² = 0,935					

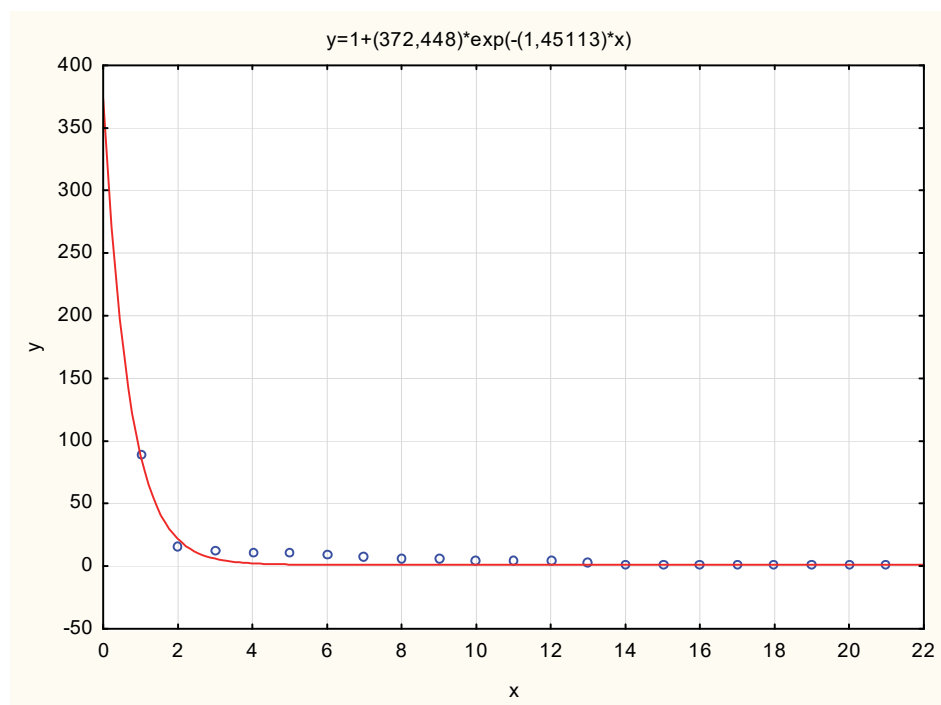

Рис. 2. Теоретически ожидаемые и наблюдаемые ранжированные частоты расширенного списка АТ

Заключение

Несмотря на чрезвычайно большое разнообразие различных форм и ритмо-метрических моделей в гетероморфных стихотворениях Мандельштама цикла «Армения» и специфику данного сверхтекстового единства, отличающегося статичностью описания (превалирование прилагательных над глаголами, превалирование адъективных атрибутов над субстантивными), тенденция экспоненциального распределения частот АТ сохраняется, что, по-видимому, отражает некоторую языковую константу. Таким образом, гипотеза о наличии закономерности в распределении частот атрибутов находит подтверждение.

Одним из возможных путей продолжения исследования может стать изучение реализации этой скрытой от непосредственного наблюдения тенденции по упорядочению средств описания художественного мира в стихотворениях, которые были написаны в разные периоды творчества одного и того же автора. Интерес представляет также анализ предпочтений поэтов в выборе единиц описания из существующей парадигмы атрибутивных типов и исследование структурной сложности описания (тенденций в распределении атрибутов в пре- и постпозиции относительно определяемого слова, в распределении инверсии атрибутов, атрибутивной валентности существительных). Характер распределения указанных типов атрибутов у разных авторов может служить основой для классификации их стилей.

Приложение

Тексты поэтического цикла «Армения»

- T1. «Ты розу Гафиза колышешь...»
- T2. «Ты красок себе пожелала...»
- T3. «Ах, ничего я не вижу, и бледное ухо оглохло...»
- T4. «Закутав рот, как влажную розу...»
- T5. «Руку платком обмотай и в венценосный шиповник...»
- T6. «Орущих камней государство...»
- T7. «Не развалины – нет, – но порубка могучего циркульного леса...»
- T8. «Холодно розе в снегу...»
- T9. «О порфирные цокая граниты...»
- T10. «Какая роскошь в нищенском селенье...»
- T11. «Я тебя никогда не увижу...»
- T12. «Лазурь да глина, глина да лазурь...»
- T13. «Колючая речь араратской долины...»,
- T14. «Дикая кошка – армянская речь...»,
- T15. «Как люб мне натугой живущий...».

Список источников

1. Köhler R., Altmann G. Problems in Quantitative Linguistics. Vol. 4. Lüdenschied : RAM-Verlag, 2014.
2. Гаспаров М. Л. Порядок слов «определение – определяемое» в стихе и прозе // Точные методы анализа грамматики в стихе // Избранные труды: Лингвистика стиха. Анализ и интерпретации : в 4 т. М., 2012. Т. 4. С. 88–92.
3. Andreev S., Popescu I.-I., Altmann G. Some Properties of Adnominals in Russian Texts // Glottometrics. 2017. Vol. 38. P. 77–106.
4. Pan X., Liu H. Adnominal constructions in Modern Chinese and their distribution properties // Glottometrics, 2014. Vol. 29. P. 1–30.
5. Andreev S. Adnominal valency in modern Russian // Words and Numbers. In Memory of Peter Grzybek (1957–2019) / ed. by E. Kellih, R. Köhler. Lüdenschied, Germany : Ram-Verlag, 2020. P. 104–119.
6. Андреев С.Н. Распределение атрибутов в поэмах А.С. Пушкина и гипотеза Скиннера // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 5–22.
7. Фурашов В. И. Шкала атрибутивной валентности местоименных существительных // Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир, 1989. С. 82–93.
8. Соколова О.И. Атрибутивная валентность личных имен собственных : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2003. 22 с.
9. Иванова Ю.С. Атрибутивная валентность синсемантических существительных : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2005. 26 с.
10. Altmann G. Problems in Quantitative Linguistics. Vol. 5. Lüdenschied : RAM-Verlag, 2015.
11. Andreev S., Popescu I.-I., Altmann G. On Russian adnominals // Glottometrics. 2016. Vol. 35. P. 64–84.
12. Mistecký M. Five Ways of Investigating Adnominals in Czech Sonnets of the 19th and 20th Centuries // Glottotheory. 2019. Vol. 9 (2). P. 173–200.
13. Andreev S., Popescu I.-I., Altmann G. Skinner's Hypothesis Applied to Russian Adnominals // Glottometrics. 2017. Vol. 36. P. 32–69.
14. Andreev S., Fan F., Altmann G. Adnominal Aggregation // Glottometrics. 2018. Vol. 40. P. 63–76.
15. Andreev S. Adnominal Valency Motifs in Sonnets // Glottometrics. 2018. Vol. 42. P. 46–55.
16. Andreev S., Mistecký M., Altmann G. Sonnets: Quantitative Inquiries. Studies in Quantative Linguistics. Lüdenschied : RAM-Verlag, 2018. Vol. 29.
17. Орлицкий Ю. Б. Ритмическое своеобразие цикла Осипа Мандельштама «Армения» // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019. № 6. С. 1–23.
18. Орлицкий Ю.Б. Гетероморфный (неупорядоченный) стих в русской поэзии // НЛЮ. 2005. № 3 (73). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/3/geteromorfnyj-neuporyadochennyj-stih-v-russkoj-poezii.html>
19. Амирханян М.Д. Армения в зеркале русской поэзии. Ереван : Копи Принт, 2021. 554 с.
20. Labbé D. Experiments of Authorship Attribution by Intertextual Distance in English // Journal of quantitative linguistics. 2007. Vol. 14 (1). P. 33–80.
21. Armenian Text of Russian Poetry. URL: <https://localtext.linghub.ru/search>
22. Гаспаров М.Л. Точные методы анализа грамматики в стихе // Избранные труды: Лингвистика стиха. Анализ и интерпретации : в 4 т. М., 2012. Т.4. С. 23–35.
23. Andreev S., Mistecký M. Activity in Czech and Russian nineteenth-century sonnets: A contrastive study // Glottotheory. International Journal of Theoretical Linguistics. 2018. Vol. 9 (1). P. 89–104.

24. Андреев В.С. Малый текст: опыт квантитативного анализа // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 4 (52). С. 117–126.
25. Altmann G. The Nature and Hierarchy of Belza-Chains // *Glottometrics*. 2018. Vol. 42. P. 75–85.
26. Melka T. Stylistic Study of Omnilingual by H. Beam Piper // *Glottometrics*. 2018. Vol. 43. P. 31–57.
27. Místecký M., Altmann G. Tense and person in English: modelling attempts // *Glottometrics*. 2019. Vol. 46. P. 98–104.

References

1. Köhler, R. & Altmann, G. (2014) *Problems in Quantitative Linguistics*. Vol. 4. Lüdenschied: RAM-Verlag.
2. Gasparov, M.L. (2012) *Izbrannye trudy. Lingvistika stikha. Analizy i interpretatsii* [Selected Works. Linguistics of verse. Analyzes and interpretations]. Vol. 4. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 88–92.
3. Andreev, S., Popescu, I.-I. & Altmann, G. (2017) Some Properties of Adnominals in Russian Texts. *Glottometrics*. 38. pp. 77–106.
4. Pan, X. & Liu, H. (2014) Adnominal constructions in Modern Chinese and their distribution properties. *Glottometrics*. 29. pp. 1–30.
5. Andreev, S. (2020) Adnominal valency in modern Russian. In: Kellih, E. & Köhler, R. (eds) *Words and Numbers. In Memory of Peter Grzybek (1957–2019)*. Lüdenschied: Ram-Verlag. pp. 104–119.
6. Andreev, S.N. (2023) The distribution of attributes in poems by Alexander Pushkin and Skinner's hypothesis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 82. pp. 5–22. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/82/1
7. Furashov, V.I. (1989) Shkala atributivnoy valentnosti mestoimennykh sushchestvitel'nykh [Scale of attributive valence of pronominal nouns]. In: Pen'kovskiy, A.B. (ed.) *Russkie mestoimeniya: semantika i grammatika* [Russian Pronouns: Semantics and grammar]. Vladimir: Vladimir State Pedagogical Institute. pp. 82–93.
8. Sokolova, O.I. (2003) *Atributivnaya valentnost' lichnykh imen sobstvennykh* [Attributive valence of personal proper names]. Abstract of Philology Cand. Diss. Vladimir.
9. Ivanova, Yu.S. (2005) *Atributivnaya valentnost' sinsemantichnykh sushchestvitel'nykh* [Attributive valence of synsemantic nouns]. Abstract of Philology Cand. Diss. Vladimir.
10. Altmann, G. (2015) *Problems in Quantitative Linguistics*. Vol. 5. Lüdenschied: RAM-Verlag.
11. Andreev, S., Popescu, I.-I. & Altmann, G. (2016) On Russian adnominals. *Glottometrics*. 35. pp. 64–84.
12. Místecký, M. (2019) Five Ways of Investigating Adnominals in Czech Sonnets of the 19th and 20th Centuries. *Glottottheory*. 9 (2). pp. 173–200.
13. Andreev, S., Popescu, I.-I. & Altmann, G. (2017) Skinner's hypothesis applied to Russian adnominals. *Glottometrics*. 36. pp. 32–69.
14. Andreev, S., Fan, F. & Altmann, G. (2018) Adnominal Aggregation. *Glottometrics*. 40. pp. 63–76.
15. Andreev, S. (2018) Adnominal valency motifs in sonnets. *Glottometrics*. 42. pp. 46–55.
16. Andreev, S., Místecký, M. & Altmann, G. (2018) *Sonnets: Quantitative Inquiries. Studies in quantitative linguistics*. Vol. 29. Lüdenschied: RAM-Verlag.
17. Orlitskiy, Yu.B. (2019) Ritmicheskoe svoeobrazie tsikla Osipa Mandel'shtama "Armeniya" [Rhythmic originality of Osip Mandelstam's Armenia cycle]. *Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"*. 6. pp. 1–23.

18. Orlitskiy, Yu.B. (2005) Geteromorfnyy (neuporyadochennyy) stikh v russkoy poezii [Heteromorphic (disordered) verse in Russian poetry]. *NLO*. 3 (73) [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/3/geteromorfnyj-neuporyadochennyj-stih-v-russkoj-poezii.html>
19. Amirkhanyan, M.D. (2021) *Armeniya v zerkale russkoy poezii* [Armenia in the Mirror of Russian Poetry]. Yerevan: Kopi Print.
20. Labbé, D. (2007) Experiments of authorship attribution by intertextual distance in English. *Journal of Quantitative Linguistics*. 14 (1). pp. 33–80.
21. *Armenian Text of Russian Poetry*. (n.d.) [Online] Available from: <https://localtext.linghub.ru/search>
22. Gasparov, M.L. (2012) *Izbrannye trudy. Lingvistika stikha. Analizy i interpretatsii* [Selected Works. Linguistics of verse. Analyzes and interpretations]. Vol. 4. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 23–35.
23. Andreev, S. & Mistecký, M. (2018) Activity in Czech and Russian nineteenth-century sonnets: A contrastive study. *Glottology. International Journal of Theoretical Linguistics*. 9 (1). pp. 89–104.
24. Andreev, V.S. (2020) Malyy tekst: opyt kvantitativnogo analiza [Small text: experience of quantitative analysis]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (52). pp. 117–126.
25. Altmann, G. (2018) The Nature and Hierarchy of Belza-Chains. *Glottometrics*. 42. pp. 75–85.
26. Melka, T. (2018) Stylistic Study of Omnilingual by H. Beam Piper. *Glottometrics*. 43. pp. 31–57.
27. Mistecký, M. & Altmann, G. (2019) Tense and person in English: modelling attempts. *Glottometrics*. 46. pp. 98–104.

Информация об авторе:

Андреев С.Н. – д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка Смоленского государственного университета (Смоленск, Россия). E-mail: smol.an@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.N. Andreev, Dr. Sci. (Philology), professor, Smolensk State University (Smolensk, Russian Federation). E-mail: smol.an@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.07.2023;
одобрена после рецензирования 06.11.2023; принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 21.07.2023;
approved after reviewing 06.11.2023; accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 81'373.2

doi: 10.17223/19986645/88/2

Ex onomasticā origine: об истории и методологии Уральской школы ономастики, этимологии и этнолингвистики

Елена Львовна Березович¹, Ксения Викторовна Осипова²

*^{1,2} Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

¹ berezovich@yandex.ru

² osipova.ks.v@yandex.ru

Аннотация. Ведущим направлением исследований Уральской школы этимологии, ономастики и этнолингвистики (Екатеринбург) является изучение ономастики, этимологической реконструкции лексики и выявление результатов языковых контактов. В работе рассмотрены основные принципы этнолингвистических исследований школы: преобладающие объекты анализа и ключевые источники этнокультурной информации, основные методы, принципы семантико-мотивационной реконструкции и способы представления этнокультурной информации.

Ключевые слова: ономастика, этнолингвистика, этимология, диалектология, Уральский федеральный университет, история науки, научные школы

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России», <https://rscf.ru/project/23-18-00439>.

Для цитирования: Березович Е.Л., Осипова К.В. Ex onomasticā origine: об истории и методологии Уральской школы ономастики, этимологии и этнолингвистики // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 88. С. 20–47. doi: 10.17223/19986645/88/2

Original article

doi: 10.17223/19986645/88/2

Ex onomasticā origine: About the history and methodology of the Ural school of onomastics, etymology and ethnolinguistics

Elena L. Berezovich¹, Ksenia V. Osipova²

^{1,2} Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

¹ berezovich@yandex.ru

² osipova.ks.v@yandex.ru

Abstract. The article discusses the history and methodology of the Ural school of etymology, onomastics and ethnolinguistics, which has existed for more than 60 years at the Department of the Russian Language and General Linguistics of the Ural

University (currently under the guidance of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences E.L. Berezovich and Prof. M.E. Ruth). The review summarizes the methodology of research conducted by the school at the beginning of the 21st century. The main vector of the development of the School, set by the founder of the school A.K. Matveev, is associated with the study of onomastics, the etymological reconstruction of vocabulary and the identification of the results of language contacts. Initially, toponymy was the area of interest, then collective nicknames, astronyms, chrononyms and ethnonyms, as well as various categories of appellative vocabulary, were included in the circle of facts studied. The school's research is based mainly on its own lexical, onomastic and ethnographic materials collected in the process of field research on the territory of the Russian North. The materials of the card files of the Toponymic Expedition formed the basis of many lexicographic publications. The appearance of the first ethnolinguistic studies was due to the accumulation of experience in the semantic and etymological study of Russian dialect and Slavic vocabulary, as well as systemic ideographic analysis. The ethnolinguistic study of onomastics began with the works of M.E. Ruth on folk astronomy, E.L. Berezovich on North Russian toponymy and was continued in the dissertations of their followers. The paper presents (1) the basic principles of the ethnolinguistic study of onomastics and dialect vocabulary (linguocentricity, breadth of language material, consistency, dialectality, diachronism, a wide historical and cultural context); (2) key sources of ethno-cultural information (internal form of the word, structure of the meaning of the word, semantic-motivational connections of the word, configuration of the ideographic grid); (3) the predominant objects of analysis (semantic-derivational nest, semantic-motivational field); (4) the main methods (motivational, contrastive, areal-typological, ideographic, field and contextual analysis method, etc.); (5) the principles of semantic-motivational reconstruction (maximum systematization of the material, the method of semantic-motivational modeling, distributive analysis, the search for typologically similar phenomena in other languages, the search for semantic parallels in the field of culture); (6) ways of presenting ethnocultural information (method of ethnolinguistic portraiture). A new research direction of the School was the study of the terminology of mining and jewelry, the folk nomenclature of stone, including sociolects – the jargon of miners, prospectors, mineralogists; the slang of illegal diggers; trade names.

Keywords: onomastics, ethnolinguistics, etymology, dialectology, Ural Federal University, history of science, scientific schools

Acknowledgments: The research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 23-18-00439: *Onomasticon and Linguocultural History of European Russia*, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00439/>).

For citation: Berezovich, E.L. & Osipova, K.V. (2024) *Ex onomasticā origine*: About the history and methodology of the Ural school of onomastics, etymology and ethnolinguistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 88. pp. 20–47. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/88/2

В статье речь пойдет об истории и методологии научной школы, которая более 60 лет существует на кафедре русского языка и общего языкознания (ныне русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации) Уральского университета (Свердловск – Екатеринбург). Нынешнее «официальное» название школы – Уральская школа этимологии, ономастики и эт-

нолингвистики. Основатель школы и ее научный руководитель на протяжении более 40 лет – замечательный языковед и педагог, доктор филологических наук, чл.-кор. РАН А.К. Матвеев (1926–2010); сейчас руководят школой его ученицы – чл.-кор. РАН Елена Львовна Березович и проф. М.Э. Рут¹.

Начало формирования школы относится к рубежу 1950–1960-х гг. и связано с работами А.К. Матвеева, посвященными анализу языкового субстрата и заимствований в ономастике и лексике Русского Севера, Урала и Западной Сибири. А.К. Матвеев возглавлял кафедру, задавая вектор научного интереса к севернорусским (и дочерним по отношению к ним) говорам, изучению **ономастики** (в первую очередь топонимии), **этимологической реконструкции** лексики и выявлению результатов **языковых контактов**. Системное изучение этих вопросов позволило обнаружить историко-культурное своеобразие изучаемых территорий: особенности древнейшего расселения народов, традиции быта, типы хозяйствования, род промысловой деятельности, а также характер контактов с соседними народами. Новизна, лингвистическая и историко-культурная ценность подобных выводов стала толчком к развитию **этнолингвистического направления** научных исследований, нацеленных на реконструкцию материальной и духовной культуры народа на основе анализа языковых данных. Появлению первых этнолингвистических исследований способствовало накопление опыта семантического и этимологического изучения русской диалектной и славянской лексики, а также системного идеографического анализа.

Если ономастика, этимология и этнолингвистика – три кита нашей работы, то «плавают» они в первую очередь в «море» полевого материала. Установка на **полевой сбор** – важнейший методологический принцип школы. С 1960 г. Топонимическая экспедиция Уральского университета (крупнейшая в Европе) работает на территории Свердловской, Вологодской, Архангельской, Костромской областей (главным образом), а также в Кировской, Пермской, Тюменской, Ярославской, Ивановской, Омской, Челябинской и Мурманской областях, Карельской и Башкирской АССР и Красноярском крае. Изначально основной задачей экспедиции был сбор топонимии и географической терминологии, но постепенно в круг собираемых фактов были включены другие разряды ономастики – антропонимия (особенно прозвищная), этнонимия, хрононимия, астронимия и др. Разумеется, в поле зрения участников экспедиции не могла не попасть диалектная лексика: сначала те разряды, которые «питают» топонимию (особенно географическая терминология), затем более широкий спектр лексических групп, включающих в себя заимствованные (субстратные) единицы – метеорологическая, рыболовецкая, охотничья лексика etc., а далее в эту воронку втянулись и практически все возможные лексические разряды.

¹ История развития школы (преимущественно в XX в.) отражена в работах [1–5].

Для уральской экспедиции принципиальное методическое значение имеет **фронтальный и тематически направленный** сбор, охватывающий как все населенные пункты обследуемой территории, так и максимальный набор тематических сфер. С конца 1990-х гг. регулярной стала запись лексики духовной культуры (терминологии обрядов и верований, свидетельств из области этноботаники, этноминералогии, народной медицины и др.), а также того, что ее окружает, – описаний акциональной стороны ритуалов, текстов малых фольклорных жанров, прежде всего тех из них, которые включают обрядовую терминологию, etc. Методика полевого обследования предполагает выявление системных и контекстных связей слова, а также максимально возможное уточнение семантико-словообразовательных и мотивационных связей слова.

Возможность проведения этнолингвистических исследований была обеспечена последовательной **лексикографической** работой: были выпущены «Словарь говоров Среднего Урала» (7 томов и том дополнений) [6], «Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области» [7], продолжается работа над «Словарем говоров Русского Севера» [8]. Большую значимость для школы имеет и ономастическая лексикография: топонимические словари (А.К. Матвеев [9, 10], Е.Э. Иванова [11]), словари астрономов (М.Э. Рут [12]), коллективных прозвищ (Ю.Б. Воронцова [13]), хронимов (О.В. Атрошенко, Ю.А. Кривошапова, К.В. Осипова [14]). Основой большинства проводимых исследований становился севернорусский материал (см. труды А.К. Матвеева, Е.Л. Березович, О.В. Вострикова, Н.В. Галиновой, Н.В. Кабининой, А.А. Макаровой, О.В. Мищенко, К.В. Осиповой, М.Э. Рут, О.А. Теуш и др., многочисленные кандидатские и докторские диссертации; обзор лингвистических работ по Русскому Северу представлен в монографии «Русский Север: лексика и ономастика» [15. С. 19–44]).

Определяющее влияние на формирование уральской этнолингвистики оказали работы представителей московской этнолингвистической школы Н.И. Толстого и С.М. Толстой, постулирующие единство языка и культуры как способов сохранения и передачи мифопоэтической традиции, а также необходимость анализа лексического фонда для реконструкции явлений культуры. Из трудов московских этнолингвистов заимствованы такие понятия и термины, как *язык культуры*, *культурная функция знака*, *синонимия – антонимия культурного знака*, *концептуальный код* и др. Связи с московской школой определили существенное расширение материала исследований: помимо языкового канала трансляции этнокультурного знания привлекаются, как уже говорилось, и другие каналы, как вербальные (фольклорные тексты разных жанров), так и невербальные (акциональные, предметные). Выход за границы собственно лексического материала и оперирование фактами историко-культурного характера, а также привлечения инославянских данных способствовали развитию **методики семантико-мотивационной реконструкции** и решению этимолого-мотивологических задач, особенно если речь шла о «культурной этимологии». Существенную роль в развитии школы сыграли также работы Люблинской (польской)

школы этнолингвистики под руководством Ежи Бартминьского. В унисон звучали и труды белорусских этнолингвистов, которые, стараясь держаться «корней» этнолингвистического подхода, видели приоритетной работу по картографированию явлений духовной культуры [16] и др. Этот более чем 40-летний научный опыт славянской этнолингвистики был обобщен в недавно опубликованных работах методологического характера (например, в четырех сборниках статей, изданных в Люблине (Польша) к 1-му Международному этнолингвистическому конгрессу) [17].

Этнолингвистическое изучение ономастики

Этнолингвистическая линия в трудах уральцев появилась в исследованиях различных групп имен собственных. Одними из первых стали работы М.Э. Рут, посвященные изучению образной номинации на примере севернорусской диалектной ономастики – топонимии, антропонимии и астронимии. Поскольку образная номинация может опираться при своем возникновении на «мифологическую концептуальную модель отождествления разнокатегориальных предметов реальной действительности» [18. С. 129], ее анализ позволяет реконструировать категориальные связи, характерные для архаического сознания. Севернорусские топонимия, астронимия и прозвищные антропонимы отражают земледельческую образную систему, воплощенную в конкретных образах-моделях, связанных «с предметами, орудиями и результатами, продуктами деятельности крестьянина-земледельца» [18. С. 129]. Сопоставление народной лексики с лексикой литературного языка или научной номенклатурой дает возможность восстановить особенности народной категоризации. Например, в отличие от международной астрономической номенклатуры, народная астронимия «национальна по своему составу и связана с гораздо меньшим числом объектов: называются только наиболее заметные и наиболее значимые в практическом отношении небесные объекты – те, по которым можно определять время, направление движения, прогнозировать погоду и т.п.» [12. С. 6] – в северных говорах русского языка известны названия *Лось* для Большой Медведицы, *Утиное Гнездо* для Плеяд, *Кичиги* <простейшее молотило> для Пояса Ориона, *Птичий Путь* для Млечного Пути [12. С. 19].

В работах школы термин *этнолингвистика* как обозначение научного направления был впервые использован в монографии Е.Л. Березович «Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования» [19]. В качестве источника этнокультурной информации рассматривалась севернорусская топонимия, изучаемая с целью определить концептуальные основы топонимической версии различных моделей пространства – реального географического, мифопоэтического и др.

В ходе освоения географического пространства человек может выступать в разных ролях: как наблюдатель или как непосредственный участник процесса освоения пространства. В зависимости от этнической культуры и

социальной принадлежности субъекта-носителя действительность, отраженная в географических названиях, будет иметь свою специфику. В топонимии отражаются его предпочтения, установки, особенности структурирования впечатлений от окружающей действительности, т.е. формируются представления об общей категоризации пространства: какие ландшафтные реалии маркируются, а какие не дифференцируются; где проходят границы между разными классами объектов; каковы магистральные закономерности формирования ментального образа географической реалии. Позиция наблюдателя задает координаты и выстраивает систему ориентационных маркеров, например: ближний – дальний, передний – задний, правый – левый и т.п., а опосредованные человеком межобъектные связи проявляются, например, в топонимах с ориентированными предлогами (*За Каменкой, На Великое, Над Черной* и др.). Анализ географических названий позволяет не только выявить представления человека о реальном пространстве, но и выстроить концепцию ирреального, сакрального пространства, которое является составной частью народной религии: например, топонимы отражают представления о сверхъестественном, которые воплощаются в «чертовых», «святых», «боговых» и т.п. названиях. Если в структуре реального пространства, эксплицируемого в топонимии Русского Севера, маркируется ось «север – юг», что в конечном счете обусловлено бытовой, хозяйственной значимостью этого направления (из-за погодных условий), то по данным обрядов, заговоров, духовных стихов, маркированным является направление «восток – запад», связанное с «рождением» и «смертью» солнца.

При этнолингвистическом изучении ономастики для нас важна системность, предполагающая уход от рассмотрения отдельных знаковых лексем-«ярлыков», что было характерно для ряда лингвокультурологических (лингвострановедческих) исследований. Объективную картину может дать изучение семантических микросистем или полей лексики в целом, которое выводит на целостное осмысление какого-либо фрагмента действительности и демонстрирует взаимообусловленность ее элементов. Носителем этнокультурной информации становится сама идеографическая сетка, структурирующая семантическое пространство топонимии и других ономастических, а также апеллятивных разрядов. Кроме того, анализ должен учитывать, что топонимическая семантика имеет принципиально вероятностный характер; множественность мотивировок для одного топонима связана как с многозначностью исходного апеллятива, так и с синкретичностью ситуации наименования.

Этнолингвистическое изучение ономастики было продолжено в диссертациях И.В. Родионовой [20], Ю.Б. Воронцовой [21], О.В. Моргуновой [22], А.А. Макаровой [23], Д.М. Голиковой [24], сериях статей Ю.А. Кривошаповой [25, 26], О.Д. Суриковой [27], Л.А. Феоктистовой [28–30].

Основные методологические установки уральской этнолингвистики

На данный момент можно говорить о формировании методологических основ уральской этнолингвистики:

– «лингвоцентричность»: поскольку язык является наиболее социально значимым субстанциональным кодом культуры, языковые данные рассматриваются как основной источник этнокультурной информации;

– широта языкового материала: изучаемые факты включают ономастику – топонимию, антропонимию (фамилии, коллективные и индивидуальные прозвища), хрононимию, астрономию etc., факты семантико-словообразовательной деривации на их основе; лексику и фразеологию; клишированные формулы (присловья, проклятия, благопожелания и пр.), язык фольклора;

– системность: приоритетным является изучение не отдельных слов, считающихся носителями так называемой «культурной семантики», а семантико-мотивационных объединений, элементы которых раскрываются во всей полноте своих связей;

– диалектность: основным материалом исследований послужила диалектная лексика, которая отражает народные представления и верования и лучше, чем другие идиомы национального языка, сохраняет архаические феномены, позволяя определить зоны их консервации, очаги новаций, территории междиалектных и межъязыковых взаимодействий и пр.

– диахронность: исследования направлены на реконструкцию исторической семантики слова и его этимологических связей, отражающих утраченные представления и связи между предметами и явлениями.

– включение слова в широкий историко-культурный контекст, рассмотрение элементов языкового кода культуры в его взаимодействии с другими культурными кодами.

Языковые источники этнокультурной информации

Внутренняя форма слова, отражая движение человеческой мысли в момент наименования, сохраняет в себе актуальные на момент номинации представления о предмете, его функциях, логических связях между явлениями и пр. Например, внутренняя форма ряда диалектных наименований обманщика, лгуна раскрывается как «сделанный из дерева», т. е. ненастоящий, поддельный, ср. рус. диал. *лутóшные глаза*, *лубяные глаза*, *берёзовая рожь*. Их сопоставление с фразеологизмами типа рус. диал. *обрядиться в берёзовую рожу*, *надеть берёстяную рожу* ‘беззастенчиво лгать’ позволяет предполагать, что возникновение этих выражений связано с традициями святочного ряжения: надетые маски позволяли смеяться и безнаказанно подшучивать над окружающими (см. в работе В.С. Кучко [31. С. 172–173]).

Структура значения слова тоже может быть интерпретирована в этнокультурном ключе. Набор и иерархия сем, составляющих значение диалектного слова, может отличаться от семантики литературного аналога и выявлять особенности народной концептуализации мира. Например, одно из значений севернорусского глагола *носить* включает обязательный

компонент «(носить) грибы или ягоды из леса», что обусловлено распространением на Русском Севере практики собирательства и жизненной важностью лесных продуктов для крестьян. В отличие от литературного уха ‘суп из рыбы’, диалектное слово уха имеет более широкое значение ‘наваристый бульон (обычно из рыбы или грибов)’, сохраняя архаическую семантику слова.

Семантико-мотивационные связи слова возникают в разнонаправленных процессах постоянных переходов от одного значения к другому в смысловом пространстве лексемы. Семантический переход отражает работу человеческого сознания, которое, сопоставляя разные явления действительности, прослеживает связь между ними. Например, в диалектах встречается семантический переход, соотносящий представления о виде обуви и социальном статусе человека, а также о степени изношенности обуви и отмеренном сроке жизни: «носить лапти» → «быть деревенским жителем» (рус. диал. *деревенский лапоть*, *лапотница*) и «снашивать лапти» → «умирать» (рус. диал. *последние лапти топтать/носить*) (см. подробнее в диссертации А.В. Тихомировой [32. С. 31–32, 29–30]).

Семантико-мотивационные отношения слова двунаправлены: по отношению к связанным с ним однокоренным лексемам слово одновременно является как мотивированным, так и мотивирующим, формируя так называемые «левые» и «правые» мотивационные связи (термин предложен С.М. Толстой). Например, соотношение *лапоть* ‘вид обуви из лыка’ → *лапотница*¹ ‘женщина, которая носит лапти’ характеризует «левую» мотивационную связь слова *лапотница*¹, тогда как *лапотница*¹ ‘женщина, которая носит лапти’ → *лапотница*² ‘жительница деревни’ – «правую». В первом случае слово *лапотница*¹ будет реципиентом семантического перехода, во втором – донором.

Совокупность регулярных семантических переходов составляет семантическую модель как устойчивый смысловой прототип, вариативно реализующийся в ряде конкретных названий. Например, семантическая модель «вид широкой крестьянской одежды; изношенная одежда» → «нерасторопный человек» представлена в рус. диал. *понява*, *малахай*, *гуня*, имеющими соответствующие значения (рассмотрены Е.О. Борисовой [33. С. 199–200]), а семантическая модель «удаленный от центра регион России» → «удаленное от деревни место в лесу» представлена названиями урочищ *Камчатка* и *Сибирь*. Семантическая модель допускает вариативность на словообразовательном уровне (ср. названия ручья *Ржавей* = *Ржавка* = *Ржавый*), на уровне семантической дублетности (руч. *Ржавый* = *Рудный*, руч. *Холодный* = *Студёный*), на уровне варьирования образной фактуры названий (болото *Дикое* = *Страшное*, поле *Иисусова Полянка* = *Монастырская Полянка*) и т.п.

Выявленные семантические переходы могут быть обусловлены как внутрилингвистическими (существование устойчивых метафор, парадигматиче-

ские связи слов, закон аналогии и пр.), так и экстралингвистическими (социальные и межэтнические контакты, культурные функции называемого предмета, исторические события и пр.) факторами.

Концептуальные коды. Совокупность регулярных семантических моделей, присущих словам с близкой семантикой, составляет концептуальный (предметно-тематический) код, указывающий способ интерпретации мира. Так, типичным для крестьянина-земледельца является использование образов домашних животных при обозначении диких животных и явлений дикой природы (ср. наименования насекомых *божья коровка*, *кобылка*, диал. *лошадка* ‘кузнечик’ и др., см. [34. С. 63–70]); образы хлеба и другой выпечки регулярно встречаются в наименованиях предметного мира и ландшафтных объектов (диал. *коровáшек* ‘нарост на стволе дерева’, *коровáй*, *коровáтик* ‘гриб’, *каравáшка* ‘цветок ромашки’, *ковры́га* ‘пласт земли’ [35. С. 157]); сельскохозяйственный код отражен в лексике народного календаря (ср. *Еремей Засевальник*, *Арина Рассадница*, *Лукерья Гречкосейка* и пр. [22]); образы избы, двора оказываются ключевыми при интерпретации социальных отношений (ср. костромское *бездомóвик* ‘о человеке, который ходит по гостям’, ярославское *семидворить* ‘бездельничать’, вологодское *другóзба* (<**другоизба*) ‘хождение в гости’ [36. С. 209–210]); традиции православия, ставшие основой народного христианства, определили появление образов священнослужителей и христианских персонажей в ботанической терминологии и бытовой лексике (см. в дис. И.В. Родионовой и Н.А. Синицы [20, 37]) и пр. Понятие концептуального кода может быть применено и к совокупности знаков языка и культуры, объединенных с учетом общего содержания: концептуальный код позволяет выявить общие смыслы, транслируемые как с помощью вербальных, так и невербальных знаков. Например, идея слушания, предсказания, связанная с днями от Рождества до Крещения, выражается и через хрононимы (ср. рус. *Слушанные вечера*, *Чуткие вечера*), и через акциональный обрядовый код (например, обычай гадать, «слушая» голоса под окнами или на перекрестке).

Парадигматические отношения слова позволяют судить о категоризации действительности и понятийных связях между предметами и явлениями, выявляя закономерности их символического осмысления. Некоторые группы лексики особенно тяготеют к формированию системных связей: например, тенденция к образованию микросистем характерна для проприальной лексики – топонимии, хрононимии, коллективных прозвищ. Анализ календарных наименований выявляет синонимические (диал. *Грустный день* и *Скучный понедельник* ‘первый понедельник Великого поста’; *Егорий-Скотопас* и *Пастухов праздник* ‘23 апреля / 6 мая’) и антонимические (без указ. места *Илья Мокрый* и *Илья Сухой* ‘20 июля / 2 августа’) варианты обозначений одной и той же даты, а также хрононимы, называющие симметричные дни годового цикла (*Белые Святки* ‘время от Рождества Христова до Крещения’ и *Зеленые Святки* ‘неделя до и после Троицы’); об этом см. в диссертации О.В. Моргуновой [22. С. 191, 195]. Разветвленность системных отношений хрононимов позволяет обнаружить

ключевые для крестьянина даты народного календаря, точки отсчета времени, а также симметрию отдельных календарных отрезков, свойственную циклическому представлению о времени.

Синтагматические связи слова. Устойчивые контекстные партнеры слова и смысловые связи в тексте, характер предикатов и атрибутов помогают обнаружить латентные смыслы, не проявленные в структуре значения слова. Например, в контекстах к слову *люди* актуализируется противопоставление «я – не люди» («Люди пройдут – и вы пойдете»), а устойчивая сочетаемость слова (*дворовые люди, добрые люди, лучшие люди, молодые люди, простые люди, служивые люди, чужие люди, убогие люди* и пр.) говорит о том, что под *людьми* понимаются мужчины в противоположность женщинам, люди среднего возраста – в противоположность детям и старикам, жители городов – жителям деревни, слуги – хозяину, свидетели происхождения – его непосредственным участникам, миряне – духовенству [38. С. 87].

Конфигурация идеографической сетки. В качестве источника этнокультурной информации может рассматриваться как сам набор идеограмм или семантических секторов, характерных для данной лексической группы (семанτικο-мотивационного поля), так и наличие лакун и относительная наполненность семантических областей, которая выражается в разной частотности наименований, реализующих сходные или тематически близкие идеи. Например, в отличие от литературного языка и континентальных диалектов, в языке поморов насчитывается несколько десятков наименований ветров, а также наблюдается подробная дифференциация названий рыбы в зависимости от времени нереста, миграций и промыслового лова. Неравновесность идеографически близких параметров демонстрируют топонимы, связанные с реализацией обобщенных образов женщины и мужчины: названия, отсылающие к образам женщины гораздо более частотны, чем мужские. В них отражаются не только особенности внешнего облика женщины (озеро *Бабий Пуп*, луг *Баба*), но и ее хозяйственные атрибуты (перекат *Бабье Трепало*, поле *Бабий Губник* (пирог с грибами), руч. *Бабкин Квас*) [19. С. 47–49]. Такая асимметрия может объясняться тем, что образ мужчины обладает недостаточными дистинктивными возможностями: мужчине принадлежит весь мир за пределами деревни, тогда как женские топонимы маркируются в силу своей уникальности и единичности. Топонимическая система проявляет избирательность и при отборе числительных, положенных в основу географических названий: в силу большей дифференцирующей силы число *три* в топонимии встречается гораздо чаще, чем *два*, а активность *семерки, девятки* обусловлена их символическим значением, ср. символику Троицы, Пятницы и т.п.).

Преобладающие объекты анализа

Поскольку слово рассматривается в совокупности его семанτικο-мотивационных связей, во многих работах единицами изучения становятся семанτικο-деривационное гнездо и семанτικο-мотивационное поле.

Семантико-деривационное гнездо – совокупность лексических и фразеологических единиц, связанных мотивационными отношениями с лексемой, которая является вершиной гнезда. Так, при реконструкции семантики слова *ад* в русском языке привлекаются его семантические дериваты (диал. *ад* ‘глотка, рот’), семантико-словообразовательные дериваты (*а́дать* ‘много и с жадностью есть’, *адова́тый* ‘жадный’), а также устойчивые сочетания (*ад несытый* ‘алчный человек’, *ад живоглотный* ‘о ненасытном человеке’ и пр.), благодаря которым выявляется мотив «пожирания», характерный для образа ада в русском языке [39. С. 39–47]. Рассмотрение слова как составляющей семантико-деривационного гнезда позволяет учесть как *деривационную семантику* слова, под которой подразумевается комплекс значений его семантических и семантико-словообразовательных дериватов, так и *фразеологическую семантику*, проявляющуюся в тех смысловых связях, которые устанавливаются в составе идиоматических сочетаний, устойчивых сравнений и пр. [39. С. 14].

Семантико-мотивационное поле – совокупность слов и фразеологизмов, объединенных на синхронном уровне общностью значения, и языковых единиц, связанных с ними отношениями семантической мотивированности. Подобные семантико-мотивационные поля образует лексика социальных отношений (Т.В. Леонтьева [40]), гнезда лексических единиц с числовым компонентом (Е.В. Шабалина [41]), элементы поля «Огонь и горение» (К.С. Верхотурова [42]), слова со значением быстроты и медлительности (Е.О. Борисова [33]), лексика с семантикой границы (Е.В. Попова [43]) и др. Некоторые из изучаемых групп, преимущественно с предметной семантикой, не тяготеют к полевой организации (в большей степени свойственной отвлеченной лексике), однако принадлежность называемых предметов, явлений, действий к одной понятийной или предметно-бытовой сфере определяет общие черты в мотивах номинации, системность развития вторичных значений, сходных культурных функциях. В этом случае пространством для изучения слова становится тематическая группа, ср. названия насекомых (Ю.А. Кривошапова [34]), пищи (К.В. Осипова [44]), одежды и обуви (А.В. Тихомирова [32]).

Полевая структура лексической группы задается ядерной лексемой. Лексемы и фразеологизмы, составляющие пространство поля, формально и семантически связаны с ядерными. К примеру, в семантико-мотивационное поле, объединяющее слова со значением некровного и «аномального» (нарушенного) родства, входят обозначения мачехи, пасынка, вдовы, сироты и др., а также слова, связанные с ними мотивационными отношениями, ср. русское диалектное *вдовец* ‘репейник’, польск. *pasierb* («пасынок») ‘молодая поросль’, рус. литер. *сиротская зима* ‘теплая, без больших морозов зима’, серб. *maħaxa*, словен. *mačeha*, чеш. *maceška* ‘растение *Viola tricolor*’ (см. подробнее в исследовании Е.Л. Березович [39. С. 220–324]). Наличие сходных семантических переходов у генетически не родственных, но семантически подобных лексем является одним из факторов, обеспечивающих

единство семантико-мотивационного поля (ср. сквозные семантические модели, характерные для лексики родства: арх. *бабка* ‘большой палец’, *мати* ‘указательный палец’, *тата* ‘средний палец’, *сынок* ‘безымянный палец’, *дочи* ‘мизинец’).

В рамках семантико-мотивационного поля лексический материал может быть рассмотрен «ретроспективно» (с точки зрения моделей мотивации, которые легли в основу данных слов) и «перспективно» (исходя из способности слов данного поля становиться источником семантической или семантико-словообразовательной деривации). Такая синкретичность рассмотрения позволяет обнаружить случаи зеркального отражения мотивационных моделей, которые формируют рассматриваемую группу лексики, и дальнейшего развития многозначности на их основе, ср. семантическую модель «играть, гулять» → «бродить, заквашиваться» (диал. *играть, разыграться* ‘бродить (о жидкости)’, *веселить* ‘заквашивать’, *веселуха* ‘домашнее пиво’, *забалуй* ‘шалун, баловник’, ‘пиво, брага’) и ее зеркальное преломление «бродить, заквашиваться» → «играть, гулять» в диал. *алаха* ‘пиво’, *алахарь* ‘гуляка, праздный человек’, *бражка* ‘дурная компания, ватага’, *бражничать* ‘коротать время; проводить время за едой и питьем’ [45].

Изучение внутренней организации семантико-мотивационного поля как совокупности значений слов и их проекции в иные смысловые сферы ставит вопрос о семантических категориях, обеспечивающих цельность и связанность поля. Структура семантико-мотивационного поля может быть представлена в виде комплекса реализующихся в значениях лексем и фразеологизмов семантических доминант (термин используется в работах К.В. Осиповой [44], Е.В. Шабалиной [41], Е.О. Борисовой [33], В.С. Кучко [31]). Семантическая доминанта понимается как базовый элемент смысловой структуры, объединяющий значения нескольких лексем, составляющих гнездо или поле. Семантическая доминанта не закреплена за конкретным денотатом и является основой для развития значений, соотносимых с различными денотативными областями. Например, основные доминанты, выделяемые в семантическом спектре вторичных значений числительных – «обобщенное количество», «числовая аномалия», «интенсивность проявления признака/действия». Семантическая доминанта «числовая аномалия» задает идею отклонения от количественно заданной нормы, ср. рус. литер. *пятое колесо в телеге* ‘о ком-либо совершенно ненужном, лишнем где-либо’, *семь пятниц на неделе* (у кого) ‘кто-либо часто меняет свои решения’, рус. диал. *плутнице о семи пальцах* ‘плут, ловкий’, *десятой клёпки не хватает* ‘не совсем умен’; в топонимии реализуются значения неопределенного множества, значительной удаленности или протяженности, которые может выражать числительное *девятый* (реже *девятъ*) [41]. Для семантико-мотивационного поля слов с основным значением ‘кислый (о вкусе)’ характерны семантические доминанты: «влажный, сырой» (ср. рус. *раскиснуть* ‘стать влажным, сырым (о дожде)’, рус. *расквасить* ‘до крови разбить нос, лицо’, серб. *киша* ‘дождь’); «малоподвижный» (ср. рус. диал. *кисловатый парень*

‘плохой, неповоротливый работник’, *раскваситься* ‘долго сидеть (от недостатка сил)’, *кислая вода* ‘непроточная, застойная вода’) [44].

В зависимости от основных задач исследования возможно выделение семантической или мотивационной доминанты. В диссертации Т.В. Леонтьевой используется термин *мотивационная доминанта* как совокупность однотипных мотивов номинации, характерных для нескольких лексем или фразеологизмов. Например, в обозначениях гостя выявляется мотивационная доминанта передвижения в пространстве, которая объединяет сквозные мотивы направленного движения (*приходить в гости*), ненаправленного движения (*перегуливать, бегать по гостям*), интенсивного движения (*вихорная баба*), отклонения от основного пути (*привернуть* ‘заехать, зайти попутно, мимоходом’), каждый из которых воплощен во множестве мотивировочных признаков [36. С. 200–212].

Методы

Как уже говорилось, принципиальное значение имеет установка на полевой сбор, уточнение и расширение анализируемого материала. Методика полевого исследования предполагает как сбор материала в рамках отдельных тематических групп (наименования ландшафтных объектов, метеорологических явлений, рыболовных и охотничьих ловушек, грибов, блюд и пр.), так и опрос «от слова», уточняющий семантико-грамматические характеристики слова, моделирование ситуаций употребления слова и пр. Постоянная работа с живым языковым материалом позволяет уточнить семантико-мотивационные, парадигматические связи слов, восстановить его устойчивую сочетаемость и контекстные связи, а при возможности – стоящие за языком факты культуры. Так, именно полевые исследования позволяют восстановить словообразовательное гнездо и контекст обрядов и верований для диал. *калаушиничать* [46], *двужилый* [41. С. 133–136], *мерзлогузы* [22. С. 354–361] и др.

Метод мотивационного (ономасиологического) анализа предполагает наблюдение за признаками (мотивами) номинации объектов, которые отражают закрепленные в языке наиболее значимые, устоявшиеся и не случайные свойства объекта. Так, наименования жадного, скупого человека отражают признаки, связанные с отношением к еде: хороший аппетит (*заедный, жоркий, ненасыть*), заглатывание пищи (*глотень*), «гипертрофия» органов пищеварения (*брюшина*), особые пищевые привычки (диал. *ботвінник, мякі́нник, кисе́льны выжмйки*), что говорит о ключевой роли пищи в организации социально-экономических отношений (см. дисс. А.А. Едалиной [47]). Поиск причин актуальности того или иного признака выявляет особенности данной культурно-языковой традиции.

Контрастивный и типологический методы предполагают сопоставление: 1) разных подъязыков в рамках национального языка (диалект с литературным языком, просторечием, жаргоном и пр.); 2) междиалектные и межъязыковые сопоставления (русского и других славянских

языков, славянских с финно-угорскими, романо-германскими, тюркскими). Такие параллели позволяют найти генетически и типологически сходные явления, восстановить лакуны в ряду семантических переходов, подтвердить обнаруженные мотивационные модели, а также сформулировать региональную специфику. Интерпретация диалектного культурно-языкового факта на контактных территориях должна учитывать возможность межязыковых взаимодействий – материальных заимствований и калькирований, а также вероятных субстратных влияний; 3) сопоставление языкового кода с другими субстанциональными кодами культуры, прежде всего с фольклорным и обрядовым. Языковой факт может быть фрагментом культурного текста, реконструкция которого является ключом к поиску мотивационного решения: так, связь вологод. *бадо́г* ‘пиво с осадком, которое подавали в конце трапезы’ с *бадо́г* ‘палка, посох’ объясняется через ритуальную практику выпивать перед дорогой, символом которой был посох, путевая палка, ср. вологодское *куда бато́г водил* ‘куда глаза глядят’ [45. С. 65–66].

Метод полевых анализа заключается в определении логики организации семантико-мотивационного поля, отражающей структуру соответствующей понятийной сферы и имеющей этнокультурную специфику. Анализ семантико-мотивационного поля проводится на двух уровнях – в статике и в динамике [38. С. 23]. На семантическом уровне (в статике) учитываются структура значений слов в составе данного поля и особенности детализации, модификации смыслов, набор семантических секторов поля и их наполнение, количественное наполнение каждого из секторов поля, смысловое пересечение с другими полями (так, в говорах понятие забывчивости может иметь показательную конкретизацию – ‘тот, кто забывает запеть вовремя двери, ворота’, ср. архангельское *пустозаворница*, вологодское *пустоворот*, костромское *дыропашиник* [38. С. 27]. На мотивационном уровне (в динамике) выявляются мотивационные модели и признаки, характерные для составляющих поле лексем, а также определяются особенности взаимодействия со смежными полями (например, полей «Пища» и «Гощение», шире – «Социальные отношения»).

Идеографический метод предполагает рассмотрение лексем в соответствии с обозначаемыми ими денотативными сферами: выстраивается тематическая классификация лексем, анализируются идеограммы, которые наиболее / наименее освоены языком, выявляются идеографические лакуны и факторы, определяющие специфическое для каждого языкового идиома тематическое членение какой-либо смысловой области. Так, идеографический анализ слов, восходящих к именам святых и библейских персонажей, обнаруживает идеограммы: «Человек: физические качества и характерологические качества»; «Коммуникация: пейоративы»; «Быт: бытовые предметы»; «Обрядовая деятельность»; «Природа (флора): травянистые растения» (например, *ирод*, *юода* ‘жадный человек’, *пилатить* ‘мучить, тиранировать, истязать’, *лазарь* ‘нищий, живущий подаянием’; *аронова борода* ‘растение бузульник сибирский’; *адамова свеча*, *соломонова печать* ‘растение коровяк’; *богородица*, *богородская трава* ‘растение чабрец’; *егорьево*

копье 'название нескольких растений' [20. С. 31], что говорит о формировании «бытовой» версии народного христианства.

Идеографический метод в сочетании с семантической типологией предлагается как основной в ономастических исследованиях. При осуществлении тематических классификаций работа ведется с апеллятивами, лежащими в основе названия, а при создании семантической типологии учитываются значения, которые апеллятив приобретает при онимизации. К примеру, топонимы, образованные от апеллятива *курица* (типа *Куричий Ручей*, *Куриный Брод*), могут быть помещены в классификационную рубрику «Фауна» (наряду с «медвежьими», «лисыими» названиями), однако учет специфики топонимической семантики позволяет интерпретировать *куриный* как «близкий к деревне», «мелкий» [19. С. 31].

Ареально-типологический метод предполагает изучение территориальной дистрибуции лексем и соотносимых с ними культурных фактов. География культурно-языковых единиц выделяет ядро лексики, специфичной для изучаемых говоров, лакуны и зоны концентрации явлений, области пересечения семантически близких знаков языка и культуры, что в дальнейшем способствует прояснению их происхождения. Так, лингвогеографические наблюдения над названиями хлеба из смешанной муки (*соричник*, *смешечник*, *двоежиток*, *троежиток* и др.) говорят о локальности наименований и их распространении преимущественно в Вологодской и Архангельской областях, что может быть связано с природными и хозяйственными особенностями региона (невозможностью получать высокие урожаи пшеницы), а также с заимствованием соответствующей культурной практики у финно-угорских народов [48]. Лингвогеографический метод является основным в исследовании топонимии, в том числе и при изучении ономастикона различных жанров фольклора: наложение фольклорных топонимов на реальное географическое пространство показывает соотношение реальных и ирреальных географических названий в каждом анализируемом жанре и помогает определить особенности народной модели пространства (подробнее об этой методике см. в работах О.Д. Суриковой [27]).

Лексикографический метод является основным для систематизации лексических материалов, собранных топонимической экспедицией Уральского университета. Реализованные словарные проекты (их перечень см. в начале статьи) предполагают отражение системных связей диалектной единицы, контекстов, объясняющих народную мотивацию имени, а также связанных с именем фактов материальной и духовной культуры. Указанные словари интересны и тем, что сохраняют баланс научности и популярности, что необходимо для ознакомления с ономастикой широкого читателя. В этом они наследуют принципы составления топонимических словарей А.К. Матвеева [9, 10]. Лексикографический метод может быть применен для описания локальной культурно-языковой традиции и стать основой создания этнолингвистических словарей, анализирующих язык в сопоставлении с фактами фольклора, обрядов и верований и предполагающих включение интерпретационной составляющей, которая бы выявила семантику и

символические функции культурно-языковых знаков (см. проект словаря «Пища Русского Севера» К.В. Осиповой [49]).

Метод контекстного анализа позволяет восстановить семантические связи слова в диалектных высказываниях, выявляет типичных контекстных партнеров, уточняет денотативную отнесенность слова. Благодаря контекстному анализу Е.Д. Бондаренко определяются особенности метаязыковой рефлексии носителей языка. Например, контексты позволяют наблюдать, как наивные лингвисты подбирают «культурные» пары к своим «некультурным», «серым» словам, ср.: «Журавина у нас, а па-вашему, *па-гарацкому*, клюква»; именно в контекстах проявляется ситуативная оппозиция «наше – ваше», ср.: «У ёмтальских разговор совсем другой, наши все *нормально* говорят, а они по-другому» [50. С. 78, 103]. Контекстный анализ применяется при анализе метаязыковой рефлексии носителей топонимической системы, проявляющейся в актах мотивационного осмысления географических названий. Несмотря на то, что народные мотивировки могут быть игровыми и псевдоэтимологическими, они фиксируют семантические модели, актуальные для языкового сознания и могущие быть отраженными хотя бы в одной из нескольких омонимичных номинаций (покос *Воротиха*: «Воротихой пожню назвали: там по логу вода в реку возвращалась»; «Воротиха первая у леса, от её домой из леса шли» [19. С. 28]), а множественность мотивировок может говорить не только об игровой природе какой-либо из них, но и о синкретичности ситуации номинации.

Методы лингвопрагматического и текстологического анализа становятся основными в исследованиях по лингвофольклористике – при изучении языка проклятий, заговоров, причитаний и пр., см. работы О.Д. Суриковой и Е.Л. Березович, в том числе выполненные в соавторстве с Т.А. Агапкиной [27, 51–55].

Одной из работ Уральской школы, обобщивших принципы анализа отдельной тематической группы лексики, стала докторская диссертация К.В. Осиповой [56], посвященная анализу севернорусской лексики пищи и питания. Методологическая новизна исследования обусловлена вниманием к внеязыковому контексту жизни слова и нацеленностью на представление культурно-языковых особенностей региона.

Принципы семантико-мотивационной реконструкции

Семантико-мотивационная реконструкция – совокупность процедур для восстановления исторической семантики слова, мотивации языковых единиц и их семантико-мотивационных связей, невыводимых на синхронном уровне. Семантико-мотивационная реконструкция выстраивается на принципах семантического, мотивационного (ономасиологического) и этимологического анализа лексики и базируется на нескольких приемах.

1. Групповая (системная) семантико-мотивационная реконструкция подразумевает комплексное рассмотрение слов, являющихся вершинами

деривационных гнезд и связанных между собой системными отношениями – синонимическими, антонимическими, гипо-гиперонимическими и др. (т.е. составляющими семантико-мотивационное поле). Максимальная систематизация материала, подвергаемого семантической реконструкции, позволяет преодолеть спорадичность и точечность процедуры подбора параллелей и, как результат, интерпретировать лексические единицы и фразеологизмы с «темной» внутренней формой.

Такой подход основывается на том, что слова, связанные отношениями лексической системности, имеют сходный мотивационный потенциал, т.е. склонны к формированию семантически близких дериватов. Восстановление совокупности «левых» и «правых» мотивационных связей для группы слов позволяет понять, как сформировалась эта лексическая группа и в какой мере она служит инструментом дальнейшей интерпретации (ср., например, мотивационную связь названий насекомых с глаголами звучания (*гудок, дундырь, жу́жга, пискун, свиря, строкá* и др.) и вторичное использование названий насекомых в качестве обозначений человека, ср. рус. литер. *жук* ‘о пронырливом, хитром человеке, плуте’, диал. *мурáш* ‘кропотливый, заботливый хозяин’ [34]). Комплексность изучения лексики позволяет выявить механизмы различных вторичных взаимодействий, определяющих возникновение новых единиц, например паронимической аттракции и контаминации (об этом подробнее см. в работах Л.А. Феокистовой [28–30]).

2. Прием семантико-мотивационного моделирования предполагает прояснение мотивационных связей между значениями слова или разными словами путем подбора мотивационных аналогов – тематически или денотативно соотносимых слов, которые характеризуются мотивационными отношениями. Восстановление или уточнение значения неизвестного элемента семантического поля возможно с опорой на семантику известного элемента. Для подбора мотивационных аналогов необходимо выделить свойства названной словом реалии (точнее, составляющие наивного понятия о реалии), концептуализированные в языке (проявляющиеся во внутренней форме слова, в деривационно-фразеологических связях и пр.), затем подбирать другие реалии, имеющие сходные свойства (вызывающие сходное восприятие), и искать называющие их лексические единицы, которые могут исходно принадлежать как к одному, так и к различным лексико-семантическим полям (см. подробнее в [39. С. 19]). Если интерпретация единичной лексемы затруднительна, то выявление мотивационных аналогов позволяет прояснить основания для межкатегориальных сопоставлений. Так, прояснить мотивацию севернорусского топонима *Двека* в связи с числительным *два* возможно исходя из пар названий покосов *Двека – Целка, Двойница – Цельница*.

Частным случаем семантико-мотивационной реконструкции можно считать рассмотрение метафорических микросистем, предполагающих, что различные метафорические обозначения из одной тематической сферы закрепляются за взаимосвязанными, смежными денотатами (объектами номина-

ции) или за одним и тем же денотатом см. [39. С. 124 и след.]. К синхронному развитию метафорических значений тяготеют, например, термины родства: трактовка крупной реки или озера как «матери» или «отца», а небольших рек и притоков как «детей» воплощена в русском арх. *матка* 'об озере, принимающем многочисленные ручьи', волог. *Отец-озеро*, арх. *детиночка* 'маленькое озерко, соединенное протокой с другим озером', ворон. *пасынок* 'ответвление холма, оврага', а также в белорусском диал. *пасынак* 'приток реки, ручья', болгарском диал. *сирѝк* («сирота») 'небольшой арык, отведенный от главного канала', исп. *hijueta* («дочка») 'отводной канал' и др. [39. С. 179]. Мотивационно неясное укр. *пáсиночок* 'полоска', 'с узором в полоску (о ткани)' проясняется благодаря обнаруженным параллелям в метафорической «семейной» лексике, называющей непарные нити, ср укр. диал. *сiрота* 'тканая полоса одного цвета в полотне, болг. диал. *сирѝченце* 'один, единичный узор', которые можно противопоставить рус. диал. *сестренки* 'две рядом идущие нити основы', *сестра* 'пара другой нити' [39. С. 232].

3. Дистрибутивный анализ предполагает восстановление смыслового наполнения лексемы путем выявления наиболее полного набора ее контекстных партнеров. Например, обнаружение оппозиций, в которых функционирует прил. *прямой* в топонимах («прямой – поперечный», «прямой – левый – правый», «прямо – против», «прямой – кривой», «прямой – косой», «прямой – слепой»), позволяет определить такие семантические признаки прямого, как 'расположенный вдоль', 'расположенный в центре', 'расположенный перед', 'не отклоняющийся', 'сквозной' и пр.

4. Поиск типологически сходных явлений в родственных и контактных языках. Если внутренняя форма слова не интерпретируется с учетом его семантико-мотивационных связей в одном говоре, его важно вписать в различные словесные ряды и гнезда на междиалектном и даже междыязыковом уровне. Например, русское диал. *шерстяной язык* 'о речи, содержащей недоброе предсказание', арх. *ди́кошѣ́рстный* 'болтливый' находит мотивационную поддержку в укр. *шерсткий* 'негладкий (о произношении)', чеш. *narostou ti chloupky na jazyku* («у него выросли шерстинки на языке») 'о том, кто сделался молчаливым', англ. *woolly voice* («шерстяной голос») 'сиплый голос', нем. *Haare auf den Zähnen haben* («шерсть на зубах иметь») 'быть бойким на язык', коми литер. *гöна кывъя* («с покрытым шерстью языком») 'косноязычный' и др. [57. С. 305]. Если сходные факты обнаруживаются в не(близко)родственных, но контактных языках (например, русском и финно-угорских), это может говорить как о типологически близких явлениях, так и о возможном заимствовании.

5. Поиск смысловых параллелей в области культуры и привлечение культурно-исторических сведений. Ключ к поиску мотивационных решений и прояснению этимологически неясных фактов может дать комплекс исторических сведений, в частности заимствование архангельскими говорами слова *бишки* 'печенье', искаженной формы англ. *biscuits*, связано с периодом пребывания английского флота в портах беломорского побережья Ар-

хангельской области; диалектное *соломонки* ‘вид конфет’ объясняется распространением в конце XIX – начале XX в. конфет с изображением гадательного круга царя Соломона [58].

Способы представления этнокультурной информации

Поиски методов этнолингвистического анализа и последующего представления материала приводят к формированию методики этнолингвистического портретирования. Поначалу термин *портрет* использовался в ономаσιологических штудиях как вид обобщения и упорядочения отдельных приписываемых объекту признаков, выявленных в результате ономаσιологического анализа наименований [59]. Однако поскольку в исследовательское поле зрения постепенно включаются вся совокупность семантико-деривационных связей слова («левая» и «правая» мотивация), а также соотносимые со словом факты языка культуры, «ономаσιологический портрет» вытесняется «этнолингвистическим», включающим систему мотивационных признаков, выделяемых в результате ономаσιологического анализа слов и их дериватов, а также символические признаки предмета в фольклоре и обрядах. В практике нашей школы методика этнолингвистического портретирования впервые была использована в диссертации Ю.А. Кривошаповой о наименованиях насекомых в русских народных говорах [34]. Специально проблеме этнолингвистического портретирования посвящена диссертация Н.А. Сеницы [37].

Этнолингвистический портрет вписывается в ряд других методик лингвистического портретирования (когнитивная дефиниция, тезаурусное описание языка фольклора, схемы описания реалий в практике Московской этнолингвистической школы) и понимается как «исследовательский прием, позволяющий определить частотность и значимость отдельных черт и признаков, приписываемых исследуемому объекту, установить взаимосвязи между чертами одного объекта и сопоставить представления о сходных объектах внутри одного языка и в разных языковых и культурных традициях» [37. С. 8]. Так, опыт моделирования образа служителей культа в русском, украинском и польском языках показывает, что уникальными для польского языка являются мотивы, связанные с особой одеждой священника, ее красным, коричневым и фиолетовым цветом, ср. *księżę galoty* <ксендзовы штаны> ‘растение водосбор’, *jeść z księdzem* <есть с ксендзом> ‘есть что-либо подгорелое’ [37. С. 110–111].

Основные принципы этнолингвистического портретирования были сформулированы Ю.А. Кривошаповой и Н.А. Сеницей:

– портрет отражает изучаемый объект с позиции наивного языкового знания и, в отличие от минимальной структурной дефиниции слова, включает все признаки, свойственные или приписываемые реалии, а не только необходимые и достаточные;

– ядро стереотипных знаний о реалии закреплено в системе языка (имя портретируемой реалии является вершинным словом деривационно-фразеологического гнезда);

– отражаемые в портрете черты представляют собой выявленные мотивационные признаки (мотивы номинации);

– составляющие портрет мотивы различны по степени субъективности. Выделяются объективные (дескриптивные, которые соответствуют реальным характеристикам денотата, и субъективные мотивы) и субъективные (эмпатические, связанные с ирреальными свойствами денотата, приписанными ему извне). С точки зрения логического статуса мотивы делятся на качественные, акциональные, ситуационные, мотивы-атрибуты, мотивы-партнеры; этот список, вероятно, может быть расширен;

– этнолингвистические портреты реалий должны иметь такую структуру, которая позволяет сравнивать их на разных уровнях: между собой, между разными диалектами одного языка; между разными языками; между разными субстанциональными кодами.

Использование методики портретирования применяется для этнолингвистического представления культурно значимых реалий: если семантико-деривационное гнездо ключевого слова, называющего исследуемую реалию, а также первичные номинации объекта количественно представлены, и демонстрируют мотивационное разнообразие, методика «портретирования» будет продуктивна (ср. портретирование образов растений, животных, одежды и утвари, различных социально значимых черт – ленивый, жадный, умный, глупый и пр.).

Новые направления исследований

Новым исследовательским направлением стало изучение терминологии горного и ювелирного дела, народной номенклатуры камня, в том числе социолектов – жаргона горщиков, старателей, минералогов, арго хитников, торговых наименований и проч. Лексика камня отражает древнейшие мотивационные модели, реализованные в разных языках мира, и интересна в аспекте отношения «слова и вещи», взаимодействия научной номенклатуры и живой языковой стихии, межъязыковых контактов [23, 60–62].

Значимой становится область лингвофольклористики, сочетающая корпусный подход к лексике фольклора и установку на ее семантико-мотивационную реконструкцию и лексикографическое представление, в особенности см. работы О.Д. Суриковой [27, 51, 63]. При том что тематика исследований школы постоянно обновляется, неизменной остается приверженность живым полевым материалам, которые дают пищу для новых размышлений, концепций, идей.

Список источников

1. Березович Е.Л. Уральская школа этимологии, ономастики, этнолингвистики // Научные школы Уральского федерального университета : энцикл. / ред. В.В. Запарий. Екатеринбург, 2020. С. 263–276.
2. Березович Е.Л., Варбот Ж.Ж., Гусева Л.Г., Рут М.Э. Что такое научные школы и как они рождаются (Уральская топонимическая школа: к 80-летию ее основателя) // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 258–271.
3. Рут М.Э. Топонимической экспедиции Уральского университета 50 лет // Вопросы ономастики. 2011. № 2 (11). С. 61–69.
4. Феоктистова Л.А. Этнолингвистические исследования в Уральском университете // Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury 18 / ed. by Jerzy Bartmiński. Lublin, 2006. S. 29–46.
5. Березович Е.Л., Осипова К.В. Уральская школа этимологии, ономастики и этнолингвистики // Etnolingwistyka – bilans dyscypliny: metody i postulaty badawcze. T. 1. / I Międzynarodowy Kongres etnolingwistów ; red. nauk. S. Niebrzegowska-Bartmińska, A. Głaz. Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2022. S. 141–160.
6. Словарь русских говоров Среднего Урала / гл. ред. А.К. Матвеев. Т. 1–7. Свердловск, 1964–1987.
7. Традиционная культура Урала: Диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала (Электронный ресурс) / авт.-сост. О.В. Востриков, В.В. Липина. Екатеринбург, 2009. 1 CD-ROM.
8. Словарь говоров Русского Севера / гл. ред. А.К. Матвеев. Т. 1–. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–.
9. Матвеев А.К. Географические названия Урала: Топонимический словарь. Екатеринбург : ИД «Сократ», 2008. 352 с.
10. Матвеев А.К. Нёройки караулят Урал. Путешествие в Топонимию. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2023. 176 с.
11. Иванова Е.Э. По Чусовой: топонимический словарь. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. 260 с.
12. Рут М.Э. Словарь астронимов: звездное небо по-русски. М., 2010.
13. Воронцова Ю.Б. Словарь коллективных прозвищ. М. : АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2011. 448 с.
14. Атрошенко О.В., Кривошапова Ю.А., Осипова К.В. Русский народный календарь: Этнолингвистический словарь / науч. ред. Е.Л. Березович. М. : АСТ-ПРЕСС, 2015. 544 с.
15. Русский Север: лексика и ономастика / редкол.: Е.Л. Березович, Н.В. Кабинина, В.С. Кучко, К.В. Осипова. М. : Индрик, 2021. 840 с.
16. Володина Т.В., Антропов Н.П. Белорусская этнолингвистика в XXI столетии: состояние, проблемы и перспективы // Etnolingwistyka – bilans dyscypliny: metody i postulaty badawcze. T. 1 / I Międzynarodowy Kongres etnolingwistów ; red. nauk. S. Niebrzegowska-Bartmińska, A. Głaz. Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2022. P. 161–182.
17. Etnolingwistyka – bilans dyscypliny: metody i postulaty badawcze. T. 1 / I Międzynarodowy Kongres etnolingwistów ; red. nauk. S. Niebrzegowska-Bartmińska, A. Głaz. Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2022. 341 p.
18. Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1992. 148 с.
19. Березович Е.Л. Топонимия Русского Севера : Этнолингвистические исследования. Екатеринбург, 1998. 338 с.
20. Родионова И.В. Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 251 с.
21. Воронцова Ю.Б. Коллективные прозвища в русских говорах : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 294 с.

22. *Атрошенко (Моргунова) О.В.* Русская народная хрономимия : системно-функциональный и лексикографический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012. 713 с.
23. *Макарова А.А.* Маркеры рудных месторождений в топонимии Русского Севера и Среднего Урала // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4(17). С. 62–83.
24. *Голикова Д.М.* Системные связи личных имен христианской традиции через призму отантропонимических дериватов : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2019. 193 с.
25. *Кривошапова Ю.А.* Образ Волги в русской языковой традиции // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6, № 4. С. 1188–1201.
26. *Кривошапова Ю.А., Макарова А.А.* Из материалов к Словарю русских топонимических образований: Сибирь (пробная статья) // Вопросы ономастики. 2010. № 2 (9). С. 106–122.
27. *Сурикова О.Д.* Ономастикон «Причитаний Северного края» Е.В. Барсова // Вопросы ономастики. 2020. № 3 (17). С. 104–155.
28. *Feoktistova L., Spiridonov D.* Русский Иван и его «братья»: польск. Jan и фр. Jean (К вопросу о этнокультурной специфике личного имени) // *Acta Onomastica*. 2016. № 56. С. 76–92.
29. *Феоктистова Л.А.* К методике анализа ассоциативно-деривационной семантики личного имени // Вопросы ономастики. 2016. № 1 (13). С. 85–116.
30. *Феоктистова Л.А.* Еще раз о паронимической аттракции к личному имени (на примере имени Елена в русских народных говорах) // Вопросы ономастики. 2019. № 1 (16). С. 53–70.
31. *Кучко В.С.* Семантико-мотивационное поле «ложь, обман» в языковом пространстве русских народных говоров : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2017. 339 с.
32. *Тихомирова А.В.* Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 350 с.
33. *Борисова Е.О.* Русская лексика со значением быстроты и медлительности в семантико-мотивационном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 306 с.
34. *Кривошапова Ю.А.* Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 252 с.
35. *Осипова К.В.* Названия хлеба на Русском Севере : этнолингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 148–167.
36. *Леонтьева Т.В.* Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015. 427 с.
37. *Синица Н.А.* Портретирование как методика этнолингвистических исследований (на материале образов священнослужителей в славянских языках) : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2018. 311 с.
38. *Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007. 600 с.
39. *Березович Е.Л.* Русская лексика на общеславянском фоне : семантико-мотивационная реконструкция. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. 488 с.
40. *Леонтьева Т.В.* Лексика социальной регуляции в русских народных говорах. Екатеринбург : РГПУ, 2013. 218 с.
41. *Шабалина Е.В.* Семантико-мотивационное своеобразие русской лексики с числовым компонентом: этнолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011. 175 с.
42. *Верхотурова К.С.* Огонь в зеркале русского языка : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 213 с.

43. Попова Е.В. Когнитивная интерпретация системно-мотивационных отношений (на примере анализа «территориальных» значений этимологических гнезд *гран-* и *меж(д)-* в русском языке) : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 181 с.
44. Пьянкова К.В. Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции : этнолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 251 с.
45. Осипова К.В. Лексика пивоварения на Русском Севере: этнолингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 57–73.
46. Кучко В.С. К этимологизации диалектных омонимов: волог. *калаушка* // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2 (32). С. 188–205.
47. Едалина А.А. Семантико-мотивационная организация лексического множества «Качественная характеристика человека по отношению к собственности» (на материале русских народных говоров) : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 256 с.
48. Осипова К.В. Севернорусские названия муки и хлеба из разных сортов зерна : семантико-мотивационный аспект // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 3. С. 276–290.
49. Осипова К.В. О принципах составления этнолингвистического словаря «Пища Русского Севера»: на примере статьи «Каша» // Научный альманах «Традиционная культура». 2017. № 4(68). С. 111–123.
50. Бондаренко Е.Д. Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание. М. : Индрик, 2021. 582 с.
51. Березович Е.Л., Сурикова О.Д. О лингвопрагматике русских демонимических проклятий // Shagi/Steps. 2021. Т. 7, № 2. С. 268–287.
52. Агапкина Т.А., Березович Е.Л., Сурикова О.Д. Имена деревьев в восточнославянских заговорах // Вопросы ономастики. 2021. № 1 (18). С. 9–61.
53. Агапкина Т.А., Березович Е.Л., Сурикова О.Д. Топонимия заговоров Русского Севера. III: Камни // Вопросы ономастики. 2019. № 2 (16). С. 7–68.
54. Агапкина Т.А., Березович Е.Л., Сурикова О.Д. Топонимия заговоров Русского Севера. I: Моря и реки // Вопросы ономастики. 2018. № 1 (15). С. 65–114.
55. Агапкина Т.А., Березович Е.Л., Сурикова О.Д. Топонимия заговоров Русского Севера. II: Земли. Горы. Острова. Города // Вопросы ономастики. 2018. № 2 (15). С. 28–69.
56. Осипова К.В. Севернорусская лексика пищи и питания в этнолингвистическом аспекте : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2023.
57. Березович Е.Л., Бондаренко Е.Д. «Тканевая» метафора речевой деятельности // Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2014. С. 324–340.
58. Березович Е.Л., Осипова К.В. Судьба имени в свете подхода Wörter und Sachen: Соломон в русских говорах и просторечии // Русский язык в научном освещении. 2018. № 2 (36). С. 123–147.
59. Березович Е.Л., Рут М.Э. Ономастический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания // Известия Уральского университета. 2000. № 3 (17). С. 33–38.
60. Березович Е.Л. К изучению нестандартной лексики камня в русском языке: постановка вопроса // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 4 (202). С. 9–28.
61. Иванова Е.Э. Названия копей Самоцветной полосы Урала: номинативные типы и модели // Вопросы ономастики. 2020. № 2 (17). С. 107–134.
62. Кривошапова Ю.А. Имена камней как лингвокультурный символ Урала // Вопросы ономастики. 2020. № 3 (17). С. 241–262.

63. Сурикова О.Д. Лексические единицы с приставкой и предлогом *без* в русских народных говорах и фольклоре: семантико-мотивационный и этнолингвистический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 604 с.

References

1. Berezovich, E.L. (2020) Ural'skaya shkola etimologii, onomastiki, etnolingvistiki [Ural school of etymology, onomastics, ethnolinguistics]. In: Zapariy, V.V. (ed.) *Nauchnye shkoly Ural'skogo federal'nogo universiteta: entsiklopediya* [Scientific Schools of the Ural Federal University: Encyclopedia]. Yekaterinburg: Ural Federal University. pp. 263–276.
2. Berezovich, E.L. et al. (2006) Chto takoe nauchnye shkoly i kak oni rozhdayutsya (Ural'skaya toponimicheskaya shkola: k 80-letiyu ee osnovatelya) [What are scientific schools and how they are born (Ural toponymic school: on the 80th anniversary of its founder)]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2 (12). pp. 258–271.
3. Rut, M.E. (2011) Toponimicheskoy ekspeditsii Ural'skogo universiteta 50 let [Toponymic expedition of the Ural University is 50 years old]. *Voprosy onomastiki*. 2 (11). pp. 61–69.
4. Feoktistova, L.A. (2006) Etnolingvisticheskie issledovaniya v Ural'skom universitete [Ethnolinguistic research at the Ural University]. *Etnolingvistyka: Problemy yazyka i kultury*. 18. pp. 29–46.
5. Berezovich, E.L. & Osipova, K.V. (2022) [Ural school of etymology, onomastics and ethnolinguistics]. *Etnolingvistyka – bilans dyscypliny: metody i postulaty badawce*. Proceedings of the 1st International Congress of Ethnolinguists. Vol. 1. Lublin. 20–24 June 2021. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. pp. 141–160. (In Russian).
6. Matveev, A.K. (ed.) (1964–1987) *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala* [Dictionary of Russian Dialects of the Middle Urals]. Vol. 1–7. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.
7. Vostrikov, O.V. & Lipina, V.V. (eds) (2009) *Traditsionnaya kul'tura Urala: Dialektnyy etnoideograficheskiy slovar' russkikh govorov Srednego Urala* [Traditional Culture of the Urals: Dialectal ethnoideographic dictionary of Russian dialects of the Middle Urals]. Yekaterinburg: Sverdlovskiy oblastnoy Dom fol'klora. 1 CD-ROM.
8. Matveev, A.K. (ed.) (2001) *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of Dialects of the Russian North]. Vol. 1. Yekaterinburg: Ural State University.
9. Matveev, A.K. (2008) *Geograficheskie nazvaniya Urala: Toponimicheskii slovar'* [Geographical Names of the Urals: Toponymic dictionary]. Yekaterinburg: ID "Sokrat".
10. Matveev, A.K. (2023) *Neroyki karaulyat Ural. Puteshestvie v Toponimiyu* [The Neroiks are Guarding the Urals. Journey to Toponymy]. Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy.
11. Ivanova, E.E. (2013) *Po Chusovoy: toponimicheskii slovar'* [Along the Chusovaya: Toponymic dictionary]. Yekaterinburg: Ural State University.
12. Rut, M.E. (2010) *Slovar' astronimov: zvezdnoe nebo po-russki* [Dictionary of Astronyms: Starry sky in Russian]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.
13. Vorontsova, Yu.B. (2011) *Slovar' kolektivnykh prozvizhch* [Dictionary of Collective Nicknames]. Moscow: AST-PRESS-KNIGA.
14. Atroshenko, O.V., Krivoshechikova, Yu.A. & Osipova, K.V. (2015) *Russkiy narodnyy kalendar': Etnolingvisticheskiy slovar'* [Russian Folk Calendar: Ethnolinguistic dictionary]. Moscow: AST-PRESS.
15. Berezovich, E.L. et al. (eds) (2021) *Russkiy Sever: leksika i onomastika* [Russian North: Vocabulary and onomastics]. Moscow: Indrik.
16. Volodina, T.V. & Antropov, N.P. (2022) [Belarusian ethnolinguistics in the 21st century: state, problems and prospects]. *Etnolingvistyka – bilans dyscypliny: metody i postulaty badawce*. Proceedings of the 1st International Congress of Ethnolinguists. Vol. 1. Lublin. 20–

24 June 2021. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. pp. 161–182. (In Russian).

17. Niebrzegowska-Bartmińska, S. & Głaz, A. (eds) (2022) *Etnolingwistyka – bilans dyscypliny: metody i postulaty badawcze*. Proceedings of the 1st International Congress of Ethnolinguists. Vol. 1. Lublin. 20–24 June 2021. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.

18. Rut, M.E. (1992) *Obraznaya nominatsiya v russkom yazyke* [Figurative Nomination in the Russian Language]. Yekaterinburg: Ural State University.

19. Berezovich, E.L. (1998) *Toponimiya Russkogo Severa: Etnolingvisticheskie issledovaniya* [Toponymy of the Russian North: Ethnolinguistic studies]. Yekaterinburg: Ural State University.

20. Rodionova, I.V. (2000) *Imena bibleysko-khristianskoy traditsii v russkikh narodnykh govorakh* [Names of the biblical Christian tradition in Russian folk dialects]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

21. Vorontsova, Yu.B. (2002) *Kollektivnye prozvischya v russkikh govorakh* [Collective nicknames in Russian dialects]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

22. Atroshenko (Morgunova), O.V. (2012) *Russkaya narodnaya khrononimiya: sistemno-funktsional'nyy i leksikograficheskiy aspekty* [Russian folk chrononymy: systemic-functional and lexicographic aspects]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

23. Makarova, A.A. (2020) Markery rudnykh mestorozhdeniy v toponimii Russkogo Severa i Srednego Urala [Markers of ore deposits in the toponymy of the Russian North and the Middle Urals]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*. 4-22 (17). pp. 62–83.

24. Golikova, D.M. (2019) *Sistemnye svyazi lichnykh imen khristianskoy traditsii cherez prizmu otantroponimicheskikh derivatov* [Systemic connections of personal names of the Christian tradition through the prism of onthroponymic derivatives]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

25. Krivoshchapova, Yu.A. (2018) *Obraz Volgi v russkoy yazykovoy traditsii* [The image of the Volga in the Russian linguistic tradition]. *Quaestio Rossica*. 4 (6). pp. 1188–1201.

26. Krivoshchapova, Yu.A. & Makarova, A.A. (2010) Iz materialov k Slovaryu russkikh toponimicheskikh obrazovaniy: Sibir' (probnaya stat'ya) [From materials for the Dictionary of Russian Toponymic Formations: Siberia (trial article)]. *Voprosy onomastiki*. 2 (9). pp. 106–122.

27. Surikova, O.D. (2020) Onomastikon “Prichitaniy Severnogo kraya” E.V. Barsova [Onomasticon of Lamentations of the Northern Region by E.V. Barsov]. *Voprosy onomastiki*. 3 (17). pp. 104–155.

28. Feoktistova, L. & Spiridonov, D. (2016) Russkiy Ivan i ego “brat'ya”: pol'sk. Jan i fr. Jean (K voprosu o etnokul'turnoy spetsifike lichnogo imeni) [Russian Ivan and his “brothers”: Polish Jan and French Jean (On the issue of ethnocultural specificity of a personal name)]. *Acta Onomastica*. 56. pp. 76–92.

29. Feoktistova, L.A. (2016) K metodike analiza assotsiativno-derivatsionnoy semantiki lichnogo imeni [Towards a methodology for analyzing the associative-derivative semantics of a personal name]. *Voprosy onomastiki*. 1 (13). pp. 85–116.

30. Feoktistova, L.A. (2019) Eshche raz o paronimicheskoy attraktsii k lichnomu imeni (na primere imeni Elena v russkikh narodnykh govorakh) [Once again about paronymic attraction to a personal name (using the example of the name Elena in Russian folk dialects)]. *Voprosy onomastiki*. 1 (16). pp. 53–70.

31. Kuchko, V.S. (2017) *Semantiko-motivatsionnoe pole “lozh', obman” v yazykovom prostranstve russkikh narodnykh govorov* [Semantic-motivational field “lie, deception” in the linguistic space of Russian folk dialects]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

32. Tikhomirova, A.V. (2013) *Assotsiativno-derivatsionnaya i frazeologicheskaya semantika naimenovaniy odezhd v russkoy yazykovoy traditsii* [Associative-derivative and

phraseological semantics of clothing names in the Russian linguistic tradition]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

33. Borisova, E.O. (2016) *Russkaya leksika so znacheniem bystryty i medlitel'nosti v semantiko-motivatsionnom aspekte* [Russian vocabulary with the meaning of speed and slowness in the semantic and motivational aspect] Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

34. Krivoshchapova, Yu.A. (2007) *Russkaya entomologicheskaya leksika v etnolingvisticheskom osveshchenii* [Russian entomological vocabulary in ethnolinguistic coverage]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

35. Osipova, K.V. (2022) Names of bread in the Russian North: An ethnolinguistic aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 148–167. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/75/7

36. Leont'eva, T.V. (2015) *Modeli i sfery reprezentatsii sotsial'no-regulyativnoy semantiki v russkoy yazykovoy traditsii* [Models and spheres of representation of social-regulatory semantics in the Russian language tradition]. Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.

37. Sinitsa, N.A. (2018) *Portretirovanie kak metodika etnolingvisticheskikh issledovaniy (na materiale obrazov svyashchennosluzhiteley v slavyanskikh yazykakh)* [Portraiting as a method of ethnolinguistic research (based on the images of clergy in Slavic languages)]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

38. Berezovich, E.L. (2007) *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic studies]. Moscow: Indrik.

39. Berezovich, E.L. (2014) *Russkaya leksika na obshcheslavyanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian Vocabulary on a Common Slavic Background: semantic-motivational reconstruction]. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke.

40. Leont'eva, T.V. (2013) *Leksika sotsial'noy regulyatsii v russkikh narodnykh govorakh* [Vocabulary of Social Regulation in Russian Folk Dialects]. Yekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University.

41. Shabalina, E.V. (2011) *Semantiko-motivatsionnoe svoeobrazie russkoy leksiki s chislovyim komponentom: etnolingvisticheskiy aspekt* [Semantic-motivational originality of Russian vocabulary with a numerical component: ethnolinguistic aspect]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

42. Verkhoturva, K.S. (2009) *Ogon' v zerkale russkogo yazyka* [Fire in the mirror of the Russian language]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

43. Popova, E.V. (2013) *Kognitivnaya interpretatsiya sistemno-motivatsionnykh otnosheniy (na primere analiza "territorial'nykh" znacheniy etimologicheskikh gnezd gran- i mezh(d)- v russkom yazyke)* [Cognitive interpretation of systemic-motivational relations (on the example of the analysis of "territorial" meanings of the etymological nests of gran- and inter(d)- in the Russian language)]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

44. P'yankova, K.V. (2008) *Leksika, oboznachayushchaya kategorial'nye priznaki pishchi, v russkoy yazykovoy traditsii: etnolingvisticheskiy aspekt* [Vocabulary denoting categorical attributes of food in the Russian linguistic tradition: ethnolinguistic aspect]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

45. Osipova, K.V. (2017) Brewing vocabulary in the Russian North: an ethnolinguistic aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 48. pp. 57–73. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/48/4

46. Kuchko, V.S. (2016) *K etimologizatsii dialektnykh omonimov: volog, kalaushka* [On the etymologization of dialect homonyms: Volog. Kalaushka]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2 (32). pp. 188–205.

47. Edalina, A.A. (2016) *Semantiko-motivatsionnaya organizatsiya leksicheskogo mnozhestva "Kachestvennaya kharakteristika cheloveka po otnosheniyu k sobstvennosti" (na materiale russkikh narodnykh govorov)* [Semantic-motivational organization of the lexical set

“Qualitative characteristics of a person in relation to property” (based on Russian folk dialects)]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

48. Osipova, K.V. (2021) Severnorusskie nazvaniya muki i khleba iz raznykh sortov zerna: semantiko-motivatsionnyy aspekt [Northern Russian names of flour and bread from different types of grain: semantic and motivational aspect]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*. 3 (23). pp. 276–290.

49. Osipova, K.V. (2017) O printsipakh sostavleniya etnolingvisticheskogo slovarya “Pishcha Russkogo Severa”: na primere stat'i “Kasha” [On the principles of compiling the ethnolinguistic dictionary “Food of the Russian North”: using the example of the article “Porridge”]. *Nauchnyy al'manakh “Traditsionnaya kul'tura”*. 4 (68). pp. 111–123.

50. Bondarenko, E.D. (2021) *Naivnaya lingvistika i dialektnoe yazykovoe soznanie* [Naive linguistics and dialect linguistic consciousness.]. Moscow: Indrik.

51. Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2021) O lingvopragmatike russkikh demonimicheskikh proklyatiy [On the linguopragmatics of Russian demonic curses]. *Shagi/Steps*. 2 (7). pp. 268–287.

52. Agapkina, T.A., Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2021) Imena derev'ev v vostochnoslavjanskikh zagovorakh [Names of trees in East Slavic spells]. *Voprosy onomastiki*. 1 (18). pp. 9–61.

53. Agapkina, T.A., Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2019) Toponimiya zagovorov russkogo severa. III: Kamni [Toponymy of conspiracies of the Russian north. III: Stones]. *Voprosy onomastiki*. 2 (16). pp. 7–68.

54. Agapkina, T.A., Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2018) Toponimiya zagovorov Russkogo Severa. I: Morya i reki [Toponymy of conspiracies of the Russian North. I: Seas and rivers]. *Voprosy onomastiki*. 1 (15). pp. 65–114.

55. Agapkina, T.A., Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2018) Toponimiya zagovorov Russkogo Severa. II: Zemli. Gory. Ostrova. Goroda [Toponymy of conspiracies of the Russian North. II: Earth. Mountains. Islands. Cities]. *Voprosy onomastiki*. 2 (15). pp. 28–69.

56. Osipova, K.V. (2023) *Severnorusskaya leksika pishchi i pitaniya v etnolingvisticheskom aspekte* [Northern Russian vocabulary of food and nutrition in the ethnolinguistic aspect]. Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.

57. Berezovich, E.L. & Bondarenko, E.D. (2014) “Tkanevaya” metafora rechevoy deyatel'nosti [“Fabric” metaphor of speech activity]. In: Berezovich, E.L. (ed.) *Russkaya leksika na obshcheslavjanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian Vocabulary on a Common Slavic Background: Semantic-motivational reconstruction]. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke. pp. 324–340.

58. Berezovich, E.L. & Osipova, K.V. (2018) Sud'ba imeni v svete podkhoda Wörter und Sachen: Solomon v russkikh govorakh i prostorechii [The fate of the name in the light of the approach of Wörter und Sachen: Solomon in Russian dialects and vernacular]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2 (36). pp. 123–147.

59. Berezovich, E.L. & Rut, M.E. (2000) Onomasiologicheskii portret realii kak zhanr lingvokul'turologicheskogo opisaniya [Onomasiological portrait of reality as a genre of linguocultural description]. *Izvestiya Ural'skogo universiteta*. 3 (17). pp. 33–38.

60. Berezovich, E.L. (2020) K izucheniyu nonstandartnoy leksiki kamnya v russkom yazyke: postanovka voprosa [Towards the study of non-standard vocabulary of stone in the Russian language: posing the question]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 4–22 (202). pp. 9–28.

61. Ivanova, E.E. (2020) Nazvaniya kopey Samotsvetnoy polosy Urala: nominativnye tipy i modeli [Names of mines of the semi-precious strip of the Urals: nominative types and models]. *Voprosy onomastiki*. 2 (17). pp. 107–134.

62. Krivoshchapova, Yu.A. (2020) Imena kamney kak lingvokul'turnyy simvol Urala [Names of stones as a linguocultural symbol of the Urals]. *Voprosy onomastiki*. 3 (17). pp. 241–262.

63. Surikova, O.D. (2016) *Leksicheskie edinitiy s pristavkoy i predlogom bez v russkikh narodnykh govorakh i fol'klore: semantiko-motivatsionnyy i etnolingvisticheskiy aspekty* [Lexical units with a prefix and a preposition without in Russian folk dialects and folklore: semantic-motivational and ethnolinguistic aspects]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

Информация об авторах:

Березович Е.Л. – д-р филол. наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: berezovich@yandex.ru

Осипова К.В. – д-р филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: osipova.ks.v@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.L. Berezovich, Dr. Sci. (Philology), professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, head of the Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: berezovich@yandex.ru

K.V. Osipova, Dr. Sci. (Philology), associate professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: osipova.ks.v@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.06.2023;
одобрена после рецензирования 14.10.2023; принята к публикации 25.03.2024.*

*The article was submitted 10.06.2023;
approved after reviewing 14.10.2023; accepted for publication 25.03.2024.*

Научная статья

УДК 81`23

doi: 10.17223/19986645/88/3

Исследование мотивационной рефлексии детей-монолингвов и детей-билингвов Казахстана (на материале данных психолингвистического эксперимента)

**Айгуль Досжановна Жакупова¹,
Ольга Александровна Анищенко²,
Жанна Германовна Темирова³**

^{1, 2, 3} Кокшетауский университет им. Шокана Уалиханова, Кокшетау, Казахстан

¹ aygul.zhakupova@yandex.kz

² olga_alex62@mail.ru

³ temirova.zh@mail.ru

Аннотация. Представлен фрагмент сопоставительно-мотивологического исследования мотивационной рефлексии в контексте актуальных проблем лингвистики детской речи с опорой на показания метаязыкового сознания детей дошкольного и младшего школьного возраста, формирующихся в моно- и билингвальном социуме Казахстана. Результаты эксперимента позволили описать мотивационную рефлексия как лингвоментальный процесс, а также выявить общность и специфику ее проявления в метавысказываниях детей-монолингвов и детей-билингвов.

Ключевые слова: мотивационная рефлексия, метаязыковое сознание, сопоставительная мотивология, внутренняя форма слова, мотивированность, явление мотивации слов, осознание и восприятие слова, детский билингвизм

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках грантового финансирования научного проекта ИРН АР 14869264 «Мотивационная рефлексия детей в условиях моно- и билингвального формирования личности» (2022–2024 гг.), реализуемого в Кокшетауском университете им. Ш. Уалиханова.

Для цитирования: Жакупова А.Д., Анищенко О.А., Темирова Ж.Г. Исследование мотивационной рефлексии детей-монолингвов и детей-билингвов Казахстана (на материале данных психолингвистического эксперимента) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 88. С. 48–75. doi: 10.17223/19986645/88/3

Original article

doi: 10.17223/19986645/88/3

A study of motivational language awareness of monolingual and bilingual children (based on the data from a psycholinguistic experiment)

Aigul D. Zhakupova¹, Olga A. Anichshenko², Zhanna G. Temirova³

^{1, 2, 3} *Shokan Ualikhanov Kokshetau University, Kokshetau, Kazakhstan*

¹ *aygul.zhakupova@yandex.kz*

² *olga_alex62@mail.ru*

³ *temirova.zh@mail.ru*

Abstract. This article provides a fragment of a comparative-motivological study of motivational language awareness in the context of topical issues of child speech linguistics, and is based on the evidences of metalinguistic consciousness of preschool and primary school children of the mono- and bilingual society of Kazakhstan. The aim of the article is to identify common and specific features of perceiving motivated lexical units by bilingual and monolingual children in order to describe their motivational language awareness; the aim is reached by using current achievements of comparative motivology and data obtained during the experiment with the metalinguistic consciousness of preschool and primary school children (aged 5 to 10). The study employed both general scientific methods: description, comparison, statistical data processing, psycholinguistic experiment, interpretation, analysis, synthesis, classification and categorization, and linguistic methods: motivational-comparative analysis, componential analysis, including correlation technique, and segmental overlap of linguistic units. The research material consisted of motivated, semi-motivated and non-motivated one-word lexical units and set phrases of the Russian and Kazakh languages (180 language units), and 4320 units of children's meta-utterances. The authors regard children's motivational language awareness as a linguo-mental phenomenon consisting in the ability to realize rational interdependence of the sound form and meaning. Three stages of the experimental study in which 144 children took part were characterized. A new methodology was developed for the comparative analysis of the evidences of children's metalinguistic consciousness obtained during the experiment. A motivation scale was developed and became the basis for a new classification of words according to the degree of motivation. Common and specific features were identified in the perception of motivated vocabulary by monolingual and bilingual children. Due to the results of the study, the empirical and information base of the comparative-motivological theory was significantly expanded by including metatexts of children of different age groups (5–6, 7–8, 9–10 years of age) speaking one/two languages; the conceptual and terminological stock of the metalanguage of comparative motivology was enriched (motivating/non-motivating explanation, motivation index); current trends to describe motivational language awareness as a linguocognitive phenomenon were observed; new patterns of processing and perceiving word meanings by mono-bilingual children were identified; a new perspective of motivological study was outlined.

Keywords: motivational language awareness, metalinguistic consciousness, comparative motivology, internal form of word, motivational relations, phenomenon of word motivation, processing and perception of word, children's bilingualism

Acknowledgments: The study was carried out with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the grant funding of scientific project IRN AR 14869264: Motivational language awareness of children

in the context of mono- and bilingual formation of personality (2022–2024), implemented at Kokshetau University named after Sh. Ualikhanov.

For citation: Zhakupova, A.D., Anichshenko, O.A. & Temirova, Zh.G. (2024) A study of motivational language awareness of monolingual and bilingual children (based on the data from a psycholinguistic experiment). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 88. pp. 48–75. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/88/3

Введение

В истории науки нередки случаи, когда ученый, сделав открытие, прокладывает путь для новых научных идей и направлений. Мотивология с ее аспектами (описательный, сопоставительный, динамический, функциональный, источниковедческий) прошла проверку временем, исследован богатый и разнообразный эмпирический материал, что привело к продуктивным результатам (многочисленные монографии, словари, статьи, изданные основателем томской мотивологической школой О.И. Блиновой [1–3] и ее последователями – А.Н. Ростовской, Н.Д. Голевым, Т.А. Демешкиной, Н.Г. Нестеровой, Е.В. Иванцовой, Г.В. Калиткиной, М.В. Курышевой, В.Г. Наумовым, Е.В. Михалевой, Е.А. Юриной, И.В. Тубаловой, А.Д. Жакуповой и мн. др.).

Одним из новых научных направлений по праву можно считать исследование мотивационной рефлексии, играющей особую роль в формировании познавательной деятельности ребенка, развитии его лингвокогнитивного мышления в условиях детского моно-би-полилингвизма.

Цель статьи – на основе имеющихся достижений в области сопоставительной мотивологии и собранных в ходе проведенного эксперимента показаний метаязыкового сознания детей дошкольного и младшего школьного возраста (5–10 лет) выявить общность и специфику восприятия мотивированных лексических единиц детьми-билингвами и детьми-монолингвами, проживающими в северном регионе Казахстана, для описания их мотивационной рефлексии.

Основные положения

Детская речь на протяжении всей истории развития языкознания привлекала внимание лингвистов. Начиная с 2000-х гг. наблюдается повышенный интерес к проблемам онтолингвистики (онтопсихоллингвистики, awareness of language, metalinguistic awareness) и к лингвистике детской речи в аспекте идей педагогической науки (С.Н. Цейтлин, Г.Р. Доброва, М.Б. Елисеева, Е.И. Тихеева, Э.А. Фазлыева, Л.А. Дубровская, И.Г. Овчинникова, А.М. Шахнарович, Е.Е. Дебердеева, Т.Г. Аркадьева, Т.А. Гридина и др.). Лингвисты исследуют детскую речь не только с позиции онтогенеза (языкового, речевого), но и выявляют на всех языковых уровнях (фонологическом, словообразовательном, морфологическом, лексикологическом, синтаксическом) особенности «детского языка», которые используют для решения собственно лингвистических проблем (Н.Г. Бронникова, Н.М. Голева,

Т.А. Гридина, Е.Е. Дебердеева, Г.Р. Доброва, Е.С. Кубрякова, Н.И. Лепская, Т.А. Мехович, Л.А. Пиотровская, М.Э. Рут, З.С. Санджи-Гаряева, В.К. Харченко, М.Г. Шкуропацкая и др.).

Становление и развитие речи ребенка – это сложный процесс, сопровождающийся целым комплексом знаний, умений, навыков, а также обусловленный языковой способностью, языковыми компетенциями, «языковой организацией» ребенка [4. С. 6]. Очевидно, что решение проблем языкового развития детей возможно путем исследования лингвоментальных процессов, обусловленных возрастными, гендерными, социальными, эмоционально-психологическими факторами, а также уровнем владения языками, аналитическими способностями, типом мышления (наглядно-действенным, наглядно-образным, словесно-логическим [5]) ребенка. На наш взгляд, к таким лингвоментальным процессам относятся анализ осваиваемого языка ребенком, его способность осознавать язык, «обращать внимание на факты языка и делать их предметом своих высказываний» («метаязыковая компетенция») [6. С. 88]. Существует множество трудов, в которых ученые описывают языковую / метаязыковую рефлексии детей, приводят многочисленные примеры наблюдений детей за своей и чужой речью, их рассуждений и размышлений о языке, вывода на поверхность знания языка ребенком и его знания о языке (Лепская 1997, Гвоздев 1999, Шмелева 1999, Цейтлин, Елисеева, Кузьмина 2001, Доброва 2012, Воробьева 2020 и др.).

Как считает Т.А. Гридина, «одним из основных способов выражения знания ребенка о языковом знаке и стоящем за ним содержании является так называемая мотивационная рефлексия (МР) – особая форма метаязыкового мышления, связанная с осознанием (пониманием) внутренней формы слова (выявлением мотивированности наименования)» [7. С. 20]. Ученый представила первый опыт комплексного описания МР в лингвокогнитивном и функциональном аспектах применительно к детской речи [8]. МР понимается автором как функционально значимая (естественным образом складывающаяся) стратегия усвоения языка в онтогенезе, суть которой состоит в «обращении ребенка к мотивационному коду интерпретации вербальных единиц» [8]. МР как лингвокогнитивный феномен описан А.Д. Жакуповой на материале показаний МЯС взрослых носителей тюркских и славянских языков в сопоставительно-мотивологическом аспекте [9]. В монографии автор представляет результаты исследования обширного эмпирического материала и приходит к выводу, что МР – это логико-рациональный анализ языкового материала (слов, словосочетаний), основанный на чувственном опыте и личностном мировосприятии.

Знания ребенка о языке связаны, прежде всего, с рефлексивной сущностью сознания, стремящегося соотнести знания о языке со знанием языка и знанием о мире. Сталкиваясь с незнакомым словом, ребенок вначале «обдумывает» его звуковую оболочку, «ищет» в ней знакомые ему звуки, слоги, пытается найти известные ему части слова, чтобы понять слово и объяснить его значение. Так протекает мысль ребенка: от языкового выражения словесного знака – к значению, смыслу слова. Возникает рефлексия по поводу

внутренней формы слова. Этот процесс, или «мыслительная операция», реализует способность ребенка к осмыслению связи звучания и значения слова с целью создания целостного представления о предмете. Такая способность сознания ребенка и есть *мотивационная рефлексия*.

Способность ребенка «сознательно отслеживать и анализировать собственные мысли» [10. С. 77], устанавливать закономерности усвоения им значения слова, искать эффективные пути раскрытия семантических «тайн» слов, овладевать системой лексических значений слов – это весьма сложная умственная работа, в процессе которой ребенок пытается понять иерархию языковых единиц, усвоить различные номинативные / словопроизводственные техники, применять законы и принципы языка (аналогии, подобию, сходства, сопоставления, соотнесения, сравнения), правильно их выбирать и употреблять в языке / речи. Этот процесс важен для развития лингвокогнитивного мышления, формирования коммуникативных и нарративных навыков, умения точно выразить и донести до слушателя свою мысль. Вопрос о МР как лингвоментальном феномене приобретает особую актуальность в ситуации поликультурного и полиязычного социума Казахстана, где созданы оптимальные условия для формирования ребенка в би-полилингвальной среде. О языковой ситуации в Казахстане см. в [11, 12].

В последние годы в мировой науке заметно активизируется направление, связанное с изучением детского билингвизма, сопоставительного исследования языка / речи детей-монолингвов и детей-билингвов. Как правило, ученые исследуют проблемы освоения разных уровней языковой системы (морфология, синтаксис, лексика, словообразование) детьми-билингвами в сопоставлении с детьми-монолингвами, становления языковой системы ребенка, формирования нарративных навыков и навыков письменной речи и приводят доказательства того, что языковое и когнитивное развитие детей-монолингвов и детей-билингвов различается (Bialystok, Martin 2004; Craik, Bialystok 2010; Гридина 2016; Guan, Farrar 2016; Gagarina 2016; Sullivan, Poarch, Bialystok 2018, Alipour, Ranjbar 2023 и др.). Так, распространено убеждение, что дети-билингвы владеют меньшим количеством лексических единиц, чем их сверстники-монолингвы [13]; что билингвы демонстрируют более «медленный поиск лексики», чем монолингвы [14]; нарративные навыки детей-монолингвов развиты лучше, чем у детей-билингвов [15], в то же время экспериментальным путем доказано, что «металингвистическая осведомленность» детей-билингвов выше, чем у их одноязычных ровесников [16], что билингвы превосходят одноязычных детей с точки зрения когнитивных способностей и понимания метафор [17].

Известно, что проблемы изучения детского билингвизма приобретают масштабный характер из-за миграционных процессов, поэтому в условиях «неизбежной социализации» родители осознают необходимость овладения ребенком еще одним (двумя) коммуникативными (лингвокультурными) кодами как ключевым атрибутом личностного развития в условиях глобализации. В качестве коммуникативного кода, на наш взгляд, может выступать и мотивационный код языковых единиц, активирующий отношение ребенка к

«миру вещей», «миру слов», «миру функциональных ситуаций» и «личностному миру» [18. С. 120].

При восприятии мотивированного слова ребенок актуализирует в своем сознании известные (знакомые) ему сегменты звуковой оболочки, соотносит их со значением, пытается дать толкование, исходя из собственных знаний языка и знаний о языке. Так происходит декодирование информации, «спрятанной» во внутренней форме слова (ВФС), в результате чего мотивационный код языковых единиц распознается ребенком, а осмысляемое слово соотносится с соответствующими представлениями, опытом и знаниями. Этот сложный лингвокогнитивный процесс лег в основу мотивологического подхода к исследованию детской речи, суть которого заключается в обращении к метаязыковому сознанию (МЯС) детей путем проведения психолингвистического эксперимента (ПЛЭ) для выявления осознания ими мотивированной лексики. Данный подход позволяет описать МР детей-монолингвов и детей-билингвов как лингвокогнитивное явление, зависящее от количества, уровня владения языком / языками и играющее значительную роль в языковом развитии детей.

Методы исследования и материал

Одним из оптимальных методов исследования МР детей в контексте идей сопоставительной мотивологии является психолингвистический метод, позволяющий исследовать план содержания языка (лингвистическую семантику) при помощи обработки и анализа языковых фактов, полученных от информантов – носителей языка в результате специально разработанных экспериментов.

Методология настоящего исследования базируется на трудах ученых в области психолингвистики и психолингвистического эксперимента (Блинова, Ростова 1985; Залевская 1988, 1997, 2004; Герд 1990; Блинова 1995, 1997; Тубалова 1995; Доброва 2018), мотивологии [1–3], сопоставительной мотивологии (Блинова 1994, 1995, 1996; Жакупова 1996, 1998, 2009, 2021; Козлова 1999, Филатова 2004, Чижик 2005 и др.), би-полилингвизма (Сулейменова, 1995; Кудрявцева, Чибисова, Мартинкова, Кулькова 2018; Мирзоева, Ахметжанова 2019; Жаркинбекова, Чернявская 2022). Методологически важными являются труды ученых, посвященные лексикологическим исследованиям детской речи (Шахнарович 1973, Аркадьева 1989, Дебердеева 1996, Овчинникова и др. 2000, Тихеева 2005, Елисеева 2008, Доброва 2015, Фазлыева 2018, Гридина 2013 и др.).

Настоящее исследование проводится с опорой на разработанную О.И. Блиновой теорию явления мотивации слов, обнаруживающего взаимообусловленность звучания и значения языковых единиц в виде эпидигматических (мотивационных) отношений, актуальных для языкового сознания говорящего [1. С. 11]. О явлении мотивации слов можно говорить только в том случае, если мотивированные слова становятся фактом осмысления говорящим их внутренней формы (мотивационного значения и мотивацион-

ной формы). Именно поэтому О.И. Блинова писала, что без обращения к носителю языка «невозможно выявление мотивированности слова, его ВФ (внутренней формы. – *Авт.*), мотивационной формы и мотивационного значения, типа мотивированности, направления мотивации, полимотивации и варьирования ВФС (внутренней формы слова – наше пояснение» [2. С. 3]. По мнению ученого, мотивированные слова и мотивационные отношения – это есть лингвистическая и межъязыковая универсалия: в мотивационные отношения включены почти все слова языка, мотивированные слова составляют большую часть лексического фонда языка [2. С. 3].

Основной методологический фокус настоящего сопоставительно-мотивологического исследования МР направлен на выявление осознания детьми-монолингвами и детьми-билингвами мотивированной лексики и мотивационных отношений слов. Обращение к носителю языка дает уникальный материал – показания МЯС, собранные путем проведения ПЛЭ, позволяющие проникнуть в суть механизма осмысления языковой действительности, понять, какие сегменты лексической единицы актуализируются в его сознании, а какие нет, каков мотивационно-ассоциативный потенциал слова. Метавысказывания дают возможность выявить языковые и когнитивные стратегии осмысления мотивированной лексики [19].

В методологическом плане важными для нас представляются исследования явления мотивации слов, проведенные томскими учеными на материале детской речи и положившие начало изучению «мотивологии детской речи». Так, К.В. Гарганеевой (Сотниковой) была впервые предпринята попытка проведения мотивологического исследования в социовозрастном аспекте [20]. Она разработала и апробировала специальную методику сопоставительного изучения мотивации слов в речи разных социовозрастных групп. Учёному удалось выявить специфику осознания мотивированности слов детьми – носителями русского языка [20]. Особую ценность представляет изданный К.В. Гарганеевой «Мотивационный словарь детской речи», который, по мнению автора, наглядно демонстрирует «детскую интерпретацию» лексики, «осознание взаимосвязи плана выражения и плана содержания лексической единицы...», развитие МР [21. С. 2].

Мотивологический подход к изучению детской речи представлен в работах Н.Г. Фурман, рассматривающей механизм мотивации слова в процессе формирования языковой способности детей дошкольного возраста. Ученый в процессе экспериментального исследования данных приходит к выводу, что «способность ребёнка к осознанию мотивационных отношений слова обусловлена его потребностью в мотивированных, объяснимых с точки зрения соответствия формы и значения слова, определяется возможностями языкового сознания и формируется по мере становления его языковой способности» [22. С. 7]. Особый интерес представляет предпринятый Н.Г. Фурман сопоставительный анализ результатов, полученных в ходе эксперимента путем опроса с временным интервалом чуть более года у одних и тех же детей. Такой двойной опрос позволяет выявить эволюцию языковой способности и речетворческой интенции в разные возрастные периоды формирования речи. Результаты проведённых

научных изысканий предоставляют ценный материал для понимания важности изучения детской речи с позиции мотивологии: Н.Г. Фурман убедительно доказывает, что исследование мотивированной лексики в аспекте ее осознания ребенком может стать методологической основой разработки новых подходов к изучению языковых компетенций и языковых способностей детей.

С опорой на ранее полученные учёными результаты мотивологических исследований нами разработаны специальная (для сопоставительного исследования) методика проведения эксперимента и методика мотивационно-сопоставительного анализа (МСА) лексики в аспекте осмысления ее моно- и билингвальными детьми в ситуации поликультурного и полиязычного социума Казахстана.

В исследовании используется понятийно-терминологический аппарат мотивологии (мотивированность слова, сегмент, внутренняя форма слова, мотивационная форма (МФ) и мотивационное значение (МЗ), лексический и структурный мотиватор (ЛМ и СМ), мотивема, виды ВФС (вариантная/вариативная/невариантная; лексикализованная/нелексикализованная; метафорическая/неметафорическая), мотивировочный признак (МП), классификационный признак (КП), номинационный признак (НП)), описанный в [2. С. 361–390]. В научный оборот вошли термины «мотивирующее толкование» – метатекст, в котором обнаруживается формально-семантическая связь между словами (мотивемой и мотиватором), позволяющая определить ЛМ и/или СМ, например: СИЛАЧ – «*потому что человек сильный*»¹, «*у него есть сила*» (подчеркнуты мотиваторы), «немотивирующее толкование» – метатекст, в котором формально-семантическая связь между словами отсутствует, например: СИЛАЧ – «*потому что большой*», «*потому что всех обижает*»; к немотивирующим толкованиям также относим ответ «не знаю». Мотивирующие/немотивирующие толкования образуются в зависимости от того, «прочитывают» ли дети ВФС, какие сегменты слова оказываются для них актуальными. Синонимично используются термины «мотивирующее/немотивирующее суждение», «мотивационный комментарий» (по Т.А. Гридиной), «мотивационный контекст» (по О.И. Блиновой).

В работе использованы общенаучные методы исследования: описательный, сопоставительный, метод статистической обработки данных, метод ПЛЭ, интерпретационный, приемы анализа, синтеза, классификации и категоризации, а также собственно лингвистические методы – метод компонентного анализа, в рамках которого применяется приём соотносительности и приём сегментного наложения языковых единиц, методика МСА, направленного на выявление универсальных и специфических особенностей МР детей-монолингвов и детей-билингвов.

На подготовительном этапе была разработана методика отбора респондентов. На основе изученной специальной научной литературы по вопросам возрастных особенностей языкового развития детей, а также с учетом геогра-

¹ Курсивом в кавычках даны ответы респондентов.

фического фактора было решено привлечь к эксперименту детей дошкольного и младшего школьного возраста, проживающих в городах и населенных пунктах Акмолинской и Северо-Казахстанской областей Республики Казахстан. Для этого необходимо было учесть ряд индикаторов (согласие родителей, место проживания семьи, уровень благополучия семьи, социально-культурный статус семьи, занятость ребенка (посещает детский сад/школу, находится дома), уровень коммуникабельности ребенка и уровень развития мышления ребенка), которые были выяснены исследователями в ходе беседы с родителями. Так был определен состав респондентов, в который вошли дети, проживающие в городах Кокшетау, Щучинск, Степногорск и селах Акмолинской и Северо-Казахстанской областей. Все дети из благополучных семей со средним уровнем дохода, часть из которых посещают детский сад, школу, развивающие центры. Не все дети общительны, часть из них в кругу незнакомых людей предпочитают молчать или отвечать односложно, часть детей отличаются любознательностью, смекалкой, креативностью. Все родители дали согласие на участие их детей в эксперименте.

Все дети были разделены на четыре группы (по 36 человек в каждой) в зависимости от степени владения одним (казахским или русским) или двумя (казахский и русский, русский и казахский) языками, языка обучения в школе, языка общения дома и языка общения вне дома.

1-я группа. В данную группу вошли дети-монолингвы, для которых единственным языком общения является казахский язык. Дети обучаются в казахских классах предшколы и начального звена школ Акмолинской (с. Бектау, с. Бозайғыр, с. Ақадыр) и Северо-Казахстанской областей (с. Дәуқара, с. Шағырсай, с. Ақтүесай). Респонденты данной группы свободно владеют казахским языком. Общение дома и вне дома осуществляется на казахском языке. В повседневной жизни русскую речь практически не слышат, русский язык изучается как школьный предмет. Преимущественно в данную группу вошли дети из сельской местности, отдаленных населенных пунктов. Условное обозначение данной группы – РМК (респонденты-монолингвы с казахским языком).

2-я группа. Дети-билингвы, для которых казахский язык является первым, сильным, а русский язык – вторым, слабым. В данную группу вошли дети, обучающиеся в казахских классах предшколы и начального звена школы г. Кокшетау и Акмолинской области. Респонденты данной группы свободно владеют казахским языком, язык общения в кругу семьи, друзей – казахский, понимают русскую речь, вне дома (на улице, в гостях) могут изъясняться на русском языке, но в процессе живого общения предпочитают использовать казахский язык. Русский язык изучают в рамках школьной программы (траектория – «для классов с нерусским языком обучения»). Условное обозначение данной группы респондентов – РБК (респонденты-билингвы с первым казахским языком).

3-я группа. Дети-монолингвы русской национальности, для которых русский язык является единственным языком общения, казахский язык знаком только как школьный предмет. Данная группа сформирована из детей, проживающих в г. Кокшетау и Акмолинской области. Дети данной группы

в силу объективных обстоятельств, обусловленных проживанием в казахоязычном обществе (в северном регионе Казахстана, по сравнению с южным, не все жители свободно владеют казахским языком, однако казахская речь присутствует на ТВ, радио, в интернете, а также в общественных местах) слышат казахскую речь, возможно, частично ее понимают, но изъясняются на русском языке. Условно обозначили данную группу РМР (респонденты-монолингвы с русским языком).

4-я группа. Дети-билингвы казахской национальности, для которых русский язык является первым, сильным, а казахский – вторым, слабым, обучаются в русских классах предшколы и начального звена школы Кокшетау, Степногорска, Петропавловска, Акмолинской и Северо-Казахстанской областей. В полной мере владеют русским языком, в школе общаются на русском языке, в кругу семьи чаще общаются на русском языке, но при необходимости (в присутствии лиц старшего поколения, в быту, в магазине, в поликлинике и в других общественных местах) могут изъясняться на казахском языке (приветствия, короткий диалог, несложные фразы). Русский язык изучают в рамках школьной программы по траектории «для классов с русским языком обучения», казахский язык изучают как школьный предмет по траектории «для классов с неказахским языком обучения». Условное обозначение данной группы – РБР (респонденты-билингвы с первым русским языком).

Каждая из групп включает три подгруппы по 12 человек в каждой в соответствии с возрастом: 5–6 лет, 7–8 лет, 9–10 лет. Общее количество детей, принявших участие в эксперименте, составило 144. Деление на подгруппы в зависимости от возраста информантов осуществлялось на основе специальной научной литературы, в которой указаны специфические особенности мышления и восприятия, этапы языкового/речевого развития ребёнка, соответствующие дошкольному и младшему школьному возрасту (Леонтьев 1977, Эльконин 1995, 2022, Выготский 1999, Фрумкина 2004, Мухина 2006, Абрамова 2018, Борисова 2019, Гридина 2020 и др.).

Материалом исследования послужили мотивированные, полумотивированные и немотивированные однословные лексические единицы (ЛЕ) русского и казахского языков (имена существительные, имена прилагательные, глаголы) и устойчивые словосочетания, которые были отобраны методом сплошной выборки из толковых, тематических, энциклопедических словарей казахского и русского языков и сгруппированы в Словники для разных возрастных групп. Всего в Словник вошло 180 языковых единиц (в казахском языке – 90, в русском языке – 90). В качестве основного анализируемого материала выступили метавысказывания информантов: на казахском языке – 2 160, на русском языке – 2 160, всего 4 320 единиц.

Ход эксперимента. Эксперимент проводился последовательно в три этапа, разделенных во времени и различных по продолжительности в зависимости от работоспособности каждого ребенка.

1. Первый (подготовительный) этап построен по принципу свободного ассоциативного эксперимента (САЭ), предусматривающего сбор ассоциативных реакций на предложенные слова-стимулы. В форме устной языковой

игры экспериментатором последовательно произносились слова-стимулы, на которые дети-респонденты отвечали ассоциативными словесными реакциями. Слова-стимулы в САЭ были одинаковыми для респондентов трех возрастных групп. Опросник содержал 15 слов для детей групп РМК и РБК (аяз ата, балмұздақ, бауырсақ, кемпіркөсақ, қолшатыр, таудай, аққала, асқазан, бүлдірген, жүзім, қарақат, тоқылдақ, шәйнек, мұздай, дырылда), 15 слов для групп РМР и РБР (шарик, лес, озеро, гора, папа, мама, снег, дождь, солнце, трактор, чайник, небо, ласточка, сторож, день). Для участия в первом этапе эксперимента каждая возрастная группа была приглашена в разные дни. Каждый ребенок был задействован в эксперименте не более 10–15 минут. Респондентам были заданы вопросы: «Что первым приходит тебе на ум, когда ты слышишь слово?»; «Какие ассоциации вызывает у тебя это слово?».

От информанта требовался максимально быстрый ответ на предъявленный стимул первым пришедшим в голову словом. В САЭ учитывались понимание респондентом семантики слов-стимулов, характер их ассоциативных связей и реакций (ассоциации словесные, жизненные, образные), а также эмоциональный отклик ребенка, его готовность к диалогу и участию в дальнейшем эксперименте. Так, например, на данном этапе на слово-стимул БҮЛДІРГЕН дети 5–6 лет групп РМК и РБК дали следующие ассоциативные реакции: «қызыл түсті» (3)¹, «тәтті», «дәмді», «дәмі тәтті болады», «жасда өседі» (1), «базарда сатады» (1), «клубника», «құтынай» (3), «жатырақтары жасыл» (1), «помидорға ұқсайды» (2), «витамин береді» (1), «варенье», «морс», «компот», «делаем варенье», «подождавать до зимы и сделать варенье» (5), «когда созревают можно положить в морозильник» (1), «в огороде», «летом растет в огороде, в саду» (2). На слово-стимул ШАРИК дети 5–6 лет групп РМР и РБР дали следующие ассоциативные реакции: «летает» (4), «красный» (3), «воздушный» (2), «праздник» (1), «лопается» (1), «синий» (2), «зеленый» (1), «апельсин» (1), «голубой» (1), «прыгает» (1), «шар» (1), «шаричек» (1), «катится» (1), «надувают, может быть любым цветом» (1).

На данном этапе было решено несколько задач: установить контакт с детьми, создать благоприятную и комфортную атмосферу для дальнейшей продуктивной работы, а также определить специфику состава и структуры лексикона детей определенной возрастной группы, характер ассоциативного мышления респондентов.

2. На втором (продвинутом) этапе применялся направленный ассоциативный эксперимент (НАЭ), предусматривающий создание таких условий, в которых максимально эксплицируется языковая/метаязыковая рефлексия детей дошкольного и младшего школьного возраста, формирующихся в моно- и билингвальной среде (приём беседы, игры, опроса, интервью). Цель НАЭ – при помощи специально подготовленных вопросов задать нужное для исследователя направление, связанное с получением ассоциативных реакций, «погружен-

¹ Число, заключенное в круглые скобки, означает количество информантов, давших ответ.

ных» в значение слова, для выявления способностей респондентов формулировать значения слов, выражать свои мысли, аргументировать ответы. Такой эксперимент, по словам Г.Р. Добровой, даёт экспериментатору «много полезной информации не только о том, что знает ребёнок о значении данного слова, но и о том, какова “картина мира” испытуемого» [23. С. 13]. Детей-респондентов просят объяснить значение слов-стимулов любым удобным для них способом (методика прямого толкования слова). Например, на вопрос «Что такое снежинка?» дети отвечают: *«она сделана из снега»*, *«это белый кристалл»*, *«она холодная»*, *«она летает»* и т.д.; на вопрос о молочных зубах получены такие детские метавысказывания: *«зубы малыша»*, *«маленькие зубы»*, *«зубы, которые выпадают»*. В случае затруднения с ответом информантам задают дополнительные вопросы типа «Подсолнух – это что? он какой? как выглядит? где встречается?» и т.п., а также демонстрируют иллюстрации. К примеру, многие респонденты затруднялись с объяснением таких слов-стимулов, как ЗВЕЗДОЧЕТ, ДВОРНЯЖКА, но, увидев картинку, они вспоминали значение данных слов и давали ответ. Некоторые респонденты, увидев картинку с изображением дворняжки, вспоминали, что раньше видели такую собачку, но не знали, что её называют именно так. В отличие от САЭ в ходе НАЭ испытуемый должен отвечать согласно указаниям экспериментатора, а не произвольно выбирая слова, следовательно, процессы мыслительного поиска испытуемых ограничиваются в выборе подходящих слов из их памяти, что позволяет им более точно сформулировать значение предложенных слов. Именно этот навык для нас становится первостепенным в ходе следующего (третьего) этапа эксперимента.

3. Третий (основной) этап *психолингвистического эксперимента* стимулирует при помощи специального вопроса проявление МР, выраженной в стремлении ребенка осознать мотивированность/немотивированность слова. Ребенку задается конкретный (лингвистический/ономасиологический) вопрос «Как ты думаешь, почему этот предмет (явление, понятие, действие, признак) именно так называется?», который нацеливает респондента на поиск связи между звучанием и значением слова. При помощи «приема соотносительности» [24. С. 69] дети пытаются сформулировать значение слова и дают ответы – метатексты, или метавысказывания («мотивационный комментарий» [25. С. 7]). Здесь важно отметить, что, в отличие от метавысказываний взрослых, которые, как правило, выглядят как законченные фразы, полностью или частично сформулированные предложения, детские метавысказывания могут представлять собой короткие метатексты в виде отдельных словоформ или словосочетаний. Например, на вопрос «Почему снежинку называли снежинкой?» получены ответы: *«она из снега сделана»*, *«снег»*, *«белая как снег»*, *«холодная как снег»*, *«снежная»*, *«она как льдинка»* и др.

В ходе эксперимента проводилась аудио- и видеозапись (диктофон, камера) с целью зафиксировать реакцию ребенка, его поведение и настроение в ходе осмысления предложенных слов-стимулов. Весь собранный материал экспериментатор заносил в Листки наблюдений, где указывались имя, возраст, дата, место жительства ребенка.

По окончании эксперимента была проведена расшифровка листов наблюдений, видео- и аудиозаписей. Полученные данные анализировались, обобщались в журнале фиксирования результатов эксперимента на каждого респондента индивидуально. По результатам первого этапа учитывались количество и качество ассоциативных реакций, по результатам второго этапа – наличие/отсутствие сформулированного значения слова по методике прямого токования, по результатам лингвистического эксперимента составлялся мотивационный паспорт слова (см. ниже).

Обработка экспериментальных данных заключалась в их систематизации и классификации.

Систематизация языкового материала предполагала составление таблиц, включающих: 1) количество детей, давших / не давших показания МЯС; 2) наименование слова и соответствующие ему метавысказывания детей с указанием количества ответов. Классификация языкового материала заключалась в распределении метавысказываний, в которых присутствуют мотивирующие и немотивирующие толкования: мотивирующие, в которых: а) актуализируется / не актуализируется лексический и/или структурный мотиватор (морфологический тип мотивированности); б) актуализируется / не актуализируется звуковая оболочка слова (фонетический тип мотивированности); в) осмысление слова затруднено (использование в речи таких лексических средств, как *«может быть, кажется, точно не могу сказать, как-то связано с таким-то словом»* и под.); г) осмысление слова через образ (морфологический и семантический типы мотивированности); немотивирующие, в которых объяснение слова происходит: а) путём подбора синонима, б) с опорой на реальный/вымышленный контекст, в) с опорой на знания, полученные из фильмов, книг, истории, культуры, мифологии и т.д.; г) путём подмены понятий (*«подоконник – это балкон»*), д) через ответ *«не знаю»*.

На основе обработанных данных были составлены так называемые «мотивационные паспорта» на каждое слово, включающие его структурно-семантические характеристики: лексическое значение (ЛЗ), показания МЯС детей с указанием количества информантов, ВФС и ее компоненты (МФ и МЗ), ЛМ и СМ, типы мотивированности (фонетический, морфологический, семантический), виды ВФС, МП, КП, НП. Представим образец мотивационного паспорта слова ПОДСОЛНУХ с позиции осмысления его информантами групп РМР и РБР 7–8 лет (табл. 1).

Мотивационный паспорт по своей структуре соответствует модели словарной статьи мотивационно-сопоставительного словаря, изданного под редакцией А.Д. Жакуповой [26], но, в отличие от нее мотивационный паспорт содержит не соотносительные (эквивалентные, парные) ЛЕ разных языков, а одно слово (русского или казахского языков) в аспекте осмысления его детьми-монолингвами и детьми-билингвами. Информация, представленная в мотивационном паспорте слова, фиксирует необходимый материал для сопоставительного анализа МР детей.

Таблица 1

Мотивационный паспорт слова ПОДСОЛНУХ

ПОДСОЛНУХ	
ЛЗ: -а, м. 1. То же, что подсолнечник (Растение сем. сложноцветных с крупным, на высоком стебле, жёлтым соцветием-корзинкой, заполненным семенами, богатыми маслом) [27. С. 533]	
РМР	РБР
«растёт под солнцем» (6), «похож на солнышко» (2), «похож на солнце» (2) «жёлтый, похож на солнце» (2) 12/0 ¹	жёлтый, посередине черные семечки» (4), «цветок смотрит на солнце (2); «жёлтый, в степи; как солнце» (2), «не знаю» (4) 8/4
МФ: ПОДСОЛН/ух	МФ: под/СОЛН/ух
ВФС ₁ <	ВФС ₁ <
МЗ: '<растение, к-рое растёт> под солнцем'	МЗ: '< цветок, к-рый смотрит на> солнце'
ЛМ ₁ : под солнцем	ЛМ ₁ : солнце
СМ ₁ : -	СМ ₁ : -
МФ: под/СОЛН/ух	МФ: под/СОЛН/ух
ВФС ₂ <	ВФС ₂ <
МЗ: '<цветок, к-рый похож на> солнышко'	МЗ: '<жёлтый, как> солнце'
ЛМ ₂ : солнышко	ЛМ ₂ : ЛМ ₁
СМ ₂ : -	СМ ₂ : -
МФ: под/СОЛН/ух	ВФС вариантная, нелексикализованная
ВФС ₃ <	ВФС ₁ неметафорическая
МЗ: '<цветок, к-рый похож на> солнце'	ВФС ₂ метафорическая
ЛМ ₃ : солнце	МП: солнце (НП: растение с жёлтыми цветками)
СМ ₃ : -	Тип мотивированности: морфол.
МФ: под/СОЛН/ух	
ВФС ₄ <	
МЗ: '<жёлтый цветок, похож на> солнце'	
ЛМ ₄ : солнце	
СМ ₄ :-	
ВФС вариативная, ВФС ₁ нелексикализованная, неметафорическая, ВФС _{2,3,4} нелексикализованная, метафорическая	
МП: под солнцем, солнышко, солнце (НП: головка растения обращена вверх)	
Тип мотивированности: морфол.	

Методика МСА лексики базируется на методике, представленной в [28–30], однако имеет свои особенности, обусловленные спецификой детской мотивации монолингвов и билингвов. Остановимся на некоторых из них.

¹ Приведены статистические данные (первая цифра указывает количество информантов, давших мотивирующие толкования, вторая – немотивирующие).

Исходя из понимания того, что МР рассматривается нами как способность к осознанию рациональной взаимообусловленности звучания и значения, составляющей суть мотивированности языкового знака, нами был проведен МСА ЛЕ с точки зрения осознания детьми их мотивированности/немотивированности.

Согласно теории О.И. Блиновой, апробированной преимущественно на материале показаний МЯС взрослых носителей языка, слово имеет три разряда – мотивированное, полумотивированное (частично мотивированное – лексически или структурно), немотивированное [2. С. 49]. Очевидно, что для большинства взрослых осмысление мотивированной лексики не составляет большого труда, однако при анализе показаний МЯС детей нами было замечено, что разработанная О.И. Блиновой классификация разрядов слов не отражает специфику МР детей и не может быть «в чистом виде» применена при сопоставительном изучении мотивированной лексики в аспекте осмысления ее детьми-билингвами и детьми-монолингвами.

Согласно мотивологической концепции мотивированной признается ЛЕ, ВФ которой подверглась рефлексии носителя языка, способного осознать рационально-логическую связь ее значения и звучания. Так, дети группы РМР 7–8 лет при осознании хорошо известного им слова СВЕТИЛЬНИК дают следующие показания: «светит» (9), «дает свет» (3); информанты той же возрастной группы РБР ответили: «светит, чтобы было видно» (6), «связан со светом» (2) «прибор, даёт свет, как ночник» (2), «в магазине, чтобы было светло» (1), «предмет, которым можно осветить ночь» (1). Такие показания дают возможность мотивологу дать структурно-семантическую характеристику слова: 1) слово является мотивированным (лексически и структурно), так как соотносится со словами, выражающими МП (СВЕТИЛЬНИК – МП: светит, свет, светло, осветить), что и обеспечивает им семантическую общность, с другой стороны, обнаруживает связь с одноструктурными образованиями, выражающими КП (светильНИК – КП: ночНИК («прибор»)), что подтверждает их структурную соотносительность; 2) ВФС имеет вариантный характер, т.е. по-разному осознается носителями языка за счет соотношения его с разными фрагментами внеязыковой действительности (явление (свет), признак (светлый), действие (светить, осветить)), в результате чего в слове выявлено четыре ВФ, оно характеризуется множественностью мотивации (полимотивация). В приведенном примере одна из ВФ является лексикализованной, поскольку носители языка при осмыслении слова актуализировали в сознании сегмент СВЕТ, однако соотнести его со значимым компонентом данного слова затруднились («связан со светом?»). Как показали данные эксперимента, дети в силу своего возраста, как правило, не осознают структурную мотивированность слова, в результате чего СМ оказывается неактуальным (за редким исключением). Именно поэтому в «мотивационных паспортах» слов СМ представлен не везде (чаще ставится прочерк).

Немотивированной признается ЛЕ, внутренняя форма которой не осмысливается ребенком. Это происходит по разным причинам: слово незнакомо ребенку (ответ «не знаю»); слово знакомо, но ребенок не понимает его значение (например, слово ДВОРНЯЖКА – «это собачка, не знаю, почему ее так

называют»); слово знакомо, но в метатекстах не актуализируется МП (например, слово ЛЕДЕНЕЦ – «его лизжут», «облизывают», «потому что можно лизать» (3), «сладкий» (3), «можно сосать», «липкое» (1), «из него делают сахар и сладости, они бесполезные» (1), «потому что круглый» (1), «потому что чупа-чупс» (1)); слово незнакомо, но ребенок пытается его объяснить, прибегая к фантазиям, к воображению (НЕПОСЕДА – «неуклюжий, постоянно ударяется», ГОРИЗОНТ – «слышу зонт, но оно никак не связано со словом», КАРАПУЗ – «карабкается на пузе»).

Результаты эксперимента показали, что мотивированным слово может быть с позиции отдельной языковой личности, при этом с позиции группы, коллектива, сообщества оно может быть квалифицировано как немотивированное, и наоборот. Это зависит от количества информантов, давших мотивирующие/немотивирующие толкования и напрямую коррелирует с уровнем МР детей. В связи с этим была создана Шкала мотивированности, где критерием измерения служит принцип частотности, который определяет количество мотивирующих толкований от всего числа анализируемых слов. Присвоим каждому слову индекс мотивированности (условно обозначим его *i-m*) в зависимости от того, сколько мотивирующих толкований было дано на одно слово. Исходя из того, что в группе 12 информантов, выделим 4 *i-m*:

Нулевой i-m – никто из информантов не дал мотивирующее толкование слова, следовательно, слово квалифицируется как немотивированное (*Nm*: No – нет (перевод с англ. языка), *m* – мотивированное).

Низкий i-m – от 1 до 4 человек дали мотивирующее толкование слова; слово с низкой степенью мотивированности (*Lm* – от Low (низкий));

Средний i-m – от 5 до 8 человек дали мотивирующее толкование слова; слово со средней степенью мотивированности (*Mm* – от Middle (средний));

Высокий i-m – 9–12 человек дали мотивирующее толкование слова, слово характеризуется высокой степенью мотивированности (*Hm* – от High (высокий)).

Данная классификация способствует ранжированию уровня МР: чем больше слов с высоким и средним индексом мотивированности, тем выше уровень МР детей, и, наоборот, большее количество слов с нулевым и низким индексом мотивированности свидетельствует о низком уровне МР детей.

Результаты исследования

МСА – это такой вид анализа слова и метатекста, при котором сопоставляются структурно-семантические характеристики слова с целью выявления общности и специфики осмысления мотивированной лексики детьми-монолингвами и детьми-билингвами. МСА проводится поэтапно, по определенной программе, предусматривающей последовательность решения конкретных задач (МСА слов по *i-m*, МСА ВФС и ее видов, МСА типов мотивированности). Подробно рассмотрим результаты МСА лексики по *i-m* с позиции осмысления ее РМР и РБР.

Для осмысления группам РМР и РБР 5–6 лет было дано 21 слово и 3 устойчивых словосочетания, получено по 288 метавысказываний в каждой

группе; 7–8 лет – 26 слов и 3 устойчивых словосочетания (по 348 метавысказываний); 9–10 лет – 35 слов и 2 устойчивых словосочетания (по 444 метавысказывания). Согласно Шкале мотивированности все слова, ставшие фактом рефлексии детей, были проиндексированы, подверглись статистической обработке и сгруппированы по четырем блокам (табл. 2).

Таблица 2

Количество слов по показателю i-m в сопоставляемых группах

Показатель i-m	5–6 лет		7–8 лет		9–10 лет	
	РМР	РБР	РМР	РБР	РМР	РБР
Hm	10 (42%)	0	19 (65%)	10 (35%)	31 (84%)	7 (20%)
Mm	10 (42%)	4 (17%)	6 (21%)	9 (30%)	4 (11%)	19 (51%)
Lm	4 (17%)	14 (58%)	4 (14%)	10 (35%)	2 (5%)	9 (24%)
Nm	0	6 (25%)	0	0	0	2 (5%)

Как видно из табл. 2, в группе 5–6 лет с позиции РМР все слова квалифицируются как мотивированные с разными индексами: равное количество слов с Hm и Mm, 4 слова – с Lm, слов с Nm нет. С позиции РБР слова с Hm отсутствуют, наибольшее количество слов с Lm – 14, имеются слова с Nm – 6. В группе 7–8 лет с позиции осмысления детьми-монолингвами и детьми билингвами все слова являются мотивированными, слова с Nm отсутствуют. Обращает на себя внимание то, что с позиции РМР 65% слов имеют Hm, 4 слова с Lm, при этом с позиции РБР все слова распределены почти равномерно. В группе 9–10 лет РМР видим, что слов с Hm значительное большинство (84%) по сравнению с монолингвальной группой 7–8 лет и 5–6 лет (ср. 65 и 42% соответственно), т.е. в 2 раза слов с Hm стало больше. Соответственно, заметно уменьшилось количество слов с Lm. В группе РБР также отмечаются изменения по сравнению с младшими возрастными группами. Значительно увеличилось количество слов со Mm (54%) в сравнении с 7–8 лет – 30%, 5–6 лет – 17%, при этом уменьшилось количество слов с Lm: 58% – 35% – 24% соответственно. Показательно, что в группе РБР 9–10 лет по сравнению с РБР 7–8 лет, снизился процент слов с Nm: 7–8 лет – 35%, 9–10 лет – 16%. Статистические данные показывают, что процесс осмысления мотивированной лексики билингвами имеет положительную динамику в возрастном аспекте, однако по сравнению с монолингвальной группой идет некоторое отставание в количественном плане (ср. количество слов с высоким i-m: РМР – 84%, РБР – 20%).

Количественный анализ слов по показателю i-m позволяет сформировать информационную базу, содержащую количество мотивированных / немотивированных слов в сопоставляемых группах РМР и РБР, выявить конкретную тенденцию – тенденцию к мотивированности языкового знака в сознании детей, развивающихся в условиях моно- и билингвального социума, и прийти к следующему выводу: в группе РМР больше слов с Hm, слова с Nm отсутствуют; в группе РБР количество слов с Mm и Lm превышает количество слов с Hm, имеются слова с Nm. Данный вывод дает общее представление о МР детей, которая более развита у монолингвов, чем у билингвов.

Однако этот вывод не дает информацию о качестве МР, ее особенностях у одно- и двуязычных детей.

Для выяснения данного вопроса нами проведен МСА слов в каждой возрастной группе путем сопоставления структурно-семантических характеристик слов, представленных в мотивационных паспортах. Анализ позволяет сопоставить метавысказывания детей, выявить характерные для РМР и РБР особенности ВФС и ее видов, мотиваторы, МП, КП, НП и типы мотивированности. Данная информация является важной для характеристики МР детей сопоставляемых групп. Приведем несколько примеров.

5–6 лет. МСА слова УТРЕННИК позволил заметить, что 8 из 12 детей группы РМР отчетливо осознают ВФС, соотнося данное слово со словами 'утром' («в садике утром»¹ (2), «утром встают» (2)), 'утро' («утро» (2), «когда утро наступает» (1)), 'утренний' («это праздник, который проходит в утреннее время» (1)); 4 информанта дали немотивирующие суждения «проходит вечером», «вечером» (2), «потому что это утренник» (1), «он только в садике и в школе» (1). При восприятии этого же слова билингвами картина иная: 10 детей из 12 дали ответ «не знаю», 2 связали слово УТРЕННИК со словом 'утро' («утром встаешь»). МСА показал, что слово УТРЕННИК осознается РМР (6 ВФС, 3 лексических мотиватора, ВФС вариативная, неметафорическая, тип мотивированности – морфологический; 2 из 6 ВФС носят лексикализированный характер (дети группы РМР на предложенное слово дали ответ «утро», т.е. соотнесли слова 'утренник' и 'утро', но объяснить связь звучания и значения затруднились); большая часть РБР не смогли дать мотивирующее толкование. Таким образом, согласно Шкале мотивированности слово УТРЕННИК соответствует комбинации Мm-Lm, т.е. с позиции детей-монолингвов слово имеет средний индекс мотивированности, с позиции детей-билингвов – низкий.

Для осмысления детям было дано устойчивое словосочетание МОЛОЧНЫЕ ЗУБЫ. РМР: 5 из 12 детей дали мотивирующие толкования («от молока», «из молока», «состоят из молока» (4), «белые зубы – белое молоко» (1)). Как видно, отдельные объяснения далеки от истины («состоят из молока»), но для нас важно, что дети соотносят ЛЕ между собой, видят между ними логическую связь, пытаются понять значение предложенного словосочетания через значение других, известных им слов и понятий. 7 детей объяснили словосочетание, исходя из знаний о предмете, не акцентируя внимание на его ВФ («когда выпадают, вырастают новые, они белые и красивые» (1), «белые» (1), «белые, потом становятся старыми» (1), «красивые» (1), «когда они шатаются, они становятся молочными» (1), «детские, сразу появляются» (1), «не знаю» (1)). 10 детей группы РБР дали ответ «не знаю», 2 объяснили так: «как молоко» (1); («зубы, которые падают») (1). МСА выявил, что с позиции детей обеих групп словосочетание МОЛОЧНЫЕ ЗУБЫ имеет комбинацию: Мm-Lm.

¹ Подчеркнуто мотивирующее слово (мотиватор).

На данном этапе МСА нами выявлены следующие комбинации i-m (приведем их по мере убывания):

а) Nm-Lm (в группе РМР ЛЕ характеризуется высокой степенью мотивированности, в группе РБР – низкой): БЕЗВЕТРЕННЫЙ, ДВУХЭТАЖНЫЙ, ЗВЕЗДНЫЙ, МЯКАТЬ, НАМУСОРИТЬ, ИГРАТЬ, ДЕТСКИЙ САД (7 слов, что составляет 29% от общего количества слов);

б) Mm-Lm: УТРЕННИК, АВТОБУСНЫЙ, ЖУЖЖАТЬ, РАСКРАШИВАТЬ, МОЛОЧНЫЕ ЗУБЫ (5 слов – 21%);

в) Mm-Nm: ДВОРНЯЖКА, ТАНЦЕВАТЬ, УЛЫБАТЬСЯ (3 слова – 12,5%);

г) Nm- Mm: ЗВЕЗДОЧЕТ, ПЫЛЕСОС (2 слова – 8,5%);

д) Mm-Mm: СНЕЖИНКА, УМНИЦА (2 слова – 8,5%);

е) Lm-Lm: РИСОВАТЬ, СЛУШАТЬ (2 слова – 8,5%);

ж) Lm – Nm: ЛЕДЕНЕЦ, МОРОЖЕНОЕ (2 слова – 8,5%);

з) Nm- Nm: ВОЛШЕБНЫЙ (1 слово – 3,5%).

7–8 лет. В данной возрастной группе наибольшее количество слов наблюдается в комбинации Nm-Nm, когда с позиции РМР и РБР слово обладает высоким i-m. Приведем пример со словом СНЕГУРОЧКА. Из группы РМР 11 детей дали мотивирующие толкования («снежная девочка» (5), «девочка из снега» (3), «костюм похож на снег» (3)), 1 немотивирующее («сугробы» (1)); РБР – 10 детей дали мотивирующие толкования («снег», «от слова снег» (4), «девочка из снега, белая» (2), «снежная девочка» (2), «только приходит зимой, а зимой есть снег» (1), «потому что как снежинка» (1); 2 немотивирующих толкования «девочка; внучка Деда Мороза», «не знаю». Как видим, в сознании всех информантов актуальным оказывается сегмент СНЕГ-, который обнаруживает связь с разными словами русского языка, в результате чего выделяются 3 ЛМ (снег, снежный, снежинка). Общими для РМР и РБР оказываются метатексты «снежная девочка», «девочка из снега», специфическими – «костюм похож на снег» (РМР), «потому что как снежинка» (РБР). Оба специфических метатекста характеризуются метафоричностью, причем очень «красочным» оказывается сравнение снегурочки со снежинкой. Здесь необходимо обратить внимание на то, что в показаниях МЯС билингвов имеются метатексты с указанием на одно слово СНЕГ, без комментария, которые свидетельствуют о затруднительном «прочтении» ВФС. Так, МСА показал, что с позиции РМР и РБР слово СНЕГУРОЧКА характеризуется высоким i-m, имеет 3 ВФС (РМР) и 5 ВФС (РБР), 2 ЛМ (РМР) и 3 ЛМ (РБР), тип мотивированности – морфологический, ВФС вариантная. В обеих группах встретилось по одному метатексту, характеризующему ВФС как метафорическую, и в группе РБР 1 ВФС имеет лексикализованный характер.

МСА словосочетания НАДЕЖНЫЙ ДРУГ показал, что его осмысление РМР и РБР характеризуется средним и низким индексом мотивированности (Mm-Lm): 5 РМР дали ответы «потому что на него можно надеяться» (3), «от слова надежда» (1), «надёжное слово» (1); 3 РБР – «надежда» (2), «надеешься на близкого друга» (1). В сознании РМР и РБР обнаруживаются

одинаковые мотивационные связи, что позволяет выделить одинаковые ЛМ (надежда, надеяться), но в большей степени данное словосочетание воспринимается детьми на когнитивном уровне: они делятся своими знаниями, исходя из жизненного, практического опыта (РМР: «лучший, можно верить и можно на него положиться», «ему можно верить» (2), «хороший друг, с ним можно дружить» (1), «хороший» (1), «помогает» (1), «можешь всё рассказывать, и он ничего не расскажет» (1), «держаться» (1); РБР: «друг не бросит» (1), «никогда не подведет» (1), «хороший» (1), «он защищает» (1), «потому что он нужен» (1), «не знаю» (4).

МСА выявил следующие комбинации:

а) Нм-Нм: СВЕТИЛЬНИК, КОЛОКОЛЬЧИК, МАЛЫШ, КУКУШКА, ОСТАНОВКА, ПОДОКОННИК, СНЕГУРОЧКА, ХОЛОДИЛЬНИК, СИЛАЧ, ЧЕРНИЛА (10 слов – 35,3%);

б) Нм-Мм: ПОДСОЛНУХ, ГОЛУБИКА, ПОДАРОК, ЧУДЕСНЫЙ, КОСОЛАПЫЙ, ЛАЙКАТЬ, ИСКРИТЬСЯ, КРУЖИТЬСЯ (8 слов – 27,2%);

в) Мм-ЛМ: КАРАПУЗ, КРИВЛЯТЬСЯ, НАДЕЖНЫЙ ДРУГ, ПОЛЕЗНЫЙ СОВЕТ, СКОРЫЙ ПОЕЗД (5 слов – 17 %);

г) Лм- Лм: ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ, ДРОЖАТЬ, УДИВЛЯТЬСЯ, НАКАЗЫВАТЬ (4 слова – 14%);

д) Нм-Лм: ЗАГАДОЧНЫЙ (1 слово – 3,5%);

е) Мм-Мм: НЕПОСЕДА (1 слово – 3,5%).

9–10 лет. МСА слов с точки зрения i-m позволил заключить, что самая многочисленная комбинация в данной возрастной группе – это Нм-Мм (19 слов, что составляет 51%). Рассмотрим на примере слова ПОПУТНЫЙ (ветер). При восприятии данного прилагательного все 12 РМР осознали и дали мотивирующие толкования, причем соотнесли с разными словами: «по пути» (3), «по пути идти» (2), «по пути встречается» (2), «путь» (2), «взяли попутчика по пути» (1), «путает всё» (1), «от слова путается» (1). В результате выявлено 6 ВФС, 5 ЛМ (по пути, путь, попутчик, путать, путаться), ВФС вариативная, неметафорическая, 3 из 6 ВФС носят лексикализированный характер. Омонимичный корень -ПУТ- (путь; путать) стал причиной появления метатекстов с ложным мотивирующим толкованием (типа ПОПУТНЫЙ – «путает все»). Для сопоставительно-мотивологического исследования данный факт является важным, поскольку дает основания говорить о действии мотивационного механизма, о МР ребенка, пытающегося соотнести ЛЕ между собой, даже если семантически они несоотносимы, при этом ребенок, не зная значения слова, дает свое, по его мнению, верное толкование. С позиции РБР данное слово обладает средним i-m, поскольку осознали его только 5 из 12 респондентов: «идет с тобой по пути» (3), «по – приставка, пут – корень» (1), «по пути ветер» (1), 7 детей ответили «не знаю», в результате чего выделяем 2 ВФС, 1 ЛМ, ВФС вариантная, нелексикализованная, неметафорическая. Как видно из метавысказываний, билингвы пытаются «прочитать» ВФС, дать толкование, однако процент таких детей невысок.

В ходе МСА слов с точки зрения их структурно-семантических характеристик была выявлена комбинация Нм-Лм (13%) в сравнении с группой

7–8 лет, в которой данная пара встретилась один раз (3,5%). Для РМР слово легко осознаваемо, для РБР составляет трудность. Например, при восприятии глагола СЛЕДИТЬ 10 из 12 РМР дали мотивирующие толкования, соотнося с разными словами (ЛМ: след, вслед, слежечка): («след искать» (5), «след» (3), «слежечка, след» (1), «смотреть вслед» (1); в группе РБР только 4 информанта дали мотивирующие толкования («идти по следу» (1), «следовать» (1), «след» (1), «расследовать» (1). Слово СЛЕДИТЬ в современном русском языке имеет лексикализованную («затемненную») ВФ, поскольку утрачена семантическая (мотивационная) связь со словом СЛЕД, при этом большинство РМР и РБР соотнесли слово СЛЕДИТЬ именно со словом СЛЕД. Очевидно, что слово СЛЕДИТЬ, испытывавшее процесс лексикализации ВФ, затруднено для восприятия билингвами и имеет низкий i-m.

Таким образом, МСА лексики выявил следующие комбинации индексов мотивированности:

а) Нм-Мм: ЖИВОТНОЕ, ПОЖАР, МЕДВЕДЬ, ТРЕСК, ФУТБОЛКА, ШАЛУН, КАРАПУЗ, ГВОЗДИКА, ПОДКИДЫШ, ЧЕРНОСЛИВ, ПОПУТНЫЙ, ВСТРЕЧНЫЙ, ПРОГУЛОЧНЫЙ, ЗДОРОВАТЬСЯ, ПОКРАСНЕТЬ, ПРИЗЕМЛИТЬСЯ, ПРИВЕТЛИВАЯ УЛЫБКА, СВЕТОФОР, ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК (20 слов – 51%);

б) Нм-Нм: ОДУВАНЧИК, ЖЕЛТОК, КАЧЕЛИ, КОЛДУН, НАБЕРЕЖНАЯ, ПОДЕЛКА (6 слов – 16%);

в) Нм-Лм: СВЕРЧОК, МАШИНА, БУБНИТЬ, ШЕПТАТЬ, СЛЕДИТЬ (5 слов – 13,5%);

г) Мм-Лм: РЯБИНА, ГОРИЗОНТ, ШУРШАТЬ (3 слова – 8%);

д) Мм-Мм: СОВРЕМЕННЫЙ (1 слово – 2,7%);

е) Нм-Нм: ПАСМУРНАЯ ПОГОДА (1 словосочетание – 2,7%);

ж) Лм-Нм: ЕГОЗА (1 слово – 2,7%);

з) Лм-Лм: МАЯТНИК (1 слово – 2,7%).

Представим результаты МСА лексики с точки зрения комбинаций i-m всех возрастных групп (табл. 3).

Обратим внимание на то, что в группе 5–6 лет отсутствуют слова, которые с позиции РМР и РБР имеют Нм, в группе 7–8 лет таких слов 10, в группе 9–10 лет – 6. Примечателен тот факт, что наибольшее количество слов с одинаковыми i-m зафиксировано в группе 7–8 лет, всего 15 пар: Нм – Нм (10), Мм-Мм (1), Лм-Лм (4). В группе 5–6 лет их всего 4 (Мм-Мм – 2, Лм-Лм – 2), 9–10 лет – 8 (Нм-Нм – 6, Мм-Мм – 1, Лм-Лм – 1). Нет ни одной комбинации, в которой i-m в группе РБР был бы выше, чем в группе РМР, к примеру, комбинации Мм-Нм, Лм-Нм, Лм-Мм имеют нулевые показатели. В большинстве комбинаций i-m слова в группе РМР выше на одну ступень по сравнению с РБР: Нм-Мм (8), Мм-Лм (5), Нм-Лм (1) и др. Эксперимент показал, что количество комбинаций Нм-Нм в группе 9–10 лет ниже, чем в группе 7–8 лет, при этом многочисленной в группе 9–10 лет является комбинация Нм-Мм (51%).

Таблица 3

Количественные показатели комбинаций i-m в сопоставляемых группах

РМР-РБР	5–6 лет		7–8 лет		9–10 лет	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Hm-Hm	0	–	10	35,3	6	16
Hm-Mm	2	8,5	8	27,2	19	51
Hm-Lm	7	29	1	3,5	5	13,5
Hm-Nm	1	–	0	–	1	2,7
Mm-Hm	0	–	0	–	0	–
Mm-Mm	2	8,5	1	3,5	1	2,7
Mm-Lm	5	21	5	17	3	–
Mm-Nm	3	12,5	0	–	0	–
Lm-Hm	0	–	0	–	0	–
Lm-Mm	0	–	0	–	0	–
Lm-Lm	2	8,5	4	14	1	2,7
Lm-Nm	2	8,5	0	–	1	2,7

Из представленных фактических данных приходим к выводу, что МР, выраженная в способности детей осознавать связь звучания и значения слов на основе формально-семантического соотношения языковых знаков, присутствует у детей-монолингвов и детей-билингвов разных возрастных групп. При этом можно выявить как сходства, так и отличия ее проявления в МЯС детей.

Заключение

Результаты представленного в статье экспериментального исследования МР детей-монолингвов и детей-билингвов, развивающихся в условиях биполикультурного социума Казахстана, предоставили ценный материал для дальнейшего развития теории лексической мотивации О.И. Блиновой, исследований в области психолингвистики, когнитивной лингвистики, сопоставительной мотивологии, онтолингвистики.

МР как лингвокогнитивная способность характеризуется разной степенью ее проявления у детей в зависимости от владения одним/двумя языками и от возраста. Отметим основные универсальные и специфические особенности МР монолингвальных и билингвальных (русско-казахский билингвизм) детей.

Общность МР детей-монолингвов и детей-билингвов заключается в типизированности моделей мотивирующих толкований, обусловленных единым механизмом восприятия лексики (мотивационные ассоциации), природной способностью воспринимать язык в неразрывной связи его с «миром вещей» и «личностным миром», формирующими так называемый мотивационный код языковых единиц, необходимый для успешной коммуникативной и когнитивной практики ребенка.

Общим для МР детей-монолингвов и детей-билингвов является наличие большого количества слов, при восприятии которых дети «объясняют» значение слова, соотнося его лишь с одним словом, причем дети воспринимают

слово очень конкретно с указанием на конкретные (чаще наглядные) признаки. Некоторые метатексты включают дополнительные лексические средства типа «от слова ...», «связано со словом...», что свидетельствует об умении ребенка вычленить значимый сегмент без толкования с опорой на него. К общим тенденциям можно отнести процесс осмысления ВФС, при котором обнаруживаются ослабление мотивационных связей, утрата способности слова к актуализации отношений лексической мотивации.

Специфика МР заключается в том, что в процессе толкования слова монолингвы всех возрастных групп более точно интерпретируют ВФС, их МР реже свойственны сомнение и предположительность, в результате чего для МР РМР характерна тенденция к единственно «правильной» мотивации, общей для большинства участников эксперимента. Эксперимент показал, что значительная часть билингвов всех возрастных групп испытывала затруднение в толковании слов в силу незнания слова или непонимания его значения (к примеру, такие слова, как МАЯТНИК, ЧЕРНОСЛИВ, ПОДКИДЫШ, ЕГОЗА, ГОРИЗОНТ и др.). При этом показательно, что некоторые метавысказывания РБР отличаются от метавысказываний РМР большим разнообразием, творческим осмыслением, креативностью, например: НАБЕРЕЖНАЯ – «где море, речка, бережная», ЖЕЛТОК – «это яичница, желтое яичко», ШАЛУН – «от шал – старый» (в казахском языке 'шал' означает старый, немощный человек), «как клоун», ПОКРАСНЕТЬ – «мама становится красной на собрании в школе», ДРОЖАТЬ – «от слова дрог» и мн. др.

Множественность «прочтения» ВФС и, соответственно, полимотивация – это отличительная особенность билингвальной группы 7–8 лет, что выражается в большем количестве вариантных ВФС, следовательно, для МР РБР в большей степени характерны расчлененность, иконичность именуемого предмета, широкий спектр ассоциаций.

Метафорическая ВФС встречается редко в сопоставляемых группах, вместе с тем результаты проведенного МСА показали, что при ассоциативно-образном восприятии слова выбор признака (метафора) происходит неодинаковым образом у детей-монолингвов и детей-билингвов: РМР и РБР при восприятии одного слова могут обращать внимание на один и тот же признак, при восприятии другой лексемы – на разные признаки.

Отличительной особенностью МР билингвов 9–10 лет является объяснение слов русского языка, в котором находят отражение алогичные мотивационные связи между словами, не соотносимые между собой ни семантически, ни структурно («парадоксальная» ВФС). Причиной этого, возможно, становится незнание правильного написания слова русского языка, а также стремление респондента соотнести осмысляемое слово с ЛЕ казахского языка (КАРАПУЗ – «слышу пузо; кара – карма; кара – короткий» (2), «кора на деревьях и пузико» (1), «маленький ребенок, который пухленький или от каз. яз. кара – чёрный» (1). Очевидно, что соотнесение слова КАРАПУЗ со словом КАРА – короткий объясняется незнанием билингвом орфографии слова КОРОТКИЙ (по его мнению, оно пишется КАРОТКИЙ); связь слов

КАРА – КАРМА объясняется лишь близким созвучием; связь КАРА – с казахским словом *қара* (черный) также объясняется созвучием, при этом толкование отсутствует.

В целом результаты эксперимента показали, что дети-монолингвы демонстрируют более высокий уровень МР, особенно это заметно в возрастной динамике. Это вполне закономерно, поскольку с возрастом процесс освоения ребенком языка как «системы кодов» (А.Р. Лурия) активно формируется. Овладение лексическим строем языка, достаточная степень осознания речи и ее произвольность, способность ребенка к адекватному выбору языковых средств достигаются к концу дошкольного возраста и достаточно сформированы к окончанию начальной школы. Немаловажным оказывается и развитие языковой способности, которая заключается в умении пользоваться языком «в рамках системы правил, принятых в данном языке для выражения мыслей» [31. С. 9]. Для РМР характерно более точное мотивирующее толкование, они лучше владеют системой языковых знаков, тоньше чувствуют природу родного языка.

Показания МЯС детей-билингвов характеризуются менее точными мотивирующими толкованиями и большим количеством немотивирующих толкований (в том числе ответ «не знаю» встречается часто), что объясняется меньшим объемом словарного запаса русского языка и определенным влиянием знания родного (казахского) языка. Именно этот факт, на наш взгляд, способствует тому, что дети-билингвы более «изобретательны» в «прочтении» ВФС: в «затруднительной» для них ситуации (незнание слова или непонимание его значения) они ищут выход, «путь решения задачи», что приводит их к поиску креативных ходов, созданию собственных языковых техник, например таких, как соотнесение незнакомого слова с ЛЕ русского языка по созвучию, структуре и синонимии или со схожими по звучанию словами казахского языка (отсюда и частые парадоксальные, причудливые метаязыковые комментарии). Из этого следует вывод, что МР билингвов исследуемых возрастных групп характеризуется средним уровнем, по сравнению с монолингвами, однако выявленные особенности МР билингвов позволяют предположить, что билингвальных детей отличают гибкость, вариативность и креативность мышления, которые могут проявиться в более старшем возрасте.

Таким образом, МСА лексики позволил охарактеризовать общие и специфические черты в осознании мотивированной лексики детьми-монолингвами и детьми-билингвами. Методология сопоставительно-мотивологического исследования обогатилась за счет разработки новой методики проведения ПЛЭ и новой методики определения степени мотивированности слова с учетом индекса мотивированности. Предложенная авторами статьи Шкала мотивированности дает возможность более точно распределить слова по степени мотивированности в аспекте осмысления ее детьми-монолингвами и детьми-билингвами, соотнести детские метавысказывания и структурно-семантические характеристики слов с учетом комбинации индексов мотивированности. Существенно расширена эмпирическая и информационная база сопоставительно-мотивологической теории за счет привлечения метатекстов детей разных возрастных

групп (5–6, 7–8, 9–10 лет), владеющих одним/двумя языками; пополнен понятийно-терминологический инвентарь метаязыка сопоставительной мотивологии (мотивирующее/немотивирующее толкование, индекс мотивированности).

Это дает нам основание сделать некоторые выводы о МР детей-монолингвов и детей-билингвов в виде выявленных в ходе исследования тенденций в описании МР как лингвокогнитивного феномена, наметить новый ракурс мотивологической концепции с прямым выходом в онтолингвистику и педагогику. Безусловно, достоверность и легитимность выводов требует дальнейшего изучения МР детей путем верификации на более обширном эмпирическом материале.

Список источников

1. Блинова О.И. Явление мотивации слов (лексикологический аспект). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 191 с.
2. Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. 394 с.
3. Демешкина Т.А., Наумов В.Г. Блинова О.И.: Библиографический указатель. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 55 с.
4. Корчагина В.Н. Речевой онтогенез: методические рекомендации. Витебск, 2014. 48 с.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2004. 713 с.
6. Лепская Н.И. Язык ребенка: (Онтогенез речевой коммуникации). М., 1997. 152 с.
7. Гридина Т.А. Мотивационная рефлексия в детской речи: лингвокогнитивный аспект // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2004. № 2. С. 19–32.
8. Гридина Т.А. Мотивационная рефлексия как вид метаязыковой деятельности ребенка. СПб., 2002. URL: <http://www.iling.spb.ru/grammatikon/child/grid.html?language=en>
9. Жакупова А.Д. Сопоставительная мотивология тюркских и славянских языков. Кокшетау : Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова, 2021. 442 с.
10. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.
11. Мирзоева Л.Ю., Ахметжанова З.К. К вопросу об интерферентных ошибках как элементе языкового ландшафта в условиях субординативного полиязычия // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 60. С. 45–65.
12. Жаркынбекова Ш.К., Чернявская В.Е. Казахско-русская билингвальная практика: смешение кода как ресурс в коммуникативном взаимодействии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 2. С. 468–482.
13. Скворцова К.В. Словарный запас детей-монолингвов и детей-билингвов 6–7,5 лет (сравнительный анализ) // Педагогика и психология образования. 2017. № 3. С. 32–38.
14. Sullivan M., Poarch J., Bialystok E. Why is lexical retrieval slower for bilinguals? Evidence from picture naming // Bilingualism: Language and Cognition. 2018. Vol. 21, is. 3. P. 479–488. doi: 10.1017/S1366728917000694
15. Аманов А.Ш., Гагарина Н.В. Макроструктурный анализ повествовательных текстов тюркоязычных школьников-билингвов // Урало-алтайские исследования. 2022. № 46. С. 7–21.
16. Pearson D.K. Effect of Language Background on Metalinguistic Awareness and Theory of Mind : PhD Thesis. Stirling, 2013. 236 p.
17. Alipour J., Ranjbar M. A metaphorical advantage for bilingual children? Understanding figurative meaning by L2 and L3 EFL learners // Journal of Child Language. First View. P. 1–20. doi: 10.1017/S0305000923000065

18. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале говоров Сибири). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 193 с.
19. Жакупова А.Д. Стратегия осмысления мотивированной лексики носителями русского и казахского языков: сопоставительно-мотивологический подход // Вестник Карагандинского университета. Серия: Филология. 2010. № 3. С. 4–10.
20. Гарганеева К.В. Явление мотивации слов в социовозрастном аспекте : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1999. 210 с.
21. Гарганеева К.В. Мотивационный словарь детской речи / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 122 с.
22. Фурман Н.Г. Формирование механизма мотивации слов в детской речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. 21 с.
23. Доброва Г.Р. Эксперимент в онтолингвистике: методическое пособие для магистрантов. СПб. : Изд-во Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена, 2018. 55 с. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=362171>
24. Жакупова А.Д. Сопоставительная мотивология: методы и аспекты. Кокшетау : Келешек-2030, 2009. 264 с.
25. Гридина Т.А. Потенциальная семантика детских словотворческих инноваций в свете экспериментальных данных: методика прямого толкования слова // Уральский филологический вестник «Психоллингвистика в образовании». 2015. № 4. С. 5–18.
26. Мотивационно-сопоставительный словарь наименований растений и птиц / под ред. А.Д. Жакуповой ; сост. Б.А. Газдиева, А.Д. Жакупова, О.А. Жумагулова, И.С. Каирбекова, А.О. Мукашева, Ж.О. Сагындыкова, Г.Т. Тлеубердина. Кокшетау : Келешек-2030, 2013. 258 с.
27. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 3-е изд., стер. М. : АЗЪ, 1995. 928 с.
28. Блинова О.И. Сопоставительная мотивология // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. Ч. 1. С. 17–24.
29. Адилова (Жакупова) А.Д. Принципы мотивологического исследования и его аспекты (на материале наименований птиц) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1996. 257 с.
30. Жакупова А.Д. Сопоставительная мотивология славянских и тюркских языков. Кокшетау : Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова, 2021. 442 с.
31. Ушакова О.С. Теория и практика развития речи дошкольника. М. : Сфера, 2010. 240 с.

References

1. Blinova, O.I. (1984) *Yavlenie motivatsii slov (leksikologicheskiiy aspekt)* [The Phenomenon of Word Motivation (Lexicological aspect)]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Blinova, O.I. (2007) *Motivologiya i ee aspekty* [Motivology and Its Aspects]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Demeshkina, T.A. & Naumov, V.G. (2000) *Blinova O.I. Bibliograficheskiy ukazatel'* [Blinova O.I. Bibliographic index]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Korchagina, V.N. (2014) *Rechevoy ontogenez: metodicheskie rekomendatsii* [Speech Ontogenesis: Methodological recommendations]. Vitebsk: Vitebsk State University named after P.M. Masharov.
5. Rubinshteyn, S.L. (2004) *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. Saint Petersburg: Piter.
6. Lepskaya, N.I. (1997) *Yazyk rebenka (Ontogenez rechevoy kommunikatsii)* [Child's Language (Ontogenesis of speech communication)]. Moscow: Moscow State University.
7. Gridina, T.A. (2004) *Motivatsionnaya refleksiya v detskoj rechi: lingvokognitivnyy aspekt* [Motivational reflection in children's speech: linguocognitive aspect]. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatelnosti*. 2. pp. 19–32.

8. Gridina, T.A. (2002) *Motivatsionnaya refleksiya kak vid metazykovoy deyatel'nosti rebenka* [Motivational Reflection As a Type of Metalinguistic Activity of a Child]. [Online] Available from: <http://www.iling.spb.ru/grammatikon/child/grid.html?language=en>
9. Zhakupova, A.D. (2021) *Sopostavitel'naya motivologiya tyurkskikh i slavyanskikh yazykov* [Comparative Motiveology of Turkic and Slavic Languages]. Kokshetau: Kokshetau State University.
10. Vepreva, I.T. (2005) *Yazykovaya refleksiya v postsovetскую epokhu* [Language Reflection in the Post-Soviet Era]. Moscow: OLMA-PRESS.
11. Mirzoeva, L.Yu. & Akhmetzhanova, Z.K. (2019) Interference Errors in the Frame of Subordinate Multilingualism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 60. pp. 45–65. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/60/4
12. Zharkynbekova, Sh.K. & Chernyavskaya, V.E. (2022) Kazakhsko-russkaya bilingval'naya praktika: smeshenie koda kak resurs v kommunikativnom vzaimodeystvii [Kazakh-Russian bilingual practice: code mixing as a resource in communicative interaction]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 2 (13). pp. 468–482.
13. Skvortsova, K.V. (2017) Slovarnyy zapas detey-monolingvov i detey-bilingvov 6–7,5 let (sravnitel'nyy analiz) [Vocabulary of monolingual and bilingual children aged 6–7.5 years (comparative analysis)]. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya*. 3. pp. 32–38.
14. Sullivan, M., Poarch, J. & Bialystok, E. (2018) Why is lexical retrieval slower for bilinguals? Evidence from picture naming. *Bilingualism: Language and Cognition*. 3 (21). pp. 479–488. DOI: 10.1017/S1366728917000694
15. Amanov, A.Sh. & Gagarina, N.V. (2022) Makrostrukturnyy analiz povestvovatel'nykh tekstov tyurkoyazychnykh shkol'nikov-bilingvov [Macrostructural analysis of narrative texts of Turkic-speaking bilingual schoolchildren]. *Uralo-altayskie issledovaniya*. 46. pp. 7–21.
16. Pearson, D.K. (2013) *Effect of Language Background on Metalinguistic Awareness and Theory of Mind*. PhD Thesis. Stirling.
17. Alipour, J. & Ranjbar, M. A metaphorical advantage for bilingual children? Understanding figurative meaning by L2 and L3 EFL learners. *Journal of Child Language. First View*. 2 (51) pp. 1–20. doi: 10.1017/S0305000923000065
18. Rostova, A.N. (2000) *Metatekst kak forma eksplikatsii metazykovogo soznaniya (na materiale govorov Sibiri)* [Metatext as a form of explication of metalinguistic consciousness (based on the dialects of Siberia)]. Tomsk: Tomsk State University.
19. Zhakupova, A.D. (2010) Strategiya osmysleniya motivirovannoy leksiki nositelyami russkogo i kazakhskogo yazykov: sopostavitel'no-motivologicheskii podkhod [Strategy for understanding motivated vocabulary by speakers of Russian and Kazakh languages: a comparative-motivological approach]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya FILOLOGIYA*. 3. pp. 4–10.
20. Garganeeva, K.V. (1999) *Yavlenie motivatsii slov v sotsiovozrastnom aspekte* [The phenomenon of motivation of words in the social and age-specific aspect]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
21. Garganeeva, K.V. (2007) *Motivatsionnyy slovar' detskoy rechi* [Motivational Dictionary of Children's Speech]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Furman, N.G. (2009) *Formirovanie mekhanizma motivatsii slov v detskoy rechi* [Formation of the mechanism of motivation of words in children's speech]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
23. Dobrova, G.R. (2018) *Ekspерiment v ontolingvistike* [Experiment in Ontolinguistics]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia. [Online] Available from: <https://znanium.com/catalog/document?id=362171>
24. Zhakupova, A.D. (2009) *Sopostavitel'naya motivologiya: metody i aspekty* [Comparative Motiveology: Methods and aspects]. Kokshetau: Keleshek-2030.

25. Gridina, T.A. (2015) Potentsial'naya semantika detskikh slovotvorcheskikh innovatsiy v svete eksperimental'nykh dannykh: metodika pryamogo tolkovaniya slova [Potential semantics of children's word-creating innovations in the light of experimental data: a method of direct interpretation of a word]. *Ural'skiy filologicheskii vestnik "Psikholingvistika v obrazovanii"*. 4. pp. 5–18.

26. Zhakupova, A.D. (ed.) (2013) *Motivatsionno-sopostavitel'nyy slovar' naimenovaniy rasteniy i ptits* [Motivational and Comparative Dictionary of Names of Plants and Birds]. Kokshetau: Keleshek-2030.

27. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1995) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions]. 3rd ed. Moscow: AZ".

28. Blinova, O.I. (1994) Sopostavitel'naya motivologiya [Comparative motivology]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Voprosy slovo- i formoobrazovaniya v indoevropeyskikh yazykakh: Semantika i funktsionirovanie* [Issues of Word-formation and Formation of Form in Indo-European Languages: Semantics and functioning]. Part 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 17–24.

29. Adilova (Zhakupova), A.D. (1996) *Printsipy motivologicheskogo issledovaniya i ego aspekty (na materiale naimenovaniy ptits)* [Principles of motiveological research and its aspects (based on the names of birds)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

30. Zhakupova, A.D. (2021) *Sopostavitel'naya motivologiya slavyanskikh i tyurkskikh yazykov* [Comparative motiveology of Slavic and Turkic languages]. Kokshetau: Kokshetau State University.

31. Ushakova, O.S. (2010) *Teoriya i praktika razvitiya rechi doshkol'nika* [Theory and Practice of Speech Development in Preschoolers]. Moscow: Sfera.

Информация об авторах:

Жакупова А.Д. – д-р филол. наук, профессор кафедры общего языкознания и литературы, проректор по научной работе и взаимодействию с регионом Кокшетауского университета им. Шокана Уалиханова (Кокшетау, Казахстан). E-mail: aygul.zhakupova@yandex.kz

Анищенко О.А. – д-р филол. наук, ассоциированный профессор кафедры общего языкознания и литературы Кокшетауского университета им. Шокана Уалиханова (Кокшетау, Казахстан). E-mail: olga_alex62@mail.ru

Темирова Ж.Г. – доктор PhD, ассистент-профессор кафедры общего языкознания и литературы Кокшетауского университета им. Шокана Уалиханова (Кокшетау, Казахстан). E-mail: temirova.zh@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.D. Zhakupova, Dr. Sci. (Philology), professor, vice-rector for scientific work and interaction with the region (Kokshetau, Kazakhstan). E-mail: aygul.zhakupova@yandex.kz

O.A. Anichshenko, Dr. Sci. (Philology), associate professor, Shokan Ualikhanov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan). E-mail: olga_alex62@mail.ru

Zh.G. Temirova, PhD, assistant professor, Shokan Ualikhanov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan). E-mail: temirova.zh@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.09.2023;
одобрена после рецензирования 02.11.2023; принята к публикации 25.03.2024.*

*The article was submitted 25.09.2023;
approved after reviewing 02.11.2023; accepted for publication 25.03.2024.*

Научная статья
УДК 81-112.2; 811.133.1
doi: 10.17223/19986645/88/4

Диасистемная вариативность в эволюции французского языка (на материале глагола)

Анна Евгеньевна Лукина¹

¹ *Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, anialuk@yandex.ru*

Аннотация. Анализируется вариативность глагольных форм в истории французского языка. Новизна исследования обуславливается тем, что впервые используется диасистемный подход при их анализе, описана их функциональная значимость в соответствии с тем или иным видом языковой вариативности. Определена роль диасистемной вариативности глагольных форм в эволюции глагольной системы французского языка. Произведена классификация выявленных случаев вариативности глагольных форм в соответствии с видами диасистемной вариативности – диахроническим, диафазическим, диафазическим.

Ключевые слова: вариативность, диасистема, диахронический вид вариативности, диафазический вид вариативности, диафазический вид вариативности, глагол, история языка, французский язык

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00297 А «Французские скрипты (региональные письменные традиции) IX–XIV вв.: имя и глагол»).

Для цитирования: Лукина А.Е. Диасистемная вариативность в эволюции французского языка (на материале глагола) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 88. С. 76–91. doi: 10.17223/19986645/88/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/88/4

Diasystem variation in the evolution of the French language (on the material of the verb)

Anna E. Lukina¹

¹ *Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation,
anialuk@yandex.ru*

Abstract. This article offers a thorough analysis of the variability of verb forms in the history of the language. The types of diasystemic variability that are characteristic of the evolution of the French language are determined. The originality is determined by the fact that for the first time a diasystemic approach is used in the analysis of cases

of variability of verb forms in the history of the French language with the definition and description of their functional significance in accordance with one or another type of diasystemic variability. The evolution of the verbal system of the French language is studied in the context of the concept of “diasystem”, the fundamental types of variability in the history of the French language are determined, which act as factors of changes in the system. The subject of the study is the types of diasystemic variability of verb forms and the definition of their role in the evolution of the French verbal system. A classification of the revealed cases of variability of verb forms is made in accordance with the following types of diasystemic variability: diatopic type, diachronic type, diaphasic type. The material for the study was French scripts of the 10th–14th centuries, presented by handwritten versions of various literary works. For their study, L.A. Stanova’s method of analysis is used “horizontally”, comparing different handwritten versions of one literary monument, and “vertically”, comparing different literary works. works within one regional written tradition, scripts. To analyze the research material, the comparative-comparative method, the structural-functional method, and the method of contextual analysis were also used. In the course of studying the types of diasystemic variability, the following was proved: (1) the diatopic type of variability of verb forms makes it possible to determine which phonetic processes affect the graphic design of verb forms in a particular script and determine the appearance of their variants in a particular time period (palatalization of consonants is characteristic of Picard scripts, monophthongization was already recorded in Central French scripts in the 13th century); (2) the diachronic type of variability indicates the changes that took place in the verbal system of the Old and Middle French periods at the level of morphology (displacement of archaic Latin forms of the verb *estre* by newly formed Romanic forms – the indicative imperfect *ert* → *estoit*; at the level of the use of verbal forms of tense and mood in the text – competition of the perfect/imperfect indicative in the descriptive function in the Old French period with the subsequent consolidation of the use of the imperfect in this meaning in the texts); (3) for the diaphasic type of variability, in the course of comparing different handwritten versions of one literary monument, it was found that, when rewriting the text, the scribe could completely alter the temporal/modal context of the work in order to change the general context of the work (on the material of the fabliau in the Picard script, the predominant use of verb forms of subjunctive is noted instead of indicative). The use of the diasystemic approach in the study of the variability of verb forms in the history of the French language makes it possible to systematize and order the identified cases of variability at different levels of the language (phonetic, morphological, at the level of graphics), as well as at the level of use in the text.

Keywords: variability, diasystem, diachronic variability, diatopic variability, diaphasic variability, verb, history of language, French language

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00297 A.

For citation: Lukina, A.E. (2024) Diasystem variation in the evolution of the French language (on the material of the verb). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 88. pp. 76–91. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/88/4

Введение

Объектом настоящего исследования выступает вариативность глагольных форм в эволюции французского языка. Предметом являются виды

диасистемной вариативности глагольных форм: диатопический, диахронический, диафазический. Цель работы – определить, систематизировать и описать виды диасистемной вариативности глагольных форм в истории французского языка, являющиеся основополагающими факторами развития и функционирования системы в процессе эволюции. Новизна работы обусловлена тем, что впервые используется диасистемный подход для анализа случаев вариативности глагольных форм в истории французского языка, а также тем, что виды диасистемной вариативности изучаются с учетом причин языковых изменений: географический фактор (соотношение диалект/скрипта), исторический фактор (изменения на уровне системы /текста), стилистический фактор (различные жанры письменного литературного языка / индивидуальные прагматические установки переписчика (скриба/соавтора). Материалом исследования выступили французские скрипты X–XIV вв., представленные рукописными вариантами различных литературных произведений, для их изучения используется метод анализа Л.А. Становой «по горизонтали» – сравнение разных рукописных вариантов одного литературного памятника, «по вертикали» – сравнение разных литературных произведений в рамках одной региональной письменной традиции, скрипты. Также были использованы сравнительно-сопоставительный метод, структурно-функциональный метод, метод контекстуального анализа.

Языковая вариативность. Вариативность традиционно рассматривается как неотъемлемая языковая сущность и характеризует систему языка в целом, поскольку представлена на всех ее уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом [1].

Исследователи предлагают различные определения понятия вариативности и классификации вариантов языковых форм. Необходимо отдать должное работам отечественных лингвистов по русскому языку (Л.К. Граудина, К.С. Горбачевич, Н.Ф. Молчанова, Р.П. Рогожникова, В.М. Солнцев, Л.П. Якубинский), по германским языкам (М.М. Гухман, А.И. Домашнев, В.М. Жирмунский, Л.Б. Копчук, Н.Н. Семенюк, В.Н. Ярцева), по романским языкам (М.А. Бородина, В.Г. Гак, Н.А. Катагощина, Л.М. Скредина, Г.В. Степанов, А.В. Широкова). Так, В.Г. Гак отмечает, что вариативность является одной из отличительных черт языка среди других знаковых систем, а также осуществляет различные социальные функции: дифференцировать пространственные и социальные коллективы говорящих [1. С. 5].

В работах лингвистов по общему языкознанию вместе с понятием языковой вариативности рассматривается вариант как изменяющаяся сущность, которая напрямую связана с инвариантом как неизменяющейся единицей. Под вариантами обычно понимаются разные проявления одной и той же сущности, например видоизменения одной и той же единицы, которая при всех изменениях остается сама собой. Инвариант – это абстрактное обозначение одной и той же сущности в отвлечении от ее конкретных модификаций – вариантов [2. С. 7] В свою очередь, Л.М. Скредина, разрабатывая теоретические понятия инварианта/варианта, связывает их с означаемым и

означающим языкового знака. Означаемые в плане языка ограничены, означающие в плане речи безграничны. Система стремится к экономии, и соотношение между языковыми инвариантами и речевыми вариантами заключается в поиске минимального в плане языка и максимального в плане речи [3. С. 29].

Таким образом, существуют два подхода к пониманию инвариантной и вариантной единицы, основывающихся на двух антиномиях – язык / речь, синхрония / диахрония. Сегодня обе концепции сосуществуют в языкознании: первая носит общетеоретический характер, вторая принадлежит последователям психосистематики, где язык рассматривается как потенциальность речи, т.е. как то, что предшествует речи, что делает ее возможной, что производит речь в процессе речевой деятельности [3. С. 20].

Языковая вариативность в диахронии. В диахронии языковая вариативность представляет собой различные означающие (план выражения) языковой единицы при сохранении единства означаемого (именно денотативного компонента), а также функционирование в тексте (в списках одного литературного памятника и рукописных текстах, принадлежащих одной региональной письменной традиции, скрипте). Историки французского языка, среди них М.А. Бородина, Н.А. Катагощина, М.В. Сергиевский, В.Ф. Шишмарев, А. Боннар, Ш. Брюно, Кл. Бюридан, А. Доза, ограничиваются лишь констатацией того, что в старо- и среднефранцузских рукописных текстах отмечается большое количество вариантов как именных, так и глагольных форм. В свою очередь, вопросы определения языковой вариативности в диахронии, критериев выделения вариантов на том или ином уровне, выявления причин наличия большого количества вариантов в именной и глагольной системах в истории французского языка остаются нерассмотренными.

Диасистема. Л. Флидаль, один из основателей вариативной лингвистики, отмечает, что говорящий субъект избирает тот или иной вариант словоформы, опираясь на языковые системы (подсистемы, подструктуры), к которым они принадлежат [4. Р. 241]. Для обозначения этих подструктур, находящихся внутри системы языка, Л. Флидаль вводит понятие архитектуры языка. Архитектура языка включает три оси: ось времени, ось пространства, ось социума. Для каждой оси Л. Флидаль использует понятия диахронической (ось времени), диатопической (ось пространства), диастратической (ось социума) вариативности [4. Р. 245, 251, 252]. В теории Э. Косериу, предложенной им в 1963 г., также представлена трехмерная модель, которая включает вариативность в пространстве (диатопическая), вариативность в обществе (диастратическая) и новый вид вариативности в коммуникативной системе (диафазическая). Данные виды вариативности, по мнению Э. Косериу, способны получать статус функциональных языков, представляемых как минимальные автономные системы внутри одного языка. Таким образом, речь идет о своего рода языковых подсистемах [5. С. 165]. В свою очередь, У. Вайнрайх вводит понятие «диасистема», под которой понимает формальный анализ диалектов того или иного языка, когда высокоуровневая (как правило, фонологическая) система содержит более чем одну диалектную систему [6. Р. 388].

В диахронии Г. Волкер, анализируя рукописные тексты старофранцузского периода, отмечает, что одним из основных видов диасистемной вариативности является диатопический вид (географический), что обусловлено наличием большого количества диалектов уже в старофранцузский период, а также необходимостью четкого разграничения понятий диалекта и скрипты и отнесения того или иного варианта языковой формы либо к диалектальному варьированию, либо к скриптуральной гиперкоррекции [7. Р. 51]. Л.А. Становая также подчеркивает, что в старо- и среднефранцузский период наблюдалось сосуществование двух систем: системы диалектов (региональная разновидность языка) и системы скрипт (особый вид письменности) [8].

Необходимость изучения диахронического (исторического) вида вариативности в истории языка изначально обусловлена самой сущностью данного вида, поскольку анализ в диахронии предполагает фиксирование, систематизацию, а также интерпретацию изменений языковых единиц, форм, явлений на временной оси.

Наконец, вслед за Э. Косериу Ф. Гадэ подчеркивает необходимость также изучения прагматического аспекта, стратегий говорящего при построении высказывания [9], что актуально в контексте анализа списков (рукописных вариантов) одного литературного произведения. Исследователями отмечено значительное изменение контекстов рукописных вариантов старофранцузских произведений, когда сcribe/соавтор переделывает контекст с целью поменять изначальный замысел, посыл автора к читателю. В ходе анализа списков фаблио, представленных французскими скриптами XIII–XIV вв. [10], выявлено преимущественное использование глагольных форм субъективизма вместо индикатива в пикардских скриптах [11]. Вариативность в употреблении глагольных форм времени и наклонения в контекстах рукописных вариантов одного литературного памятника соответствует диафазическому (стилистическому) виду вариативности, когда пишущий субъект, основываясь на своих прагматических установках, изменяет контекст литературного произведения. Данный вид вариативности обусловлен как жанровыми особенностями произведений, как, например, в случае с фаблио, так и индивидуальными предпочтениями сcribes, поскольку изменение временного и модального контекста носит, как правило, ограниченный, точечный характер: встречается в рамках одного жанра или является яркой особенностью стиля переписчика.

Таким образом, использование нового диасистемного подхода в диахронии при анализе французских рукописных текстов литературных памятников X–XIV вв. позволяет не только систематизировать имеющиеся варианты глагольных форм, но и объяснить их появление в том или ином контексте исходя из различных факторов: географического (диатопический вид вариативности), исторического (диахронический вид вариативности), прагматического (диафазический вид вариативности).

Методология

В настоящей статье представлен анализ случаев вариативности глагольных форм во французских скриптах X–XIV вв. с использованием теории диасистемы.

В диахроническом исследовании под диасистемой понимается сосуществование взаимодействующих вариативных подсистем (подструктур) [12]. Из выделяемых видов диасистемной вариативности в истории языка изучают диахронический вид вариативности, диатопический и диафазический.

В качестве материала исследования были использованы тексты литературных памятников старо- и среднефранцузского периодов, представленные в электронном корпусе Base de Français Médiéval [13], списки французских фаблио XIII–XIV вв. под редакцией Ж. Рихнера [10], а также тексты рукописных вариантов эпической поэмы XII в. «Детство Вивьена», представленные в книге “Les enfances Vivien. Chanson de geste” [14].

База данных Base de Français Médiéval представляет собой объемный корпус электронных французских текстов IX–XV вв. Работа над корпусом BFM ведется с 1989 г. научным сообществом под руководством профессора К. Маркелло-Низья совместно с лингвистической лабораторией ICAR (*Interactions, Corpus, Apprentissages, Représentations*), что обусловлено необходимостью междисциплинарного подхода к изучению исторических текстов и документов. Обновление текстов было завершено в 2019 г.

Нас интересовали именно рукописные варианты или списки текстов литературных произведений рассматриваемых периодов, поскольку, осуществляя сравнительно-сопоставительный анализ рукописных вариантов произведения, мы пришли к выводу, что, с одной стороны, наблюдается сходство контекстов как на уровне содержания, так и на уровне языкового оформления (речь идет о так называемых параллельных контекстах): сходство в графическом оформлении языковых форм, морфологических конструкций, употребление одних и тех же времен и наклонений в параллельных контекстах, тогда как, с другой стороны, в параллельных контекстах списков произведений наблюдается вариативность глагольных форм, которая проявляется на всех уровнях языка: графическом, морфологическом, лексическом, а также в употреблении временных и модальных форм глагола в тексте. В сравнении параллельных контекстов рукописных вариантов одного произведения («по горизонтали») и разных текстов различных литературных произведений, принадлежащих одной скрипте («по вертикали»), заключается метод изучения рукописных текстов в истории французского языка, предложенный Л.А. Становой [8].

Так, например, в списках фаблио «Фаблио о монахе» (De Segretain Moine), представленном тремя рукописными вариантами Berne, Bibl. de la bourgeoisie, № 354 (B), P., B. N., f. fr. № 19152 (D), Berlin, B. N., Hamilton № 257 (C) мы встретили следующие различия [10]:

*Touz fu li prieur **esbahi**;
Porpensa soi, **ne set que fere**,
 Comment **en porroit a chief** trere.
 Dont **dist** que li le **porteroit**
 Dedenz le bourc et le **leroit**
 A l'us a aucune bourjoise. (C, 460–465)*

*Toz fu li priors **esbahi** ;
Porpensa soi **qu'an porroit faire**,
 Comment **en porroit a chief** traire.
Dist que el borc le **porteroit**
 Dedenz la vile et le **lairoit**
 A l'us a aucune borgoise. (D, 460–465)*

*Molt fu li priours **esboï**;
Porpanse soi, **ne set que faire**;
 N'a quel **chief il em puisse traire**.
 Donc **a dit** qu'il lo **portera**
 Dedanz lo borc et sel **laira**
 A l'uis a aucune borjoise. (B, 460–465)*

Итак, в представленных параллельных контекстах, мы отмечаем сходство на уровне содержания и идентичности излагаемых событий сюжетной линии и существенное различие в языковом оформлении:

1) различие в графическом оформлении глагольных форм: *esbahi* (C,D) / *esboï* (B); *porpensa* (C, D) / *porpanse* (B); *fere* (C) / *faire* (B, D); *laira*, *lairoit* (B,D) / *leroit* (C);

2) различие в употреблении глагольных времен: простое прошедшее индикатива *porpensa* (C, D) / презенс индикатива *porpanse* (B); простое прошедшее индикатива *dist* (B,D) / сложное прошедшее индикатива *a dit* (C); простое будущее индикатива *portera* (C) / будущее в прошедшем индикатива *porteroit* (B, D);

3) различие в использовании глагольных наклонений: будущее в прошедшем индикатива *porroit* (C, D) / презенс субжонктива *puisse* (B).

Выявленные расхождения на уровне графики – *esbahi* (C,D) / *esboï* (B); *porpensa* (C, D) / *porpanse* (B); *fere* (C) / *faire* (B, D); *laira*, *lairoit* (B,D) / *leroit* (C) – необходимо было классифицировать и определить, имеем ли мы дело с выбором подходящей графемы для соответствующей фонемы («en»/ «an» для носовой фонемы [ã]), обусловлен ли выбор графемы желанием сcribe следовать норме той региональной письменной традиции, в рамках которой создавался рукописный текст (диграф «ai» или графема «e» в написании глагола «faire/fere»), с каким видом вариативности мы сталкиваемся в первом и во втором случае: с диатопическим и/или диахроническим видом?

Различия в использовании глагольных времен и наклонений указывают на то, что сcribe (переписчик) не просто копировал прототип (хотя встречаются варианты, когда языковые изменения минимальны), а полностью перерабатывал текст произведения, сохраняя лишь сюжетную линию. В связи с этим возникают вопросы, требующие отдельного решения: чем обусловлен выбор тех или иных глагольных времен и наклонений? О каком виде вариативности идет речь: диафазическом виде, когда выбор глагольной формы определяется индивидуальными прагматическими установками пишущего субъекта, что характеризует его собственный стиль, или же мы мо-

жем также говорить о диатопическом виде вариативности, когда региональной письменной традиции свойственно употребление какого-либо определенного наклонения?

Таким образом, анализ случаев вариативности глагольных форм в текстах списков произведений старо- и среднефранцузского периодов происходил следующим образом.

1. Выявление случаев вариативности глагольных форм на морфологическом уровне, а также на уровне графики. Идентификация данных вариантов глагольных форм с учетом нашего определения, когда варианты представляют собой различные означающие (план выражения) языковой единицы при сохранении единства означаемого (именно денотативного компонента), а также функционирование в тексте (в списках одного литературного памятника и рукописных текстах, принадлежащих одной региональной письменной традиции, скрипте) [11].

2. Сравнительно-сопоставительное исследование вариантов глагольных форм времени и наклонения с использованием метода анализа рукописных текстов Л.А. Становой «по горизонтали» и «по вертикали».

3. Определение, к какому виду вариативности относятся выявленные варианты глагольных форм (диатопическому и/или диахроническому), во внимание берутся фонетические процессы как в системе французского языка, так и в различных диалектах старо- и среднефранцузского периодов, а также письменная норма, присущая тем или иным региональным письменным традициям, наконец, учитываются особенности эволюции грамматической системы старофранцузского языка, когда латинские архаичные глагольные формы были вытеснены новообразованными романскими формами.

4. Выявление причин, вызвавших появление диатопической, диахронической и диафазической вариативности глагольных форм в текстах французских рукописей X–XIV вв.

Исследование и результаты

При изучении списков литературных произведений, представленных французскими рукописями X–XIV вв., было выявлено большое количество фонетико-графических вариантов, когда речь идет о грамматически и лексически тождественных формах, но при этом различающихся графически и, возможно, фонетически.

В ходе анализа и классификации фонетико-графических вариантов, выявленных в текстах французских рукописных памятников X–XIV вв., в соответствии с диатопическим и диахроническим видами вариативности нами были определены черты, присущие изученным скриптам. Так, для франсийской скрипты характерны следующие особенности:

1) преобладание написания графемы «е» наряду с диграфом «ai» для одного звука [ɛ] или, возможно, разных звуков [ɛ] и [ai], например, в глаголах faire – ‘делать’, laisser – ‘позволять’:

• fet/ fai / fait, fasons, fetes, fere / faire, ai fet, avez fet, se fesoit, fesoit, fesoient;

• lessa / laissa, lessees, lessai, lessiez, as lessié, lessiez, lessierent, lessen [10, 13, 14].

Здесь мы наблюдаем преимущественное использование графемы «е», что указывает на влияние устного узуса французского диалекта, поскольку монофтонгизация уже завершилась к концу XIII в. [8]. В данном случае мы имеем дело с диатопическим и диахроническим видами вариативности: графическая особенность скрипты, обусловленная влиянием устного узуса французского диалекта, с одной стороны, и фиксация фонетического процесса, характерного в целом для старофранцузского языка, – с другой.

2) написание диграфа «ch» перед гласной [a], графемы «с» перед гласными [i, e], например, в таких глаголах, как chanter – ‘петь’, eschaper – ‘ускользнуть’, commencer – ‘начинать’, escortier – ‘сдирать кожу’, coroucier – ‘гневить’:

- chanter, chante;
- li eschape, eschaper, eschapez, chape, s’en eschape;
- commence;
- a escortié, ot escortie;
- l’avoit coroucié, corouciez.

Процесс палатализации (ассимиляции согласной с гласной переднего ряда, под влиянием которой согласная становилась мягкой) во французских рукописях однозначно зафиксирован и на графическом уровне, поскольку мы не встречаем смещения в написании, что свидетельствует об устоявшейся норме в отношении передачи данных звуков [tʃ] и [ts] графемами «ch» и «с». Здесь мы также имеем дело с двумя видами вариативности: диатопическим и диахроническим.

Пикардской скрипте присущи следующие особенности:

1) консерватизм, формализм скрибов, строгое следование норме;

2) гибридный характер скрипты (смещение написания, перед гласными [a, o, i] пишется либо «с», либо «ch», либо «k», что свидетельствует о взаимопроникновении разных письменных традиций и о процессе нормализации с ориентацией на французскую письменную традицию) – canter / chanter, eschapast / s’en escape;

3) варьирование написания «g» и «w» в начале слова, написание через «w» – особенность старопикардского диалекта, через «g» – влияние французской скрипты, для которой характерно написание через «g» – garde / warde; garantiroie / warandiroit;

4) сохранение невокализованного [ɪ] – voldroie, voldroit, ribalt, volsist, voldra. Здесь наблюдается подчеркнутый консерватизм скрибов, намеренная архаизация, хотя процесс вокализации начался еще в вульгарной латыни [15. С. 101].

Для англо-нормандской скрипты характерны:

- 1) ориентация на латинскую традицию и архаичный узус;
- 2) ориентация на англо-саксонское написание («у» вместо «i») *suy-sui, seray-serai*;

3) влияние норм франсийской скрипты (преимущественное использование графемы «е» вместо диграфа «ai» *fet-fait*).

Наконец, основные черты нормандской скрипты:

1) гибридный характер скрипты, влияние норм франсийской и пикардской скрипт;

2) влияние норм франсийской скрипты (преимущественное использование графемы «е» вместо диграфа «ai» – *fet-fait*);

3) влияние одновременно и пикардской, и франсийской скрипт (смешение написания, перед гласными [a, o, i] пишется либо «с», либо «ch», либо «k»).

Итак, анализ диатопического и диахронического видов вариативности глагольных форм на материале списков литературных произведений, представленных французскими рукописями X–XIV вв., показал, что использование в текстах фонетико-графических вариантов глагольных форм обусловлено:

1) влиянием узуса старофранцузского диалекта, являющегося основой той или иной региональной письменной традиции;

2) гибридным характером скрипт, их взаимодействием и взаимовлиянием, при этом необходимо отметить доминирующую роль норм франсийской скрипты, которые так или иначе представлены во всех изученных нами письменных традициях;

3) ориентацией на архаичный узус, латинскую традицию, что указывает на выраженный консерватизм сcribes, на сформировавшийся уже тогда разрыв между устной и письменной формами речи в старофранцузском языке (существующий в современном французском языке), на существование отдельной системы письменности.

Тем не менее гибридный характер скрипт демонстрирует в первую очередь процесс формирования французского языка с главенствующей ролью франсийского диалекта/скрипты, нормы графического оформления глагольных форм которого представлены во всех проанализированных скриптах.

Анализ морфологических вариантов глагольных форм показал, что при их изучении мы имеем дело с диахроническим видом вариативности. Под морфологическими вариантами мы понимаем функционально тождественные грамматические единицы, в которых все части морфологической структуры – основа и окончание – равнозначны. Кроме того, целесообразно выделить следующие критерии определения морфологических вариантов: 1) грамматическую системность; 2) равнозначность морфологической структуры; 3) функциональную эквивалентность [11. С. 61]. Морфологическая вариативность в старофранцузском языке характерна для фундаментальных глаголов: *estre*, *avoir*. Наблюдается конкуренция новообразованных романских форм и архаичных латинских форм данных глаголов.

Во всех изученных нами рукописных текстах французских скрипт X–XIV вв. наблюдается тенденция к преимущественному использованию новообразованных романских форм и вытеснению латинских форм, что указывает на эволюционные процессы в грамматической системе старофранцузского языка.

Глагол	Глагольное время и глагольное наклонение	Новообразованная форма 3 л., ед. ч.	Латинская форма 3 л., ед. ч.
estre	Имперфект индикатива	estoit	ert/iert
	Простое будущее индикатива	sera	iert
	Презенс кондиционала	seroit, estroit	—
avoir	Имперфект субжонктива	eüst	aüst

Наконец, анализ диафазического вида вариативности представляет собой изучение употреблений глагольных форм времени и наклонения в тексте с использованием метода анализа рукописных вариантов одного литературного памятника «по горизонтали». При переписывании литературных произведений в большинстве случаев сcribe/переписчик изменял контекст произведения, используя другие глагольные времена и наклонения. Одной из ярких особенностей списков фаблио, приставленных пикардскими скриптами, является замена глагольных форм индикатива на глагольные формы субжонктива. В рукописных вариантах фаблио «Об Орлеанской горожанке» (*De la bourgeoisie d'Orléans*), представленном в трех рукописях: 1) Berlin, B. N., Hamilton № 257 (C) – нормандская скрипта; 2) P., B. N., f. fr. № 837 (A) – французская скрипта; 3) Berne, Bibl. de la bourgeoisie, № 354 (B) – пикардская скрипта, в параллельных контекстах мы встречаем следующее чередование форм индикатива / субжонктива глагола *avoir*:

D'amour m'a requise lonc tens,
Je l'en ai fet torjors desfens. (C, 187–188)
Requise m'a d'amors lonc tens,
Je l'en ai fet.XXX.desfens. (A, 155–156)

D'amors *aïe* qui lon tans,
Je l'an ai tot jorz fait desfans. (B, 165–166)

В данных примерах презенс субжонктива (*aïe*) в рукописи (B) употреблен для выражения повеления, приказа, что выявляет так называемый «оценивающий взор» субъекта (сриба) на возможность и обстоятельства реализации действия. Тем самым передается целевая установка автора, и действие получает своеобразную стилистическую окраску: предположение осуществления действия («имел бы любовь»). Напротив, формы индикатива (a) в рукописях (C, A) передают значение обязательного исполнения действия («любовь меня атаковала»), что указывает прежде всего на нейтральную оценку действия автором, своего рода констатацию факта.

Анализ различных рукописей показал, что употребление субжонктива не зависит от особенностей употребления времен субжонктива, характерных для той или иной скрипты. Мы пришли к выводу, что в каждом отдельном случае употребление субжонктива объясняется лишь спецификой вос-

приятия сcribeм какого-либо действия, таким образом, речь идет об индивидуальных прагматических установках пишущего субъекта/сриба, обусловленных контекстом или жанром произведения.

Выводы

В ходе изучения видов диасистемной вариативности было доказано следующее: 1) диатопический вид вариативности глагольных форм позволяет определить, какие фонетические процессы влияют на графическое оформление глагольных форм в той или иной скрипте и обуславливают появление их вариантов в тот или иной период (палатализация согласных характерна для пикардской скрипты, монофтонгизация уже зафиксирована в центрально-французских скриптах в XIII в.); 2) диахронический вид вариативности указывает на те изменения, которые происходили в глагольной системе старо- и среднефранцузского периодов на уровне морфологии (вытеснение архаичных латинских форм глагола *estre* новообразованными романскими формами – имперфект индикатива *ert* → *estoit*; на уровне употребления глагольных форм времени и наклонения в тексте – конкуренция перфекта/имперфекта индикатива в описательной функции в старофранцузский период с последующим закреплением употребления имперфекта в данном значении в текстах); 3) диафазический вид вариативности – в ходе сравнения разных рукописных вариантов одного литературного памятника было установлено, что при переписывании текста сcribe мог полностью переделывать временной/модальный контекст произведения с целью изменить общий контекст произведения (на материале списков *фаблио* в пикардской скрипте отмечается преимущественное употребление глагольных форм *субжонктива* вместо индикатива). Использование диасистемного подхода при изучении вариативности глагольных форм в истории французского языка позволяет систематизировать и упорядочить выявленные случаи вариативности на различных уровнях языка (фонетическом, морфологическом, на уровне графики), а также на уровне употребления в тексте.

Установлена взаимосвязь между видами диасистемной вариативности и уровнями языка/речи: диатопическая вариативность – фонетический уровень и уровень графики; диахроническая вариативность – фонетический уровень, морфологический уровень, а также употребление языковых единиц (глагольных форм) в тексте; диафазическая вариативность – употребление языковых единиц (глагольных форм) в тексте в зависимости от жанра произведения, а также в зависимости от индивидуальных прагматических установок пишущего субъекта (сриба).

Определены следующие связи и влияния между видами диасистемной вариативности в истории языка: диатопический вид ↔ диахронический вид; диахронический вид → диафазический вид. Таким образом, основополагающим фактором эволюции как французского языка, так и любого другого языка следует рассматривать диахронический вид вариативности (ось вре-

мени), тогда как диатопический вид вариативности (ось пространства) взаимосвязан с диахроническим видом, так язык изменяется во времени и пространстве, и одновременно существует в нескольких вариативных подсистемах. Говорящий / пишущий субъект, движущийся по осям времени и пространства, выбирает определённый вариант, опираясь на норму и узус языка, а также свой идиолект. Влияние диахронического вида вариативности на диафазический вид вариативности определяется тем, что с течением времени происходят изменения на уровне нормы и узуса языка: говорящий / пишущий субъект в зависимости от жанра произведения, а также прагматических установок выбирает наиболее подходящий по контексту и соответствующий его (субъекта) замыслу вариант языковой (глагольной) формы.

Диатопическая вариативность глагольных форм характеризует каждый рукописный вариант, относящийся к той или иной скрипте, с точки зрения его отличительных особенностей на фонетическом уровне и уровне графики; тем самым подтверждено, что каждая региональная письменная традиция развивалась по своему отдельному пути и имела ряд своих собственных черт. Вместе с тем одновременный анализ диатопической и диахронической вариативности глагольных форм показал, что, с одной стороны, между скриптами наблюдалось взаимовлияние, нашедшее отражение в их гибридном характере, а с другой – что в каждой скрипте просматривается влияние именно франсийской региональной письменной традиции как доминирующей.

Диатопический и диахронический виды вариативности необходимо изучать совместно, поскольку географический и исторический критерии тесно взаимосвязаны, и те фонетические процессы, которые происходили в системе языка в старо- и среднефранцузский периоды (диахроническая вариативность) по-разному отражались на графическом оформлении глагольных форм в рамках той или иной письменной традиции (диатопическая вариативность).

Диахронический вид вариативности также указывает на изменения, которые происходили в глагольной системе старо- и среднефранцузского периодов на уровне морфологии (вытеснение архаичных латинских форм глагола *estre* новообразованными романскими формами – имперфект индикатива *ert* → *estoit*; на уровне употребления глагольных форм времени и наклонения в тексте – конкуренция перфекта/имперфекта индикатива в описательной функции в старофранцузский период с последующим закреплением употребления имперфекта в данном значении в текстах.

Диафазический вид вариативности – в ходе сравнения разных рукописных вариантов одного литературного памятника было установлено, что при переписывании текста сcribe мог полностью переделывать временной/модальный контекст произведения с целью изменить общий контекст произведения (на материале списков *фаблио* в пикардской скрипте отмечается преимущественное употребление глагольных форм *субжонктива* вместо индикатива).

Результаты исследования могут быть представлены в виде схемы (рис. 1), которая демонстрирует основные факторы эволюции французского языка: диахронический и диатопический виды вариативности, а также их взаимодействие.

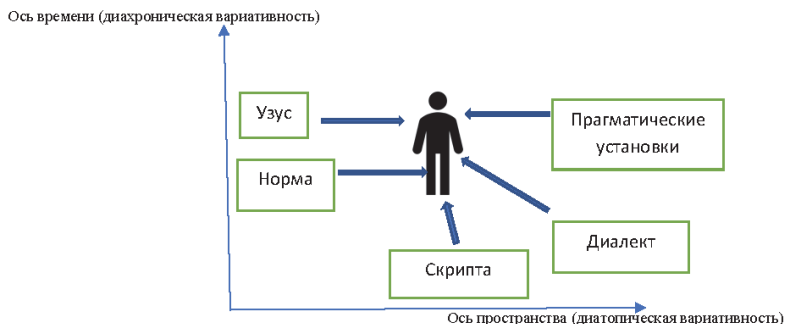

Рис. 1 Факторы эволюции французского языка

Говорящий (пишущий) субъект движется по осям времени и пространства и, создавая тот или иной письменный документ, основывается на ряде факторов: 1) норма и узус старо-/среднефранцузского языка, которые меняются с течением времени, — ось времени; 2) диалект и скрипта, которые, с одной стороны, локализованы в определенном регионе, с другой — отражают как норму и узус, характерные для данного региона, так и норму старо-/среднефранцузского языка в целом — ось пространства; 3) прагматические установки, на которые опирается пишущий субъект, создавая свой текст, его (пишущего субъекта) собственный замысел.

Список источников

1. Гак В.Г. Об общих факторах вариативности в языке // Степановские чтения : проблемы вариативности в романских и германских языках. М., 2001. С. 4–5.
2. Лукина А.Е. Понятие «языковой вариативности» в отечественной и зарубежной лингвистической традиции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2014. Т. 11, № 1. С. 7–11.
3. Скрелина Л.М. Грамматическая синонимия. Л. : Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена, 1987. 84 с.
4. Flydal L. Remarques sur certains rapports entre le style et l'état de langue // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. 1952. № 16. P. 241–258.
5. Косеру Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. 1963. Вып. 3. С. 167–183.
6. Weinreich U. Is a Structural Dialectology Possible? // Word. 1954. № 10. P. 388–400.
7. Völker H. La linguistique variationnelle et la perspective intralinguistique // Revue de linguistique romane. Publiée par la société de linguistique romane. 2009. Т. 73. P. 27–76.
8. Становая Л.А. Старофранцузская морфология и теория скрипты. СПб., 1994. 34 с.
9. Gadet F. La variation, plus qu'une écume // Langue française. № 115. P. 5–18.
10. Rychner J. Contribution à l'étude des fabliaux : variantes, remaniements, dégradations. 2 vol. T. 1: Observations; T. 2: Textes. Genève : Librairie E. Droz, 1960. 148 p, 191 p.

11. Лукина А.Е. Вариативность глагольных форм во французских скриптах XIII–XIV вв. (на материале рукописей фаблио). СПб., 2006. 226 с.
12. Völker H. A practice of the variant and the origins of the standard. Presentation of the variationist linguistics method for a corpus of Old French chartres // *Journal of French Language Studies*. № 17. P. 207–233.
13. Base de Français Médiéval. URL: bfm.ens-lyon.fr
14. *Les Enfances Vivien*, chanson de geste publiée pour la première fois d'après les manuscrits de Paris, de Boulogne-sur-Mer, de Londres et de Milan par Carl Wahlund et Hugo von Feilitzen [...]. Paris : Bouillon, 1895.
15. Скрелина Л.М., Становая Л.А. История французского языка. М. : Юрайт, 2019. 463 с.

References

1. Gak, V.G. (2001) Ob obshchikh faktorakh variativnosti v yazyke [On the general factors of variability in language]. In: Saprykina, O.A. (ed.) *Stepanovskie chteniya: problemy variativnosti v romanskikh i germanskikh yazykakh* [Stepanov Readings: Problems of variability in Romance and Germanic languages]. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. pp. 4–5.
2. Lukina, A.E. (2014) Ponyatie “yazykovoy variativnosti” v otechestvennoy i zarubezhnoy lingvisticheskoy traditsii [The concept of “linguistic variability” in Russian and foreign linguistic traditions]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. 1 (11). pp. 7–11.
3. Skrelina, L.M. (1987) *Grammaticheskaya sinonimiya* [Grammatical Synonymy]. Leningrad: Russian State Pedagogical University in the name of A.I. Herzen.
4. Flydal, L. (1952) Remarques sur certains rapports entre le style et l'état de langue. *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*. 16. pp. 241–258.
5. Koseriu, E. (1963) Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya [Synchrony, diachrony and history]. *Novoe v lingvistike*. 3. pp. 167–183.
6. Weinreich, U. (1954) Is a structural dialectology possible? *Word*. 10. pp. 388–400.
7. Völker, H. (2009) La linguistique variationnelle et la perspective intralinguistique. *Revue de linguistique romane. Publiée par la société de linguistique romane*. 73. pp. 27–76.
8. Stanovaya, L.A. (1994) *Starofrantsuzskaya morfologiya i teoriya skripty* [Old French morphology and script theory]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saint Petersburg.
9. Gadet, F. (1997) La variation, plus qu'une écume. *Langue française*. 115. pp. 5–18.
10. Rychner, J. (1960) Contribution à l'étude des fabliaux: variantes, remaniements, dégradations. Vols 1–2. Genève: Librairie E. Droz.
11. Lukina, A.E. (2006) *Variativnost' glagol'nykh form vo frantsuzskikh skriptakh XIII–XIV vv. (na materiale rukopisey fablio)* [Variability of verb forms in French scripts of the 13th – 14th centuries (based on the material of fabliau manuscripts)]. Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.
12. Völker, H. (2007) A practice of the variant and the origins of the standard. Presentation of the variationist linguistics method for a corpus of Old French chartres. *Journal of French Language Studies*. 17. pp. 207–233.
13. Base de Français Médiéval. (n.d.) [Online] Available from: <https://bfm.ens-lyon.fr>
14. Wahlund, C. & Feilitzen, H. von (eds) (1895) *Les Enfances Vivien. Chanson de geste*. Paris: Bouillon.
15. Skrelina, L.M. & Stanovaya, L.A. (2019) *Istoriya frantsuzskogo yazyka* [History of the French Language]. Moscow: Yurayt.

Информация об авторе:

Лукина А.Е. – канд. филол. наук, доцент кафедры романской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: anialuk@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.E. Lukina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: anialuk@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.07.2022;
одобрена после рецензирования 06.06.2023; принята к публикации 25.03.2024.*

*The article was submitted 11.07.2022;
approved after reviewing 06.06.2023; accepted for publication 25.03.2024.*

Научная статья

УДК 811.51

doi: 10.17223/19986645/88/5

Язычные носовые согласные алтайского языка (результаты электропалатографического и ультразвукового исследования)

**Татьяна Раисовна Рыжикова¹, Тимофей Владимирович Тимкин²,
Альбина Альбертовна Добрынина³**

^{1, 2, 3} Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

¹ tanya12@mail.ru

² ttimkin@yandex.ru

³ ekinur@mail.ru

Аннотация. Представлены новейшие экспериментальные данные по язычным носовым согласным алтайского языка, полученные методами электропалатографии и УЗИ-визуализации. На электропалатограммах и УЗИ-изображениях четко видно разницу между переднеязычными [n] и [n'], среднеязычным [ŋ] и заднеязычным [ŋ]. Результаты исследования сопоставляются с материалами М.Ч. Чумакаевой, полученными объективными экспериментально-фонетическими методами 50 лет назад, и хорошо согласуются с ними.

Ключевые слова: фонетика, алтайский язык, консонантизм, электропалатография, УЗИ-шлем, EMU, R

Благодарности: работа выполнена в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Для цитирования: Рыжикова Т.Р., Тимкин Т.В., Добрынина А.А. Язычные носовые согласные алтайского языка (результаты электропалатографического и ультразвукового исследования) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 88. С. 92–110. doi: 10.17223/19986645/88/5

Original article

doi: 10.17223/19986645/88/5

Lingual nasal consonants of the Altai language (results of electropalatographic and ultrasound research)

Tatiana R. Ryzhikova¹, Timofey V. Timkin², Albina A. Dobrynina³

^{1, 2, 3} *Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation*

¹*tanya12@mail.ru*

²*ttimkin@yandex.ru*

³*ekinur@mail.ru*

Abstract. The article studies nasal consonants in the Altai language on the basis of ultrasound visualization and electropalatography. Altai consonantism was previously studied by M. Ch. Chumakayeva using such traditional methods as radiography and dentopalatography. According to these data, three nasal consonant phonemes were distinguished in the language: forelingual /n/, midiolingual /ɲ/ and backlingual /ŋ/. The technical limitations of traditional methods motivate the new research. Our experiment was conducted with one subject – a native speaker of the Altai language. The stimuli were isolated word forms pronounced three times with the intonation of enumeration. The ultrasound examination was performed using an ultrasound helmet manufactured by Articulate Instruments and data obtained were processed Articulate Assistant Advanced software. This technology allows one to see the profile and movement of the tongue in the oral cavity during pronunciation and assess the nature of articulation. Electropalatography was performed using Rose Medical equipment and material recorded was analyzed using icSpeech Professional software. An artificial silicone palate, which is manufactured individually for each subject and includes 62 electrical probes, was placed on the speaker's hard palate and used to determine the points of contact of the tongue with the palate during articulation. The segmentation of the material was carried out in the Praat program, the EMU-SDMS corpus system was used to combine the results of the experiment into a single database. Statistical calculations and plotting were performed using the R programming language. The applied techniques have the following advantages in comparison with the traditional methods: (1) the sounds under study are isolated from a single phonetic word, which makes it possible to describe them in more natural conditions compared to the isolated pronunciation; (2) the used tools automatically measure key parameters at the recording stage, which allows operating not with fragmented recordings, but with mean values and ranges of variability. To describe articulation, we introduced a number of metrics: the coefficients of dental-alveolar, palatal, velar contacts, the point of maximum narrowing in the oral cavity, the point of maximum tongue elevation. The analysis of these metrics makes it possible to distinguish the following nasal consonants in the Altai language: [n] – forelingual dental-alveolar velarized allophone of the phoneme /n/ in words with back row vowels; [n'] (IPA sign [n̠]) – forelingual dental-alveolar palatalized realization of the phoneme /n/ in words with front row vowels; [ɲ] – midiolingual mediopalatal allophone of /ɲ/; [ɲ] (IPA sign [ɲ]) – interlingual backpalatal realization of /ɲ/ in words with front row vowels; [ŋ] (IPA sign [ŋ]) – backlingual uvular allophone of phoneme /ŋ/ in words with back row vowels. The results obtained are in good agreement with M. Ch. Chumakayeva's data.

Keywords: phonetics, Altai language, consonantism, electropalatography, ultrasound helmet, EMU, R

Acknowledgments: The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language” supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract No. 075-15-2019-1884.

For citation: Ryzhikova, T.R., Timkin, T.V. & Dobrynina, A.A. (2024) Lingual nasal consonants of the Altai language (results of electropalatographic and ultrasound research). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 88. pp. 92–110. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/88/5

Алтайский язык – тюркский язык коренного населения Неспублики Алтай. В основе литературного языка лежит диалект алтай-кижи.

Консонантная система алтайского литературного языка была изучена экспериментально-фонетическими методами М.Ч. Чумакаевой [1]. Она выявила инвентарь согласных фонем, а также установила основные конститутивно-дифференциальные признаки, структурирующие систему.

Цель данной статьи – исследование алтайских носовых согласных звуков методами электропалатографирования и ультразвуковой визуализации и сопоставление полученных результатов с данными М.Ч. Чумакаевой. Актуальность работы обусловлена тем, что язык как динамическая система находится в процессе постоянного развития, а использование современных методов позволяет не только получить достоверные синхронные данные, но и верифицировать их на аналогичном материале исследований, выполненных 50 лет назад.

М.Ч. Чумакаева использовала комплексную методику, разработанную в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований под руководством В.М. Надеяева, которая включала следующие объективные методы: кимографирование, статичную палатографию (частично дентопалатографирование), статичное рентгенографирование, осциллографирование [1. С. 18]. Для нашей работы особый интерес представляют палатограммы и дентопалатограммы алтайских носовых согласных.

Экспериментальная фонетика давно пользуется методом палатограмм [2–6], при котором для испытуемого изготавливается из тонкой целлулоидной пластинки (или из какого-либо другого тонкого материала) искусственное нёбо, плотно прилегающее к твёрдому нёбу. Посыпанное тальком искусственное нёбо вкладывают испытуемому в рот и предлагают произнести соответствующий звук либо изолированно, либо в слоге или слове. На вынудом после произнесения слова искусственном нёбе тальк в тех местах, где язык прикасался к нёбу, окажется слизанным. Полученный рисунок переносят на проекцию искусственного нёба или фотографируют, в результате чего получается палатограмма (рис. 1).

Для того чтобы получить сведения о прикосновении языка не только к нёбу, но и к зубам (к их задней поверхности), соответственно увеличивают

размеры искусственного нёба. Для анализа положения кончика языка его прикосновения к задней стенке передних нижних зубов фиксируются на специальной пластинке, надеваемой на эти зубы. Тогда дополнительно к палатограмме можно получить и одонтограмму [2. С. 25].

Рис. 1. Палатограмма

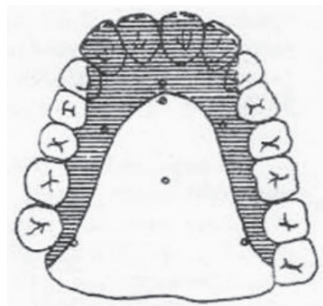

Рис. 2. Дентопалатограмма

Ранее применялся метод прямого палатографирования при помощи фотографирующего устройства. При прямом палатографировании язык окрашивали водным раствором карболена. После произнесения испытуемым исследуемого звука в рот ему вставлялось специальное зеркало, отражаемое в нём нёбо со следами от прикосновения к нему языка снималось фотоаппаратом.

Из сказанного видно, во-первых, что метод палатограмм может быть использован только для изучения артикуляции согласных, при произнесении которых участвует язык, и гласных высокого подъёма; во-вторых, что на палатограмме фиксируется непосредственно только место (т.е. пассивный орган) и отчасти способ артикуляции. Экспериментатор должен обладать большим опытом, чтобы по месту расположения, а также по конфигурации следа, оставленного языком на искусственном нёбе, определить, какая именно часть языка участвовала в артикуляции.

Описанные методы палатографии являются статичными. Ю.И. Кузьмин предложил метод динамической палатографии. Особенность его заключается в том, что в разные части искусственного нёба попарно впаиваются электроды, от которых лёгкие провода протянуты к писчикам осциллографа. При прикосновении языка к соответствующей паре электродов ток замыкается и писчик отклоняется от нулевой линии; по отклонениям на той или иной кривой можно сделать заключение о том, в какой части нёба происходило прикосновение языка в каждый момент произнесения заданного отрезка речи [2. С. 26].

В.М. Наделяев усовершенствовал традиционный метод палатографирования и увеличил рабочую площадь искусственного нёба за счёт подключения лингвальной поверхности верхних резцов и клыков. Это дает возможность фиксировать на искусственном нёбе, следовательно на палатограмме, контур контактирующего с верхними резцами кончика языка или проециро-

вать на палатограмму методом апексметрии условный контур неконтактирующего кончика языка – в обоих случаях это очень важный индицирующий признак в артикуляционных настройках звуков, существенно помогающий выявлять в них реальные объемные конфигурации и локализацию корпуса языка в полости рта. Таким образом, обязательным в дентопалатографировании является контурная обрисовка проекций всех наличных верхних зубов на контурных заготовках палатограмм, особенно контурная обрисовка проекций верхних резцов и клыков, что и обусловило терминологическое наименование данной разновидности палатографирования как дентопалатографирования и, соответственно, название таких палатограмм – дентопалатограммы. Обязательным в дентопалатографировании является также маркирование искусственного нёба семью дырочками-маячками, расположенными на искусственном нёбе строго по обязательной схеме (рис. 2); такая обязательная стандартная маркировка искусственного нёба служит надёжной опорой для выявления инвариантных настроечных характеристик дистрибутивно одинаковых аллофонов одной и той же фонемы при сравнительном анализе их дентопалатограмм по одному диктору и по всем привлеченным к эксперименту дикторам – носителям исследуемого языка (диалекта) [7. С. 7–8]. В статье «Палатографирование (Методические заметки)» В.М. Надеяев подробно описывает как методику изготовления искусственного нёба, так и подготовку шаблонов для переноса оттисков с искусственного нёба на дентопалатограммы, а также рекомендации по составлению программы дентопалатографирования [7. С. 3–38].

Как видно, идея динамического палатографирования и первые попытки его использования относятся к 1960-м гг. [8]. В процессе развития компьютерных технологий и новых материалов появилась методика электропалатографирования (ЭПГ, EPG) – метод, который позволяет записывать положение и время контакта между языком и твёрдым нёбом во время произнесения речи. Ключевым аспектом ЭПГ является использование искусственного нёба, которое представляет собой специально изготовленное устройство, используемое для сбора данных. Оно состоит из последовательности контактов (вкл / выкл) для сетки электродов, распределенных определенным образом по нёбу [9]. Искусственное нёбо (рис. 3) изготавливается на заказ так, чтобы оно хорошо прилегало к твёрдому нёбу говорящего, путем получения гипсового слепка верхней челюсти (рис. 4).

Синхронизированные данные ЭПГ записываются в отдельный файл. Как только контакт регистрируется электродом, электрический сигнал отправляется на внешний блок обработки и графическое отображение схемы возбуждения электрода фиксируется либо на бумаге, либо на экране (рис. 5) [10].

Когда *электропалатограммы* показываются на экране, они обеспечивают динамическую визуальную обратную связь в реальном времени, оповещающая о местоположении и времени контакта языка с твёрдым нёбом.

Очень часто метод ЭПГ используется при оценке и лечении различных речевых расстройств, в том числе связанных с нарушением слуха, расщелиной нёба, синдромом Дауна и др. у взрослых и детей [10].

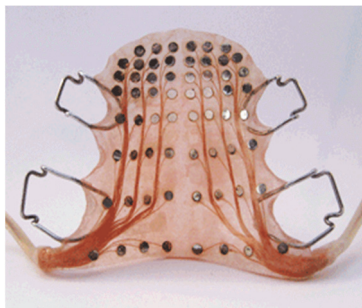

Рис. 3. Искусственное нёбо с электродами

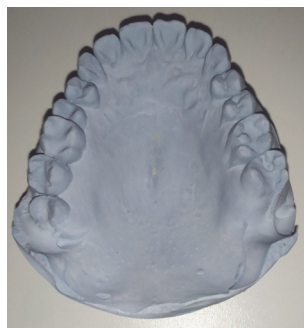

Рис. 4. Гипсовый слепок твёрдого нёба

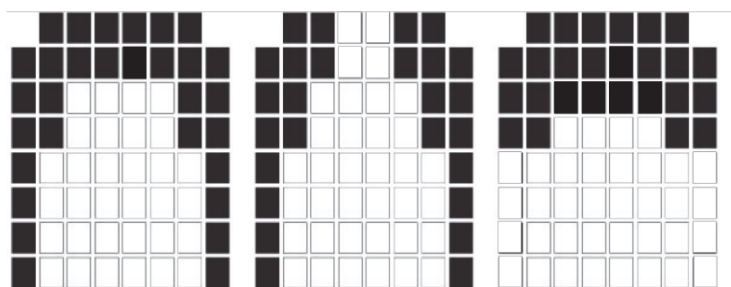

Рис. 5. Пример электропалатограммы

В экспериментальной фонетике этот метод применяется для изучения паттернов контакта языка и нёба для различных наборов гласных и согласных.

Ультразвуковая визуализация используется в фонетических исследованиях начиная с 1969 г. (см., например, [11–13]). При помощи ультразвука проводятся наблюдения за положением спинки языка в реальном времени и в динамике. В современных УЗИ-шлемах используются микроконвексные УЗИ-датчики, которые располагаются в области шеи и дают двухмерное изображение поверхности языка. Из-за особенностей распространения ультразвуковых волн в разных средах невозможно визуализировать некоторые органы, например твёрдое нёбо, нижнюю челюсть, заднюю стенку фаринкса [14].

Основной проблемой фонетических УЗИ-исследований является постобработка полученных изображений. В настоящее время нет общепринятой методики расшифровки УЗИ-данных артикуляций, поэтому каждый исследователь разрабатывает свою.

Методика исследования

При исследовании алтайский носовых согласных применялась комплексная методика, включающая ЭПГ и УЗИ-визуализацию.

Электропалатограммы записывались на приборе *LinguaGraph* производства *Medical Rose Solution company* [15]. Для диктора – носителя диалекта алтай-кижи (женщина, 1978 г.р., образование высшее, родной язык – усть-канский говор диалекта алтай-кижи, русским языком владеет со школы, равное двуязычие) было изготовлено искусственное нёбо со встроенными в него 62 электродами, расположенными особым образом [16, 17].

После того как диктор установил искусственное нёбо и потренировался в произнесении слов, чтобы убедиться в правильности настройки звуков, ему была представлена программа из ряда алтайских стимулов с носовыми согласными в разном фонетическом окружении. Программа составлялась в соответствии с работой М.Ч. Чумакаевой [1] с некоторыми дополнениями и включала 125 исконных лексем алтайского литературного языка. Анкета записывалась отдельно для УЗИ и ЭПГ в течение нескольких сессий. Для контроля произношения проводилась повторная запись программы. Испытуемый произносил каждый стимул по три раза с интонацией перечисления. Изучались отдельные слова, а не связанная речь. Электропалатограммы визуализировались в *LinguaView 3D* [15]. Производилась синхронная аудиозапись при помощи микрофона *RødesmartLav*. Акустический материал аннотировался вручную в программе *Praat* [18]. Размеченные файлы размещались в базе данных EMU, а их статистическая обработка выполнялась в среде R [19].

Ультразвуковая часть исследования проводилась при помощи экспериментальной установки производства *ArticulateInstruments* [20], которая состоит из жесткого каркаса и УЗИ-датчика *TelmedMicrUS*. Каркас настраивается под размер головы информанта при помощи раздвижных сочленений и закрепляется на голове диктора эластичными ремешками. Расположенная на шлеме миниатюрная видеокамера направляется на губы диктора и снимает их с бокового ракурса. УЗИ-датчик фиксируется специальным зажимом в области между подбородком и горлом диктора и сканирует сагиттальный срез нижней части головы, захватывая язык и ротовую полость испытуемого. Конструкция шлема и крепления гарантируют полную неподвижность прибора относительно головы информанта, что обеспечивает единство системы координат для всех снимков в течение сессии и сопоставимость результатов.

На ноутбук проводилась синхронная запись звуковой дорожки, видеоизображения губ и артикуляции при помощи программы *ArticulateAssistantAdvanced (AAA)* [21]. Речь информанта записывалась на микрофон *RødesmartLav* и звуковую карту *FocusriteScarlett* с последующей автоматической оцифровкой полученных данных.

Диктору давались русскоязычные стимулы с заданными носовыми звуками в разных позициях, которые он произносил трехкратно. Обработка материалов выполнялась в программе *ArticulateAssistantAdvanced*. Полученные результаты были объединены в базу данных; для статистической обработки и визуализации результатов использовался язык программирования

Р. Подробное описание методики расшифровки данных УЗИ-визуализации представлено в [22].

Результаты исследования и обсуждение

В ходе экспериментально-фонетического исследования консонантизма алтай-кижи М.Ч. Чумакаева выделила следующие язычные носовые фонемы.

Фонема /п/ – согласная малошумная носовая переднеязычная. Встречается во всех позициях слова и в различных сочетаниях, с любыми сингармоничными гласными. При мягкорядной настройке дополнительным активным органом является средняя часть спинки языка [1. С. 150].

Фонема /п/ – согласная малошумная носовая среднеязычная. Употребляется только в начальной позиции [п]V= в словоформах с лексической основой *не-*. Активный орган – средняя часть спинки языка с прилегающей к ней передней частью [1. С. 153].

Фонема /п/ – согласная малошумная носовая заднеязычно-увулярная. Встречается в середине и в абсолютном исходе слова, в начале слова не употребляется. В позициях =V[п]V=, =V[п] фонема /п/ сочетается с любыми сингармоничными гласными. Оттенки фонемы /п/ имеют одну основную настройку – заднеязычную, заднеязычные оттенки употребляются и в мягкорядных и в твёрдорядных словах, факультативно в твёрдорядных словах может употребляться увулярный оттенок «п» [1. С. 165].

По данным нашего исследования можно выделить 5 н-образных артикуляторных настроек: [п], [п'], [п], [п], [п]. На рис. 6 показаны обобщенные электропалатограммы выделенных звуков, усредненные по трем произнесениям.

Электропалатограмма представляет собой матрицу из 62 точек, соответствующих контактам на искусственном нёбе. График ориентирован так, что верхний ряд соотносится с передненёбной зоной, нижний ряд – с задненёбной. Восьмой ряд контактов расположен на границе верхних зубов и альвеол, седьмой соответствует гребню альвеол, шестой – граница лингвального склона альвеол и твёрдого нёба, пятый и четвёртый – первая половина твёрдого нёба, третий – середина твёрдого нёба, второй и первый – вторая половина твёрдого нёба. Нумерация выполняется автоматически программой. Точка белого цвета обозначает контакт, который при произнесении данного звука никогда не оказывается замкнутым, точка черного цвета – контакт, который всегда замыкается при данной артикуляции. Оттенками серого показаны зоны факультативного контакта: чем темнее оттенок, тем выше частотность замыкания в данной точке.

Для оценки характера артикуляции и меры его вариативности мы вводим специальные язычные индексы: дентально-альвеолярный, палатальный, веларный. Каждый индекс представляет собой сумму коэффициентов контактов в определенной зоне, имеющих значение от 0 до 1 в зависимости от частотности его замыкания. Коэффициенты вычисляются отдельно для трех зон: дентально-альвеолярная охватывает первые два ряда контактов (7–8),

палатальная – следующие три ряда (4–6), велярная – последние три ряда (1–3). Средние значения коэффициентов приведены в табл. 1.

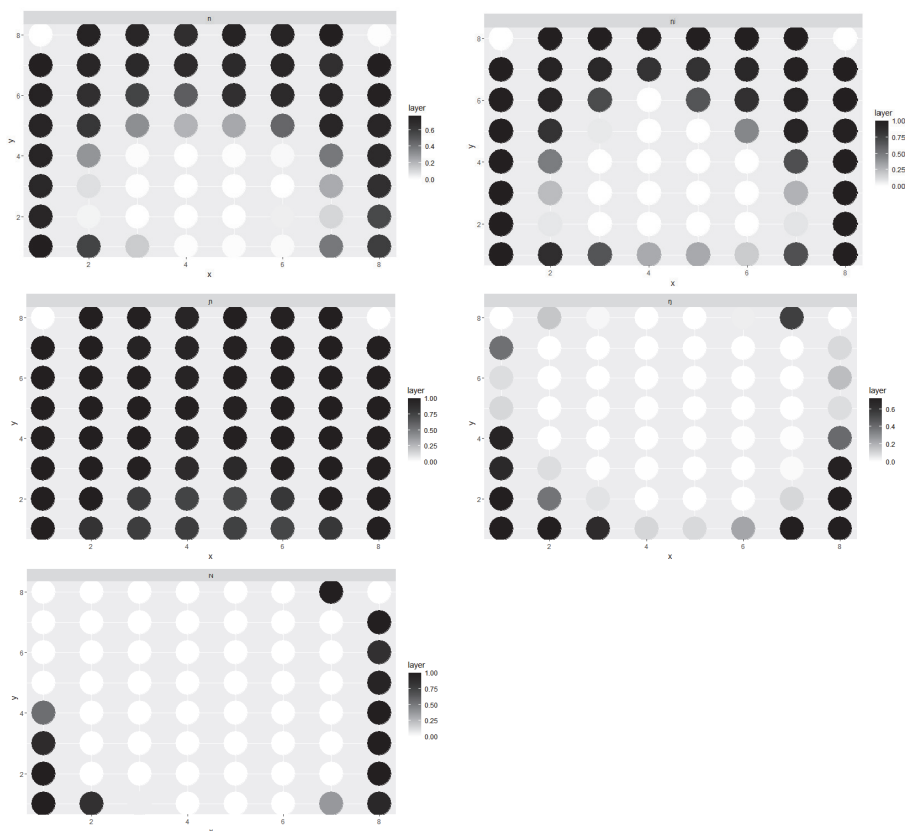

Рис. 6. Обобщенные электропалатограммы произнесений аллофонов [n], [n'], [ɲ], [ŋ], [N]¹

Таблица 1

Средние значения индексов контакта по зонам

Звук	Дентально-альвеолярный индекс	Палатальный индекс	Велярный индекс
n (n)	20,15	10,02	5,17
n' (n')	19,45	9,85	7,06
ɲ (ɲ)	21,59	23,56	11,89
ŋ (ŋ)	2,01	3,97	8,46
N (N)	2,86	4,42	5,25

¹ В статье транскрипция словоформ выполнена по стандартам УУФТ [23], однако в программах для разметки используется стандарт МФА [24], в связи с чем возникают расхождения в записи. Далее представлена система корреляций знаков УУФТ и МФА: [n] ~ [n], [n'] ~ [n'], [ɲ] ~ [ɲ], [ŋ] ~ [ŋ], [N] ~ [N].

На рис. 7 представлен разброс средних значений индекса по всем произнесениям диктора. Каждый символ на графике обозначает отдельное произнесение соответствующего звука, для удобства восприятия разные звуки окрашены разным цветом. Положение символа на графике характеризует два индекса из трех: дентально-альвеолярный и палатальный на верхнем графике, дентально-альвеолярный и веларный – на нижнем.

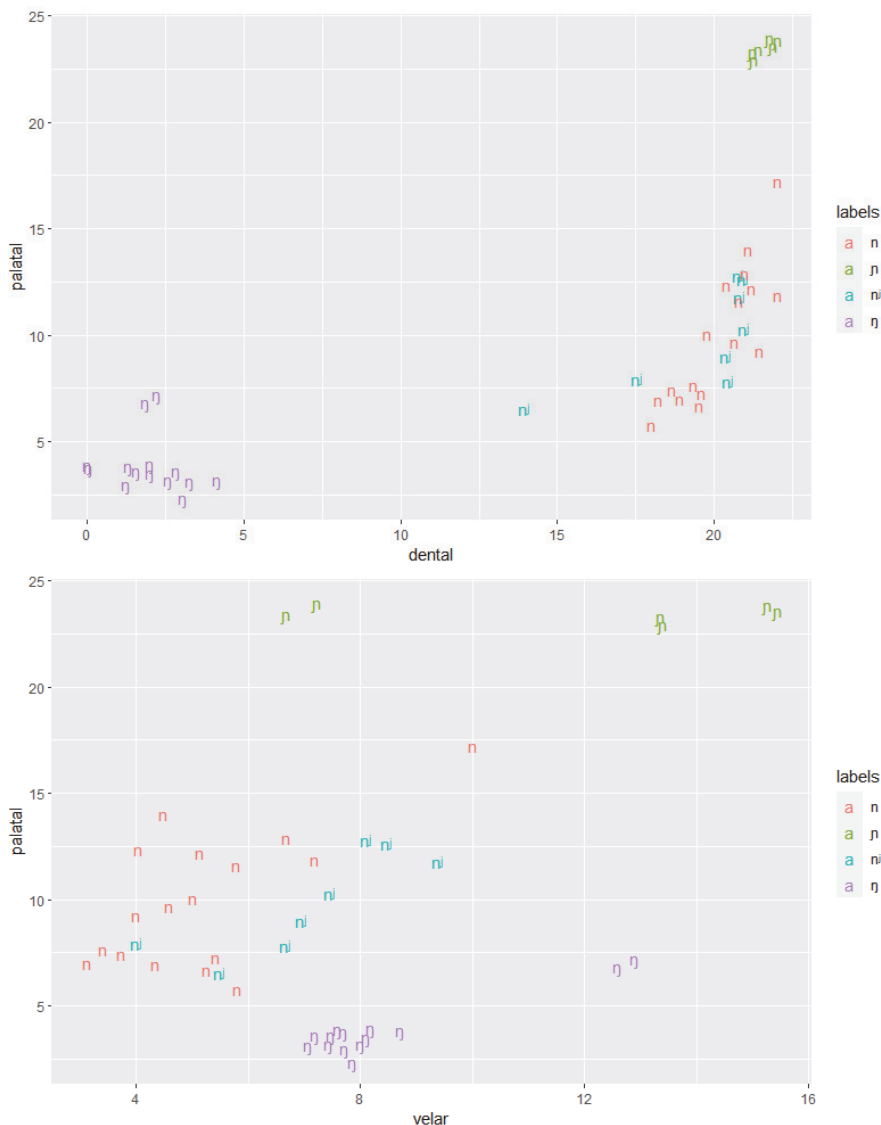

Рис. 7. Разброс значений индексов контакта в базе исследования

Перейдем к данным, полученным по итогам ультразвукового исследования. На рис. 8 показаны обобщенные изображения контуров спинки языка по результатам всех произнесений анализируемых звуков. Контурные расположены в сагиттальной проекции так, что лицо диктора обращено влево. Отметки на осях соответствуют условным единицам в координатном пространстве УЗИ-шлема.

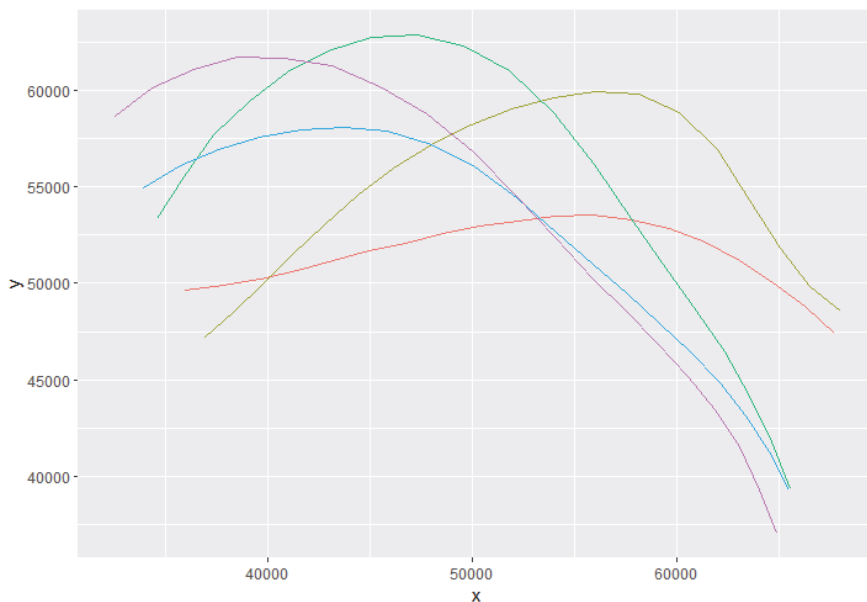

Рис. 8. Обобщенные контуры спинки языка носовых согласных по данным УЗИ¹

Для оценки места артикуляции по данным УЗИ мы определяем место максимального сужения, которое вычисляется как точка, имеющая наименьшее расстояние до ближайшей точки нёбного свода (нёбный свод на УЗИ-изображениях не наблюдается; для вычислений нёбо реконструируется по наивысшему возможному положению языка). Данный параметр позволяет определить вектор подъема языка к пассивному артикулятору, но оказывается недостаточным для разграничения всех согласных. При произнесении звука [n], который в данной выборке имеет веляризованный характер, место максимального сужения находится на границе рабочего поля прибора УЗИ, таким образом, по результатам измерения максимальное сужение может обнаруживаться в задненёбной области – в фокусе дополнительной артикуляции. По этой причине для лучшего разграничения фонов вводится еще один признак: максимальный подъем спинки языка, вычисляющийся

¹ [n] – красный контур, [nʲ] – синий контур, [ŋ] – фиолетовый контур, [ɲ] – зеленый контур [N] – коричневый контур.

как вертикальная координата наивысшей точки языка при произнесении звука.

В табл. 2 приводятся значения описанных выше метрик, характерные для исследуемых звуков. С учетом угла обзора прибора точки, отображающие контур спинки языка, пронумерованы числами от 8 до 28, при этом кончик языка расположен в зоне 8–13, передняя часть спинки – в зоне 13–18, средняя часть спинки – в зоне 18–23, наконец, задняя часть спинки – в области 23–28.

Таблица 2

Индексы максимального сужения и максимального подъема спинки языка

Аллофон	Передняя точка зоны реализации	Задняя точка зоны реализации	Средняя вертикальная координата наивысшей точки
n (n)	9	27	53900
n' (n')	9	20	58230
ɲ (ɲ)	12	14	61800
ɳ (ɳ)	15	22	63240
ŋ (ŋ)	23	25	60000

Покажем разброс данных параметров в выборке на рис. 9. Символы на графике обозначают каждое отдельное произнесение соответствующего звука. Для удобства восприятия разные звуки обозначены разным цветом. По горизонтальной оси отложена точка максимального сужения, нумерация точек совпадает с указанной выше. Положение точки по вертикали показывает наивысший подъем спинки языка.

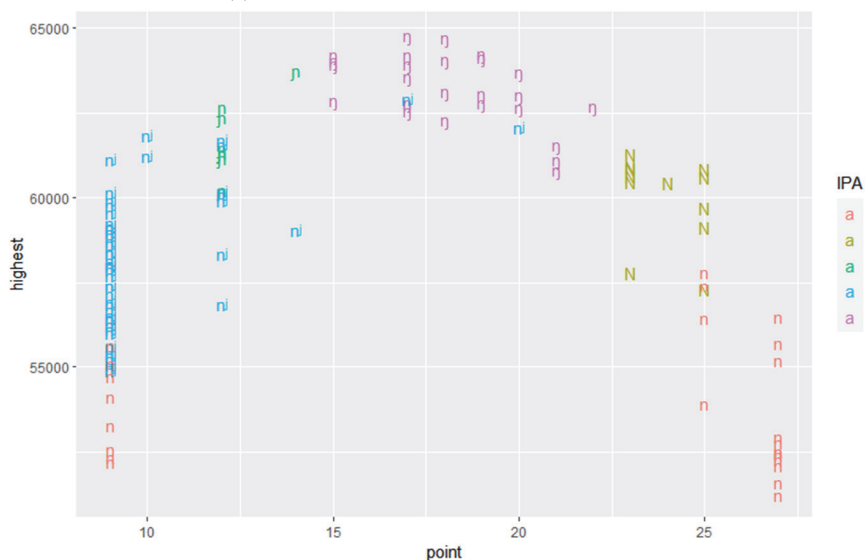

Рис. 9. Разброс значения точки максимального сужения и максимального подъема в выборке

Охарактеризуем выделенные звуки по указанным метрикам.

Звук [n] выявлен в лексемах *оны* ‘его’, *ажан* ‘ешь’, *јон* ‘народ’, *јун* ‘мыть’, *тун* ‘глохнуть’, *нак* ‘дружный’, *ныкы* ‘надавливать’, *јоны* ‘народ=его’ и является реализацией фонемы /n/ в твёрдорядных словоформах. По данным ЭПГ, язык касается нёба в области 7–8-го контактных рядов¹, что соответствует дентально-альвеолярной зоне артикуляции. Для этого звука зона артикуляции вариативно может захватывать ряды 5–6. Таким образом, дентально-альвеолярный индекс составляет в среднем 20,15 единицы (см. табл. 1) с разбросом значений 17–25 единиц. Палатальный индекс равен 10,02 единицы с разбросом 2–7 единиц. Контакт в задне-нёбной области минимален, наблюдается только в боковых рядах, что свидетельствует о возможном сагиттальном прогибе спинки языка.

По данным УЗИ, [n] (рис. 8) имеет контур, при котором кончик языка опускается к нижним зубам, а задняя часть спинки языка незначительно поднимается к мягкому нёбу. Таким образом, выборка произнесений [n] делится на две группы: одна отличается расположением наименьшего сужения в точке 8, что соответствует переднеязычному дентально-альвеолярному фокусу; другая лежит в области точек 25–27, что вызвано наличием дополнительного фокуса сужения в области границы твёрдого и мягкого нёба. Во втором случае программа для статистического анализа данных интерпретирует сужение в области границы твёрдого и мягкого нёба как основную артикуляцию, а не как дополнительную, в данном случае – веляризацию.

Обе группы характеризуются одинаковым значением наивысшего подъема в 54 тыс. единиц с разбросом 52–57 тысяч единиц. В то же время этот параметр показательно противопоставляет реализации фона [n] другим звукам.

Звук [n'] ([n']) записан в лексемах *тебене* ‘большая игла’, *јин* ‘содержимое кишок’, *кин* ‘пупок’, *нөкөр* ‘друг’, *эне* ‘мама’, *өднi* ‘лоскутки’, *күн* ‘день’, *мүн* ‘бульон’, *мин* ‘сесть на коня’, *јун* ‘мыть’, *көжүне* ‘ревень’, *јебрен* ‘древний’ и является палатализованным аллофоном фонемы /n/. По данным ЭПГ, отмечается контакт передней части спинки языка с дентально-альвеолярной зоной твёрдого нёба в области 7–8. Дентально-альвеолярный индекс равен 19,45 с разбросом 13–22 единицы; палатальный 9,85 с разбросом 6–12 единиц; велярный 7,06 с разбросом 4–9. На электропалатограммах видно, что область контакта языка и твёрдого нёба больше у непалатализованного [n], что идет вразрез с общепринятым положением, что палатализованные и/или напряженные звуки имеют большую площадь контакта на палатограммах. Вероятно, это обусловлено тем, что палатализованный звук менее напряжённый, а дополнительная артикуляция не влияет на зону контакта.

¹ Из-за технических особенностей программного обеспечения прибора ЭПГ на электропалатограммах нумерация контактных рядов начинается от границы мягкого и твёрдого нёба вопреки традиции проводить метрические вычисления от зубов (см. об этом выше).

По данным УЗИ (рис. 9) видно, что контур спинки языка выгибается по направлению к альвеоло-палатальной зоне. Местом максимального сужения для большинства реализаций является точка 8, соответствующая дентально-альвеолярному фокусу, как и для реализаций [n], но по параметру наивысшего подъема звук [n'] ([n']) значительно отличается от [n] и имеет среднее значение 58,2 тыс. единиц с разбросом 55–62 тыс. единиц. Отдельные произнесения фонем могут иметь точку максимального сужения дальше от зубов – в зоне 9–12, что соответствует альвеолярно-переднетвёрдонёбной области. В единичных случаях артикуляции звука [n'] ([n']) находятся еще дальше, фактически в зоне реализации [n], [n] ([n]), но отличаются от них меньшим значением максимального подъема.

Звук [n] репрезентирует среднеязычную фонему /n/, которая имеет ограниченное употребление и реализуется только в местоименном корне и была записана в лексемах *не* ‘что?’, *неме* ‘нечто?’, *немелер* ‘что-то’.

По данным ЭПГ (рис. 6), при произнесении этого звука образуется обширная область контакта языка и твёрдого нёба, охватывающая точки 4–8, т.е. дентально-альвеолярную и переднетвёрдонёбную области, а факультативно – также и более глубокую, заднетвёрдонёбную зону (1–3). Дентально-альвеолярный индекс при этом составляет 21,56 с разбросом 18–22 единицы, палатальный индекс – 23,56 с разбросом 22–24 единицы. Велярный индекс равен 11,89 с разбросом 11–13. Как можно убедиться, дентально-альвеолярный индекс для [n] находится в тех же пределах, что и для [n], однако палатальный индекс способствует их различению (у [n] он больше).

По данным УЗИ (рис. 8) мы видим типичный контур с подъемом средней части спинки языка к твёрдому нёбу. Такая форма профиля похожа на контур [n'] ([n']), но отличается более выраженным подъемом. Максимальное сужение, а скорее всего смычка с твёрдым нёбом, приходится на точки 12–14, что соответствует передне-среднеязычной области и отличает звук от большей части произнесений [n'] ([n']). От тех отдельных реализаций [n'] ([n']), которые имеют альвеолярный фокус, [n] отличается большим подъемом – 61,8 тыс. единиц.

Аллофон [n] ([n]) является реализацией фонемы /n/ в мягкорядных словоформах и был записан в лексемах *өлөн* ‘трава’, *өлөнги* ‘трава=его’, *эн* ‘самый’, *јен* ‘рукав’, *јени* ‘рукав=его’, *төн* ‘бугор’, *төни* ‘бугор=его’, *мен* ‘родинка’, *мени* ‘родинка=его’, *јун* ‘перья’, *јене* ‘жена старшего брата’. По результатам ЭПГ, звук реализуется в велярной области, так как замыкание зафиксировано в контактном ряду 1, при этом носит вариативный характер, т.е. основная зона артикуляции приходится даже на более глубокую зону, чем позиция установки искусственного нёба. Дентально-альвеолярный индекс равен 2,01 с разбросом 0–4; палатальный 3,97 с разбросом 2–7; велярный – 8,46 с разбросом 7–13.

По данным УЗИ, для звука [n] ([n]) характерен контур с подъемом задней части спинки языка. Максимальное сужение сосредоточено в зоне 15–22, максимальный подъем имеет значение 63,24 тыс. единиц с разбросом 61–65 тыс. единиц.

Аллофон [ɲ] ([N]) является реализацией фонемы /ɲ/ в твёрдорядных слофовормах и записан в лексемах *janгы* ‘новый’, *мангы* ‘галоп=его’, *тан* ‘рассвет’. По данным ЭПГ, замыкание контактов палатографа имеет маргинальный характер и наблюдается только в боковых рядах, что обусловлено частичным задеванием краями языка верхних зубов. Непосредственно фокус артикуляции находится глубже позиции постановки искусственного нёба. Таким образом, аллофон отличается наименьшим значением всех индексов: дентальный равен 2,86; палатальный – 4,42; велярный – 5,52 с минимальным разбросом.

По данным УЗИ, звук [ɲ] ([N]) отличается менее высоким подъемом задней части спинки языка, чем для [ɲ] ([ɲ]), и оттягиванием корня языка назад к задней стенке фаринкса. Максимальное сужение находится в зоне точек 23–25, при этом наивысший подъем равен 60 тыс. единиц с разбросом 57–62 тыс. единиц.

Выводы

Исследование показывает, что методы УЗИ и ЭПГ могут использоваться как взаимодополняющие. Метод ЭПГ, так же как и его предшественники (палатографирование и дентопалатографирование), больше подходит для описания согласных артикуляций и позволяет определить тип звука (смычный / щелинный), место контакта и дополнительные настройки (например, выявить сагиттальный прогиб спинки языка). Метод УЗИ, напротив, не дает качественной картины нёба, но позволяет оценить конфигурацию активного артикулятора – языка. При этом данные ЭПГ могут быть четко привязаны к артикуляционным органам информанта, поскольку точки контакта носят материальный характер. Материалы УЗИ не привязаны к конкретным материальным точкам, а ориентированы в условном координатном пространстве. Таким образом, два метода компенсируют ограничения друг друга и помогают построить комплексную модель артикуляции.

Введение различных метрик позволяет разграничить зоны реализации аллофонов. Прежде всего, дентально-альвеолярный индекс дифференцирует, с одной стороны, переднеязычные и среднеязычные, имеющие значительную площадь дентально-альвеолярного контакта, от заднеязычных. Палатальный индекс позволяет противопоставить среднеязычные согласные и все остальные из-за особенностей конфигурации области контакта языка и нёба и, хотя и менее четко, отделить переднеязычные от заднеязычных. Велярный индекс разграничивает велярные и увулярные реализации заднеязычной фонемы.

При анализе результатов УЗИ показательным оказывается параметр точки наибольшего сужения, который различает палатализованные, палатальные, велярные (или веляризованные) и увулярные звуки. Однако этот параметр недостаточен для определения характера зубного [ɲ], поскольку из-за его веляризованного характера и ограничения зоны обзора прибора,

реализации звука совпадают либо с палатализованным [n'] ([nʲ]), либо с веларно-увулярным [ŋ] ([ŋ]). Дополнительный параметр – величина наивысшего подъема языка – позволяет разграничить, во-первых, переднеязычный [n], отличающийся незначительным подъемом; во-вторых, оттенки [n'] ([nʲ]) и [ŋ] ([ŋ]), имеющие подъем соответственно в передней и задней частях спинки, и, в-третьих, оттенки [ŋ] и [ɲ] ([ɲ]), для которых такой подъем максимален.

Обобщая, можно дать следующую лингвистическую интерпретацию выявленных аллофонов:

[n] – переднеязычный дентально-альвеолярный носовой согласный, образуется смыканием передней части спинки языка с верхними резцами и гребнем альвеол, задняя часть спинки языка при этом незначительно поднимается к мягкому нёбу, что свидетельствует о веларизованности настройки;

[n'] ([nʲ]) – переднеязычный дентально-альвеолярный палатализованный носовой согласный, основной фокус артикуляции образуется смыканием кончика и передней части спинки языка с верхними резцами и альвеолами, средняя часть спинки языка дополнительно поднимается к твёрдому нёбу, обуславливая палатализованность звука;

[ŋ] – среднеязычный средненёбный носовой согласный, основной фокус артикуляции образуется смыканием передне-средней части спинки языка с передне-средней частью твёрдого нёба;

[ɲ] ([ɲ]) – межзубноязычный задненёбный носовой согласный, основной фокус артикуляции образуется подъемом межзубной и задней частей спинки языка к границе твёрдого и мягкого нёба;

[ŋ] ([ŋ]) – заднеязычный увулярный носовой согласный, основной фокус артикуляции образуется подъемом и оттягиванием задней части спинки языка к мягкому нёбу.

М.Ч. Чумакаева выделяет три язычные носовые согласные фонемы /n/, /nʲ/, /ŋ/. Артикуляторные характеристики звуков, описанные автором, в целом совпадают с нашими экспериментальными данными. Современные методы позволяют оценить разброс значений выборки, рассмотреть звуки в потоке речи, учесть разные статистические параметры.

Для адекватной интерпретации получаемых данных экспериментатор должен иметь четкое представление об артикуляторных процессах. Рассмотренные методы не являются исчерпывающими и должны дополняться другими данными.

Список источников

1. Чумакаева М.Ч. Согласные алтайского языка (на основе экспериментально-фонетических исследований). Горно-Алтайск : Алт. кн. изд-во, 1978. 234 с.
2. Зиндер Л.Р. Общая фонетика : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Высшая школа, 1979. 312 с.
3. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика : учеб. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 590 с.

4. Gibbon F., Nicolaidis K. Palatography // Coarticulation: Data, theory and techniques / eds. by William Hardcastle and Nigel Hewlett. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. P. 229–245.
5. Abercrombie D. Direct Palatography // STUF-Lang. Typol. Univ. 1957. Vol. 10. P. 21–25.
6. Palmer J.M. Dynamic Palatography // *Phonetica*. 1973. Vol. 28. P. 76–85.
7. Наделяев В.М. Палатографи́рование: Методические заметки // Фонетика языков Сибири. Новосибирск, 1984. С. 3–38.
8. Кузьмин Ю.И. Динамическая палатография // Вопросы психологии. 1963. № 1. С. 137–142.
9. Sierhej A., Verhoeven J., Miller N.R., Reyes-Aldasoro C.C. Optimisation strategies for the registration of Computed Tomography images of electropalatography // bioRxiv. 2020.
10. Verhoeven J., Miller N., Daems L., Reyes-Aldasoro C. Visualisation and Analysis of Speech Production with Electropalatography // *Journal of Imaging*. 2019. Vol. 5. P. 1–16.
11. Kelsey C., Woodhouse R., Minifie F. Ultrasonic observations of coarticulation in the pharynx // *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1969. Vol. 46 (4). P. 1016–1018.
12. Skolnick M., Zagzebski J., Watkin K. Two dimensional ultrasonic demonstration of lateral pharyngeal wall movement in real time – a preliminary report // *Cleft Palate Journal*. 1975. Vol. 12. P. 299–303.
13. Zagzebski J. Ultrasonic measurement of lateral pharyngeal wall motion at two levels in the vocal tract // *Journal of Speech and Hearing Research*. 1975. Vol. 18. P. 308–318.
14. Gick B., Bernhardt B., Bacsfalvi P., Wilson Ian. Ultrasound imaging applications in second language acquisition. Chapter 11 // *State-of-the-Art Issues in Second Language Phonology* / eds. by J. Hansen, M. Zampini. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 309–322.
15. *Electropalatography*. URL: <https://icspeech.com/electropalatography.html> (дата обращения: 06.03.2023).
16. McMillan C., Corley M. Cascading influences on the production of speech: Evidence from articulation // *Cognition*. 2010. Vol. 117. P. 243–260.
17. Tabain M., Beare R. An EPG and EMA study of apicals in stressed and unstressed position in Arrernte // *International Congress of Phonetic Sciences*. Glasgow : Scotland, 2015.
18. Boersma P., Weenink D. Praat: doing phonetics by computer. URL: <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/> (дата обращения: 06.03.2023).
19. *The R Project for Statistical Computing*. URL: <https://www.r-project.org/> (дата обращения: 06.03.2023).
20. *Ultrasound Intraoral Imaging*. URL: <http://www.articulateinstruments.com/ultrasound-imaging/> (дата обращения: 06.03.2023).
21. *Articulate instruments LTD*. URL: <http://www.articulateinstruments.com/downloads/> (дата обращения: 06.03.2023).
22. Тимкин Т.В. Гласные первого слога сургутского диалекта хантыйского языка по данным ультразвукового исследования // *Сибирский филологический журнал*. 2022. № 3. С. 196–211.
23. Уртегешев Н.С., Селютина И.Я., Добрина А.А., Рыжикова Т.Р. Фонетические трансформации в аналитических формах тюркского глагола. Новосибирск : Академиздат, 2021. 252 с.
24. *Full IPA Chart*. URL: <https://www.internationalphoneticassociation.org/content/full-ipa-chart> (дата обращения: 06.03.2023).

References

1. Chumakaeva, M.Ch. (1978) *Soglasnye altayskogo yazyka (na osnove eksperimental'no-foneticheskikh issledovaniy)* [Consonants of the Altai Language (Based on experimental phonetic studies)]. Gorno-Altaysk: Altayskoe kn. izd-vo.

2. Zinder, L.R. (1979) *Obshchaya fonetika* [General Phonetics]. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola.
3. Kodzasov, S.V. & Krivnova, O.F. (2001) *Obshchaya fonetika* [General Phonetics]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
4. Gibbon, F. & Nicolaidis, K. (1999) Palatography. In: Hardcastle, W. & Hewlett, N. (eds) *Coarticulation: Data, theory and techniques*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 229–245.
5. Abercrombie, D. (1957) Direct Palatography. *STUF – Language Typology and Universals*. 10. pp. 21–25.
6. Palmer, J.M. (1973) Dynamic Palatography. *Phonetica*. 28. pp. 76–85.
7. Nadelyaev, V.M. (1984) Palatografirovanie. Metodicheskie zametki [Palatography. Methodological notes]. In: *Fonetika yazykov Sibiri* [Phonetics of the Languages of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 3–38.
8. Kuz'min, Yu.I. (1963) Dinamicheskaya palatografiya [Dynamic palatography]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 137–142.
9. Sierhej, A. et al. (2020) Optimisation strategies for the registration of Computed Tomography images of electropalatography. *bioRxiv*. DOI: 10.1101/2020.04.02.022137
10. Verhoeven, J. et al. (2019) Visualisation and Analysis of Speech Production with Electropalatography. *Journal of Imaging*. 5. pp. 1–16.
11. Kelsey, C., Woodhouse, R. & Minifie, F. (1969) Ultrasonic observations of coarticulation in the pharynx. *The Journal of the Acoustical Society of America*. 4 (46). pp. 1016–1018.
12. Skolnick, M., Zagzebski, J. & Watkin, K. (1975) Two dimensional ultrasonic demonstration of lateral pharyngeal wall movement in real time – a preliminary report. *Cleft Palate Journal*. 12. pp. 299–303.
13. Zagzebski, J. (1975) Ultrasonic measurement of lateral pharyngeal wall motion at two levels in the vocal tract. *Journal of Speech and Hearing Research*. 18. pp. 308–318.
14. Gick, B. et al. (2008) Ultrasound imaging applications in second language acquisition. Chapter 11. In: Hansen, J. & Zampini, M. (eds) *State-of-the-Art Issues in Second Language Phonology*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 309–322.
15. *Electropalatography*. (n.d.) [Online] Available from: <https://icspeech.com/electropalatography.html> (Accessed: 06.03.2023).
16. McMillan, C. & Corley, M. (2010) Cascading influences on the production of speech: Evidence from articulation. *Cognition*. 117. pp. 243–260.
17. Tabain, M. & Beare, R. (2015) An EPG and EMA study of apicals in stressed and unstressed position in Arrernte. *Proceedings of the 18th International Congress of Phonetic Sciences*. Glasgow. 10–14 August 2015. Glasgow: Scotland.
18. Boersma, P. & Weenink, D. Praat: doing phonetics by computer. [Online] Available from: <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/> (Accessed: 06.03.2023).
19. *The R Project for Statistical Computing*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.r-project.org/> (Accessed: 06.03.2023).
20. Articulate Instruments. (n.d.) *Ultrasound Intraoral Imaging*. [Online] Available from: <http://www.articulateinstruments.com/ultrasound-imaging/> (Accessed: 06.03.2023).
21. *Articulate instruments*. (n.d.) [Online] Available from: <http://www.articulateinstruments.com/downloads/> (Accessed: 06.03.2023).
22. Timkin, T.V. (2022) Glasnye pervogo sloga surgutskogo dialekta khantyyskogo yazyka po dannym ul'trazvukovogo issledovaniya. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 3. pp. 196–211.
23. Urtegeshev, N.S. et al. (2021) *Foneticheskie transformatsii v analiticheskikh formakh tyurkskogo glagola* [Phonetic Transformations in Analytical Forms of the Turkic Verb]. Novosibirsk: Akademizdat.
24. *Full IPA Chart*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.internationalphoneticassociation.org/content/full-ipa-chart> (Accessed: 06.03.2023).

Информация об авторах:

Рыжикова Т.Р. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: tanya12@mail.ru

Тимкин Т.В. – канд. филол. наук, Научный сотрудник Лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: ttimkin@yandex.ru

Добрынина А.А. – старший научный сотрудник Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: ekinur@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.R. Ryzhikova, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: tanya12@mail.ru

T.V. Timkin, Cand. Sci. (Philology), research fellow, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ttimkin@yandex.ru

A.A. Dobrynina, senior research fellow, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ekinur@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.05.2023;
одобрена после рецензирования 05.03.2024; принята к публикации 25.03.2024.*

*The article was submitted 11.05.2023;
approved after reviewing 05.03.2024; accepted for publication 25.03.2024.*

Научная статья
УДК 811.161.1.04; 82.155; 168.522
doi: 10.17223/19986645/88/6

Интертекстуальность средневековых славянских переводческих предисловий и послесловий на фоне современного им переводческого дискурса Западной Европы

Анна Леонидовна Соломоновская¹

¹ *Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия,
asolomonovskaya@mail.ru*

Аннотация. На основе девяти средневековых славянских переводческих паратекстов рассматриваются проявления интертекстуальности и определяется ее место в рамках топосов. Краткие цитаты и аллюзии из библейских и других источников содержатся в топосе скромности, обосновании перевода на национальные языки, обращении к адресату. Славянские переводчики ссылались на те же тексты, что и их западноевропейские современники, что указывает на единое европейское культурное пространство их деятельности.

Ключевые слова: Средние века, интертекстуальность, переводной памятник, паратекст, топос, аллюзии и цитаты, авторитетность и авторство

Для цитирования: Соломоновская А.Л. Интертекстуальность средневековых славянских переводческих предисловий и послесловий на фоне современного им переводческого дискурса Западной Европы // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 88. С. 111–127. doi: 10.17223/19986645/88/6

Original article
doi: 10.17223/19986645/88/6

Intertextuality of medieval Slavic translators' paratexts against the background of contemporary translators' discourse of Western Europe

Anna L. Solomonovskaya¹

¹ *Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, asolomonovskaya@mail.ru*

Abstract. Based on nine medieval Slavic translators' paratexts, the article discusses different manifestations of intertextuality. In the Middle Ages, the phenomenon, well-known to us through postmodernist literature, has some specific features: it was a natural characteristic of medieval discourse, not a conscious play with the reader. Intertextuality in Slavic literature of the period has been studied mostly in vitae, chronicles and travel diaries, while its functioning in Slavic translators' paratexts has not been investigated yet. Filling this gap in research was the aim of the study. Unlike

that of modernity, medieval culture was the culture of authority not authorship. Therefore, a writer (translator) was free to appropriate, partly or entirely, a text of their predecessors or, the other way round, to ascribe their own speculations to a biblical, patristic or classic authority. The article considers two cases of such appropriation – the prologues to the Latin and Slavic translations of *Secret of Secrets* and the prologue to Slavic Hexameron, *Shestodnev*, compiled by John the Exarch. The comparison of John's Prologue with its source *Cure of the Greek Maladies* by Theodoret of Cyrus shows that the Slavic scholar treated the latter freely removing and adding what he considered necessary. On the other hand, medieval intertextuality also exists in formats more familiar to the modern reader – genuine or fictitious quotations (with or without reference to a particular author) and allusions to the Bible narrative. The article considers such quotes and allusions in connection with the *topoi* they are part of as well as their particular sources. As for the former aspect, it was concluded that they are most often used in the parts where referring to authority was deemed essential for pragmatic reasons, namely, in modesty *topos* (to substantiate the decision of the scholar to overcome Christian humility and take on the task – here the Parable of Talents was especially useful) and in validating a translation of a sacred text into vernacular (the claim was often supported by St. Paul's First Epistle to Corinthians). Addressing the patron scholars also tended to use references to virtuous biblical characters to flatter him (or her). Both in Catholic and Orthodox Europe the main source was the Scriptures. However, medieval translators, the Slavic ones to the lesser extent, used other sources – the works of Church Fathers and the writers of classical antiquity.

Keywords: Middle Ages, intertextuality, translation, paratext, *topos*, allusions and quotations, authority and authorship

For citation: Solomonovskaya, A.L. (2024) Intertextuality of medieval Slavic translators' paratexts against the background of contemporary translators' discourse of Western Europe. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 88. pp. 111–127. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/88/6

Введение

Несмотря на то, что более или менее организованная переводческая деятельность в славянском мире началась значительно позднее, чем в Западной Европе, она не протекала изолированно от деятельности европейских современников. На первом этапе центром, объединяющим европейских и славянских переводчиков, была Византия, позднее западноевропейское влияние осуществлялось через польское посредничество. Многие славянские переводчики были или природными билингвами (как Константин-Кирилл и Михаил-Методий в IX в. или Исайя Серрский в XIV в.) или, как предполагают, проходили обучение в Константинополе (как Феодосий «Грек» в XII в.). Общими для славянских и европейских переводчиков были и волнующие их вопросы (например, вопрос передачи грамматического рода при переводе с одного языка на другой волновал и автора Македонского кириллического листка, и его германского современника Отфрида Вейсенбургского), и *топосы*, которые они использовали в своих предисловиях и послесловиях (паратекстах, по терминологии Ж. Женетта [1]). Набор этих *топосов*, из кото-

рых конструировался паратекст, также был во многом общим для всех переводчиков, где бы они ни работали. Среди этих топосов и обязательный для христианского переводчика, тем более духовного лица, каковыми были большинство из них, топос смирения, связанные с ним топосы уговоров и морального долга переводчика, и обращение с похвалой к заказчику или покровителю, и обоснование как выбора того или иного текста для перевода, так и переводческой техники, и «лингвистические» рассуждения (в частности, рассуждения о несовершенстве переводящего языка в сравнении с исходным). Во многих случаях переводчики опирались на христианские авторитеты, в первую очередь на библейские тексты, но также и на сочинения Отцов Церкви, чтобы придать вес своим утверждениям. Таким образом, в переводческих предисловиях, как и в средневековой культуре в целом, часто присутствует такое явление, как интертекстуальность.

Интертекстуальность, или эксплицитное или имплицитное присутствие в тексте отсылок, аллюзий, цитат из предшествующих текстов, встречается в средневековой культуре как в виде упомянутых отсылок, так и в своеобразном отношении к тексту и его авторству вообще. Для средневековой культуры важно было не авторство, а авторитет (об этом подробно см. [2]). Таким образом, с одной стороны, единственной гарантией «неприкосновенности» переписываемого текста был «внелитературный авторитет, в особенности духовный, но также и светский» [3. С. 15]). С другой стороны, книжник чувствовал себя свободно, приписывая написанный им самим текст или компиляцию, составленную из разных источников, авторитетной фигуре как христианской, так и «внешней», т.е. классической, античной. То же касается и переводческих паратекстов: часто предисловие предыдущего переводчика (например, с греческого на арабский, или с арабского на латынь, или с греческого на латынь) инкорпорировалось либо в текст памятника как таковой – тогда можно говорить о комплексе предисловий, либо фрагментарно в предисловие последующего переводчика. В этом отношении особенно интересны дошедшие до нас предисловия к сборнику поучений «Тайная тайн» (“Secretum Secretorum”), который приписывался в Средние века Аристотелю. В рамках этой статьи мы коснемся только комплекса предисловий составителей и переводчиков этого сложного и «таинственного» сочинения.

Наряду с таким специфически средневековым проявлением интертекстуальности в литературе в целом и в переводческих предисловиях и послесловиях встречаются интертекстуальные вкрапления более знакомого современному читателю вида – цитаты и аллюзии к разного рода источникам. И в этом отношении славянские книжники вели себя таким же образом, как и их западноевропейские современники: цитировали библейские пассажи и высказывания Отцов Церкви в рамках примерно тех же топосов. Нужно также понимать, что применение термина «интертекстуальность» к средневековой литературе достаточно условно, так как речь в этом случае идет не об осознанной «игре с читателем» современного автора, а о «присвоении»

писателем мысли и ее выражения своих предшественников, естественном для культуры, где идея личного авторства еще не сформировалась [4].

Цель, материал и методы

Библейские цитаты и аллюзии в составе древнерусских и церковнославянских памятников (в основном учительной и житийной литературы как восточнославянского, так и южнославянского и западнославянского происхождения, а также летописей) изучались многими российскими и зарубежными учеными (среди них Д.М. Буланин, М. Гардзанити, Н.Н. Запольская, А. Каравашкин, А. Наумов, Р. Пиккио, А.М. Ранчин, К. Станчев и др.). Однако библейские аллюзии и цитаты в составе переводческих паратекстов (предисловий и послесловий), тем более в сравнении с текстами западноевропейских книжников того же периода, остаются до сих пор без должного внимания исследователей. Целью данной статьи и является частичное заполнение этой лакуны в исследованиях церковнославянских переводных памятников и паратекстов к ним.

Материалом для данной статьи послужили девять переводческих паратекстов славянского происхождения, а именно Македонский кириллический листок [5] и Проглас к Четвероевангелию [6], приписываемые славянским первоучителям (IX в.), два предисловия Иоанна экзарха (к «Небесам» [7], [8] и «Шестодневу» [9]), «Азбучная молитва» и прозаическое предисловие к «Учительному Евангелию» Константина Пресвитера [10], «Прилог самого христоролюбивого царя Симеона к Златострую» [11], предисловие Иоанна Пресвитера к первому славянскому переводу Жития Антония Великого [12] (все X в.), один комплексный паратекст XII в. – предисловие и послесловие Феодосия «Грека» к славянскому переводу «Томоса» Льва Великого [13] и одно предисловие XIV в.ю – Исаяи Серрского к его переводу корпуса Ареопагитик [14]. Не во всех этих памятниках есть достаточно легко выделяемые цитаты или аллюзии, тем не менее мы приводим полный список известных нам славянских переводческих паратекстов рассматриваемого периода.

Что касается методов исследования, то использовался главным образом описательный метод с элементами сравнительно-сопоставительного. Для выявления функции той или иной цитаты в рамках соответствующего топоса применяли лингвопрагматический и контекстуальный анализ.

Результаты и обсуждение

Использование полных текстов или объемных фрагментов других авторов в предисловиях переводчиков. Как указывалось во введении, одним из памятников, предисловие к которому складывалось в процессе взаимодействия каждым последующим составителем или переводчиком текста предшественника, является учительный сборник-мистификация, известный

как «Тайна тайн» (“Secretum Secretorum”). В арабском оригинале, как указывает американский медиевист Стивен Вильямс [15], есть три предисловия – предисловие анонимного компилятора, предисловие псевдо-Йахи ибн Битрика, а также якобы «авторское предисловие», т.е. предисловие «самого Аристотеля». В самом памятнике, действительно, есть некоторые переключки с этическими трудами великого греческого философа, но в целом «Тайна тайн» является скорее грандиозной мистификацией, собранной из разных греческих и арабских источников, а предисловия якобы переводчиков призваны были доказать аутентичность «послания Аристотеля Александру Великому». В прологе якобы переводчика с греческого на арабский Йахи ибн Битрика приводится легенда о долгих поисках книги, содержащей скрытую мудрость древних. В конечном итоге эти поиски увенчались успехом, таинственная рукопись оригинала была обнаружена в старом заброшенном храме под охраной единственного жреца. Такого рода легенда была общим местом арабской литературы. Имя известного арабского переводчика, как и сведения о двойном переводе – с греческого на сирийский, а потом уже с сирийского на арабский, также появляются с целью подтвердить аутентичность сочинения.

Фрагменты этого арабского предисловия переключиваются в предисловия европейских переводчиков – Иоанн Севильский в XII в. добросовестно цитирует легенду обретения рукописи, указывая на свой источник, а веком позже Филипп из Триполи просто включает части арабского предисловия (легенду о составлении “Secretum Secretorum” Аристотелем в ответ на просьбу Александра поделиться в нем высшей мудростью), а также разделение на главы) в свой пролог к полному латинскому переводу памятника. Позднее, уже в XIV в., в предисловии Джеффри Уотерфорда к французскому переводу памятника повторяется топос о многословии арабского и неясности греческого, хотя сам Джеффри работал исключительно с латинским оригиналом. Этот топос не встречается в предисловиях его предшественников, видимо, переводчик повторяет общее место других латинских переложений арабских или греческих источников.

Восточнославянский (Ruthenian) перевод XV в. средневековой еврейской (Hebrew) версии “Sod ha Sodot”, опубликованный с комментариями и английским переводом В.А. Райаном и Моше Таубе в 2019 г.¹ [16], также содержит фрагменты из упомянутых выше первоначальных предисловий – предисловия Битрика («Патрикия») о поисках и обретении книги и предисловия «Аристотеля» – в виде предваряющего послания к Александру Македонскому в ответ на его просьбу приехать к нему, чтобы поделиться некой высшей мудростью. В славянском переводе это именно послание, а не его пересказ, как у Филиппа. Также из арабского в конечном итоге оригинала в славянский перевод переключивало оглавление.

¹ Автор выражает глубокую благодарность профессору Чарльзу Бурнетту за предоставленную возможность получить в свое распоряжение это издание.

Иногда переводчик заимствует в свое предисловие целый фрагмент какого-либо богословского или философского сочинения (не указывая автора). Например, Иоанн экзарх Болгарский в предисловии к «Шестодневу» использует обширный отрывок из четвертого слова «Врачевания эллинских недугов» Феодорита Киррского [9]. Сравнение текста из пролога к «Шестодневу» и опубликованного в Патрологии Миня [17] оригинала этого отрывка показывает, что в основном Иоанн экзарх воспроизводил (переводил?) текст более или менее точно, хотя были и некоторые принципиальные сокращения или не такие принципиальные, но интересные в языковом отношении, добавления. Например, наряду с хвалой творцу Давида (Псалом 103: 24 «яко возвеличишася дела твоя, господи, вся премудростию сотворил еси» – здесь и далее цитаты из Ветхого Завета для сравнения с текстами славянских книжников приводятся либо по Остромирову Евангелию [18], так как этот текст ближе всего стоит к тому, что знали славянские книжники, если же соответствующий отрывок не найден в [18], тогда по самому раннему печатному тексту церковнославянской Библии – Острожской Библии [19], с заменой шрифта на современную кириллицу, или, если речь идет о цитате из Библии не у славянских книжников, – по синодальному переводу) после цитаты дается ее современная нумерация, хотя в доступных славянским переводчикам библейских текстах нумерации еще не было. Феодорит упоминает подобные восхваления и в языческой культуре, такие как дифирамб Дионису-Вакху или восхваление Артемиде, правда, в отрицательном контексте. Иоанн экзарх вообще не упоминает языческих богов и полубогов. С другой стороны, в соответствующем отрывке «Врачевания» лишь упоминаются певчие птицы в целом, тогда как Иоанн приводит целый список птиц – *славие* (соловьи), *косы* (дрозды), *сое* (сойки), *(и)вльгы* (иволги) и т.п.

Цитаты и аллюзии как тематические ключи к топосам переводческих паратекстов. Прежде чем перейти к рассмотрению эмпирического материала, необходимо сделать несколько предварительных замечаний относительно особенностей библейских цитат и аллюзий, функционировавших в качестве «библейских тематических ключей» (термин, введенный Р. Пиккио в статье 1977 г., опубликованной на русском языке в 2003 г. [20]). Известный славист польского происхождения А. Наумов предпринял попытку (к сожалению, незаконченную) составления картотеки библейских цитат, содержащихся в церковнославянской литературе (упоминается в [21. С. 18]). В одной из статей, собранных и опубликованных на русском языке в 2020 г., польский славист вводит понятие слоя-посредника, своего рода арсенала библейских образов, которые используются в оригинальных произведениях безотносительно к непосредственному тексту-источнику данного образа: «...вхождение образа в слой-посредник стирало его предшествующие генетические связи, придавало ему абсолютную ценность, изживало его контекстуальное и временное предназначение» [3. С. 22–23]. В том же сборнике А. Наумов рассматривает роль библейских цитат и реминисценций в текстах разных жанров (в частности, в молитвах Кирилла Туровского,

Словах Климента Охридского и Иоанна экзарха, в Житии Мефодия) и приходит к выводу, что основной ролью этих библейских вставок и образов было ввести описываемую действительность или жизнь конкретного святого в рамки священной истории и придать «измерение вечности преходящему» [3. С. 174]. При этом набор библейских цитат и образов, которые используют древнеславянские проповедники, является устойчивым, например, в Словах на Сретенье используется речь старца Симеона [3. С. 186].

В последние годы тему библейских вставок активно развивает итальянский ученый Марчелло Гардзанити. В ряде своих статей и обобщающей их монографии 2014 г. М. Гардзанити, вслед за А. Наумовым [3. С. 56], отстаивает предположение, что не столько сама Библия (которая полностью на церковнославянском языке появилась сравнительно поздно, в конце XV в.), сколько отдельные фрагменты, входящие в литургию и литургические и паралитургические книги соответственно, послужили источником цитат в оригинальной славянской литературе и были основой богословской «эрудиции» средневекового славянского (и не только славянского) писателя. Подавляющее большинство известных нам славянских книжников принадлежали к духовенству, часто монашескому; заучивание наизусть литургических книг, состоявших из псалмов и ветхозаветных и новозаветных песен, было основой монашеского образования. Заученные тексты многократно повторялись в ежедневном богослужении – так наполнялась образами и выражениями как память индивидуального монаха, будущего автора Жития или Поучения, так и его аудитории – память, которую итальянский медиевист по аналогии с коллективной памятью называет церковной памятью. Она и была источником цитат и их истолкований для церковных писателей [21. С. 31]. Или, говоря словами А. Наумова, «триада «идея–образ–текст» жила в коллективной памяти» [3. С. 159].

При этом Священное Писание было известно не само по себе, а в виде сборников цитат на определенную тему или по определенному поводу в сборниках новозаветных (Апракос, Апостол) и ветхозаветных (Паремейник) чтений. Также славянские авторы (например, автор Жития Мефодия) пользовались цитатами, позаимствованными из сочинений Отцов Церкви, в данном случае поучений Григория Богослова [21. С. 41].

А. Наумов раскрывает механизм влияния библейских образов на житийный текст через литургию. Например, в день памяти святого Саввы евангельские чтения из Евангелия от Матфея 5: 14, 19 и от Иоанна 10: 1–8 и 9–16 содержат образы «свет мира» и «добрый пастырь» соответственно. Из литургии эти образы переходят собственно в текст Жития Саввы, уже в качестве топосов «доброго пастыря» и «сияния святости» [3. С. 155].

М. Гардзанити относит к цитатам в церковнославянской книжности широкий круг явлений, начиная от ссылки на понятие или реалию с комментарием или без него, собственно цитаты (где он также различает прямое цитирование, аллюзию и парафраз) и заканчивая инсценировкой – пересказом события или понятия в диалоге [21. С. 13–14]. Далее мы понимаем под библейской цитатой в основном вторую группу из классификации Гардзанити – прямую цитату, парафраз, аллюзию, чаще всего с указанием на источник.

Библейские тексты широко цитировались христианскими переводчиками в их паратекстах (предисловиях и послесловиях) еще со времен Иеронима Блаженного. В частности, Книга Исход, главы 25–27 (описание строительства скинии), метафорически характеризовала работу книжников, каждый из которых приносил то, что мог дать. Этот образ использует еще Иероним Стридонский в предисловии к переводу Книг Царств (404 г. н.э.) [22. Р. 905–907], в конце IX в. подобную метафору «духовного строительства» (но уже без прямого соотнесения со Священным Писанием) используют англичанин король Альфред в предисловии к древнеанглийскому переводу «Монологов» Августина Блаженного [23. Р. 1–2] и его славянский современник Иоанн экзарх, характеризуя составление «Шестоднева» как строительство некоего дворца, при котором, одолжив дорогие строительные материалы (например, мрамор) у «богатых», сам составитель славянской версии может предоставить лишь солому для крыши и «терние» для дверей [9. С. 308], без которых, впрочем, возведенные из дорогих материалов стены не станут домом.

Одним из библейских текстов, которые использовали переводчики для преодоления искренней или ритуальной робости от осознания своей неадекватности поставленной перед ними задачи, является Притча о талантах из Евангелия от Матфея 25: 14–23. В западноевропейской традиции эта притча обосновывает обязанность владеющего «талантом» (под которым понимается то наличие соответствующих интеллектуальных способностей, то посвященность в христианскую доктрину) распространять и преумножать врученный ему дар. Среди многих других писателей, переводчиков, богословов упоминает эту притчу и англо-саксонский переводчик Эльфрик в XI в. [24. Р. 115]. Отсылка к ставшей традиционной интерпретации «таланта» как данного человеку знания и способностей [25] присутствует в прологах французских писателей и переводчиков XII в. Бенуа де Сент-Мора [26. Р. 2–3], Марии Французской [25. Р. 650], у автора «Романа и Бруте» и переводчика «Жития святого Николая» Васа [27. Р. 276]. Встречаются аллюзии на эту евангельскую притчу и у славянских переводчиков. Так, в X в. Иоанн экзарх в предисловии к «Небесам» приводит текст притчи полностью, чтобы обосновать свое решение все-таки взяться за перевод сочинения Иоанна Златоуста, несмотря на сомнения в своих способностях. Отсылку к этой притче в XII в. сделал переводчик, работавший в Киево-Печерской лавре, инок Феодосий, который указывает, что своим переводческим трудом преумножает «талант», врученный ему его покровителем и заказчиком перевода Николой Святошей (монашеское имя князя Святослава Давыдовича) [13. Р. 20].

Довольно часто притча о талантах в средневековой литературе (в частности, в паратекстах) соседствует с другой цитатой или аллюзией – на стих 16 главы 8 Евангелия от Луки: «Никто, зажегши свечу, не накрывает ее сосудом, или не ставит под кровать, а ставит на подсвечник, чтобы входящие видели свет» – в синодальном переводе [28. С. 99]). Оба библейских образа в одном предложении соединяет в своем прологе автор-переводчик Ovide Moralisé (XIV в.), увещевая всех, кто обладает мудростью, не скрывать ее, а

делиться ею, так как “ne vault sens que l’en enserre / ne plus qu’s avoir repost en terre” («мудрость, скрытая под покрывалом, стоит не больше, чем богатство, зарытое в землю») [2. С.110].

Еще одна евангельская притча, которая использовалась христианами писателями в целом и переводчиками в частности, происходит из главы четвертой Евангелия от Марка. Это «Притча о сеятеле», в первую очередь знаменитая тем, что Иисус объясняет ее аллегорический смысл, тем самым давая образец истолкования других притч Евангелия. Эту притчу использует автор «Прогласа» к славянскому Четвероевангелию IX в., в котором видят обычно Константина Философа. «Семена» правой веры, падая на почву «сердец человеческих», требуют «дождя» божественных книг для того, чтобы дать плод (строки 66–71 по изданию в [6]).

В рамках топоса скромности использовались цитаты и из Ветхого Завета. Так, инок Исайя, переводчик *Corpus Aegoragiticum Slavicum*, ритуально выражая свои сомнения в том, что он сможет справиться с этим сложнейшим богословским текстом (утверждая, в частности, что лишь «на старости лет научился немного греческому языку», тогда как, по некоторым данным, он был греко-славянским билингом и в любом случае прожил большую часть своей жизни в грекоязычной среде Афона), приводит цитату из неканонической Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова: «...по реченному: высочайших тебя не ищи и глубочайших тебя не испытай» (глава 3, стих 21) и тут же: «...въ ветхом и новем писании, иже преобидяще дерзостне съмееше божественному прикоснуться» [14. С. 1]. Здесь и далее при цитировании церковнославянских памятников приводится современная кириллица.

Для обоснования проповеди и составления священных текстов на национальных языках, чему в той или иной степени противились церковные власти, заинтересованные в сохранении своего приоритета в толковании Писания, особое значение имел авторитет апостола Павла. На помощь переводчикам тогда приходило Первое послание к Коринфянам, в частности глава 14, посвященная «языковому вопросу». Например, уже упомянутый славянский составитель «Прогласа» (предисловия) к Четвероевангелию (IX в.) цитирует стих 19 из этой главы. Вот как он выглядит в Острожской Библии: «Но в церкви хошу пять словес умом своим глаголати, да и ины пользуют, нежели тмы словесъ языкомъ [19]). На старославянском соответствующий отрывок «Прогласа» звучит так (и здесь церковнославянский шрифт заменяется современной кириллицей для удобства читателя): Се бо святый Павелъ уча рече, / Молитву свою въздая прежде Богу / яко хошу словесъ пять издрещи / да и вся братия разумеють / Неже тму словесъ неразумень [6. С. 11]. По сравнению с вариантом Острожской Библии автор «Прогласа» несколько иначе выстраивает оппозицию понятного аудитории и иностранного языка – подчеркивается не столько «иностранность» речи, сколько ее непонятность.

Столетие спустя на другом конце Европы в латинском предисловии к первой серии Католических гомилий англо-саксонский учитель и перевод-

чик Эльфрик формулирует, хотя и без отсылки непосредственно к Посланию к Коринфянам, подобную идею. Тем не менее в другом предисловии, в латинском прологе к древнеанглийскому переводу «Житий Святых» [24. Р. 119], Эльфрик выражает намерение отказаться от дальнейших переводов на родной язык, подкрепляя его аллюзией на известное евангельское выражение «метать бисер...» – *ne forte despectui habeantur margarite Christi*.

Македонский кириллический листок также содержит отсылку к Ветхому Завету, в частности Второзаконию 4: 2 или 12: 31, в которых Моисей увещевает народ израильский «не прибавлять и не убавлять от того, что он заповедует». Неизвестный автор этого переводческого трактата использует цитату, чтобы парадоксальным образом обосновать как раз свои добавления – ему известна эта заповедь (и он стремится ее соблюдать), но иногда такие прибавления бывают неизбежны и поэтому не дают почву для обвинения переводчика в «дерзости и сьмении».

Автор «Прогласа», своего рода гимна христианской грамотности, «слову буквенному», сплетает в начальных строках своего поэтического предисловия цитаты из Ветхого Завета, точнее, из Книги пророка Исаии (стихи из главы 35 (стих 5) и главы 66 (стих 18)), контаминируя их с новозаветной цитатой из Евангелия от Иоанна (Ис. 66: 18): Яко пророци прорекли суть прежде / Хрьсть грядеть събрати языки (Ис. 66: 18) / светъ бо есть всему миру сему (Ио. 8: 12) / реша бо они слепии прозръять глуси слушать (Ис 35: 5) [6. С. 10] Эти цитаты с самого начала напоминали читателю или слушателю о Втором Пришествии Христа и апокалиптической битве добра и зла, в которой грамота и знание будут оружием христиан. Этот образ божественной книги-оружия развивается в последней части «Прогласа».

Целый ряд ветхозаветных цитат использует другой славянский переводчик, Константин Пресвитер, автор «Учительного Евангелия» (894 г.), обосновывая свое право и, более того, долг нести Благою Весть на родном языке славян. В прозаическом предисловии к «Учительному Евангелию» Константин располагает цитаты, которые шаг за шагом оправдывают его труд. Первая цитата из Пс. 1: 2 (И въ законе его поучитъся днь и ночь), как и предшествующее ей высказывание Григория Богослова, рисует портрет идеального христианина, постоянно размышляющего над богословскими и моральными вопросами. Но одного размышления недостаточно. Такой христианин должен делиться плодами своего чтения и размышления с другими – и здесь опять кстати приходится пример царя Давида («не съкрыхъ милость твою и истину твою от сонма многа» – Пс. 39: 11). И наконец, возможные сомнения в способности переводчика осуществить взятые на себя обязательства развеивает аргумент о Божьей воле, согласно которой дается «и бесплоднымъ многъ плодъ, и безгласнымъ глаголати». Последний тезис иллюстрируется отсылкой к «Книге чисел» 22: 28 – известной истории о заговоровившей ослице пророка Валаама. Другой славянский переводчик этого периода, Иоанн экзарх Болгарский, также обращается к этому тезису (не упоминая, впрочем, Валаамову ослицу) – господь Бог может дать «и слепымъ видение, и глухимъ слышание, и дебелу же уму и грубу остроту и разумение»,

подкрепляя этот тезис на этот раз другой библейской цитатой – из Соборного Послания Иакова (Глава 1: 17): «Всяко даяние благо и всякъ даръ сврьшень, свыше есть, сходя отца светомъ». В качестве аргумента, положившего конец колебаниям скромного переводчика и вынудившего его все-таки согласиться взять на себя самый труд перенесения на славянскую почву «Богословия» Иоанна Дамаскина, в том же предисловии встречается со ссылкой на неназванного пророка цитата: «душа сихъ от рукъ вашихъ въпрошу». Идентифицировать источник оказалось непростой задачей¹. Возможно, этот фрагмент восходит к стиху 26 главы 2 неканонической ветхозаветной книги «Третья книга Ездры» [29] (полностью стих звучит следующим образом, выделен интересующий нас отрывок: «Из рабов, которых Я дал тебе, никто да не погибнет, ибо **Я възыщу их от тебя**»). В контексте речь идет о долге человека, облеченного властью, в данном случае духовной, заботиться о спасении (души) вверенных ему Богом «малых сих». Именно осознание этого морального долга (наряду с уверенностью в Божьей помощи) заставило Иоанна взяться за столь сложное дело. Однако такая атрибуция затруднена, так как греческий текст этой неканонической книги до нас не дошел, и потому неизвестно, был ли он доступен Иоанну экзарху.

Подобная аргументация встречается на столетие позже у английского ученого монаха Эльфрика из Эйншема. В древнеанглийском предисловии к первому сборнику «Католических гомилий» [24. Р. 110] Эльфрик считает своим долгом предостеречь «беззаконника» от его грехов как ради его, так и ради собственного спасения в преддверии ожидаемого «со дня на день» конца света и приводит для подкрепления своей позиции слова пророка Иезекииля в древнеанглийском переводе. В синодальном русском переводе этот отрывок (33: 9) звучит следующим образом: «Если же ты остерегал беззаконника от пути его, чтобы он обратился от него, но он от пути своего не обратился, то он умирает за грех свой, а ты спас душу твою» [28].

Еще одна цитата из Ветхого Завета присутствует в той части пролога к «Шестодневу», которая была написана Иоанном самостоятельно, в рамках топоса обращения к адресату (в данном случае царю Симеону). Этот фрагмент удивительно похож на соответствующий топос написанного несколько ранее во Франции тезкой Иоанна экзарха – Иоанном Скотом Эригеной – предисловия к переводу трактата Псевдо-Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии» [30]. В обоих предисловиях общие рассуждения в начальной фразе о том, что ничего «сладчайше и краснее нет для боголюбца», чем неотступно помянуть Бога, созерцая его творения (что сразу же вводит нас в мир «Шестоднева», точно так же как начальная фраза Иоанна Скота Эригены, содержит основные термины переводимого им сочинения Псевдо-Дионисия), сменяются панегириком в адрес заказчика перевода (Карла Лысого и царя Симеона соответственно). Иоанн экзарх, однако, несколько более

¹ Выражаю искреннюю признательность И.А. Реморову за неоценимую помощь в поиске источника цитаты.

краток, чем его ирландский коллега (см. табл. 1 – общие мотивы выделены курсивом).

Таблица 1

Фрагменты предисловий Иоанна Скота Эригены и Иоанна экзарха

Начало предисловия Иоанна Скота Эригены к переводу «Небесной иерархии» (Migne)	Начало предисловия Иоанна экзарха Болгарского к «Шестодневу»
Valde quidem admiranda dignisque virtutum laudibus est exaggeranda <i>catholicorum virorum</i> religiosissima sollicitudo, qui, dum vitae humanae periculosus exagitari videntur aerumnis, <i>fixa tamen mentis intentione, divinarum rerum laboriosis investigationibus</i> purgati, fructuosis inventionibus illuminati, perpetuis immutabilibusque <i>veritatis</i> atque divini amoris contemplationibus perfecti, <i>non inter mortals habitare, sed in caelestem conversationem</i> mutates penitus esse judicandi sunt	Что краснѣе, что ми сладчанше <i>Боголюбцемъ</i> . иже <i>по истинѣ жадать жизни вѣчныя</i> не ежели присно <i>бога не отступити мыслию и поминати его добрыя твари</i>

Более краток Иоанн экзарх и в характеристиках своего заказчика («мои княже славный Симеоне христолюбче») [9. С. 301], тогда как Иоанн Скот Эригена посвящает панегирику в адрес Карла Лысого более семидесяти слов своего предисловия. Однако Иоанн экзарх более красноречив в описании того, кто «питается пищей духовной», и именно здесь он вставляет цитату из Писания (Исайя 40: 31): (напитавшиеся духовной пищей) «перъ възрастуть яко же орли, тещи же имуть и не трудитися» [9. С. 302]. В переводе Острожской Библии этот фрагмент звучит следующим образом: «окрыляють яко орли текуть и не утрудаются». Кроме некоторых грамматических и словообразовательных разночтений единственным отличием варианта Иоанна от оригинала является передача греческой глагольной формы *πτεροφύσουςι* (Futurum 3 л. мн. ч. от глагола *πτεροφύεω* – to grow wings (отрастить крылья. – А.С.) [31. Р. 1204]. Иоанн экзарх передает этот compositum словосочетанием, сохраняющим внутреннюю форму греческого слова, а переводчик текста, зафиксированного в Острожской Библии, ее не сохраняет, образуя глагол от существительного *крыло* с помощью продуктивной в русском (и церковнославянском) языке аффиксальной модели.

В некоторых случаях переводчик не цитирует прямо тот или иной фрагмент Писания, но отсылает к соответствующей прецедентной ситуации, связанной с ним. В XII в. восточнославянский переводчик Феодосий по прозвищу «Грек» в послесловии к переводу «Томоса» Льва Великого говорит о значении этого антиеретического послания, используя библейский образ поединка Давида с Голиафом («Томос» играет роль камня из «тоболца» Давида, которым он сражает Голиафа, в данном случае – евтихианскую ересь) [13. С. 19].

Тот же переводчик в рамках рассуждения о борьбе с ересью упоминает смерть Аарона и Моисея («достожалостну смерть яко Аарон и Моиси прият») [13. С. 18]) – общим для смерти этих двух персонажей было то, что приняли они ее на горах – Ор и Нево соответственно. Особенно интересна аллюзия переводчика к образу чаши. Приведем рассматриваемый отрывок полностью (опять же современной кириллицей для удобства чтения и воспроизведения): «Яко къ сему и безгодная пастуша смърть, печаль с тоскою темъ разчerpаше, горкаго пития сетованиємъ растворяема и унынием исполняема. Чаша ея же не беяше како уклонитися, но преблагий богъ иже промыслихъ нашему спасению, до конца не попусти тому надлъзе тако быти» [13. С.18]. Если дальнейшее исследование не выявит дословного источника вышеприведенного текста, можно констатировать, что в этом поэтичном отрывке контаминируются два евангельских эпизода – обращение Христа к двум сыновьям Зеведеевым из Евангелия от Матфея 20: 23 (приводится по [19], так как соответствующий стих не был найден в Остромировом Евангелии): «чашу убо мою испieta и крещениемъ имъ же азъ крщаюся крѣстита ся» и молитва Христа о чаше в Гефсиманском саду (по тексту Остромирова Евангелия [18. Л. 160] Мф. 26: 39): «Отче Мои. аще възможно естъ. да мимо идеть отъ Мене чаша си. обаче. не якоже Азъ хошу. нъ якоже Ты»).

Не только собственно библейские тексты цитировали славянские книжники для обоснования в том числе своего подхода к переводу или мотивации взяться за эту работу. Автор Македонского кириллического листка, к сожалению плохо сохранившегося, цитирует Кирилла Александрийского, утверждая вслед за этим авторитетным Отцом Церкви, что не все, что исходит от еретиков, нужно автоматически отвергать, так как многое из их учения совпадает с ортодоксальным или полезно для истинно верующих. Он же и вслед за ним Иоанн экзарх цитируют отрывок из четвертой главы трактата Псевдо-Дионисия Ареопагита (который для них, разумеется, был никаким не «псевдо») «О божественных именах, который неоднократно публиковался и изучался (начиная с И.В. Ягича [8] и особенно активно в 1980-е гг. в Германии [32, 33, 34] и в начале текущего столетия в Германии и России в связи с проектом издания *Corpus Areopagiticum Slavicum*). Другой преславский книжник, Константин, в прозаическом предисловии к «Учительному Евангелию» цитирует Григория Богослова: «Добро естъ от Бога начинати и до Бога коньчавати» (правда, автору не удалось обнаружить источник этой цитаты).

Упоминают славянские книжники и языческих авторов. В рамках топоса скромности Феодосий «Грек» утверждает, что не учился «от младых ногтей «омирским и риторским книгам» [13. С. 4], а Исайя Серрский, описывая бедствия, постигшие сербскую землю после поражения деспота Углеша от турок в 1371 г., утверждает, что и «премудрый в эллинах Ливаний» (позднеантичный ритор, один из учителей Иоанна Златоуста) не смог бы достойно описать эти беды [14. С. 2].

Заключение

Таким образом, славянские книжники в своих предисловиях и послесловиях использовали фактически те же топосы, что и их западноевропейские современники (топос скромности и связанный с ним топос уговоров, топос морального долга переводчика, топос похвалы адресату) и те же цитаты или аллюзии для обоснования как своего решения преодолеть робость и взяться за труд (в частности, притчи о талантах и светильнике под спудом), так и перевода священного текста на национальный язык (послания Апостола Павла). Однако в отличие от их западных современников православные книжники несколько реже прибегали к другим, особенно не христианским, источникам. Разумеется, такая диспропорция может быть связана с небольшим объемом доступного и проанализированного материала (на данный момент 9 славянских паратекстов из 73 паратекстов общей выборки). Тем не менее в результате проделанного анализа убеждаемся, что, несмотря на меньшее количество дошедших до нас славянских источников, те, что все-таки сохранились и доступны для анализа, мало чем отличаются от текстов их западноевропейских современников и коллег, по крайней мере в рассматриваемой области интертекстуальности, ведь действовали западноевропейские и славянские переводчики в едином христианском культурном пространстве, хотя и разделенном на западную и восточную части, но опиравшемся на те же авторитетные тексты.

Список источников

1. Genette G. Paratexts: Thresholds of Interpretation. Cambridge University Press, 1997. 427 p.
2. Copeland R. Rhetoric, Hermeneutics and Translation in the Middle Ages. Academic Tradition and Vernacular Texts. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 295 p.
3. Наумов А. Идея – образ – текст. Исследования по церковнославянской литературе. М. : Индрик, 2020. 246 с.
4. Ранчин А.М. О топике в древнерусской словесности: к проблеме разграничения топосов и цитат // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2012. № 3 (49). С. 21–32.
5. Ильинский Г.А. Македонский листок: Отрывок неизвестного памятника кирилловской письменности XI–XII в. СПб., 1906. С. 7–8.
6. Vaillant A. La preface de l'evangeliaire Vieux-Slave // Revue des Etudes Slaves. 1948. T. XXIV. С. 5–20.
7. Калайдович К.Ф. Иоанн экзарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы. М., 1824. С. 129–132.
8. Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1885. Т. 1. С. 320–324.
9. Баранкова Г.Г., Мильков В.В. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. СПб. : Алетейя, 2001. С. 301–308. (Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты; Вып. 2).
10. Gallucci E. Ucitel'noe Evangelie di Constantino di Preslav (IX–X sec.). Tradizione testuale, redazioni, fonti greche // Europa Orientalis. 2001. T. 20. С. 122–128.
11. Прилог самого христолюбивого царя Симеона к Златострую. URL: http://promacedonia.org/zv/zv1_4.html

12. Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И. Хлудова. М., 1872. С. 394.
13. Бодянский О.М. Славяно-русские сочинения в пергаменном сборнике И.Н. Царского. М., 1848. 60 с.
14. *Das Corpus des Dionysios Areiopagites in der slavischen Übersetzung von Starec Isaija* (14 J.) / изд. подгот. С. Фаль, Ю. Харней, Д. Фаль и др. Monumenta Linguae Slavicae. T. LXV (LV Band 2). Weiher-Freiburg, 2011. С. 1–2.
15. Williams J.S. The Secret of Secrets: The Scholarly Career of a Pseudo-Aristotelian Text in the Latin Middle Ages. Ann Arbor : The University of Michigan Press, 2003. 385 p.
16. Ryan W.F., Taube M. The Secret of Secrets: The East Slavic Version. Introduction, Text, Annotated Translation, and Slavic Index. London : The Warburg Institute, 2019. 528 p.
17. Migne J. Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca. Vol. 83. Paris, 1864. P. 808–816.
18. Остромирово Евангелие. URL: https://expositions.nlr.ru/ex_manus/Ostromir_Gospel/_Project/page_Manuscripts.php?izo=B42EB88E-8BD8-44A1-9754-EF88B39E7CAC
19. Острожская Библия. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/bibliya>
20. Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства (русский перевод О. Беловой) // Slavia Orthodoxa. Литература и язык. М., 2003. С. 431–473.
21. Гардзанини М. Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М. : Индик, 2014. 230 с.
22. Schaff P. (ed.) Jerome: The Principal Works of St. Jerome // Nicene and Post-Nicene Fathers. Series 2, Vol. 6. Edinburgh, 1892.
23. Cook A. (ed.) King Alfred's Old English Version of St. Augustine's Soliloquies turned into Modern English by Henry Lee Hargrove. New York : Henry Holt and Company, 1904. P. 1–2.
24. Wilcox, Jonathan (ed.) Aefric's Prefaces (Durham Medieval Texts, 9). University of Durham, 1995. P. 107–126.
25. Fitz B.E. The Prologue to the *Lais* of Marie de France and the Parable of the Talents: Gloss and Monetary Metaphor // Modern Language Notes. 1975. Vol. 90, № 4. The French Issue, John Hopkins University Press, 1975. P. 558–564.
26. Sainte-Maure B. de. Roman de Troie. T. 1. Paris, 1904.
27. Wace R. The Hagiographical Works: The Conception Notre Dame and the Lives of St. Margaret and St. Nicholas. Brill, 2013, P. 276.
28. Библия. Синодальный перевод. URL: <https://bible.by/syn/>
29. Третья Книга Ездры. URL: <http://bibliya-online.ru/tretya-kniga-ezdry-glava-2/>
30. Migne J. Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. Vol. 122. Paris, 1863. C. 1051–1056.
31. Lampe G.W.H., D.D. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961. 1568 p.
32. Goltz Hermann. Notizen zur Traditionsgeschichte des Corpus areopagiticum slavicum // Byzanz in der europäischen Staatenwelt. Berlin, 1983. P. 133–148.
33. Hansack E. Die theoretischen Grundlagen des Übersetzungsstils des Exarchen Johannes // Die Welt der Slaven XXVI. München, 1981. P. 15–36.
34. Hansack E. Das Kyrillisch-Mazedonische Blatt und der Prolog zum Bogoslovie des Exarchen Johannes // Die Welt der Slaven. München, 1986. P. 336–414.

References

1. Genette, G. (1997) *Paratexts: Thresholds of Interpretation*. Cambridge University Press.
2. Copeland, R. (1995) *Rhetoric, Hermeneutics and Translation in the Middle Ages. Academic Tradition and Vernacular Texts*. Cambridge University Press.

3. Naumov, A. (2020) *Ideya – obraz – tekst. Issledovaniya po tserkovnoslavyanskoy literature* [Idea – Image – Text. Research on Church Slavonic literature]. Moscow: Indrik.
4. Ranchin, A.M. (2012) O topike v drevnerusskoy slovesnosti: k probleme razgranicheniya toposov i tsitat [About the topic in ancient Russian literature: to the problem of distinguishing topoi and quotations]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 3 (49). pp. 21–32.
5. Il'inskiy, G.A. (1906) *Makedonskiy listok. Otryvok neizvestnogo pamyatnika kirillovskoy pis'mennosti XI–XII v.* [Macedonian Leaflet. An excerpt from an unknown monument of Cyrillic writing from the 11th – 12th centuries]. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 7–8.
6. Vaillant, A. (1948) La preface de l'évangéliste Vieux-Slave. *Revue des Etudes Slaves*. 24. pp. 5–20.
7. Kalaydovich, K.F. (1824) *Ioann ekzarkh Bolgarskiy. Issledovanie, ob'yasnyayushchee istoriyu slovenskogo yazyka i literatury* [John Exarch of Bulgaria. A study explaining the history of the Slovenian language and literature]. Moscow: [s.n.]. pp. 129–132.
8. Yagich, I.V. (1885) Rassuzhdeniya yuzhnoslavyanskoy i russkoy stariny o tserkovnoslavyanskom yazyke [Reasonings of South Slavic and Russian antiquity about the Church Slavonic language]. In: *Issledovaniya po russkomu yazyku* [Research on the Russian Language]. Vol. 1. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 320–324.
9. Barankova, G.G. & Mil'kov, V.V. (2001) *Shestodnev Ioanna ekzarkha Bolgarskogo* [Hexameron of John the Exarch of Bulgaria]. Vol. 2. Saint Petersburg: Aleteyya. pp. 301–308.
10. Gallucci, E. (2001) Ucitel'noe Evangelie di Constantino di Preslav (IX–X sec.). Tradizione testuale, redazioni, fonti greche. *Europa Orientalis*. 20. pp. 122–128.
11. Books about Macedonia. (n.d.) *Prilog samogo khristolyubivogo tsarya Simeona k Zlatostruyu* [Appendix of the most Christ-loving king Simeon to Zlatostruy]. [Online] Available from: http://promacedonia.org/zv/zv1_4.html
12. Popov, A. (1872) *Opisanie rukopisey i katalog knig tserkovnoy pechati biblioteki A.I. Khludova* [Description of Manuscripts and Catalog of Books of Church Printing in the Library of A.I. Khludova]. Moscow: V Sinodal'noy tipografii. P. 394.
13. Bodyanskiy, O.M. (1848) *Slavyano-russkie sochineniya v pergamenom sbornike I.N. Tsarskogo* [Slavic-Russian Works in the Parchment Collection of I.N. Tsarsky]. Moscow: V Universitetskoy tipografii.
14. Goltz, H. et al. (eds) (2011) *Das Corpus des Dionysios Areiopagites in der slavischen Übersetzung von Starec Isaija (14 J.)*. Freiburg im Breisgau: Weiher. pp. 1–2.
15. Williams, J.S. (2003) *The Secret of Secrets. The Scholarly Career of a Pseudo-Aristotelian Text in the Latin Middle Ages*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
16. Ryan, W.F. & Taube, M. (2019) *The Secret of Secrets: The East Slavic Version. Introduction, Text, Annotated Translation, and Slavic Index*. London: The Warburg Institute.
17. Migne, J. (1864) *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca*. Vol. 83. Paris: Garnier, Parisiis. pp. 808–816.
18. *Ostromirovo Evangelie* [Ostromir Gospels]. (n.d.) [Online] Available from: https://expositions.nlr.ru/ex_manus/Ostromir_Gospel/_Project/page_Manuscripts.php?izo=B42EB88E-8BD8-44A1-9754-EF88B39E7CAC
19. NEB Knizhnye pamyatniki [NEL Literary Monuments]. (n.d.) *Ostrozhskaya Bibliya* [Ostrog Bible]. [Online] Available from: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/bibliya>.
20. Picchio, R. (2003) *Slavia Orthodoxa. Literatura i yazyk* [Slavia Orthodoxa. Literature and language]. Moscow: Znak. pp. 431–473.
21. Gardzaniti, M. (2014) *Bibleyskie tsitaty v tserkovnoslavyanskoy knizhnosti* [Biblical Quotations in Church Slavonic Literature]. Moscow: Indrik.
22. Schaff, P. (ed.) (1892) *Jerome: The Principal Works of St. Jerome*. Edinburgh: [s.n.].
23. Cook, A. (ed.) (1904) *King Alfred's Old English Version of St. Augustine's Soliloquies turned into Modern English by Henry Lee Hargrove*. New York: Henry Holt and Company. pp. 1–2.

24. Wilcox, J. (ed.) (1995) *Aefric's Prefaces* (Durham Medieval Texts, 9). University of Durham. pp. 107–126.
25. Fitz, B.E. (1975) The Prologue to the Lais of Marie de France and the Parable of the Talents: Gloss and Monetary Metaphor. *Modern Language Notes*. 4 (90). The French Issue. pp. 558–564.
26. Sainte-Maure, B. de. (1904) *Roman de Troie*. Vol. 1. Paris: Firmin-Didot et Cie.
27. Wace, R. (2013) *The Hagiographical Works: The Conception Notre Dame and the Lives of St. Margaret and St. Nicholas*. Leiden: Brill Academic Publishers. P. 276.
28. Bibliya Onlayn [Bible Online]. (n.d.) *Bibliya. Sinodal'nyy perevod* [Bible. The Synodal Translation]. [Online] Available from: <https://bible.by/syn/>
29. Bibliya-online.ru. (n.d.) *Tret'ya Kniga Ezdry* [2 Esdras]. [Online] Available from: <http://bibliya-online.ru/tretya-kniga-ezdry-glava-2/>
30. Migne, J. (1863) *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina*. Vol. 122. Paris: [s.n.]. pp. 1051–1056.
31. Lampe, G.W.H. (1961) *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford: Clarendon Press.
32. Goltz, H. (1983) Notizen zur Traditionsgeschichte des Corpus areopagiticum slavicum. In: Dummer, J. & Irmischer, J. (eds) *Byzanz in der europäischen Staatenwelt*. Berlin, Boston: De Gruyter. pp. 133–148.
33. Hansack, E. (1981) Die theoretischen Grundlagen des Übersetzungsstils des Exarchen Johannes. In: *Die Welt der Slaven*. 26. pp. 15–36.
34. Hansack, E. (1986) Das Kyrillisch-Mazedonische Blatt und der Prolog zum Bogoslovie des Exarchen Johannes. *Die Welt der Slaven*. 31. pp. 336–414.

Информация об авторе:

Соломоновская А.Л. – канд. филол. наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой межкультурной коммуникации Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: asolomonovskaya@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.L. Solomonovskaya, Cand. Sci. (Philology), docent, acting head of the Department of Intercultural Communication, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: asolomonovskaya@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.01.2023;
одобрена после рецензирования 11.05.2023; принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 28.01.2023;
approved after reviewing 11.05.2023; accepted for publication 25.03.2024.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82-94

doi: 10.17223/19986645/88/7

Ермак в русской словесности до Карамзина: первые опыты нарративизации истории покорения Сибири

Евгения Евгеньевна Анисимова¹

¹ *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, eva1393@mail.ru*

Аннотация. Исследуется процесс литературной нарративизации и беллетризации исторических источников о Ермаке – главное условие превращения исторической фактографии в художественную словесность, благодаря которой практики работы с национальной памятью начинают распространяться на широкого читателя. В центре внимания находятся проблема фабулы и сюжета в историографическом и литературном текстах, способы сюжетного и портретного «оживления» (Н.М. Карамзин) образа исторического деятеля, взаимодействие между летописным и научным текстом, с одной стороны, и литературным произведением – с другой.

Ключевые слова: Ермак, Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, Г.Ф. Миллер, И.Э. Фишер, фабула, сюжет, история, нарратив

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00275, <https://rscf.ru/project/23-28-00275/>

Для цитирования: Анисимова Е.Е. Ермак в русской словесности до Карамзина: первые опыты нарративизации истории покорения Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 88. С. 128–147. doi: 10.17223/19986645/88/7

Original article

doi: 10.17223/19986645/88/7

Yermak in Russian literature before Karamzin: First efforts to narrate the story of the Siberian campaign

Evgeniya E. Anisimova¹

¹ *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, eva1393@mail.ru*

Abstract. The problem of narrating the history of Yermak's Siberian campaign by means of belle-lettres of the mid-18th – early 19th centuries is in the focus of the present work. The approach is based on the Russian formalists' *fabula/syuzhet* dichotomy which is applied to the strategy of reproducing historical facts in works written by scientists and writers prior to the publication of the 9th volume of N.M. Karamzin's

History of the Russian State. The methodological basis also includes Hayden White's view on literary nature of historiography; works by E.M. Forster, V. Schmid, A. Hansen-Löve, and Yu.V. Shatin on narratology; D.S. Likhachev, E.I. Dergacheva-Skop, A.S. Yanushkevich, A.I. Andreev, and V.G. Mirzoev on source studies and medieval Siberian chronicles; works by Yu.M. Lotman and O.B. Lebedeva on the 18th-century Russian literature. In the course of the research, some historical sources, which formed a background for various pieces about Yermak written in the 1790s–1800s, were analyzed. The latter include I.I. Dmitriev's poem "Yermak", *Yermak, the Conqueror of Siberia* by P.A. Plavilshchikov, the historical novel *Yermak, the Conqueror of Siberia* by I.K. Buinitsky, and the anonymous novel *The Life and Military Deeds of Yermak, the Conqueror of Siberia, Selected From Russian and Foreign Writers*". The comparison of 17th-century chronicles, 18th-century historical works, on the one hand, and works by Russian writers, on the other hand, showed that the book *Siberian History ...* by J.E. Fisher served for the writers of this period as the main informational source about Yermak's campaign in Siberia. Unlike G.F. Müller, who strove for historiographical accuracy, rechecking the dates of events, comparing the texts involved and detailed footnotes, Fischer proposed in his compilation a holistic narrative, which was not overloaded with scientific analysis and in this sense was more plot-fictionalized. This author's attention was focused on Meghmet-Kul, Khan Kuchum's relative, initially as Yermak's main opponent, then as a noble prisoner conquered by the latter, and, finally, the Prince of Siberia, who made a successful career at the Russian court. In works of fiction, this historical narrative was transformed into a plot of turning a "foe" into a "friend", embodied in concrete works in several variants (duel, a love story of conquering a native woman). Finally, the author of the article draws a conclusion about the importance of the "narrated" history of Yermak and the fictionalization of old primary sources in practices of inventing and representing the national memory, which required a lively image of the arbiter of historical events. In this context, efforts to imagine Yermak's appearance visibly, present his image in a pictorial and verbal portrait, acquire a specific significance.

Keywords: Yermak, N.M. Karamzin, I.I. Dmitriev, G.F. Müller, J.E. Fischer, story, plot, history, narrative

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00275, <https://rscf.ru/project/23-28-00275/>

For citation: Anisimova, E.E. (2024) Yermak in Russian literature before Karamzin: First efforts to narrate the story of the Siberian campaign. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 88. pp. 128–147. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/88/7

Задолго до того, как Карамзин-историограф приступил к профессиональным разысканиям по теме завоевания Сибирского ханства, им поэтапно конкретизировались сама задача художественного воспроизведения исторического факта, а также эстетический аспект интереса к национальному прошлому. В статье 1802 г. «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств», посвященной проблемам живописи, писатель и критик весьма точно наметил общие свойства восстановления события, извлекаемого из тьмы веков.

Мысль задавать художникам предметы из отечественной истории достойна вашего (гр. А.С. Строганова, президента Имп. Академии художеств. – Е.А.) патриотизма и есть лучший способ оживить (здесь и далее везде подчеркнуто нами. – Е.А.) для нас ее великие характеры и случаи, особливо пока мы еще не имеем красноречивых историков, которые могли бы поднять из гроба знаменитых предков наших и явить тени их в лучезарном венце славы [1. С. 188].

Тема «оживления» поясняется далее примерами. Так, призвание варягов может, по мысли автора, включать сцену, в которой «послы славян, чуди и кривичей окружают Рюрика; они уже сказали ему все то, что заставляет их говорить Нестор. Рюрик, опершись на лук свой, задумался. Синеус и Трувор советуются между собой» [1. С. 190]. К бытовым картинам вскоре добавляется предельно наглядная скульптурно-анатомическая пластика. В изображении эпизода битвы на р. Трубеже 992 г., когда в поединке сошлись русский воин и печенег, Карамзин дает живописцу свободу: «Художник сам выберет момент: изобразит ли их в усилиях борьбы, в напряжении всех мускулов, или в то мгновение, как русский ударил головою печенега и как сей падает?» [1. С. 194]. Весьма показательно, как автор цитируемой статьи стремится соединить достоверность изображения, черту произведения живописи, с детальностью словесной проработки события: очевидно, что, хотя и не являясь рисовальщиком и/или ваятелем, Карамзин набрасывает вполне убедительную словесную «картину», вызывающую скорее к зрительному впечатлению или же искусно (при том что нам дается все-таки словесный образ) это впечатление имитирующую.

В теоретико-литературной перспективе очерченной коллизии «бесплотного» факта и его правдивого художественного воссоздания, «поднятия из гроба» силой искусства соответствует известное противопоставление фабулы и сюжета. В афористической версии Эдварда Форстера «“король умер, а потом умерла королева” – это фабула (story). “Король умер, а потом королева умерла от горя” – это сюжет (plot)» [2. Р. 61]. Внедренная в «пустой» событийный каркас деталь («от горя») играет продуктивную двоякую роль: она не только задает сюжету искомую каузальность, ибо, как отмечает Форстер, «сюжет – это также повествование о событиях, в котором акцент делается на причинно-следственной связи (causality)» [2. Р. 61], но также, словно воочию, восстанавливает перед читателем образ скорбящей и в итоге гибнущей от тоски венценосной дамы.

Характерно, что соответствием «фабуле», термину из понятийного репертуара русских формалистов, у Форстера оказывается *story*, восходящая к *истории* как фиксации цепи происшествий. Действительно, «история» (story) в нарративном смысле – это фабула, «рассказ о событиях, образующих временную последовательность – обед после завтрака, вторник после понедельника, разложение после смерти и т.д.» [2. Р. 22]. Сходство такого понимания нарративной истории (*story*, фабулы), например, с правилом «погодных записей», из потенциально бесконечной кумуляции которых состоит древнерусский летописный текст, вполне очевидно. Между тем объ-

яснение взаимосвязи между событиями передается – в намеченной Форстером перспективе – в ведение сюжетности, одной из компетенций повествовательной художественной прозы.

Историзм событийного ряда и «литературность» преломляющего его в оптике авторского намерения сюжета делаются двумя взаимосвязанными компонентами того повествовательного «рецепта», который и был предложен Карамзиным отечественной словесности. С этой точки зрения создатель русской прозы XIX столетия оказался стихийно близок к ранним образцам формалистской теории начала XX в. с характерным для нее пониманием не только дуализма «факта» и его «воспроизведения», но и оценкой первого (создающего фабулу) как иерархически подчиненного второму (полагаемому в основу сюжета). На этом этапе (у В.Б. Шкловского) фабула отождествлялась «с эстетически индифферентными, долитературными происшествиями» [3. С. 148] – именно так смотрел на нее и Карамзин, если волевым образом допустить владение им позднейшей филологической терминологией.

* * *

В обстановке не раз выражавшегося русским писателем скепсиса относительно национальной литературы как института – а Карамзин еще в 1802 г. дал подробный ответ на вопрос «отчего в России мало авторских талантов?» – проходил много позднее и поиск источников для написания весьма важной в контексте 9-го тома «Истории государства Российского» 6-й главы «Первое завоевание Сибири».

В своих печатных работах изобретатель отечественной исторической повести старался соблюсти предельную аккуратность, формулируя болезненно ощущавшуюся им литературную недостаточность средневековых источников. Так, в статье «Известие о Марфе-посаднице, взятое из жития св. Зосимы» (1803) он вновь, как и в чуть более ранней работе о живописи, сетует на бедность деталей, предлагая современному автору самому восполнить сюжетные пробелы, иначе говоря – «нарастить» сюжет на каркасе фабулы. «Правда, что русские летописцы, в которых должно искать материалов для сих биографий, крайне скупы на подробности; однако ж ум внимательный, одаренный *историческою догадкою*, может дополнять недостатки соображением, подобно как ученый любитель древностей, разбирая на каком-нибудь монументе старую греческую надпись, по двум буквам угадывает третью, изглаженную временем, и не ошибается» [4. С. 229–230].

Впрочем, в частных письмах историограф был более определен и категоричен. 21 июня 1820 г. он сообщал И.И. Дмитриеву: «Между тем я в Сибири: пишу о *твоем* Герое Ермаке. Но жалуюсь на худые материалы: ишу и не нахожу ничего характерного; все бездушно – а выдумывать нельзя» [5. С. 291]. Мысль о «бездушии» первоисточников не нова: она повторяет ранние сожаления об их «скупости», а также требования представить содержащиеся в них сведения современному читателю только после кардинальной, «оживляющей» переработки. При этом Карамзин был весьма далек от постижения тех преобразований, что переживает история (в данном случае –

древнерусская, переданная летописями) в процессе «трансформации исторических фактов в историографические факты <...> исходного материала», попадающего в руки художнику «как заданный фабульный материал» [6. С. 234]. Подобно тому как, по мысли Ю.М. Лотмана, «Слово о полку Игореве» в силу запечатленных в его поэтике черт аутентичной культуры Средневековья не могло выйти из-под пера сколь угодно искусного стилизатора, принадлежащего веку Просвещения [7], Карамзин понимал летопись не иначе как рассказ событийно распространенный, но лишенный нужных подробностей, психологически неглубокий – словом, «эстетически индифферентный», как фабула по версии Шкловского.

В случае Ермака ситуацию спасла Строгановская летопись, выделявшаяся на общем фоне именно тем, что было на руку историографу: чертами «беллетризованной исторической прозы», осязаемой утратой связи «с летописной традицией», на смену которой шел «новый язык светского повествования» [8. С. 16]. Источник, оказавшийся благодаря услуге со стороны Г.И. Спасского в распоряжении Карамзина [9], был воспринят последним с большим воодушевлением. «Рукописную *Повесть о взятии Сибирские земли*»¹ он охарактеризовал как «достовернейшую всех иных и сочиненную, как вероятно, около 1600 года», дал ей название «Строгановская летопись», а ее автора похвалил: «...пишет основательно, просто» [11. С. 230–231]. Этих свойств, наряду с полнотой биографии Ермака, показанного в диапазоне от разбойника до победителя Кучума и государственного мужа, т.е. внутри яркой психологической интриги, историографу хватило для того, чтобы запустить в действие искомый повествовательный механизм. «Я кончил главу о завоевании Сибири: вот еще поэма Ермаку!» – проинформировал он И.И. Дмитриева в письме от 9 июля 1820 г. [5. С. 292], намекнув наречием «еще» на стихотворение «Ермак» (1794), принадлежащее перу корреспондента.

Однако Карамзину не просто повезло с первоисточником. Важно помнить, что своим закреплением в традиции русского летописания упомянутая выше погодная запись обязана невозможности «замкнуть», композиционно завершить тот или иной период национальной истории правлением монарха, создать сюжет на основе биографии императора – как это можно было сделать, например, в Византии [12. С. 85–86]. В историко-политической реальности русского Средневековья череда годов, а не властителей делалась основой построения текста, временно-пространственная фабула брала верх над сюжетом-судьбой.

На этом фоне крайне существенна полностью противоположная тенденция, организующая нарратив «Истории государства Российского», создатель которой стремился увидеть – даже на материале, казалось, беспросветной раздробленности удельных веков – последовательность личных княжений и царствований тех, в ком историографу виделась харизма центральной

¹ «О взятии Сибирские земли» – таковы первые слова длинного названия памятника [10. С. 1].

власти. Сюжет личности, как и желал Карамзин, «надстраивался» над фабулой; аморфная совокупность слабо связанных друг с другом событий делалась «поэмой».

Рассказ «Истории» о Ермаке сформировал канонический образ героя в отечественной национальной памяти. Однако в корпусе текстов о покорении Сибири, созданном в XIX в. творцами профессиональной литературы, а также и представителями массовой словесности, карамзинская линия была не единственной, и потому особый интерес представляют попытки других авторов двигаться в том же направлении, что и Карамзин, решать ту же проблему «оживления» первоисточника, казавшегося недостаточно ярким, «литературным», а самое главное – концептуальным. Все приводимые далее в этой статье примеры демонстрируют уже известную нам тенденцию – попытку вывести сюжет из разрозненных, как бы «глухонемых» фактов, попытку, осложненную недостаточной источниковой базой (Строгановская летопись еще не введена в научный оборот), а также неумением тогдашней науки реконструировать отношения между разными памятниками.

* * *

Прецедентным текстом, в котором был предложен первый собственно литературный образ казачьего атамана, стало стихотворение И.И. Дмитриева «Ермак». Впоследствии В.Г. Белинский связал с именем поэта целый этап развития русской словесности 1790-х гг. и специально выделил произведение о завоевателе Сибири:

Но для нее (русской поэзии. – Е.А.) гораздо более сделал друг и сподвижник Карамзина – Дмитриев, который был старше его только пятью годами. <...> Формы од Дмитриева оригинальны, как, например, в «Ермаке», где поэт решился вывести двух сибирских шаманов, из которых старый рассказывает молодому, при шуме волн Иртыша, о гибели своей отчизны. <...> Речи, которые поэт влагает в уста шаманам, исполнены декламациею и стараются блистать высоким слогом – это правда; но мысль в жалобах и рассказах шамана на берегу Иртыша выказать подвиг Ермака – это уже не риторическая, а поэтическая мысль [13. С. 122–123].

Карамзин был первым читателем этого стихотворения и в письме автору от 6 сентября 1794 г. отметил ряд деталей, относящихся к центральному эпизоду сюжета – поединку Ермака с Мегмет-Кулом:

Сердечно благодарю тебя за стихи к *Волге* и за *Ермака*. И ту и другую пиесу читал я с великим удовольствием, не один раз, а несколько. Bravo! Вот Поэзия. Пиши так всегда, мой друг. Только нельзя ли переменить в Ермаке *барабаны, пот, сломил и вскричал*? В хорошем стихотворении я замечаю все и не пропускаю ничего без критики. Еще кажется мне, что нельзя сказать *потупленная голова* (вместо: *преклоненная*) и *в одежде равны* [5. С. 50].

При публикации Дмитриев учел эти рекомендации, оставив без изменения только экспрессивные слова «пот» и «слобил». Единоборство героев является сюжетным центром всего произведения, а победа казачьего атамана знаменует покорение Сибири:

Младый
И царский брат пред ним упал.
Старец
Я зрел с ним бой Мегмета-Кула.
Сибирских стран богатыря:
Рассыпав стрелы все из тула
И вящим жаром возгоря,
Извлек он саблю смертоносу.
«Дай лучше смерть, чем жизнь поносну
Влачить мне в плене!» – он сказал –
И вмиг на Ермака напал.
Ужасный вид! они сразились!
Их сабли молнией блещут,
Удары тяжкие творят,
И обе разом сокрушились.
Они в ручной вступили бой:
Грудь с грудью и рука с рукой;
От вопля их дубравы воют;
Они стопами землю роют;
Уже с них сыплет пот, как град;
Уже в них сердце страшно бьется,
И ребра обоих трещат;
То сей, то оный на бок гнется;
Крутятся, и – Ермак сломил!
«Ты мой теперь! – он возопил, –
И всё отныне мне подвластно!»
Младый
Сбылось пророчество ужасно!
Пленил, поправ Сибирь Ермак!..
Но что? ужели стон сердечный
Гонимых будет... [4. С. 24–25].

Беллетризующим всю ситуацию приемом здесь является скрытое уподобление воинской победы любовному овладению – сцена решающей битвы отличается натуралистической живописностью и имплицитным эротизмом, который и далее развивается в тексте: «Сибирь, отвергша мой закон! / Пребудь вовек, стоная, плача, / Рабыней *белого царя!*» [14. С. 25].

Если задача показать подвиг Ермака глазами старого шамана была, как отметил Белинский, мыслью поэтической, то конфликт завоевателя Сибири с главным военачальником и родственником Кучума относился уже к сфере исторического. Однако в отличие от поэтов XIX в., опиравшихся при освоении темы на 9-й том карамзинской «Истории», под рукой у Дмитриева не было сопоставимого по информационной и художественной убедительности источника. Поэт был вынужден опираться на более ранние труды, в число которых входили несколько летописей (пока без Строгановской), а также исследования историков XVIII в. Согласно данным, сообщенным со страниц этих сочинений, Мегмет-Кул (Маметкул) был схвачен и пленен казаками, застигшими его ночью врасплох, без непосредственного участия атамана.

Некоторые детали стихотворения свидетельствуют о том, что поэт ориентировался не столько на летописи, сколько на сочинения историков, причем из числа последних предпочел «Сибирскую историю» (1774) И.Э. Фишера. Во-первых, обращает на себя внимание имя героя – *Мегмет-Кул*, что соответствует особенностям написания именно в этой работе – «*Мегмет-Кул*» [15. С. 140 и сл.]. Выпадение гласной используется, по всей вероятности, для приспособления длинного слова к размеру стихотворения – ямбу. В летописях и в труде Г.Ф. Миллера «Описание Сибирского царства» (1750) используются другие варианты – *Маметкул* [16. С. 138; 17. С. 561; 18. С. 88] или *Меметкул* [18. С. 149].

Во-вторых, Дмитриев дважды называет Мегмет-Кула *братом* Кучума – в поэтической части произведения и специальном примечании: «И царский *брат* пред ним упал»; «Царский *брат*, которого Ермак пленил и отослал к царю...» [14. С. 24]. В Есиповской и Ремезовской летописях Мегмет-Кул назван *сыном* Кучума [16. С. 139; 17. С. 557]. Между тем Миллер и Фишер в комментариях пояснили, что он был не сыном, а *братом* хана [18. С. 173; 15. С. 115]. Если говорить о соответствии историческим фактам, то обе версии ошибочны. Позднее Карамзиным было установлено, что Мегмет-Кул – племянник Кучума [11. С. 245]. Но для определения круга потенциальных источников стихотворения Дмитриева эта неточность показательна. Если же говорить об основном тексте сочинений историков, то Миллер последовательно называет Мегмет-Кула *царевичем*, а Фишер – *братом* Кучума:

«Описание Сибирского царства»
Г.Ф. Миллера

...Октября 23 числа большая неприятельская сила, вверху на Чувашском мысу и внизу оно при засеке появилась, и тогда Казаки с лозунгом с нами Бог из городка Атика к нападению спешили. Царевич Меметкул, который Татарами командовал внизу при реке хотя и храбро защищался, а та партия, которая вверху на Чувашском мысу была под предводительством самого Хана, также старалась беспрестанным из луков стрелянием нижним подать вспоможение: однако ж все сие недовольно было, чтобы против Казаков устоять, и к отступу их принудить. Счастье служило Казакам очевидно: и они одержали над неприятелем такую совершенную победу, что Кучум и Царевич Меметкул только о своей безопасности имели попечение [18. С. 129].

«Сибирская история» И.Э. Фишера

Кучум Хан после сражения при Чувашском мысу собрал еще большую прежней силу, с которую паки пошел к сему месту. Он разделил войско с братом своим Мегметом-Кулом, сей стал внизу под горою, а Хан вверху на пригорке <...>. Мегмет-Кул хотя оборонялся весьма храбро, и Хан не меньше того старался подкреплять его, пуская на неприятеля бесчисленное множество стрел с Чувашского пригорка... однако козаки с твердостью выдержали сие устремление и с конечным поражением неприятелей одержали такую совершенную победу, что оба Кучум Хан и брат его Мегмет-Кул с великим трудом спасли бегством жизнь свою [15. С. 128–129].

Предпочтение Дмитриевым работы Фишера особенно показательно, если учесть непростую научную репутацию немецкого исследователя. Его

«Сибирская история» опиралась на более ранний труд Миллера и в этом смысле была по отношению к нему компилятивной. Задача Фишера состояла главным образом в сокращении весьма объемной «Истории Сибири». Но из-за того, что в русской версии книги пространное предисловие с указанием авторства предшественника было опущено, читатели воспринимали ее как оригинальную, альтернативную сочинению Миллера [19. С. 93–94; 20. С. 57]. Многочисленные текстуальные совпадения хорошо заметны в приведенных выше фрагментах.

Однако в то же время монография Фишера содержала авторские разделы и размышления, не повторяя Миллеров оригинал полностью. Вклад ученого в историографию Сибири охарактеризован А.И. Андреевым следующим образом: «Подводя итог научной работы Фишера в Сибири в 1739–1745 гг., приходится признать ее весьма небольшой; скромный результат получился в значительной степени по вине самого Фишера, характер которого, как справедливо заметил Гмелин, не подходил к сибирским условиям. Обремененный к тому же семьей, заботам о которой Фишер уделял большое внимание, он научной работе посвящал мало времени...» [21. С. 302]. Сведения о характере ученого и известные факты о его экспедиции в Сибирь также не соответствуют представлениям об образцовом академическом муже: «Фишер под разными предлогами откладывал отправление», в дороге «самому приличные к отправлению» дела перекладывал на переводчика Я.И. Линденау, не работал по составленной Миллером инструкции, а также, по словам очевидцев, «пьянствовал, “сидел вино” и вел позорный образ жизни, заставляя состоявших при нем солдат стоять на карауле у некоей Анны Карловой, бывшей с ним в связи», сопровождавших его служилых людей «по своей лихости всегда находил палкою своею» и даже был арестован [21. С. 286–297].

Авантюрный склад личности академика и недостаток самостоятельно полученных данных не могли не сказаться на особенностях его исторического нарратива – менее востребованного в академической науке, но зато привлекательного для читателя рубежа XVIII–XIX вв. В отличие от Миллера, стремившегося к историографической точности, перепроверке приводимых датировок событий, сопоставлению привлекаемых текстов и развернутым примечаниям, Фишер предложил в своей «Сибирской истории» целостное, не перегруженное научной аналитикой и в этом смысле более сюжетно-беллетризованное повествование.

Так, вопросу о численности отряда Ермака Миллер посвятил отдельный параграф, в котором тщательно сопоставлял известные источники: «Самое важное обстоятельство рассмотреть надлежит, а именно во скольких чело-веках состояла Ермакова сила, с которую он поход в Сибирь восприял. В простых Сибирских летописцах упоминается только о 540 человеках ка-заков <...>. В тобольском летописце описано сие гораздо вероятнее, ибо там пишет: Ермаковых казаков, с которыми он на Волге и на Каспийском море чинили разбои, было до 7000 человек, из которых до 6000 ушли с ним на реку Каму, и при начатии Сибирского похода были...» [18. С. 95–96] и т.д.

Фишер, напротив, сообщил читателю лишь вывод, к которому пришел Миллер, ненавязчиво внедрив его в свое повествование: «Чего ради он с сообщниками своими, которых, как сказывают, было от 6000 до 7000 человек, пошел еще до прибытия царского войска вверх по реке Каме...» [15. С. 114]. Говоря словами Х. Уайта, если Миллер в своем труде обнажал «исследовательские действия ученого», то Фишер стремился скрыть их, делая акцент на «повествовательном действии» [22. С. 32].

Исторические нарративы обоих авторов соответствовали не только разным академическим установкам и даже крайне непохожим натурам исследователей, но и двум этапам в развитии русской повествовательной прозы – моралистической словесности 1730–1750-х гг. и зачаточной русской романистике 1760–1770-х гг. Последней были свойственны интерес к авантурным героям и попытки соотнести характер с историко-социальными реалиями [23. С. 188–207], а также, что особенно заметно на примерах Ф.А. Эмина и М.Д. Чулкова, отчетливо обнаружившееся в писателе нового типа тяготение к научным разысканиям и написанию многотомных исторических фолиантов.

Связное повествование, к которому стремился Фишер, требовало более четкой прорисовки образов действующих лиц. Автор выделил фигуру Мегмет-Кула, с самого начала представив его главным антагонистом русских казаков, словно компенсировавшим своей молодостью и силой старого Кучума, который в течение всех событий «сибирского взятия» по большей части пребывал в сюжетной «тени». Потому и статус *брата* Кучума оказался для Мегмет-Кула более предпочтительным. Например, Фишер добавляет его образ, говоря о намерениях Ермака отправиться в Сибирь. «Он (Ермак. – Е.А.) думал, что когда Мегмет-Кул так легко нашел дорогу с Тобола на Чусовую, то и он со своей стороны может так же туда пойти» [15. С. 116]. В соответствующем эпизоде у Миллера Мегмет-Кул отсутствовал.

Образ Ермака создавался обоими историками по-разному, что особенно заметно при подведении жизненных итогов героя. Миллер со ссылкой на С.У. Ремезова воссоздает внешность и характер атамана, завершая раздел моралистическим выводом. Гибель Ермака и его дружины, по мнению историка, стала расплатой за прежние злодеяния: «...неминуемое отмщение за худые дела здесь еще произвело свое действие» [18. С. 190–191]. Фишер, опустив ссылки на источники, также упомянул в соответствующем разделе о свойствах личности Ермака, но полностью поменял структуру эпизода, предложив читателю авантурный сюжет и свое видение стратегии поведения атамана. Основные вехи развития действия и мотивы поступков Ермака резюмированы мотивом пробудившегося в герое (отчасти неожиданно) благородия:

Сначала помышлял он конечно не о завоеваниях, но только о грабеже. Но как счастье против собственного его чаяния, и против всякой вероятности толь необыкновенным образом ему послужило, то он при таком великом благополучии не знал сам, что делать, и не находил средства к сохранению его. И понеже он

мог твердо надеяться, что когда-нибудь или от Татар, или от Россиян будет погублен, так же и совесть и страх наказания за прежние его злодеяния иногда его мучили, то вздумал он освободиться вдруг от сих разных попечений, и для того взятые земли, которых сам сохранить не мог, отдал прежнему своему Государю Российскому Царю. Что без сомнения может похвалиться разумнейшим действием во всей его жизни [15. С. 161].

А сам мотив благоразумного прозрения помещен историком в объяснительную раму, где сформулирован тезис об исторической роли Ермака:

И так сей отвага в четыре года покорил всех Татар у реки Туры, Тобола и у Иртыша, так же Остяков у Иртыша и Оби равномерно Вогоulichей у реки Тавды, одним словом, все, что было прежде во владении Сибирского Хана Кучума, и тем оказал Российскому государству незабвенную услугу. <...> Ибо чрез то возвратил он опять потерянную честь, жизнь его с Российской стороны приведена была в безопасность, и смерть его, как смерть героя, положившего жизнь свою за отечество, подвигла всех к сожалению [15. С. 160–161].

Ермаков сюжет в интерпретации Фишера всецело соответствовал его концепции покорения Сибири. По мысли В.Г. Мирзоева, «Фишер еще более, чем Миллер, усиливает идею правительственной колонизации Сибири и превращает ее в единственную. <...> Промышленные люди были годны, по Фишеру, для “проведывания” новых земель, но они могли лишь грабить и разорять. Удержать же приобретенное в Сибири и освоить подчиненную территорию способно только цивилизованное начало, которое, по Фишеру, заключается в государственной власти» [19. С. 94].

В свете такого понимания освоения Сибири фигуры Кучума и Мегмет-Кула представляли собой антитезу, демонстрирующую две альтернативные судьбы покоренных. Образ последнего оказался более привлекательным для писателей, опиравшихся на «Сибирскую историю» Фишера. Дмитриев дополнил сюжет своего стихотворения авторскими примечаниями, в которых сообщал о том, как сложилась дальнейшая жизнь главных оппонентов Ермака. В лиро-эпическом сюжете Мегмет-Кул оказывался сильным, но поверженным соперником, а в исторической перспективе, прочерченной в комментариях, его судьба, напротив, складывалась благополучно и тем самым противопоставлялась печальной участи Кучума. Сравним:

И сам Кучум*, гроза вселены,
Твой царь, погиб в чужих песках!

*Кучум из царства своего ушел к калмыкам и убит ими [14. С. 23].

Я зрел с ним бой Мегмета-Кула**.
Сибирских стран богатыря...

**Царский брат, которого Ермак пленил и отослал к царю Иоанну Васильевичу; от него произошли князья Сибирские [14. С. 24].

Как сообщал Фишер,

Мегмет-Кул прибыл в Москву при владении уже Царя Феодора Иоанновича 1584 года, и не как пленник, но как посол великого Государя встречен был великолепно. Он во всю жизнь свою был у Россиян в великом почтении, и отличил

себя храбрыми делами. В 1590 году был он в походе против Шведов; а в 1598 году с Царем Борисом Федоровичем Годуновым в Серпухове для чаемого нападения от Крымских Татар. Подлинное его имя было Мегмет-Кул Алтаулович; но в России называли его обыкновенно только Царевичем Сибирским [15. С. 141].

Таким образом, история татарского предводителя, сначала акцентированная историком, а затем выставленная на передний план поэтом, позволила продемонстрировать результат, заключающийся в успешном превращении *чужого* в *своё* (Ср. более поздние строки трагедии А.С. Хомякова «Ермак» (1826): «Сибири боле нет: отныне здесь Россия!» [24. С.277]).

* * *

Другим вариантом представления *чужого*, делающегося *своим*, стал любовный сюжет о казачьем атамане и иноземной невесте, который мог дополнять сюжет о Мегмет-Куле, а мог выступать в качестве самостоятельного. В этом случае важным обстоятельством было кровное родство героини с самим Кучумом или местным князем: в трагедии П.А. Плавильщикова «Ермак, покоритель Сибири» (1803) Ирта – дочь хана, в повести И.К. Буйницкого «Ермак, завоеватель Сибири» (1805) Калханта – дочь Тебендинского владетеля. Отмеченные нами ранее спонтанные эротические импликации в линии Мегмет-Кула здесь суверенизируются, и на их основе создается отдельная разновидность сюжета.

В повести Буйницкого, первом законченном прозаическом произведении о Ермаке, была продолжена традиция конструирования образа, начатая Фишером и Дмитриевым. Несколько раз в сочинении использованы слова Фишера о том, что Ермак «оказал Российскому государству незабвенную услугу» [15. С. 161]: «...следуя прежнему предприятию, не токмо можем продлить ее; но еще, подвергнув Сибирь Российскому престолу, оказать отечеству незабвенную услугу», «хотели отечеству оказать услугу», «мы оказали услугу – он (царь. – Е.А.) награждает!» и т.д. [25. С. 141, 151; 26. С. 70]. Об обращении к этим источникам свидетельствуют также сюжетобразующий конфликт между Ермаком и сибирским царевичем, написание имени последнего и характер его родства с ханом («грозный Мегмет-Кул, кровный брат Кучума» [27. С. 25]), наименование другого главного героя – Рюбрюкиса, вдохновившего атамана на поход («Имя мое Рюбрюкис. Мирно и благополучно текли дни мои, когда грозный Мегмет-Кул, посланный Сибирским Ханом Кучумом, с сильным войском, вторгся в наши пределы» [27. С. 15]). Рюбрюкисом в труде Фишера был назван Гильом де Рубрук – монах-путешественник XIII в., побывавший в ставке монгольских ханов и написавший о своем странствии книгу, на которую периодически ссылался историк [15. С. 17–18, 37–38, 45, 47, 64, 75, 78, 93, 203, 507]. Миллер о нем упомянул лишь один раз, используя другой вариант написания фамилии – Рубруквис¹

¹ В обоих случаях это адаптированная версия имени путешественника на латинском языке – Rubruquis.

[18. С. 7]. Особое внимание к фигуре Рубрука и его путешествию в Карако-рум у Фишера тесно связано с его концепцией монгольского происхождения местных сибирских народов. И в этом смысле отправившийся в Монголию Рюбрюкис в сознании Буйницкого закономерно оказывался непосредственным предшественником Ермака, победившего в Сибири последний осколок Золотой Орды и положивший символический конец истории ига.

Мегмет-Кул в повести, как и в стихотворении Дмитриева, является не только антагонистом, но и двойником Ермака, что подчеркивается параллелизмом военных сцен, в которых задействованы с одной стороны – русские, а с другой – татары, притом что в глаза бросается общность лексического оформления действий:

Али умолк – и Мегмет-Кул содрогается от гнева. «Удались робкий воин! воскликнул он: ты поселяешь ужас в моих храбрых сподвижников. Что скажут об нас, когда Ермак, с толь малым воинством, приведет в трепет и восторжествует над сим страшным государством. Нет, пусть прежде померкнет свет; воспламенится небо: низринутся громы, если соглашусь я на сие предложение. Иду на все: или хладная смерть сомкнет мой вежды, или отверзу гроб врагу, ужас вам наводящему». Тут раздался ропот. Али хотел отвечать; но шум собрания, подобно глухому стону лесов, волновался в совете. Все единодушно воскликнули. «Государь! да будет война...» [25. С. 132].

Ермак повелел собраться своим воинам, и с горестию, которая придавала ему некоторое величие, говорил им: «Робкие воители! какую пагубу навлекаете вы себе недостойным отступлением; какие выгоды упускаете сим поносным бегством! <...> Вы содрогаетесь, видя себя в толь малом числе, противу несчетного неприятеля; но мы все соединены злополучием, твердостью и мужеством – и с сими качествами непобедимы. «Если смерть и постигнет нас; если и не успеет совершиться великое наше намерение, то сколь возгремит слава наша – мы подаем свету первый и до ныне неслыханный опыт мужества и ревности. Знаменитые наши деяния прейдут из рода в род; все племена земные будут воспоминать об них с благоговением». Ермак умолк: – все единогласно воскликнули: «Нет! прежде умрем, нежели согласимся оставить толь великого вождя!» Воины, предлагавшие отступление, упали к стопам его, и требовали прощения [25. С. 139–142].

Чтобы изобразить поединок Ермака и Мегмет-Кула, Буйницкий, как и ранее Дмитриев, вольно обращается с известными историческими фактами. Автор повести последовательно воспроизводит по стихотворению предшественника детали и результат схватки:

Ермак приспевает – битва переменяется. Мегмет-Кул, содрогаясь от гнева, видя смятение своих воинов, и саблю Ермака, дымящуюся их кровию, устремляется к сопротивнику, отсекает главу первому представшему пред него воину, схватывает за волосы, достигает Ермака, повергает ее к стопам его, и, воскликнув: «се участь твоя!» низпускает на него удар, который колеблет Российского Героя, и умножает его гнев. Пораженный Ермак стремится на Мегмет-Кула, раздробляет его щит, и вторичным ударом выбивает оружие его. Тогда Мегмет-Кул бросается

на саблю сопротивника, переломляет. Будучи оба безоружны, схватываются жилистыми руками, и крутятся, придавляя друг друга к стальным своим доспехам. – Мегмет-Кул изнемогает; Ермак подымлет его на воздух; потрясает и повергает на землю; но оставляет ему жизнь, отдает его своим воинам, повелевает отвести во стан и воздавать ему почести, достойные его сана и мужества. Сей был последний оплот, подкреплявший Сибирское воинство; он пал – воины Российские провозгласили победу [25. С. 148–149].

Другим источником повести «Ермак, завоеватель Сибири» Буйницкого была ранняя историческая проза Карамзина. В «Записках о моей жизни» Н.И. Греч вспоминал: «Другой товарищ мой, милый, образованный, прекрасный собой, был Иван Козьмич Буйницкий, который испытывал силы свои в прозе и написал историческую повесть “Ермак”, в подражание “Марфе посаднице” Карамзина, которой бредили тогда все молодые люди» [28. С. 260]. Отдельные сюжетные ходы произведения были заимствованы из других его сочинений: встреча в пещере с чувствительным странником Рюбрюкисом – из «Острова Борнгольм», помощь в бою переодетой в мужское платье возлюбленной – из «Натали, боярской дочери». В русле этой традиции победа Ермака становилась обусловленной самой логикой истории, а поражение Кучума и его сторонников делалось неизбежным.

Рецептивная линия, восходящая к Карамзину, предполагала постановку вопроса о смирении перед царем как исторической необходимости, объемлющей всех и проявляющейся в нравственном выборе каждого. После значительных сибирских успехов Ермак, в отличие от героини карамзинской повести Марфы Борецкой, делает правильный выбор и отправляет посольство к Ивану IV (ср. у Фишера: «...взятые земли, которых сам сохранить не мог, отдал прежнему своему Государю Российскому Царю. Что без сомнения может почесться разумнейшим действием во всей его жизни» [15. С. 161]). Кучум, напротив, не принимает предложение дружины Ермака подчиниться Ивану Грозному. Гордый хан совершает ту же ошибку, что и героиня «Марфы-посадницы».

* * *

Завершим эту статью указанием на неатрибутированный текст, который представляет собой следующий этап развития интересующей нас сюжетной линии. Полное название повести – «Жизнь и военные деяния Ермака, завоевателя Сибири, выбранные из российских и иностранных писателей»¹

¹ Повесть положила начало целой группе любовно-авантюрных произведений о казачьем атамане, о чем говорит значительное количество переизданий, компиляций и вольных переложений произведения, к числу которых относятся следующие: «Плутарх для юношества, или Жития славных мужей всех народов от древнейших времен до ныне...» (1809), «Ермак. Завоеватель Сибирского царства» в составе книги «Пантеон славных российских мужей» (1816), второе издание повести «Ермак, завоеватель Сибири» (1827), поэма А.А. Шишкова «Ермак» (1828), «Ермак, покоритель Сибири: исто-

(1807), подписана она литерой И.Д.¹, имя главного противника Ермака, а также характер родства с ханом точно воспроизведены по работе Фишера (на этот раз выпадающая гласная сохранена): «...отправил сию толпу людей против Ермака, под предводительством брата своего Мегемета-Кула» [31. С. 157]. Многие сибирские фрагменты повести совпадают с сочинением историка, а лейтмотивом становится его мысль об оказанной Ермаком и его казаками услуге государству:

«Жизнь и военные деяния Ермака, завоевателя Сибири...» И.Д.

Напротив того козаки столь сильно поражали Татар, что они падали кучами, и наконец пришли в такое замешательство, что Хан и брат его принуждены были спасать жизнь свою бегством [31. С. 163].

Напротив того, продолжая храбро сопротивляться силе врагов, могут совершенно покорить Сибирь и чрез то оказать отечеству незабвенную услугу [31. С. 161].

Таким образом Ермак кончил жизнь свою, ознаменованную великими подвигами, и смерть его, как смерть героя, оказавшего Российскому государству незабвенные услуги, подвигла всех к сожалению [31. С. 191].

«Сибирская история» И.Э. Фишера

<...> однако козаки с твердостью выдержали сие устремление и с конечным поражением неприятелей одержали такую совершенную победу, что оба Кучум Хан и брат его Мегемет-Кул с великим трудом спасли бегством жизнь свою [15. С. 128–129].

И так сей отвага в четыре года покорил всех Татар... одним словом, все, что было прежде во владении Сибирского Хана Кучума, и тем оказал Российскому государству незабвенную услугу [15. С. 160]. Ибо чрез то возвратил он опять потерянную честь, жизнь его с Российской стороны приведена была в безопасность, и смерть его, как смерть героя положившего жизнь свою за отечество, подвигла всех к сожалению [15. С. 161].

Описываемые нами процессы нарративизации истории Ермака и, соответственно, беллетризации источника, освещающего события сибирского похода, уже попадали в исследовательскую оптику. Впрочем, трактовка обычно не шла далее верной констатации самой природы процесса. Так, В.Г. Мирзоев, существенно опережая свое время и спонтанно рассуждая как

рический роман в 2 ч.» (1839). Последнюю книгу А.И. Рейтблат включил в число бестселлеров первой половины XIX в. – за десять лет с 1839 по 1848 г. она была издана шесть раз (предыдущие версии романа исследователем не учитываются). См.: [29. С. 195].

¹ И.Ф. Масанов привел в словаре псевдонимов 25 авторов, оставлявших такую подпись. Из их числа в указанный период жили и публиковались только четверо: поэт Иван Иванович Дмитриев (1760–1837), ученый-естествоиспытатель Иван Алексеевич Двигубский (1771–1840), актер и драматург Иван Афанасьевич Дмитриевский (1734–1821) и поэт и драматург князь Иван Михайлович Долгоруков (1764–1823) [30. Т. 1. С. 405; Т. 2. С. 35]. Принимая во внимание биографические факты и характер творчества, можно предположить, что авторами «Жизни и деяний Ермака...» могли быть И.И. Дмитриев или И.М. Долгоруков, первый из которых сочинил известное стихотворение «Ермак», а второй принадлежал по материнской линии роду Строгановых, организаторов похода Ермака, и был автором «Стихов на освобождение князя Сибирского» (1801) о потомке хана Кучума В.Ф. Сибирском.

современный нарратолог, отметил, что в дуализме двух монументальных историй Сибири, созданных в XVIII столетии, подход Миллера заключался в том, чтобы «разыскать, оценить и, очистив от наслоений, поставить достоверные факты рядом друг с другом», а вот «составить из них одной стройной перспективной линии», «найти начала и кон[ец] ее, объяснить причины и следствия» [19. С. 91] ученый не смог. Характерно в этом ключе, что внимание В.Г. Мирзоева привлекла раздраженная реплика Миллера в адрес Фишера: защищаясь от обвинений в нарочитом эмпиризме, создатель современной сибирской историографии указал своему критику на риск превратиться «в романиста, если при своих исторических трудах будет действовать иначе, чем я» [19. С. 86]. Как видим, сформулированная нами в начале статьи проблема беспокоила самих участников культурного процесса.

Однако то, что расценивалось Миллером как еретическое отклонение от научного идеала, оказалось крайне востребованным в практиках производства национальной памяти, для которой требовался, по Карамзину, «оживленный» образ вершителя исторических событий. Важное системное значение обретают в этом контексте попытки зримо вообразить внешность Ермака, представить его образ в живописном и словесном портрете: диегезис дополнялся здесь экфразисом [32]. Скупая начальная зарисовка С.У. Ремезова («*бо велми мужественен и разумен, и человекен, и зрачен, и всякой мудрости доволен, плосколиц, черн брадою и власы, прикудряв, возраст средней, и плоск, плечист*» [17. С. 562]) далее детализировалась и разрасталась («Он был видом благороден, сановит, росту среднего, крепок мышцами, широк плечами; имел лицо плоское, но приятное, бороду черную, волосы темные, кудрявые, глаза светлые, быстрые, зеркало души пылкой, сильной, ума проникающего» [11. С. 408]), а в 1820-е гг. Г.И. Спасский обнародовал целую дискуссию с А.Н. Олениным – о том, как должен был выглядеть победитель Кучума [33]. Множественные, в каком-то смысле разнонаправленные попытки воссоздать портрет Ермака как главного героя связного повествования должны были провести читателя сквозь сплетения сюжетных мотивов к словесному и одновременно живописному образу покорителя Сибири.

Подведем итоги. Как показало сопоставление летописей, исторических трудов XVIII в., с одной стороны, и художественных произведений – с другой, писатели, увлеченные темой покорения Сибири, преимущественно развивали традицию сюжетно-беллетризованного повествования о Ермаке, отразившуюся в «Сибирской истории...» И.Э. Фишера. Основными способами нарративизации истории казачьего похода стали в интересующий нас период передача событий с точки зрения местных жителей, преобразование заданной историческими событиями фабулы в сюжет превращения *чужого* в *свое* в двух основных его версиях – военной и любовной, эквивалентность сцены покорения Мегмет-Кула и/или иноземки всему Сибирскому взятию. Разработка образа Ермака в художественной словесности рубежа XVIII–XIX вв. была связана, главным образом, не столько с собственно портретной характеристикой героя, сколько с определением мотивировки его поступков

и причин беспрецедентного успеха. Психологическими доминантами персонажа стали способность к благоразумному прозрению и умение побеждать не только силой и военной хитростью, но и лаской – не даром в трагедии Плавильщикова он был противопоставлен есаулу с говорящим именем *Грубей*. Само заглавие пьесы «Ермак, *покоритель* Сибири», будучи явно ориентировано на название вышедшей годом ранее карамзинской повести «Марфа-посадница, или *Покорение* Новгорода», положило начало устойчивой традиции такого наименования произведений о народном герое. Характеристика Ермака как *покорителя* Сибири подразумевала совмещение двух значений: прямого – покорить, значит, «завоевать» и переносного – «очаровать», «подчинить своему обаянию».

Список источников

1. Карамзин Н.М. О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств // Избр. соч. : в 2 т. М. ; Л., 1964. Т. 2. С. 188–198.
2. Forster E.M. Aspects of the Novel. N.Y. : Rosetta Books, 2002. 122 p.
3. Шмид В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. М. : ЯСК, 2008. 302 с.
4. Карамзин Н.М. Известие о Марфе-посаднице, взятое из жития св. Зосимы // Избр. соч. : в 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 227–231.
5. Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву / изд. с примеч. и указателем Я. Грот и П. Пекарский. СПб. : В типогр. Имп. АН, 1866. 727 с.
6. Ханзен-Лево О. Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М. : ЯРК, 2001. 669 с.
7. Лотман Ю.М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX в. // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб. : Искусство-СПб, 1997. С. 14–79.
8. Дергачева-Скоп Е.И. Сибирское летописание в общерусском литературном контексте конца XVI – середины XVIII вв. : дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. Екатеринбург, 2000. 49 с.
9. Янушкевич А.С., Анисимов К.В. Из рукописного наследия Г.И. Спасского // Пространство культуры и стратегии исследования: Статьи и материалы о русской провинции. XX Фетовские чтения. Курск, 2006. С. 109–146.
10. Строгановская летопись по списку Спасского // Сибирские летописи. Изд. Археологической комиссии. СПб., 1907. С. 1–46 (2-й паг.).
11. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 9. СПб., 1821. 717 с.
12. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. 499 с.
13. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 7. 734 с.
14. Дмитриев И.И. Сочинения / сост. и коммент. А.М. Пескова и И.З. Сурат. М. : Правда, 1986. 592 с.
15. Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием. СПб., 1774. 646 с.
16. Сибирские летописи. СПб., 1907. 464 с.
17. Ремезов С.У. История Сибирская // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 550–574.
18. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел, от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. СПб., 1750. 510 с.

19. Мирзоев В.Г. Историография Сибири: (Домарксистский период). М. : Мысль, 1970. 391 с.
20. Иодко О.В. Иоган Эбергард Фишер. Из Петербурга в Сибирь и обратно // Немцы в Санкт-Петербурге. Вып. 4. СПб. : МАЭ РАН, 2008. С. 45–61.
21. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2: XVIII век (первая половина). М. ; Л. : Наука, 1965. 365 с.
22. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
23. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века. М. : Высш. шк.: Изд. центр «Академия», 2000. 415 с.
24. Хомяков А.С. Стихотворения и драмы / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б.Ф. Егорова. Л. : Сов. писатель, 1969. 595 с.
25. Буйницкий И.К. Ермак завоеватель Сибири. Кн. 2 // Журнал для пользы и удовольствия. 1805. Ч. 1, № 2. Февраль. С. 126–151.
26. Буйницкий И.К. Ермак завоеватель Сибири. Кн. 3 // Журнал для пользы и удовольствия. 1805. Ч. 1, № 4. Апрель. С. 69–95.
27. Буйницкий И.К. Ермак завоеватель Сибири. Кн. 1 // Журнал для пользы и удовольствия. 1805. Ч. 1, № 1. Январь. С. 9–27.
28. Греч Н.И. Записки о моей жизни. М. ; Л. : Academia, 1930. 896 с.
29. Рейтблат А.И. Русские «бестселлеры» первой половины XIX века // Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001. С. 191–203.
30. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей : в 4 т. М. : Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1957.
31. И.Д. Жизнь и деяния Ермака, завоевателя Сибири, выбранные из разных писателей как российских, так и иностранных. М., 1807. 191 с.
32. Шатин Ю.В. Ожившие картины: экфразис и диегезис // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 217–226.
33. Письмо Е. П. Г^{на} Тайного Советника и Кавалера Алексея Николаевича Оленина к Издателю Летописи Сибирской // Летопись Сибирская, содержащая повествование о взятии Сибирских земель Русскими, при Царе Иоанне Васильевиче Грозном; с кратким изложением предшествовавших оному событий. Издана с рукописи XVII века. СПб., 1821. С. 1–8 (3-й паг.).

References

1. Karamzin, N.M. (1964) *Izbrannye Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. pp. 188–198.
2. Forster, E.M. (2002) *Aspects of the Novel*. New York: Rosetta Books.
3. Schmid, W. (2008) *Narratologiya* [Narratology]. Translated from German. 2nd ed. Moscow: YaSK.
4. Karamzin, N.M. (1964) *Izbrannye Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. pp. 227–231.
5. Grot, Ya. & Pekarskiy, P. (eds) (1866) *Pis'ma N.M. Karamzina k I.I. Dmitrievu* [Letters of N.M. Karamzin to I.I. Dmitriev]. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
6. Hansen-Löve, A. (2001) *Russkiy formalizm: Metodologicheskaya rekonstruktsiya razvitiya na osnove printsipa ostraneniya* [Russian Formalism: Methodological reconstruction of development based on the principle of defamiliarization]. Translated from German. Moscow: YaRK.
7. Lotman, Yu.M. (1997) *O russkoy literature* [On Russian Literature]. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB. pp. 14–79.

8. Dergacheva-Skop, E.I. (2000) *Sibirskoe letopisanie v obshcherusskom literaturnom kontekste kontsa XVI – serediny XVIII vv.* [Siberian chronicles in the all-Russian literary context of the late 16th – mid-18th centuries]. Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
9. Yanushkevich, A.S. & Anisimov, K.V. (2006) [From the handwritten heritage of G.I. Spassky]. *Prostranstvo kul'tury i strategii issledovaniya. Stat'i i materialy o russkoy provintsii* [Space of Culture and Research Strategy. Articles and materials about the Russian province]. Proceedings of the 20th Fet Readings. Kursk. 15–18 September 2005. Kursk: Kursk State University. pp. 109–146. (In Russian).
10. Maykov, L.N. & Maykov, V.V. (eds) (1907) *Sibirskie letopisi. Izd. Arkheograficheskoy komissii* [Siberian Chronicles. Archaeographical Commission Edition]. Saint Petersburg: Tipogr. I.N. Skorokhodova. pp. 1–46 (second pagination).
11. Karamzin, N.M. (1821) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Vol. 9. Saint Petersburg: V tipografii N. Grecha.
12. Likhachev, D.S. (1947) *Russkie letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoe znachenie* [Russian Chronicles and Their Cultural and Historical Significance]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
13. Belinskiy, V.G. (1955) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 7. Moscow: USSR AS.
14. Dmitriev, I.I. (1986) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Pravda.
15. Fisher, J.E. (1774) *Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya sey zemli Rossiyskim oruzhiem* [Siberian History from the Very Discovery of Siberia to the Conquest of This Land by Russian Weapons]. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
16. Maykov, L.N. & Maykov, V.V. (eds) (1907) *Sibirskie letopisi* [Siberian Chronicles]. Saint Petersburg: Tipogr. I.N. Skorokhodova.
17. Remezov, S.U. (1989) *Istoriya Sibirskaya* [Siberian history]. In: *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek* [Monuments of Literature of Ancient Rus'. 17th century]. Book 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 550–574.
18. Müller, G.F. (1750) *Opisanie Sibirskogo tsarstva i vsekh proizoshedshikh v nem del, ot nachala, a osoblivo ot pokoreniya ego Rossiyskoy derzhave po sii vremena* [Description of the Siberian Kingdom and All the Affairs That Happened in It, from the beginning, and especially from its conquest to the Russian state to this day]. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
19. Mirzoev, V.G. (1970) *Istoriografiya Sibiri (Domarksistskiy period)* [Historiography of Siberia (Pre-Marxist period)]. Moscow: Mysl'.
20. Iodko, O.V. (2008) *Iogan Ebergard Fisher. Iz Peterburga v Sibir' i obratno* [Johann Eberhard Fischer. From St. Petersburg to Siberia and back]. In: Shrader, T.A. (ed.) *Nemtsy v Sankt-Peterburge* [Germans in St. Petersburg]. Vol. 4. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography RAS. pp. 45–61.
21. Andreev, A.I. (1965) *Ocherki po istochnikovedeniyu Sibiri* [Essays on Source Studies of Siberia]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Nauka.
22. White, H. (2002) *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe]. Translated from English. Yekaterinburg: Ural Federal University.
23. Lebedeva, O.B. (2000) *Istoriya russkoy literatury XVIII veka* [History of Russian Literature of the 18th Century]. Moscow: Vysshaya shkola; Akademiya.
24. Khomyakov, A.S. (1969) *Stikhotvoreniya i dramy* [Poems and Dramas]. Leningrad: Sovetskiiy pisatel'.
25. Buynitskiy, I.K. (1805) *Ermak zavoevatel' Sibiri. Kniga vtoraya* [Yermak, the conqueror of Siberia. Book two]. *Zhurnal dlya pol'zy i udovol'stviya*. 2. Part 1. February. pp. 126–151.
26. Buynitskiy, I.K. (1805) *Ermak zavoevatel' Sibiri. Kniga tretiya* [Yermak, the conqueror of Siberia. Book three]. *Zhurnal dlya pol'zy i udovol'stviya*. 4. Part 1. April. pp. 69–95.

27. Buynitskiy, I.K. (1805) Ermak zavoevatel' Sibiri. Kniga pervaya [Yermak, the conqueror of Siberia. Book one]. *Zhurnal dlya pol'zy i udovol'stviya*. 1. Part 1. January. pp. 9–27.

28. Grech, N.I. (1930) *Zapiski o moyey zhizni* [Notes about My Life]. Moscow; Leningrad: Academia.

29. Reytblat, A.I. (2001) *Kak Pushkin vyshel v genii: Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoy kul'ture Pushkinskoy epokhi* [How Pushkin Became a Genius: Historical and sociological essays on the book culture of the Pushkin era]. Moscow: NLO. pp. 191–203.

30. Masanov, I.F. (1957) *Slovar' psevdonimov russkikh pisateley, uchenykh i obshchestvennykh deyateley* [Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists and Public Figures]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznoy knizhnoy palaty.

31. I.D. (1807) *Zhizn' i deyaniya Ermaka, zavoevatel'ya Sibiri, vybrannye iz raznykh pisateley kak rossiyskikh, tak i inostrannykh* [The life and deeds of Yermak, the conqueror of Siberia, selected from various writers, both Russian and foreign]. Moscow: V Gubernskoy tipografii u A. Reshetnikova.

32. Shatin, Yu.V. (2004) Ozhivshie kartiny: ekfrazis i diegezis [Living paintings: ekphrasis and diegesis]. *Kritika i semiotika*. 7. pp. 217–226.

33. Spasskiy, G.I. (ed.) (1821) *Letopis' Sibirskaya, sodержashchaya povestvovanie o vzyatii Sibirskiya zemli Russkimi, pri Tsare Ioanne Vasil'eviche Groznom; s kratkim izlozheniem predshestvovavshikh onomu sobytiy. Izdana s rukopisi XVII veka* [Siberian Chronicle, containing a narrative about the capture of the Siberian land by the Russians, under Tsar Ivan Vasilyevich the Terrible; with a brief summary of the events preceding it. Published based on a 17th-century manuscript]. Saint Petersburg: V tipogr. departamenta narodnogo prosveshcheniya. pp. 1–8 (third pagination).

Информация об авторе:

Анисимова Е.Е. — д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики и литературоведения Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: eva1393@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.E. Anisimova, Dr. Sci. (Philology), professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: eva1393@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.10.2023;
одобрена после рецензирования 26.10.2023; принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 07.10.2023;
approved after reviewing 26.10.2023; accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья
УДК 82.091
doi: 10.17223/19986645/88/8

Репрезентация мистериально-дионисийского сюжета в книге лирики Вячеслава Иванова «Кормчие звезды»

Леонид Геннадьевич Каяниди¹

¹ Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия, leonideas@bk.ru

Аннотация. В книге «Кормчие звезды» происходит первая художественная экспликация архетипического мистериально-дионисийского сюжета Иванова. Он сосредоточен главным образом в финальных циклах книги: «Evia» и «Suspiria». Лирические тексты имеют свою особенность: в них содержится не более 2–3 дионисийских мотивов и никогда не предстает весь мистериально-дионисийский сюжет целиком. Предпочтение отдается жертвенным и сотериологическим мотивам, которые выражаются с помощью астральной и соляной символики.

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, Серебряный век, русский символизм, астральная и соляная символика, мотив, образ, Дионис, дионисийство, орфизм, «Кормчие звезды»

Для цитирования: Каяниди Л.Г. Репрезентация мистериально-дионисийского сюжета в книге лирики Вячеслава Иванова «Кормчие звезды» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 88. С. 148–166. doi: 10.17223/19986645/88/8

Original article
doi: 10.17223/19986645/88/8

Representation of the Dionysian-mysterical plot in the book of poems *Pilot Stars* by Vyacheslav Ivanov

Leonid G. Kaianidi¹

¹ Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation, leonideas@bk.ru

Abstract. In the book *Pilot Stars* (*Kormchiye zvyozdy*), the first poetic explication of the Dionysian-mysterical plot takes place. This plot is a system, which, based on the Orphic myth of the tearing of Dionysus, performs a constructive-paradigmatic function in Ivanov, modeling a variety of semantic structures (the system of images, the structure of the plot, etc.). The aim of this work is to describe features of the representation of the Dionysian-mysterical plot in the first book by Vyacheslav Ivanov. The main material of the study was *Pilot Stars*. To understand poetic texts, the author used Ivanov's monograph *Dionysus and Early Dionysianism*, his philosophical articles and extensive epistolary works, as well as the philosophical heritage of the Neoplatonics-Orphics. In the course of the research, the author used comparative, hermeneutic, structural-semantic methods, the method of contextual and motivic-thematic analysis. First, the

author described the structure and symbolic potential of the Dionysian-mysteri plot. It splits into two parts: the plot of the descent, in the center of which is the death of Dionysus and the fall of humankind, and the plot of the ascent, in which the resurrection of Dionysus and the rebirth of humankind take place. The Dionysian-mysteri motifs are concentrated mainly in the two final cycles of the book: "Evia" and "Suspiria". This is explained by the history of their creation: they were created in 1902, when Ivanov, wanting to overcome the influence of Friedrich Nietzsche in the field of religious history, studied Dionysian cults at the German Archaeological Institute in Athens. In lyrical texts, unlike in Ivanov's major works (poems, tragedies), the representation of the Dionysian-mysteri plot has its own peculiarities. Firstly, the poems contain only two or three Dionysian-mysteri motifs or images, and the whole plot never appears in its entirety. These motifs tend to the two triads of the Dionysian-mysteri plot – the mysteri one (the tearing of Dionysus as the universal fall) and the soteriological one (the redemption of humanity through its reunion with the resurrected Dionysus). In *Pilot Stars*, the Dionysian-mysteri plot is represented with the help of astral symbolism. It is represented antinomically. As a disconnected multitude, the starry sky symbolizes the tearing of Dionysus. In this case, the stars are parts of the torn cosmic body of Dionysus, titans filled with Dionysian energies, and at the same time a host of souls whom Dionysus brings down to the world of the dead. As a multiple unity, the starry sky is a symbol of the risen Dionysus, who raises the souls of the dead from the world of the dead to the world of the living, as well as a conciliar multitude of titanic beings transformed by Dionysian energies.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Silver Age, Russian symbolism, astral and solar symbolism, motif, image, Dionysus, Dionysianism, Orphism, *Pilot Stars*

For citation: Kaianidi, L.G. (2024) Representation of the Dionysian-mysteri plot in the book of poems *Pilot Stars* by Vyacheslav Ivanov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 88. pp. 148–166. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/88/8

Определение мистериально-дионисийского сюжета, его структура

Одной из универсалий сознания и художественного творчества поэта-символиста Вячеслава Иванова, на наш взгляд, является мистериально-дионисийский сюжет. Под ним мы понимаем такую сюжетно-мотивную систему, которая включает в себя восходящий к орфизму миф о растерзании Диониса титанами и выполняет в творчестве Иванова интегрально-конструктивную и парадигматическую функцию, моделируя разнообразные смысловые структуры (художественное пространство и время, систему образов, структуру сюжета, систему персонажей и т.д.). Мистериально-дионисийский сюжет разрастается в метатекст, единой сетью охватывающий художественный мир поэта.

Нам удалось установить, что впервые целостно и систематически мистериально-дионисийский сюжет предстает в поэме Иванова «Сон Мелампа» (1907). Окончательный вид этот сюжет обретает в трагедии «Прометей» (1915).

Мистериально-дионисийский сюжет может быть представлен в виде совокупности взаимосвязанных триад, объединенных в две девятирицы

(табл. 1, 2). Первая девятерица представляет собой мистериальный сюжет, в центре которого – жертвенная смерть Диониса и грехопадение человечества, а вторая – сотериологический сюжет, в котором происходит воскресение Диониса и возрождение человечества.

Таблица 1

**Структура мистериально-дионисийского сюжета
(сюжет нисхождения, грехопадение)**

Метафизическая первотриада (рождение Диониса)	Первообраз действительности (отражение Диониса в зеркале явлений)	Реализация первообраза (жертвоприношение Диониса)
Зевс (отчее начало)	Дионис (как ипостась Зевса-Отца)	Дионис (жертва)
Персефона (материнское начало)	Зеркало явлений, Душа Мира, идеальная Земля (как ипостась Персефоны), где отражается лик Диониса	Титаны (жрецы)
Дионис-Загрей (сыновнее начало)	Титаны (как отражение Диониса в Зеркале явлений)	Титаны, поглотившие Диониса и сожженные его огнем (тождество жреца и жертвы)

Таблица 2

**Структура мистериально-дионисийского сюжета
(сюжет восхождения, искупление и возрождение)**

Первообраз искупления и возрождения (сожжение титанов)	Идеальная реализация первообраза (спасение сердца Диониса)	Материальное осуществление первообраза (явление нового Диониса)
Титаны (жертва)	Сердце Диониса	Зевс-Дионис (такая ипостась Зевса, которая вбирает в себя сердце Диониса)
Дионисийский огонь (жрец)	Зевс	Падший человек, отягощенный первородным грехом, но жаждущий преображения
Сердце Диониса	Зевс-Дионис	Преображенный человек, вобравший сердце Диониса в себя = новый Дионис

Рассмотрим эти совокупности триад, на которые распадается мистериально-дионисийский сюжет.

Сначала задается метафизическая первотриада «Зевс, Персефона, Дионис-Загрей»: «В глубине глубин, в сущности сущностей, есть Зевс абсолютный, извечный Отец едиnorodного Сына, и есть девственная Мать Младенца – Персефона» [1. С. XVIII]. Двум сопряженным змеям уподобился

Зевс-Персефона / В оную ночь, когда зародил Диониса-Загрея. / В лике сыновнем открылось Отца сокровенное солнце: / Лик чешуей отсветила глубокая Персефонэя [2. С. 297].

Затем возникает новая триада, в которой Дионис-Загрей выступает на месте Зевса, Персефона трансформируется в Зеркало явлений, которое, вбирая в себя дионисийский свет, порождает титанов. Вторая триада задает первообраз действительности, его идеальную структуру. Однако реализация этой идеальной структуры происходит только на следующем витке мифологического сюжета – жертвоприношении Диониса: Дионис жертвенно отдается на растерзание титанов, которые, причастившись ему, совмещают в себе дионисийское и титаническое начала.

Такова исходная девятиричная структура мистериально-дионисийского сюжета (табл. 1). Думается, ее уместно, используя ивановские понятия нисхождения и восхождения, назвать сюжетом нисхождения, поскольку в нем речь идет о погружении божественно-дионисийского начала первоединства в стихию титанически-земной множественности. Антропологическим измерением мистериальной космогонии становится вселенское грехопадение как торжество принципа индивидуации, духовной обособленности и гордыни в микрокосме.

Вторая девятирица мистериально-дионисийского сюжета, в сущности, представляет собой видоизмененное повторение первой эннеады, с той лишь разницей, что меняется вектор движения сюжета (табл. 2). Теперь это восхождение титанического начала к божественно-дионисийскому. А потому содержанием этого сюжета восхождения становится история искупления и возрождения павшего человечества, а с ним и самого титанического начала, т.е. всего творения.

Исходя из содержания сюжет нисхождения можно именовать мистериальным, а сюжет восхождения – сотериологическим.

Начинается сюжет восхождения с первообразной триады, которая задает динамику нового этапа мистериально-дионисийского сюжета: «Титаны (как жертва), дионисийский огонь (как жрец) и сердце Диониса»: прах Титанов тлел, / Младенца Диониса растерзавших / И в плоть свою приявших плоть его. / Еще незримый теплился огонь / Божественным причастьем Геи темной / В пласту земном, покрывшем кости сильных, / Убитых местью Зевсова орла [1. С. 14].

Вторая триада представляет собой идеальную, умозрительную, как бы промежуточную реализацию первообраза искупления: «Сердце Диониса – Зевс – Зевс-Дионис»: Сердце ж твоё огневое, Загрей, нераздельное сердце – / Змий, твой отец, поглотил и лицом человекоподобным / В недрах ночных воссиял, и нарек себя Зевс Дионисом, / Сам уподобясь во всем изначальному образу Сына [2. С. 298].

Завершается мистериально-дионисийский сюжет спасением всего творения через свободное утверждение титанического в новом Дионисе – триада «Зевс-Дионис – павшее человечество – преображенное человечество (= новый Дионис)»: Будет: на матернем лоне прославится лик Диониса / Правым

обличьем – в тот день, как родителя лик изнеможет. / Браков святыня спасает разрыв, и вину отраженья / Смоет, и отчее сердце вопьет Дионис обновленный. / Ибо сыновнее сердце в Отце: и свершится слиянье / В Третьем вас разлученных, о Зевс-Персефона и Жертва!.. [2. С. 298].

«Какого же “искупления” ждет он от Диониса и в чем может состоять это искупление? – В восстановлении превратно отраженного лика Дионисова на земле... Но для этого необходимо, чтобы атомы его света – живые монады личных волей – пришли в свободное согласие внутреннего единства и соборно восставили из себя вселенским усилием целостный облик бога: только тогда сердце Диониса, сокрытое в недрах Сущего, привлечется на землю» [1. С. XXII].

Книга «Кормчие звезды» и мистериально-дионисийский сюжет

Мистериально-дионисийский сюжет имеет сложную историю в творчестве Иванова. На его генезис повлияли несколько факторов: «могущественный импульс Фридриха Ницше», а точнее говоря, дихотомия Диониса и Аполлона в «Рождении трагедии из духа музыки», «весенняя гроза» любовных отношений Иванова с Лидией Зиновьевой-Аннибал и изучение дионисийских культов в Афинах в Германском археологическом институте¹. Первое более или менее законченное выражение этот сюжет получает в цикле лекций «Эллинская религия страдающего бога», систематически оформляется в поэме «Сон Мелампа» и получает окончательный вид в трагедии «Прометей». Однако еще в книге лирики «Кормчие звезды» мы сталкиваемся с густой сетью орфико-дионисийских подтекстов [4. С. 58], которые представляют собой, употребляя одно из любимых выражений Иванова, *disiecta membra*² мистериально-дионисийского сюжета.

Центральное место эти орфико-дионисийские мотивы занимают в двух финальных циклах стихотворений, вошедших в книгу стихов «Кормчие звезды», – «Evía» и «Suspiria», которые были написаны в первой половине

¹ Подробно об источниках знакомства Иванова с дионисийством как культурно-историческим феноменом и истории его интерпретации в творчестве поэта мы обстоятельно говорим в отдельной публикации [3]. Здесь стоит сказать, что символика Диониса и Аполлона, обязанная своей универсализации и популярности в европейской культуре конца XIX – начала XX в. Фридриху Ницше, осмыслялась Ивановым с опорой на базельского философа, но в полемике с ним. Своеобразие ивановского дионисийства заключается в фундировании орфической, мистериальной его составляющей – растерзании Диониса-Загрея титанами и его воскресении в ипостаси нового Диониса. В отличие от Иванова, Ницше (как и его последователи в культуре русского модернизма) не придавал ключевого значения мистериальной составляющей дионисийского мифа.

² *Disiecta membra* – лат. «разъятые члены». Это выражение взято Ивановым из «Сатир» Горация (I, 4, ст. 61) [5. S. 213]. Иванов употребляет это выражение в переписке с Гербертом Штейнером [5. S. 213] и Е.Д. Шором [6. С. 351, 399].

1902 г., т.е. параллельно изучению дионисийских культов и орфизма в Афинах и под влиянием этих штудий¹. Для понимания специфики этих циклов важно признание, которое, видимо со слов самого Иванова, делает Зиновьева-Аннибал: «В Афинах впервые наука примирилась и вступила в союз любовный с поэзией» [7. Т. 1. С. 726].

Книгу «Кормчие звезды» составили произведения, написанные Ивановым с середины 1880-х гг. до 1902 г. Она была сдана в типографию А.С. Суворина летом 1900 г. [8. С. 232; 9. С. 349]. Однако процесс печати оказался довольно длительным и тянулся до осени 1902 г. ввиду перманентных изменений, которые вносил Иванов. В январе 1901 г. И.М. Гревс пересылает корректуру книги Иванову в Женеву [8. С. 231], но летом 1901 г., находясь уже в Афинах, Иванов предпринимает коренную переделку уже набранной книги. Из редактирования и перекомпоновки текстов эта переделка перерастает в расширение структуры. В письме М.М. Замятниной 21 августа 1901 г. Зиновьева-Аннибал отмечает, что «сборник пришел в корректурах весь отпечатанный с предисловием» [7. Т. 1. С. 729], а в письме Гревсу 5 сентября 1901 г. сообщает, что Иванов «с огромной продуктивностью работал над сборником, доканчивал замышленное, [перебирал старое, дополнял] и написал много нового и перебрал весь порядок сборника, выпустив много старого, так что книга стала новой. Она теперь совсем закончена и лежит у нас вся в корректурах» [8. С. 233–234].

Афинскими «новеллами» «Кормчих звезд» стали как раз циклы «Evia» и «Suspiria». О замысле цикла «Suspiria» говорится в январе, а об «Evia» – в марте 1902 г. [7. Т. 2. С. 174, 318]. В апреле 1902 г. Иванов читает в семейном кругу эти два цикла и дает свои объяснения. М.М. Замятнина называет их «целой философией, целым мировоззрением» [7. Т. 2. С. 444].

В книге «Кормчие звезды» мистериально-дионисийский сюжет имеет свою специфику: он представлен мозаично, как бы отдельными осколками-пазлами, как *disiecta membra*. Такая форма репрезентации мистериально-дионисийского сюжета характерна не столько для отдельной книги стихов Иванова, сколько для всех его лирических текстов. В творчестве Иванова мы не найдем ни одного стихотворения, в котором мистериально-дионисийский сюжет был бы представлен более или менее полно. В завершенной форме (непосредственно или в трансформированном виде) он появляется только в крупных произведениях: поэмах, трагедиях. Лирические же тексты содержат от одного до трех мотивов, составляющих мистериально-дионисийский сюжет. Это связано со структурными особенностями лирического текста, которые сам Иванов осознавал: «Лирическое стихотворение обычно является соединением двух или трех основных мотивов – мыслей или образов» [2. С. 203].

¹ Мистериально-дионисийские мотивы появляются также в других циклах первой книги лирики Иванова, таких, как «Дистихи», «Дионису», но гораздо реже, чем в последних двух циклах, можно сказать, спорадически.

Основная интенция «Кормчих звезд» довольно удачно сформулирована итальянским ивановедом Стефано Каприо. По его мнению, первая книга лирики Иванова выражает «экзистенциальную потребность в прозрении относительно природы через миф и экстаз языческого видения» [10. С. 105]. То, что Каприо называет «мифом и экстазом языческого видения», и есть в нашей терминологии мистериально-дионисийский сюжет. Другими словами, в «Кормчих звездах» Иванов смотрит на природу сквозь мистериально-дионисийский сюжет.

Disiecta membra мистериально-дионисийского сюжета в книге «Кормчие звезды»

В стихотворении «Земля» (цикл «Дионису»), которому Иванов предпосылает, актуализируя мистериальные мотивы, эпиграф из орфического гимна «Все это – члены Пана», присутствуют две ипостаси Диониса – Дионис растерзанный и новый Дионис, отождествляемые с Христом распятым и Христом воскресшим: *И не Земля, – дети, вам мать – Голгофа / С одного дня, как распят Он, – / С одного дня, как Немезидой неба / Распят по мне великий Пан!...; Братья! тогда лоно Земли лобзайте, / Плачьте над ней: «О, мать, живи!...» / – «Бог твой воскрес!» благовестить дерзайте: / «Бог твой живет — и ты живи!...»* [11. С. 551].

Это парное сопоставление «Дионис растерзанный – Христос распятый» и «новый Дионис – воскресший Христос» является константами ивановской интерпретации мистериально-дионисийского сюжета. Христианизация орфико-дионисийского мифа – один из топосов ивановского творчества. Мотивы жертвенной смерти и воскресения Пана – Диониса – Христа актуализируют общую семантику сюжета нисхождения (растерзания) и сюжета восхождения (возрождения), на которые, напомним, распадается мистериально-дионисийский сюжет.

В стихотворении «Тихий фиас» (цикл «Дистихи») представлен мотив первородного греха титанов (убийство Диониса), который наследуется людьми как их потомками: *Бремя груди тесной – тяжелую силу – Титаны / Вылили в ярой борьбе: внуки выносят в себе* [11. С. 641].

Этот мотив отсылает нас к третьей, мистериальной, триаде сюжета нисхождения.

В стихотворении «Демон» дух, властвующий над человеческой личностью, наделен титаническими чертами (стихийность, неразумность, слепота, мстительность, семичастность): *В духе людском недвижно царит обитатель незримый, / Чьим послушный толчкам слепо бредет человек. / К лучшему знает он путь, и путь он знает в погибель; / Но не противься ему: он седмерицею мстит* [11. С. 641].

Число семь указывает на титаническую природу человеческого демона, поскольку во время примордиального жертвоприношения титаны разделяют Диониса на семь частей. «На семь частей раздробили они убиенного

сына... говорит богослов о титанах, как и Тимей разделяет его (т.е. тело Диониса и тело космоса, по которому распростерта Мировая душа. – Л.К.) на семь частей. Также, пожалуй, и распростертость души по всему космосу напоминает орфикам о титаническом разделении» [12. С. 168].

По мнению Иванова, орфики заимствуют из Египта жертвенную символику седмерицы, восходящую к мифу об Осирисе и Исиде: «Они узнали, что цельный состав седмичен и что расчленение есть разъятие седмицы, а восстановление седмицы в единстве – возрождение, что отразилось в числовом принципе мифа о титанах и института герэр» [13. С. 174].

В стихотворении «Демон» говорится о титанизме как неотъемлемой черте человеческой личности, которая является закономерным итогом первородного греха человечества, антично-языческим выражением которого является миф о растерзании Диониса. Это значит, что Иванов вновь отсылает нас к третьей триаде сюжета нисхождения.

Мистериально-дионисийские образы и мотивы присутствуют в четырех стихотворениях цикла «Еvia»: «Светоч», «Возрождение», «Цари», «Гиппа».

В стихотворении «Светоч» изображаются менады, которые, подобно вакханкам у Еврипида, спят в изнеможении после совместных радений. Сонм менад-факелоносителей (*рдеющий бор, веющий хор, зарево гор*) является символическим аналогом мириад звезд (*севы огней, искристый дождь, огненный систр реющих звезд*). Дионис предстает здесь как *светоч двоезарный* (*Свой ты теням, / Солнцам – ты свой*) [11. С. 685], т.е. дневное и ночное Солнце, движение которого по небосводу символически толкуется как возрождение, страстной путь, смерть и новое рождение: *Раздирай / Ризу ночей <...> Смертию смерть, / Бог, поборай! / И до зари, / Феникс, гори! / К ней, пир очей, / Крылья лучей, / К ней простирай! / В ней догорай!.. / С ней умирай, – / Рай!..* [11. С. 684].

«В качестве бога страдающего и умирающего, Дионис преимущественно отождествляется с солнцем зашедшим и невидимым, светилом темного царства и сени смертной <...>. Аполлон – дневное, Дионис – ночное солнце, светящее в нижней полусфере, по священному преданию в Элиде, так формулированному, вероятно, под дельфийским влиянием, но коренящемуся, по-видимому, в местном веровании в Диониса подземного – владыку отшедших и солнце теней» [13. С. 165].

Здесь мы получаем указание не на какой-то конкретный момент мистериально-дионисийского сюжета, а на два сюжета внутри него в целом: Дионис как ночное солнце является действующим лицом сюжета восхождения и воскресения, а как дневное солнце – сюжета нисхождения, жертвенной смерти.

В дифирамбе «Возрождение» Дионис предстает как бог палингенесии, воскресения. Это выражается с помощью изоморфизма астральной и солярной символики: звезды оказываются символом Диониса расчлененного и душ умерших, а солнце – Диониса воскресшего и душ возрожденных: *Но не умрете вы, / Не прозябнув / Для жатвы Божьей / На ниве Ночи родимой, /*

Звездные севы! [11. С. 684]. *В буре братских сил, / Окрест солнц, / Мчит он жертву горящую / Земли страдальной!..* [11. С. 688].

Здесь Иванов опирается на суждения Плутарха: «Миф о Дионисовых страстях расчленения содержит тайное учение о пакирождении» [13. С. 175]. В Дионисе антиномически сочетаются начала смерти и воскрешения. Растерзание Диониса есть не только его смерть, но и одновременно новое творение, возрождение: «Растерзание (*diaspasmós*) и расчленение (*diamelismós*) первого Диониса не есть только отрицательный момент в мировом процессе. Эта вольная жертва есть божественное творчество; она именно и создала этот мир» [13. С. 178].

Стихотворение «Цари»¹ развивает мотив возрождения, связывая его с ключевым мотивом мистериально-дионисийского сюжета – титанического растерзания Диониса. Так, в произведении описывается пир семи царей – прозрачное указание на число титанов и число частей, на которые был расчленен Дионис. Причем участники пира называются *царями гробниц*, т.е. действие мыслится в подземном мире смерти. Дионис является в образе своего служителя Мелампа:

«Входит в чертог Меламп, и возрадовались мужи на старца, и вскричали: «Привет, ухо чуткое! Радуйся, боговещий!»

Говорит Адраст: «Счастлив ты, что не венец золотой на челе твоём, а золотой вкруг чела облак».

И Амфиарай: «Тебе пить кубок, уготованный гостю, святой богу».

Поднял Меламп кубок восьмой, – и вот, облако золотое над кубком, и кубок держит Дионис влажноокий!» [2. С. 689].

Подземные цари-титаны, увидев Диониса, сбрасывают свои личины, выходят за границы своей индивидуальности, убивают друг друга, а затем возрождаются в новых личинах.

Таким образом, мы вновь констатируем совмещение мотивов третьей триады сюжета нисхождения и третьей триады сюжета восхождения.

Стихотворение «Гиппа» – одно из важнейших произведений в контексте как цикла «*Evía*» и книги «Кормчие звезды», так и всего мистериально-дионисийского сюжета. В этом тексте представлен финал мистериально-дионисийского сюжета, а именно третья, сотериологическая, триада сюжета восхождения. Гиппа – это символ спасенной Мировой души, вместившей в себя Диониса.

Стихотворение состоит из четырех частей, в нем попарно чередуются песни Гиппы и хора. Первая часть – призыв Диониса снизойти в колыбель-кошницу Гиппы. Во второй хор выражает предчувствие явления Вакха. В третьей описывается процесс нисхождения Диониса и его мистического соединения с Гиппой. Четвертая – описание состояния Гиппы после соединения с Дионисом.

¹ Подробнее об этом тексте см.: [14].

Создавая образ Гиппы, Иванов опирается на Комментарий Прокла к диалогу Платона «Тимей», откуда берется первый эпиграф к стихотворению (Procl. In Tim. II, 407.29–408.01). Значительная часть образов и мотивов ивановского произведения объяснима в свете неоплатонического комментария к «Тимею».

Прежде всего, Гиппа Прокла есть Мировая душа, Душа всего (τοῦ παντός οὐσα ψυχή). В стихотворении Иванов использует формулировку «душа дыханий» [11. С. 692]; как о Мировой душе о Гиппе говорится в «Дионисе и прадиионисийстве» [13. С. 177].

Кроме того, Гиппа является кормилицей Диониса, «одной из фригийских пестуний Вакха» [13. С. 98; 15. S. 2666]. Эта трактовка опирается не на Прокла, а на орфические гимны №48, 49: *Гипту, кормилицу Вакха, кричащую «эйа», я кличу, / Ту, что, ликуя, Сабазия¹ чистого таинства правит, / Пляшет в ночных хороводах широкогрудящего Вакха* [16. С. 229].

В качестве пестуны Диониса Гиппа носит на голове колыбель с младенцем Вакхом: *Я колыбель, я колыбель-кошницу / На голове, Гиппа, несу* [11. С. 692].

Основной сюжет, связанный с Гиппой, изложен у Прокла: Ἡ Ἰππα, τοῦ παντός οὐσα ψυχή, λίκνον ἐπὶ κεφαλῇς θεμένη καὶ δράκοντι αὐτὸ περιτέμψασα ὑποδέχεται Διόνυσον (Procl. In Tim. II, 407.29–408.01). Иванов дает такой перевод: «Гиппа, душа всего (вселенной), колыбель на главу возложив и змием обвив, приемлет Диониса» [13. С. 98]. Эти строки и становятся эпиграфом к стихотворению. Первая часть стихотворения является образным воплощением этого эпиграфа: *Я колыбель, Гиппа – душа дыханий, / Я колыбель богу несу. / Ты в колыбель, бог, низойди, рожденный! / И на главе моей почий! <...> Кольцами змей я колыбель-кошницу, / Кольцами змей вокруг увила* [11. С. 692].

Дионис оказывается в корзине Гиппы, нисходя от Зевса, из бедра которого он является на свет: *О, Дионис! отчих из чресл рожденный! / Ты в колыбель, бог, низойди!* [11. С. 692].

Это место объясняется как неоплатоническим комментарием, так и орфическими гимнами. Прокл говорит о том, что Дионис устремляется к Гиппе из бедра Зевса: ὁ δὲ ἀπὸ τοῦ μηροῦ τοῦ Διὸς προεῖσιν εἰς αὐτήν (Procl. In Tim. II, 408.3–4). В гимне № 48 говорится, что Сабазий вынимает Диониса из бедра Зевса, после чего тот соединяется с Гиппой в священном служении: *Ты Диониса, шумливого Вакха, ты Эйрафиота / Вынул на свет из бедра, дабы он, посвященный, явился / С Гиппой прекраснolanитной на Тмол, священный и славный* [16. С. 228].

Но у Иванова Гиппа является не только пестуньей Вакха, которая несет на голове колыбель с божественным младенцем, но и цветком, который, вырастая из темной земли, устремляется к небу: *Стеблем цветка я поднялась из сердца / Темной земли – тебя приять! <...> Се, я из тьмы, Гиппа – душа, возникла / Стеблем цветка – нести свой цвет!..* [11. С. 692].

¹ Сабазий – фригийский бог, ипостась Диониса воскресшего.

Если говорить точнее, то Гиппа уподобляется стеблю цветка, а сам цветок, его бутон – рожденному Дионису: *Ты в колыбель, бог, низойди, рожденный! / И на главе моей почий! <...> Стебель застыл, светлый цветок лелея...* [11. С. 692–693].

Создавая образ Гиппы как мистического мирового цветка, Иванов опирается не на неоплатоническую традицию, а непосредственно на Платона. Образ Гиппы соотносится с небесным цветком (φυτόν οὐράνιον), который появляется в финале диалога «Тимей» (Ті. 90а). Высшая часть души, обитающая в голове, «устремляет нас от земли к родному небу (ἐν οὐρανῷ συγγένειαν) как небесное, а не земное порождение (φυτόν οὐκ ἔγγειον ἀλλὰ οὐράνιον); и эти наши слова были совершенно справедливы, – ибо голову, являющую собою наш корень, божество простерло туда, где изначально была рождена душа, а через это оно сообщило всему телу прямую осанку» [17. С. 497].

Платонический образ Гиппы как небесного цветка и неоплатонический образ Гиппы как менады – пестуны Вакха, которая несет на голове колыбель с божественным младенцем, имеют общий знаменатель: оба указывают на то, что Гиппа есть Мировая душа, которая отождествляется с Дионисом как Мировым умом (ἐγκόσμιος νοῦς) (Procl. In Tim. II, 408.3, 11).

Гиппа вписывается в мистериально-дионисийский сюжет. Она противопоставляется титанам, которые соединяются с Дионисом насильственно, Гиппа же – благоговейно, в любви. Титаны разрывают Диониса, Гиппа же стремится к воссоединению. Гиппа – это творение, стремящееся к обожению, соединению с новым Дионисом (Христом воскресшим) и достигающее его.

Это становится ясно при сопоставлении стихотворения Иванова с интерпретацией Гиппы в книге «Дионис и прадионисийство». «Чтобы выйти из своего состояния противоборства и раскола, она (душа. – Л.К.) должна приять в себя Диониса, взлелеять его, как пестунья Вакха, уподобляясь в этом тайнодействии Гиппе неоплатонического и орфического мифа» [13. С. 177]. «Гиппа именно знаменует „душу, причастную разума Дионисова“ и устремляющуюся к „духовному образу“», – пишет Иванов [13. С. 178], ссылаясь на Комментарий Прокла (Procl. in Tim., III, 198.8-9).

Мифологический сюжет, связанный с Гиппой, противопоставляется третьей триаде сюжета нисхождения и в качестве третьей триады сюжета восхождения становится позитивным разрешением мистериально-дионисийского сюжета в целом.

Таблица 3

Связь Гиппы с мистериально-дионисийским сюжетом

3-я триада сюжета нисхождения	3-я триада сюжета восхождения
Дионис (божественная жертва)	Зевс-Дионис (Мировой ум)
Титаны (жрецы, жертворастерзатели)	Гиппа (Мировая душа)
Титаны, поглотившие Диониса и сожженные его огнем (тождество жреца и жертвы)	Обоженная Гиппа = новый Дионис (единство Мировой души с Мировым умом)

Теперь рассмотрим цикл «*Suspiria*», где мистериально-дионисийские мотивы появляются в стихотворениях «Песнь Разлуки», «*Pietà*», «Жертва» и «Тебе благодарим».

О. Шор называет цикл «*Suspiria*» «рассказом в стихах о пережитой встрече со смертью. <...> Разорванность вещей, оторванность от родимого, разлука всего со всем – Разлука вселенская» [18. С. 53–54].

Стихотворение «Песнь разлуки» содержит образ растерзанного Диониса (*осколки бога – обломки мира*). Ощущение вселенской разлуки и есть результат растерзания бога титанами: <...> *во мшистой глуши / Сводчатой роици, / Осколкам бога / Плющ с повиликой / Да терен дикий / Ткут однотканый / Саван зеленый* [11. С. 697].

Стихотворение «*Pietà*» играет важнейшую роль в формировании мистериально-дионисийского сюжета. Во-первых, в авторских примечаниях к тексту произведения Иванов впервые печатно (в эпистолярной она встречалась ранее) эксплицирует орфико-дионисийскую мифологию. Происходит это при разъяснении образа «тени сна», который Иванов ошибочно атрибутирует Пиндару (об этом ниже) и соединяет с мистериально-дионисийским сюжетом: *И я, тень сна, Титанов буйных племя, / Их непл живой* [11. С. 702]. Иванов дает такой комментарий к этому стиху: «По орфическому мифу, люди возникли из праха Титанов, испепеленных Зевсом за растерзание и пожирание Диониса» [11. С. 861].

Стихотворение «*Pietà*» [11. С. 702] достойно подробного разбора, поскольку в нем представлены некоторые важнейшие лейтмотивы и лейтмотивы ивановской лирики. Мистериально-дионисийский сюжет обретает здесь космологическое и мистико-антропологическое измерение и соотносится с макрокосмическо-микрокосмическим сюжетом.

«*Pietà*» построена на астральной образности и ее мистико-символическом осмыслении. Прежде всего задается картина звездного неба: *Алканьям звезд из темных недр эфира / Дано мерцать*. И тут же эта картина получает мистико-символическое углубление: *Да – прах земли – вместим Разлуку Мира / Мы созерцать*. Разлука Мира – результат растерзания Диониса. В этом контексте словосочетание «алканья звезд» указывает на титаническую природу. И множество звезд, рассеянных по небосводу, становятся символом титанического множества, раздробившего единый божественный Свет – Солнце-Диониса: *Ах! разлучен в нецельных светов много / Единый Свет!*

Вспомогательная астральная символика у Иванова. В статье «Спорады» поэт посвящает целый параграф осмыслению символика звездного неба. Оно понимается как антиномическое единство макрокосма и микрокосма, дионисийски-божественного и титанически-человеческого. «Никогда макрокосм и микрокосм не утверждаются в более наглядном противопоставлении и в то же время в более ощутительном согласии» [19. С. 130]. В этом единстве есть два аспекта – тождество и различие, а само это единство дано как самотождественное различие. Дионисийский макрокосм и титанический

микрокосм едины и тождественны. Микрокосм, «созерцая безграничный мир, говорит ему: “ты – я”, с тем же правом, с каким Дух Макрокосма, озирая себя бесчисленными своими очами, говорит человеческой монаде: “ты – я”» [19. С. 130–131]. Иванов возводит символ звездного неба к категории множественного единства. В то же время звездное небо выражает различие между микрокосмом и макрокосмом, которое фиксируется в категории разъединенного множества. Это «начало раскола и обособления». В символе звездного неба делается акцент на бесконечности того множества, которым усыпано небо, и обособленности каждой звезды, как микрокосмической монады, друг от друга и от целого, т.е. макрокосма.

Иванов использует оба аспекта символики звездного неба. Как разъединенное множество, оно символизирует растерзание Диониса. В этом случае звезды – части его растерзанного космического тела, титаны, исполнившиеся дионисийскими энергиями, и одновременно сонм душ, которых Дионис низводит в мир мертвых. Как множественное единство, звездное небо – символ Диониса воскресшего, возводящего души умерших из мира мертвых в мир живых, а также соборное множество преображенных дионисийскими энергиями титанических существ (их Иванов называет пламенниками).

Темное небо, глубоким лоном обнимающее раздробленное множество звезд, соотносится с Изидой, которая ищет растерзанные члены Осириса, Богородицей, оплакивающей снятого с Креста Христа, и с Мировой душой, обнимающей все сущее. *Вселенская Изида, вождь алканий, / Любовь! Тебя / Да познаём в путях твоих исканий, / С тобой скорбя, / Ища с тобой растерзанного Бога / Нетленный след... От века Он, безжизненный, – на лоне / Тоски твоей, / О, Темная на звездном небосклоне! / О, Мать Скорбей!*

Иванов отмечает, что «Темная» – один из эпитетов Изиды [11. С. 861]. На богородичную символику указывает само название «Pietà» (скульптурная композиция, изображающая Богородицу, оплакивающую умершего Христа). А вот образ «темное небо → Душа Мира» задается такими строками: *О, систр миров, и плектрон воздыханий! / Вся Красота, / Одна Душа бесчисленных дыханий.* Тождество Мировой души с растерзанным Дионисом является достоянием орфико-неоплатонической традиции, восходящей к космологии платоновского «Тимея». Подобно растерзанному Дионису, круг иного, по которому платоновский Демиург распределяет Мировую душу, делится на семь частей, расстояния между которыми подобны музыкальным интервалам¹. Отсюда – идея музыки сфер и образ систра и плектрона, связанных со звездным небом как Мировой душой.

В отрывке «О многобожии» Иванов обнажает мужеженский характер символики растерзания Диониса: «Сознать себя в растерзанных частях Единого значит соединиться с Сыном Божиим, Дионисом, в существе, и с Изидою-Деметрою в искании: с тем – в страдании разделения и распятия, с этою – в любви и тоске сердца, седмижды прободенного» [20. С. 38]. Этот

¹ Об орфико-неоплатоническом понимании Мировой души см.: [12. С. 162–174; 21. С. 40–66; 22. С. 707–730].

отрывок разъясняет двойственность символики звездного неба, которое одновременно и Дионис – Осирис – Христос и Мировая душа – Изиды – Богородица.

Итак, как видим, «Pietà» строится с помощью мотива растерзания Диониса (Осириса, Христа), женским коррелятом которого является мотив скорби Мировой души – Изиды – Богородицы над умершим богом.

Таков макрокосмический план произведения. Он дополняется микрокосмическим. Лирический герой идентифицирует себя с титанами, растерзавшими Диониса: *И я, тень сна, титанов буйных племя, / Их пепл живой, – / Несу в груди божественное семя.* Здесь актуализируется еще один мотив, входящий в мистериально-дионисийский сюжет и разрабатываемый Ивановым в трагедии «Прометей», – создание человека из пепла титанов¹.

Завершается стихотворение отождествлением божественного и человеческого, жертвенно-дионисийского и титанического, макрокосмического и микрокосмического: *Услышь (– и здесь Его свершились муки, / И умер Он! –) / Мой страстный вопль разрыва и разлуки, / Мой смертный стон!*

Остановимся на образе «тени сна», который подчеркивает эфемерность человеческой сущности и сопоставляется с титаническим началом. Как указывает сам Иванов, этот образ взят им из VIII Пифийской оды, стих 96, однако там образ несколько иной: *Одnodневки, что – мы? что – не мы? Сон тени – человек* (σκιάς ὄναρ ἄνθρωπος) [24. С. 101–102]. Точную цитату из Пиндара Иванов приводит в статье «Древний ужас» [19. С. 108]. Образ же «тени сна» происходит из трагедии Эсхила «Прометей прикованный»: *Словно тени снов, / Туманных, смутных, долгую и темную / Влачили жизнь* [25. С. 248]. В памяти Иванова пиндаровский и эсхилевский образы совмещаются.

Более того, образ «тень сна» оказывается дорог Иванову. В книге «Достоевский. Трагедия – миф – мистика» Иванов использует его при описании «солипсического нигилизма» ряда героев Достоевского, подверженных отчуждению от ближних и замыкающихся в собственном отъединении: «Напрасно будет тогда натянутый лук моей воли окрылять стрелу моей любви, направленной к чужому Я: она снова и снова будет возвращаться ко мне, вонзаться в меня, описав круг в пустоте, где нет ничего более реального, кроме моего Я, этой бессущностной тени сна» [26. С. 32]. С помощью образа «тень сна», отсылающего к стихотворению «Pietà», Иванов соотносит «солипсический нигилизм» как сущность героев Достоевского люциферического типа с титаническим бытием.

Следующее стихотворение цикла «Suspiria» «Жертва» развивает мотивы, данные в «Pietà». Здесь тоже утверждается единство микрокосма и макрокосма, слияние титанического с дионисийским, человеческого с божественным, с одним отличием: это единство реализуется не в смерти, а в воскресе-

¹ Иванов, опираясь на Павсания, совмещает два мотива – создание человека из пепла титанов и творение человека Прометеем путем лепки из глины [23. С. 201–204].

нии, которое следует за жертвенной смертью: *И пригвожден (о, чудо снисхожденья!) / На крест небес, / Умерший в них (о, солнце возрожденья!) — / Он в них воскрес!..* [11. С. 703].

Образ «крест небес» отсылает нас к платонической космологии. Мировая душа, создаваемая Демиургом в «Тимее», имеет крестообразную структуру, состоящую из Х-образного пересечения кругов тождественного и иного, которые задают сферу неподвижных звезд и семичастную сферу планет. Мировая душа, распределенная по семи планетарным кругам, в орфико-неоплатонической традиции отождествляется с растерзанным Дионисом. Иванов создает синкретичный образ, совмещающий в себе элементы христианства (крест, пригвождение, смерть на кресте, воскресение) и орфического дионисийства (небесный крест, смерть и воскресение).

Умершие с Христом-Дионисом обретают с Ним и через Него воскресение.

Но для этого текста важны не мотивы смерти и воскресения сами по себе, а их соотношение с темой любви (*Кана душ, слиянье двух*). Преодоление целлюлярности земной любви может быть дано только через общую взаимную любовь к Третьему. Он проводит любящих через смерть и тем самым уничтожает их обособленность, а затем воскрешает их, создавая новую форму единства в любви. Здесь мы — задолго до жизнетворческих экспериментов, связанных с тройственными союзами, — уже встречаем идею тройственного брака, при котором два титанических существа достигают апогея любви в общей дионисийской сущности, стирающей грани индивидуации и сопрягающей две души в одну¹: *И снится двум, в юдоли Разделенья, / Единый сон, — / Двум алчущим — над звездами Разлуки — / Единый лик* [11. С. 703].

Две любящие души символизируются звездами, множественность и разделенность которых придает им титаническую окраску (отсюда — разделение, разлука, алкание). Звездное небо — символ Диониса растерзанного, умершего. Единый лик, стоящий за астральным светом, — это свет солнечный, рассыпающийся на звездные осколки. Рассвет, новое явление Солнца, соотносится с воскресением умершего бога, который собирается из осколков света в единый свет. Слияние титанически разделенных существ с Дионисом-Солнцем, как Новым Светом, становится залогом преодоления ограниченности земной любви, которая подразумевает всегда обособленность двух любящих существ: *Свершилась двух недостижимых встреча, / И дольний плен, / Твой плен, Любовь, одной Любви предтеча, / Преодолен!* [11. С. 703].

Но обретается это единство в любви ценой жертвы, смерти, потери себя, трансценсуса как преодоления уз индивидуации: *О, Кана душ! О, в гробе разлученья — / Слиянье двух! / Но к алтарям горящим отреченья / Зовет вас Дух!* [11. С. 703].

Необходимо отдать Дионису-Христу свою сущность (сердце, кольцо), чтобы обрести этот дар единства: *Дар золотой в Его бросайте море / Своих колец: / Он сохранит в пурпуровом просторе / Залог сердец...* [11. С. 703].

¹ Концепция тройственных браков тоже осмысливается Ивановым в категориях мистериально-дионисийского сюжета [26].

Итак, данный текст строится на двух мотивах, связанных с мистериально-дионисийским сюжетом: 1. Растерзание Диониса (звездное небо). 2. Воскресение Диониса (восход Солнца). С этими мотивами переплетаются любовные мотивы – преодоление границ земной любви через жертвенную смерть с Дионисом-Христом и обретение новой духовной глубины в любви через слияние с Дионисом-Христом воскресшим.

Стихотворение «Тебе благодарим», заключительное в цикле «*Suspiria*», тоже строится на мистериальном мотиве растерзания Диониса, который, почти как всегда, подвергается у Иванова христианизации и синтетически вбирает христианско-литургическую образность. Она задается самим названием: «Тебе благодарим» – часть литургического песнопения, которое сопровождает освящение Святых Даров – вина и агнца, т.е. специальным образом приготовленной просфоры, лежащей на дискосе, который символизирует Гроб Господень: «Тебе поем, Тебе благо славим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш». *Бог страждущий, чьей страстной Чаши жаждем* [11. С. 705] – это Христос, а страстная Чаша – это не только метафора страданий, но и литургический Потир, стоящий на алтаре во время освящения Святых Даров.

Из всех стихотворений цикла «*Suspiria*» здесь христианская образность представлена больше всего: *Потир, Крест, с Собой на Древе разлученный, оцт, с нами Бог*. Однако Иванов и тут вкрапляет орфико-дионисийскую образность: *Ночь во все концы пронзают / Лучи Креста* [11. 704]. Образ лучей креста, которые пронзают Ночь, очевидно, является астральным. Лучи Креста – это свет звезд, своей формой напоминающий крест. Этот образ вновь отсылает нас к орфико-неоплатоническому пониманию Х-образной структуры Мировой души в «Тимее» Платона.

Выводы

1. В книге «Кормчие звезды» происходит первая художественно-поэтическая экспликация мистериально-дионисийского сюжета, который до тех пор был представлен в эпистолярной Иванова и его дружеских стихотворениях на случай.

2. Хотя мистериально-дионисийский сюжет получит свое окончательное выражение только в 1907 г. в поэме «Сон Мелаппа», первая книга лирики Иванова (1903) содержит в себе свидетельства, что этот сюжет уже присутствует имплицитно в творческом сознании поэта.

3. В лирических текстах мистериально-дионисийский сюжет представлен особым образом. В стихотворениях содержится только два-три мистериально-дионисийских мотива или образа и никогда не предстает весь сюжет целиком. Эти мотивы тяготеют к двум триадам мистериально-дионисийского сюжета – мистериальной (растерзание Диониса как вселенское грехопадение) и сотериологической (искупление человечества через его воссоединение с Дионисом воскресшим).

4. Мистерияльно-дионисийский сюжет в «Кормчих звездах» эксплицируется с помощью астральной символики. При этом она предстает антиномически: как разьединенное множество звездное небо наполняется мистерияльными смыслами (растерзание Диониса), а как единство во множестве – сотериологическими (воскресение Диониса).

Список источников

1. Иванов Вячеслав. Прометей : трагедия. Петербург : Алконост, 1919. XXV+82 с.
2. Иванов В.И. Собрание сочинений. Брюссель : Foyer Oriental Chrétien, 1974. Т. 2. 852 с.
3. Каяниди Л.Г. Генезис архетипического дионисийского сюжета у Вячеслава Иванова // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 109–122.
4. Силард Л. «Орфей растерзанный» и наследие орфизма // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб., 2002. С. 54–101.
5. Ivanov Vjačeslav. Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass / ed. Michael Wachtel. Mainz: Liber Verlag, 1995. 319 S.
6. Сегал Д., Сегал (Рудник) Н. «Ну, а по существу я ваш неоплатный должник»: Фрагменты переписки В.И. Иванова с Е.Д. Шором // Символ. 2008. № 53–54. С. 338–403.
7. Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия. Переписка: 1894–1903. М. : Новое литературное обозрение, 2009. Т. 1. 752 с.; Т. 2. 568 с.
8. История и поэзия: Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / изд. текстов, исслед. и коммент. Г.М. Бонгард-Левина, Н.В. Котрелева, Е.В. Ляпустиной. М. : РОССПЭН, 2006. 447 с.
9. Переписка Вяч. Иванова с А.В. Гольштейн: публ., вступ. ст. и коммент. М. Вахтеля, О.А. Кузнецовой // Studia Slavica Hungarica. 1996. № 41. С. 335–376.
10. Каприо С. У истоков современного спиритуализма: наследие Ф. Ницше // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2. СПб., 2016. С. 92–108.
11. Иванов В.И. Собрание сочинений. Брюссель : Foyer Oriental Chrétien, 1971. Т. 1 872 с.
12. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М. : Учпедгиз, 1957. 620 с.
13. Иванов В.И. Дионис и прадионисийство. Баку, 1923. VII + 304 с.
14. Каяниди Л.Г. Мифологический субстрат поэмы «Сон Мелампа» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 161–184.
15. Roscher W.H. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. B. I, I. Leipzig : Teubner, 1884–1890. 3024 S.
16. Античные гимны / под ред. А.А. Тахо-Годи. М. : МГУ, 1988. 362 с.
17. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.
18. Шор О.А. Введение // Иванов В.И. Собрание сочинений. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 7–227.
19. Иванов В.И. Собрание сочинений. Брюссель, 1979. Т. 3. 896 с.
20. Иванов В.И. О многобожии // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 33–39.
21. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / изд. подгот. А.В. Лебедев. М. : Наука, 1989. 576 с.
22. Лосев А.Ф. Теогония и космогония // Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 681–881.
23. Каяниди Л.Г. Трагедия Вячеслава Иванова «Прометей» в свете античной натурфилософии (Парменид, Эмпедокл, Платон, Плутарх) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 73. С. 191–208.

24. Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М. : Наука, 1980. 503 с.
25. Эсхил. Трагедии в переводе Вячеслава Иванова. М. : Наука, 1989. 592 с.
26. Иванов В.И. Достоевский. Трагедия – миф – мистика / отв. ред. А.Б. Шишкин, О.Л. Фетисенко. СПб. : Пушкинский Дом, 2020. 476 с.
27. Каяниди Л.Г. Вячеслав Иванов между Данте и Дионисом: визионерский опыт поэта 1908 года и проблема тройственных союзов// Studi Slavistici. 2021. Т. 18, вып. 2. Р. 57–76.

References

1. Ivanov, Vyach. (1919) *Prometey. Tragediya* [Prometheus. Tragedy]. Petersburg: Alkonost.
2. Ivanov, V.I. (1974) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Brussels: Foyer Oriental Chrétien.
3. Kayanidi, L.G. (n.d.) Genezis arkhетipicheskogo dionisiyskogo syuzheta u Vyacheslava Ivanova [The genesis of the archetypal Dionysian plot in Vyacheslav Ivanov's works]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. [In print].
4. Silard, L. (2002) *Germetizm i germeneytika* [Hermeticism and Hermeneutics]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakh. pp. 54–101.
5. Ivanov, Vjač. (1995) *Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass*. Mainz: Liber Verlag.
6. Segal, D. & Segal (Rudnik), N. (2008) “Nu, a po sushchestvu ya vash neoplatnyy dolzhnik”. Fragmenty perepiski V.I. Ivanova s E.D. Shorom [“Well, essentially I am your unpaid debtor.” Fragments of correspondence between V.I. Ivanov and E.D. Shorom]. *Simvol*. 53–54. pp. 338–403.
7. Ivanov, Vyach. & Zinov'eva-Annibal, L. (2009) *Perepiska: 1894–1903* [Correspondence: 1894–1903]. Vols 1–2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Bongard-Levina, G.M., Kotreleva, N.V. & Lyapustinoy, E.V. (eds) (2006) *Istoriya i poeziya: Perepiska I.M. Greva i Vyach. Ivanova* [History and Poetry: Correspondence between I.M. Greva and Vyach. Ivanov]. Moscow: ROSSPEN.
9. Vakhtel', M. & Kuznetsova, O.A. (eds) (1996) *Perepiska Vyach. Ivanova s A.V. Gol'shteyn* [Correspondence of Vyach. Ivanov with A.V. Holstein]. *Studia Slavica Hungarica*. 41. pp. 335–376.
10. Caprio, S. (2016) U istokov sovremennogo spiritualizma: nasledie F. Nitsshe [At the origins of modern spiritualism: the legacy of F. Nietzsche]. In: Gryakalova, N.Yu. & Shishkin, A.B. (eds) *Vyacheslav Ivanov. Issledovaniya i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and materials]. Vol. 2. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky. pp. 92–108.
11. Ivanov, V.I. (1971) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Brussels: Foyer Oriental Chrétien.
12. Losev, A.F. (1957) *Antichnaya mifologiya v ee istoricheskom razvitii* [Ancient Mythology in Its Historical Development]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR.
13. Ivanov, V.I. (1923) *Dionis i pradionisiystvo* [Dionysus and Pre-Dionysianism]. Baku: 2-ya gosudarstvennaya tipografiya.
14. Kayanidi, L.G. (2023) The Mythological Substratum of Vyatcheslav Ivanov's Poem *Melampus' Dream*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 85. pp. 161–184. (In Russian), doi: 10.17223/19986645/85/8
15. Roscher, W.H. (1884–1890) *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*. Vol. 1. Leipzig: Teubner.

16. Takho-Godi, A.A. (ed.) (1988) *Antichnye gimny* [Ancient Hymns]. Moscow: Moscow State University.
17. Plato. (1994) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Translated from Ancient Greek. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
18. Shor, O.A. (1971) Vvedenie [Introduction]. In: Ivanov, V.I. (1971) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Brussels: Foyer Oriental Chrétien. pp. 7–227.
19. Ivanov, V.I. (1979) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Brussels: Foyer Oriental Chrétien.
20. Ivanov, V.I. (1994) O mnogobozhii [On polytheism]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 10. pp. 33–39.
21. Lebedev, A.V. (ed.) (1989) *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov* [Fragments of Early Greek Philosophers]. Part 1. Moscow: Nauka.
22. Losev, A.F. (1996) *Mifologiya grekov i rimlyan* [Mythology of the Greeks and Romans]. Moscow: Mysl'. pp. 681–881.
23. Kayanidi, L.G. (2021) Vyacheslav Ivanov's Tragedy Prometheus in the Light of Ancient Natural Philosophy (Parmenides, Empedocles, Plato, Plutarch). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 73. pp. 191–208. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/73/11
24. Pindar. (1980) *Vakkhild. Ody. Fragmenty* [Bacchylides. Odes. Fragments]. Translated from Ancient Greek. Moscow: Nauka.
25. Aeschylus. (1989) *Tragedii v perevode Vyacheslava Ivanova* [Tragedies Translated by Vyacheslav Ivanov]. Translated from Ancient Greek Moscow: Nauka.
26. Ivanov, V.I. (2020) *Dostoevskiy. Tragediya – mif – mistika* [Dostoevsky. Tragedy – myth – mysticism]. Saint Petersburg: Pushkinskiy Dom.
27. Kayanidi, L.G. (2021) Vyacheslav Ivanov mezhdu Dante i Dionisom: vizionerskiy opyt poeta 1908 goda i problema troystvennykh soyuzov [Vyacheslav Ivanov between Dante and Dionysus: the visionary experience of the poet of 1908 and the problem of triple alliances]. *Studi Slavistici*. 18 (2). pp. 57–76.

Информация об авторе:

Каияниди Л.Г. – канд. филол. наук, доцент кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета (Смоленск, Россия). E-mail: leonideas@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.G. Kaianidi, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Smolensk State University (Smolensk, Russian Federation). E-mail: leonideas@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022;
одобрена после рецензирования 23.11.2022; принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 15.06.2022;
approved after reviewing 23.11.2022; accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья
УДК 8.811.161.1+82.09
doi: 10.17223/19986645/88/9

О «пофразовом переводе» Ли Сиинем «Слова о полку Игореве»

Цзивэй Ли¹

¹ *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
zwli1563107653@outlook.com*

Аннотация. Предпринята попытка разобрать суть определенного Ли Сиинем переводческого подхода «переводить пофразово». Для осуществления поставленной цели автор рассматривает как отрывок переводного текста, так и элементы паратекста перевода. Элементы паратекста анализируются в двух аспектах – формальном и содержательном. Наблюдаемое противоречие между формальным богатством и содержательной бессистемностью в паратексте интерпретируется с точки зрения влияния на переводчика общего исторического контекста. В обстоятельствах взаимодействия перевода Ли Сииня с переводом его предшественника – создателя первого полного китайского перевода «Слова» Вэй Хуанну – видится причина интереса Ли Сииня к формальному новаторству.

Ключевые слова: перевод, «Слово о полку Игореве», китайский язык, переводческая стратегия, паратекст перевода

Для цитирования: Ли Цзивэй. О «пофразовом переводе» Ли Сиинем «Слова о полку Игореве» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 88. С. 167–195. doi: 10.17223/19986645/88/9

Original article
doi: 10.17223/19986645/88/9

On the “phrase-for-phrase” translation of *The Song of Igor’s Campaign* by Xiyin Li

Ziwei Li¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, zwli1563107653@outlook.com*

Abstract. The second full Chinese translation of *The Song of Igor’s Campaign* was completed by Xiyin Li at the end of the 20th century. In the preface of his work, the translator clearly pointed out his approach to translation, namely, “translate phrase-for-phrase”. The objective of this study was to analyze the essence of his translation approach based on not only the translated text, but also its paratext. The paratext was studied in two aspects, the form and the content. The contradiction between the rich form and the random content was explained by investigating the general historical

influences on the translator. Moreover, the interaction of the paratext of Li's work with that from the first full translation of *The Song of Igor's Campaign* made by Huangnu Wei was taken into account to interpret the reason for Li's pursuit of formal innovation. In order to analyze the translated text, Svyatoslav's "Golden Word" was quoted as an example. Firstly, Li's Chinese translation and its reverse translation into Russian were presented parallelly with the original text reconstructed by V. V. Kolesov and the Old Russian text from Li's translation. Then the semantic equivalence of the original and the target languages was described and compared in linguistic and literary aspects. The analyzed results indicated that Li intended to use circumlocution to make his work different from Wei's. The novelty of this research lies in the approach where translation activity is assessed against the socio-cultural background and from the perspective of interaction among different translators.

Keywords: translation, *The Song of Igor's Campaign*, Chinese language, translation strategy, paratext of translation

For citation: Li, Ziwei (2024) On the "phrase-for-phrase" translation of *The Song of Igor's Campaign* by Xiyin Li. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 88. pp. 167–195. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/88/9

Попытки перевода «Слова о полку Игореве» (далее – «Слово») предпринимались неоднократно. Первый неполный перевод «Слова» на китайский язык был выполнен Мо У и опубликован в 1934 г. [1]. Затем в 1957 г. в Китае появился первый полный перевод древнерусского памятника, осуществленный китайским писателем Вэй Хуанну [2]. В конце XX в. китайский лексикограф Ли Сиинь предложил свой вариант перевода [3] (далее – перевод Ли).

В предисловии к переводу Ли Сиинь заявляет: «В основном я перевожу пофразово (逐句对照翻译), а не дословно (逐字翻译)» [3. С. 12]. Однако, изучая фактический результат, нам сложно определить его подход к переводу в соответствии с традиционной переводческой теорией. Чтобы проанализировать причину данного явления, следует подробно разобрать принципы его работы.

Характеристики, отраженные в паратексте перевода Ли

По определению Жерара Женетта, паратекст является пограничной зоной текста, его образуют весьма разнородные элементы, которые «одновременно принадлежат и не принадлежат собственно тексту», в том числе, «заголовки и подзаголовки, эпиграф, посвящение, авторские после- и предисловия, интервью и критические статьи автора, посвященные объяснению своего произведения, а также и некоторые другие элементы» [4. С. 94]. Теория паратекста играет важную роль в переводческой критике, так как общественная, историческая и культурная среда, отраженная в нем, оказывает значительное влияние на то, как исходный текст воспринимается и обрабатывается переводчиком.

Перевод Ли был издан в 1991 г. и переиздавался в 1999, 2003 и 2018 гг. При всех изменениях в разных версиях паратекст занимает в них подавляющую долю объема. Основываясь на главных идеях паратекста и его основных различиях между разными изданиями, а также на сопроводительных материалах, можно заметить некоторые важные моменты, значимо влияющие на понимание специфики перевода Ли.

1. Формальная организация перевода. На обложке перевода Ли указаны имя переводчика (Ли Сиинь), место (Институт лексикографии Хэйлунцзянского университета, Харбин) и год издания (1991) (рис. 1).

伊 戈 尔 出 征 记

Слово о полку Игореве

(古俄语—汉语对照)

李 锡 胤 译 注

黑龙江大学辞书研究所
哈尔滨·1991

Рис 1. Обложка издания 1991 г. [3]

Более подробная информация о переводчике в издании отсутствует. Но в 1991 г. как раз вышла в свет «Хрестоматия научных статей Ли Сииня» [5], из которой известно, что в это время он был почетным директором, исследователем и научным руководителем Института лексикографии Хэйлунцзянского университета, директором Китайской ассоциации переводчиков и вице-председателем Хэйлунцзянской ассоциации иностранных языков. До этого он участвовал в составлении таких трудов, как «*俄汉成语词典 (Русско-китайский фразеологический словарь¹)*» [6], «*大俄汉词典 (Большой русско-китайский словарь)*» [7], «*俄汉新词词典 (Русско-китайский словарь новых слов²)*» [8]; участвовал в переводе на китайский язык и доработке «*Грамматики русского языка*» (см. [9, 10]), «*Советского энциклопедического словаря*» (см. [11, 12]), работ В.В. Виноградова «*Русский язык. Грам-*

¹ Перевод названия работы указывается по русскому тексту на обложке издания.

² Перевод названия работы указывается по русскому тексту на обложке издания.

матическое учение о слове» [13], Н.М. Шанского «Основы словообразовательного анализа» [14]. Кроме того, он перевел на китайский язык комедию А.С. Грибоедова «Горе от ума» [15], повесть Э. Хемингуэя «Старик и море» [16], научную работу Ж.-Б. Гриза «Современная логика» [17] и др.

Очевидно, что исследовательский интерес ученого касается широкого спектра вопросов и тем. Он переводит не только академические и справочные работы, но и литературные произведения. Есть переводы с разных языков, в том числе и с английского, и с французского, и с современного русского, а если учесть сам перевод «Слова», то и с древнерусского. Более того, в его переводе «Слова» замечается явное пристрастие к древнекитайской поэтике.

Широкий круг интересов ученого побудил его поставить перед собой невероятно сложную задачу: если обычные переводы художественной литературы исходят из культурно-исторических и (или) научно-популярных целей, то Ли Сиинь преследует также цель обучающую и исследовательскую. В отличие от обычного литературного художественного перевода для широкого круга читателей, работа Ли, опубликованная в 1991 г., сначала была издана для внутреннего использования в Хэйлунцзянском университете в качестве учебного пособия по древнерусскому языку. Так, в рецензии на перевод Цзо Шаосин, еще один китайский специалист по исторической грамматике русского языка, использовал для оценки работы Ли определение «перевод исследовательского типа» [18. С. 56].

Предполагаем, что поставленная переводчиком цель объясняет организацию элементов паратекста издания. На обложке работы под названием произведения на китайском и русском языках в скобках и меньшим шрифтом указывается «Параллельный древнерусско-китайский текст» (см. рис. 1). «Слово» представлено в издании 1991 г. с древнерусским текстом на левых страницах и китайским переводом на правых. Для удобства поиска соответствующих примечаний переводчик пронумеровал строки древнерусского текста (нумерация идет с левой стороны) [3. С. 11]. А справа от переводного текста вынесены небольшие объяснения, ключевые для каждого эпизода (рис. 2).

Издание 1991 г. разделено на три части: предисловие, параллельный текст памятника и примечания. После предисловия в качестве приложений добавлены поколенная роспись русских князей, реконструированная по «Краткой поколенной росписи князей до начала XIII века» В.И. Стеллецкого (см. [19]), и карта похода Игоря.

Специальность Ли определяет акцент его работы на лексических особенностях произведения. В издании 1991 г. есть большое количество комментариев, значительная часть которых посвящена грамматическим объяснениям. Как он заявил в предисловии, при наличии базовых знаний по истории и диалектам русского языка произведение может использоваться как набор разнообразных и комплексных упражнений по истории русского языка [3. С. 9].

СЛОВО О ПѢЛКУ ИГОРЕВѢ,
ИГОРЯ, СЫНА СВЯТЬСЛАВЛЯ,
ВНУКА ОЛЬГОВА

Не ѡлѣпоу ли ѡны бѣшеть, брѣтне,
начати старыми словесы
трудныхъ повѣстий о пѣлку Игоревѣ.
Игоря Святъславлича!
Начати ѡ же ѡ ся

5 тои пѣсни
по былы намъ сего ѡ време,е,
а не по замѣшленю Боляно!
Боянъ бо вѣщи
ѣще ѡ кому хотяше пѣснь творити,
то ростекашѣся
10 мѣ сию по ѡ древу,
сбрымъ вѣлкомъ по ѡ земли
сѣзъмъ ѡрломъ по ѡ облакы.
По мняшѣ ѡ бо рѣчь
 първы хъ времѣнь убоищъ.
Тогда пушашѣ

— 14 —

伊戈尔出征记

弟兄们，且听我用从前熟悉的调子，来吟唱 楔子
斯维亚特斯拉夫的公子—伊戈尔出征的
悲惨故事。
我要讲的是真人真事，而不是依照博扬的构
思。

博扬博闻强识：若是他想歌唱谁，思绪就像
松鼠在树上爬行，像狼在野外奔突，像老
雕在云间盘巡。

他一旦想起诸侯内讧，手中就放出十只雄
鹿；抓住哪只天鹅，那天鹅就最先唱歌，
歌唱老亚洛斯拉夫，歌唱当着卡索格兵众

— 14 —

Рис. 2. Первые страницы параллельного текста в издании 1991 г. [3. С. 14]

Эта работа целиком и лишь с небольшой редакторской правкой была переиздана в качестве общедоступной публикации в 2003 г. В этом издании после краткой поколенной росписи и карты похода добавлена еще картина В.М. Васнецова «После побоища Игоря Святославича с половцами». Под картиной отсутствует указание на автора работы, а ее название переведено Ли Сиинем как «伊戈尔战败后的战场一角 (Уголок поля сражения после поражения Игоря)» (см. [20]). Здесь переводчик добавил уточняющее слово «поражение» и опустил название противников («половцы»). «Уголок поля чего-н. (.....的一角)» – привычное выражение в китайском языке. Для китайских читателей, незнакомых с русской историей, эта трактовка не только лаконично указывает на итоги побоища, но и соответствует традициям китайского языка.

Хотя на обложке все еще указано «Параллельный древнерусско-китайский текст», в издании 2003 г. оригинал и его перевод на китайский язык идут отдельно: сначала древнерусский, затем китайский.

В 1999 г. на основании версии 1991 г. было опубликовано другое издание со значимыми изменениями в паратекстах. В издании 1999 г. текст перевода подвергся небольшой редакторской правке. В предисловии и комментариях все оригинальные русские имена заменены на китайские транслитерирован-

ные аналогии. Перевод отрывка Ипатьевской летописи, посвященного истории похода новгород-северского князя, в предисловии к новому изданию сделан более понятным современным китайским языком без использования архаических выражений, как это было в издании 1991 г. (ср. [3. С. 3–9; 21. С. 574–580]). Грамматические комментарии почти полностью убраны. Видимо, данное издание подготовлено специально для любителей литературы и истории, которые не знают (тем более профессионально) древнерусского языка. Оно отличается от профессионального пособия по функциональным задачам. В 1999 г. этот вариант был включен в том собрания мировых исторических эпосов [21. С. 571–661], в 2018 г. был переиздан в виде отдельного тома второй редакции этого собрания (см. [22]). В обоих изданиях 1999 и 2018 гг. нет карты похода и картины Васнецова.

Судя по обработке форм паратекста, перевод Ли имеет важное значение для истории рецепции «Слова» в Китае. В нем предпринимается попытка включить в переводной труд элементы учебного пособия по древнерусскому языку и литературе на китайском языке (параллельные тексты, выделенные ключевые слова каждого абзаца, подробные грамматические пояснения и др.), что в переводческой деятельности встречается довольно редко.

2. Содержательные характеристики перевода. Несмотря на разнообразные оригинальные формы, использованные Ли Сиинем, содержание его перевода далеко от совершенства.

Например, предисловие издания состоит из нескольких разделов: «Исторические условия», «О языковых особенностях», «О стилистических особенностях», «О темных местах», «Об авторстве», «О тексте и ударениях» и «О переводе» (см.: [3. С. 1–12]). Однако между этими частями не замечается четкого разделения проблематики. Так, в подразделе «О темных местах» [3. С. 10] переводчик рассказывает о своем отношении к темным местам в «Слове», а в части «О тексте и ударениях» [3. С. 11–12] объясняются причины выбора текста, реконструированного В.В. Колесовым, в качестве оригинала для перевода, т.е. очевидно, что и в этих частях речь идет о переводе. Они явно подчиняются последнему подразделу «О переводе» [3. С. 12]. Притом в издании 2003 г. слово *текст* ‘版本, 文本’ выражается в подзаголовке как 文体, что на самом деле обозначает скорее ‘стиль’. Структура и терминология в предисловии оказываются неупорядоченными.

Кроме того, в разделе «Исторические условия» рассказывается об исторической обстановке на Руси во времена похода Игоря. Выше уже отмечалось, что значимую часть этого раздела составляет перевод другого текста про историю похода Святославичей – отрывка из Ипатьевской летописи. В изданиях 1991 и 2003 гг. для перевода отрывка переводчик пользуется языком, изобилующим архаическими выражениями (см.: [3. С. 3–9; 20. С. 3–9]), однако при всем желании сохранить архаичность оригинала в данном переводе обнаруживается немало ошибок и неточностей. Приведем один из самых показательных примеров.

Выражение *рекли бяхомъ пойти на половцы...* [23] переводится Ли Сиinem так: «与蛮貊从事» [3. С. 6]. В Древнем Китае слово 蛮貊 обозначает ‘инопородные племена на юге и северо-востоке страны’. Несмотря на то, что выражение потом начнет использоваться и для обозначения иноплеменников вообще, с точки зрения жителей Поднебесной, эти 蛮貊 характеризовались нецивилизованностью. Слово восходит к «Шаншу·Чжоушу·Учэн (尚书·周书·武成)»: «华夏蛮貊, 罔不率俾 ‘Будь то племена Хуася на Центральных равнинах или другие отсталые племена в окрестностях, ни одно из них не ослушается У-ван (основатель китайской династии Чжоу)’» (курсив мой. – Ц.Л.) [24. С. 392]. В этой фразе видно, что слово 蛮貊 антонимично ‘центральному Китаю’, в нем явно сказывается синоцентризм с унижительным отношением к иноплеменникам, что не проявляется в тексте-источнике. В древнекитайском языке слово 从事 действительно часто употреблялось при описании конфликтных военных ситуаций, но никогда не использовалось при описании нападения, а только в связи с борьбой с агрессией. Таким образом, перевод Ли этого предложения дословно означает «защищались от нападения диких иноплеменников», в результате чего характер похода оказывается противоположным (не *наступление*, а *оборона*), а также прибавлена дополнительная семантико-прагматическая окраска.

Существуют и сомнения текстологического плана. В предисловии переводчик отмечает, что он специально перевел «Слово» с древнерусского текста в реконструкции В.В. Колесова, в котором расставлены ударения для каждого слова [3. С. 11]. Однако при сравнении текстов мы заметили немало мест, где древнерусский текст из перевода Ли отходит от текста Колесова. Например, в эпизоде «Золотого слова» есть следующие различия (см. таблицу):

1. **О** (в тексте Колесова: «о») [25. С. 40]), мой сынóвчя, Игóрю и Всéволоде! [3. С. 33].

2. **Рáно** (в тексте Колесова: «рáно») [25. С. 40]) естà началá Половécкую зёмлю мечй цвѣлйи, [3. С. 33].

3. Се_длй створйсте моéи (в тексте Колесова: «моéй») [25. С. 40]) срéбреньи сѣдйнѣ? [3. С. 34].

4. А_уже не_вижду вла́сти сй́льнаго и богáтого, и многово́и, [3. С. 34] (добавлены запятые, ср. [25. С. 40]).

5. Ко́ли соко́ль въ **трѣхъ** мѣтехъ бывáеть, – вѣсоко птй́ць възбывáеть [3. С. 34-35] (добавлены слово «**трѣхъ**» и тире, ср. [25. С. 41]).

6. Се **у_Рймъ** (в тексте Колесова: «у**римъ**») [25. С. 41]) крича́ть подь са́блями половéцкыми [3. С. 35].

Отдельные неточности есть в примечаниях. Также возьмем фрагмент из «Золотого слова»: «Ти**и_б**о бес щито́въ, съ засапо́жники клькóмь **пълкы** побѣжда́ють, **звонячи** въ прадѣднóю славу. Нъ **рекóсте: мужáймъся** са́ми, прѣднóю сла́ву са́ми похй́тимъ, а_зáднóю ся са́ми подѣлймъ» [3. С. 34]. В грамматических комментариях к этим предложениям есть несколько ошибок и неточностей:

1) пы́лкы – плъкъ, вин. пад. [3. С. 109] (отсутствует указание на то, что это «мн. ч.», см. объяснение в «Словаре-справочнике “Слова”» [26]);

2) рекóсте – речи, 2-е л. мн. ч. [3. С. 109] (отсутствует указание на то, что это аорист, см. [26]);

3) мужа́ймъся – должно быть «мужаймъся», мужатися, пов. накл. 1-е л. мн. ч. [3. С. 109] (а должно быть «1-е л. мн. ч. наст. вр.», см. [26]).

Рассматривая содержание элементов паратекста, несложно обнаружить хаотичность и неточности, что выдает путаницу в структуре знаний переводчика.

Предполагаем, что такой результат связан со сложным личным образовательным опытом переводчика. Ли Сиинь родился в Шаосине, провинция Чжэцзян, в 1926 г. Окончив школу, с 1944 по 1949 г. Ли Сиинь попеременно изучал французский и английский языки, а также социологию в Университете Сент-Джонс (Шанхай), Фуданьском университете, Чжэцзянском университете, Тайваньском педагогическом университете и Яньцзинском университете. Специальность «русский язык» он выбрал в соответствии с требованиями Родины. После образования Нового Китая благодаря дружественным отношениям между КНР и СССР в Китай были направлены русские специалисты разного профиля. По воспоминаниям ученого, в связи с огромной потребностью в переводчиках с русского языка он наконец-то поступил в Хэйлунцзянский университет, называвшийся в то время Харбинским институтом иностранных языков, и начал изучать русский язык (см. [5, 27]). Вполне возможно, что такое разнообразное, но лишенное системности образование позволяло ему попробовать самые разные направления, но не давало ему возможности овладеть прочными базовыми знаниями в какой-то специальной области.

3. Противоречивость подхода к переводу. Несистемность знаний отражается также в понимании Ли Сиинем сущности перевода.

Если иметь в виду только его утверждения, то его понимание перевода довольно последовательно. Так, кроме упомянутого в начале статьи заявления о «пофразовом переводе», он еще несколько раз описывал свою концепцию перевода. Например, в интервью в 2017 г. ученый предложил выражение «活译» (дословно – ‘живой перевод’, т.е. ‘dynamic equivalence translation, перевод по принципу динамической эквивалентности’), отметив, что переводчик должен «передать читателям дух оригинального произведения», «досконально понимать исходный текст и выражать его по-китайски» [27]. В предисловии к переводу «Слова» после заявления о «пофразовом переводе» Ли Сиинь специально объясняет причину своего предпочтения: он считает, что «дословный перевод всегда оказывается поверхностным, особенно при переводе поэзии» [3. С. 12].

В контексте сказанного кажется, что формулировка «пофразовый перевод» употребляется здесь в качестве антонима к понятию «дословный перевод (word-for-word translation)», так что в принципе можно воспринимать его как «смысловой перевод (意译, sense-for-sense translation)». Подобная

стратегия дает переводчику относительно большую свободу в отношении оригинала [28. С. 165–166].

Хотя при использовании принципов «смыслового перевода» переводчику не обязательно воспроизводить каждое слово оригинала, ему все же необходимо передать смысл или общее впечатление исходного текста. Если мы рассматриваем практический результат, то сложно признать, что Ли Сиинь осуществил поставленный принцип.

Например, в разделе «О переводе» ученый объяснил, что название произведения он перевел как «伊戈尔出征记 ‘Повесть о походе Игоря’», не следуя уже имеющемуся варианту Вэй Хуанну «伊戈尔远征记 ‘Повесть о далеком походе Игоря’», так как в соответствии с исследованием генерал-лейтенанта В.Г. Федорова эта военная операция была довольно локальной атакой на расстояние всего 500 верст (550 километров). По сравнению с более ранними крестовыми походами и походами Руси в Византию в 907, 941 и 944 гг. ее масштаб оказывается намного меньше, а по расстоянию – намного ближе [3. С. 12]. Такого типа обработка скорее свойственна «дословному переводу», чем «смысловому», ведь при создании художественного текста стоит учитывать не только фактические данные, но и психологические аспекты. В этом отношении вариант Вэй Хуанну не уступает предложенному Ли Сиинем, а может быть, даже оказывается более поэтичным и более богатым метафорическими значениями.

Если мы воспринимаем «пофразовый перевод» только в рамках традиционной теории перевода, то возникает явное противоречие между заявленным подходом и полученным результатом. Между прочим, это единственное сравнение Ли Сииня с Вэй Хуанну дает нам некий намек, что нужно принимать во внимание взаимодействие переводчика со своим предшественником.

Первый полный перевод «Слова» на китайский язык был выполнен Вэй Хуанну (далее – перевод Вэй), опубликован в 1957 г. [2] и переиздан в 1983 [29], 1991 [30], 2000 [31] и 2017 гг. [32]. Начиная со второго издания к переводу «Слова» был приложен также перевод «Задонщины» на китайский язык. Вэй Хуанну в основном использовал перевод Д.С. Лихачева на современный русский язык, изданный издательством «Детгиз» в 1954 г. [33]. К тексту приложены 15 гравюрных иллюстраций, карта похода Игоря, поленная роспись древнерусских князей и 224 примечания. В послесловии к переводу, которое с издания 1983 г. превратилось в предисловие, Вэй Хуанну представлял читателям историю создания памятника и процесс его обнаружения, анализировал главные художественные образы произведения, его композицию, а также освещал текстологические проблемы, связанные с этим древнерусским шедевром. Будучи литературоведом и поэтом, Вэй Хуанну перевел «Слово» в поэтической форме. После публикации перевода его отрывки были использованы в разных учебных пособиях по истории зарубежной литературы. Несмотря на то, что в переводе Вэй все-таки есть

ошибки и недостатки, его работа имела довольно большой успех в тогдашних условиях, когда в Китае еще не было доступно достаточное количество оригинальных русскоязычных материалов.

Достижение предшественника всегда бросает вызов последователям. Текст оригинала тот же, так что новаторства в содержании перевода всегда сложно добиться. А при отсутствии прочных базовых знаний в изучаемой области попытка новаторства неосознанно превратилась бы в революцию в области формы. По сути, и сама попытка превзойти уже имеющиеся переводные работы, и полученный переводчиком-последователем результат отражают влияние предшественника.

В переводе Ли влияние Вэй Хуанну проявляется в двух планах. Во-первых, почти всем элементам, присутствующим в переводе Вэй, соответствуют формальные аналоги в переводе Ли. Во-вторых, Ли Сиинь добавил немало отсутствовавших в переводе Вэй форм.

Уместное соперничество с предшественником имеет положительное значение. Например, в отличие от генеалогической схемы древнерусских князей в переводе Вэй, в «Краткой поколенной росписи» перевода Ли разные князья нумеруются по поколениям. Таким образом, указание князей с помощью координат (например, Игорь (VIII, 6)) существенно облегчает читателям понимание отношений между разными одноименными князьями (рис. 3).

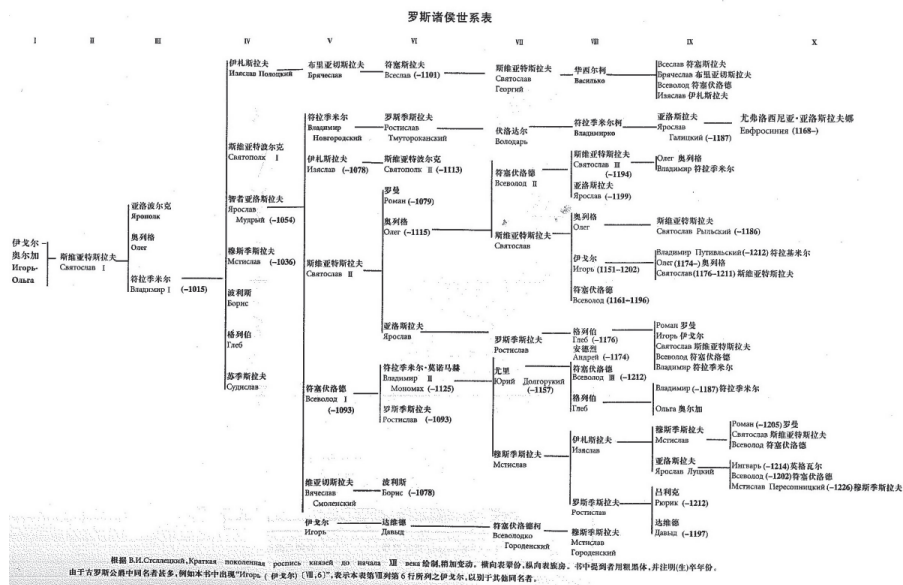

Рис. 3. Поколенная роспись в переводе Ли издания 2003 г. [20]

Однако чрезмерная погоня за формальной новизной может привести к недостаточному вниманию к содержанию перевода. Например, в ответ на перевод Вэй Хуанну «Задонщины», которая обычно считается литературным подражанием «Слову», Ли Сиинь выбрал летописные повести о походе

Игоря, которые тоже тесно связаны со «Словом». Притом в переводе этого фрагмента в издании 1991 г. часто замечается архаический стиль, что не свойственно переводу Вэй. Но дело в том, что выбранные Ли Сиинем архаичные выражения часто в разной степени отходят от оригинала по смыслу. Так, в версии 1991 и 2013 гг. фраза «О, любѧ моя братьѧ, и сыновѧ и мужѧ землѧ Рускоѧ!» [23] переводится как «吾之昆仲乎，犹子乎！罗斯大地之子民乎！‘О, мои дорогие братия, вы как будто мои сыновья! О, народы Русской земли!’» [3. С. 6; 20. С. 6]. Кажется, что лексема 犹 употребляется переводчиком в качестве союза сочинительного. Однако хотя лексема 犹 действительно приобретает архаическую окраску, она не имеет значения ‘и’ [34. С. 1647]. Посмотрим перевод в изданиях 1999 и 2018 гг.: «我的兄弟，我的侄子，罗斯大地的民众！‘Мои братья, мои племянники, народ Русской земли!’» [21. С. 578; 22. С. 11]. В этой версии отсутствует значение ‘любѧ’, но ее общий смысл в основном соответствует исходному тексту. Стремление ученого к сохранению архаичности в жертву точности нельзя считать удачным приемом.

Таким образом, для Ли Сииня формальные инновации оказываются более приоритетными, чем новизна в содержании. Следовательно, вполне возможно, что переводчик подчеркивает в предисловии более популярный в современной переводческой практике подход к переводу, чтобы продемонстрировать наличие более глубокого понимания перевода и тем самым формально улучшить впечатление от своей работы, но нельзя говорить о четком применении данного подхода на практике.

Итак, из подробного анализа элементов паратекста перевода Ли видно, что как формальные удачи, так и бессистемность содержания, как рациональность его теоретической философии перевода, так и противоречия его практического подхода к нему трудно объяснить с помощью традиционной переводческой теории. Вместо этого они воплощают в себе другую актуальную для переводческой критики проблему – проблему соперничества среди переводчиков.

Основные лексические особенности перевода Ли (на материале его перевода «золотого слова» Святослава на китайский язык)

Чтобы более обоснованно доказать нашу гипотезу о существенном влиянии перевода Вэй на работу Ли, следует проанализировать текст перевода. Мы выбрали один из самых представительных фрагментов «Слова» — «золотое слово» великого киевского князя Святослава (далее – З. С.) для более подробного анализа. Отметим, что вопрос о том, где кончается З. С., до сих пор еще не имеет общепринятого решения. Мы принимаем наиболее распространенную точку зрения, согласно которой оно оканчивается словами «Тугѧ и тоскѧ сыну Глѣбѣву!» [35. С. 227].

1. Параллельные тексты 3. С. и его переводов. Рассмотрим перевод Ли на китайский язык (ПКЯ) при помощи его обратного перевода на русский (ПРЯ) [22. С. 29–32; 3. С. 33–35]. Для наглядности добавим также оригинальный текст В.В. Колесова (ОК) [25. С. 40–41] и древнерусский текст из издания перевода Ли (ОЛ). В издании перевода Ли оригинальный древнерусский текст В.В. Колесова разделен на краткие строки, соответствующие стихотворной форме, а его китайский перевод – на абзацы меньшего объема, чем у В.В. Колесова. В части 3. С. переводчик разбил один абзац В.В. Колесова на 32 строчки в древнерусском тексте и на 10 абзацев в китайском переводе. В таблице мы разбиваем текст по абзацам в китайском переводе Ли.

Параллельные тексты и его переводы 3. С. по абзацам

Ч1	ОК	Тогда великий Святслáвъ изрони злато_слово, слезáми смѣшено ѿ_рече:
	ОЛ	Тогда великий Святслáвъ изрони злато_слово, слезáми смѣшено ѿ_рече:
	ПКЯ	斯维亚特斯拉夫大公含泪面谕“金言”：
	ПРЯ	Великий князь Святослав высказал лицом к лицу «золотое слово» со слезами: (Ч1 ¹)
Ч2-Ч4	ОК	о, моя сынóвчя, Игóрю и Всéволоде! рáно естá началá Половѣцкую зѣмлю мечй цвѣлiи, а_себѣ слáвы искáти. Нѣ_нѣчстно одолѣ́сте, нѣчстно бо крѣвь погáную прольáсте.
	ОЛ	О, моя сынóвчя, Игóрю и Всéволоде! Рáно естá началá Половѣцкую зѣмлю мечй цвѣлiи, а_себѣ слáвы искáти. Нѣ_нѣчстно одолѣ́сте, нѣчстно бо крѣвь погáную прольáсте.
	ПКЯ	啊，我近房的族人，伊戈尔和符塞伏洛德！你俩过早地想打进波洛夫土地，为自己寻求荣耀。可不幸的是竟首战得手。流了番人的血。
	ПРЯ	Ах, мои близкие родственники, Игорь и Всеволод! (Ч2) Вы слишком рано хотели наступить на землю Половецкую, чтобы найти себе славу. (Ч3) Но, к несчастью, в первом бою вы победили и пролили кровь нецивилизованных иноплеменников. (Ч4)
Ч5	ОК	Ваю хра́брая сьрдцá въ жесто́цѣмъ харалу́зѣ скована́, а въ бѹести закалена́.
	ОЛ	Ваю хра́брая сьрдцá въ жесто́цѣмъ харалу́зѣ скована́, а въ бѹести закалена́.
	ПКЯ	你俩浑身是胆。仿佛用纯钢浇铸。在凛冽寒风里淬硬。
	ПРЯ	Вы оба смелые и неустрашимые, словно отлиты из чистой стали, а закалены на пронизывающем ледяном ветру. (Ч5)
Ч6	ОК	Се_дѣи створи́сте моѣй сребренѣи сѣдинѣ?

¹ Для наглядности пронумеруем каждую фразу.

	ОЛ	Се_лі створісте моєи сребренѣи сѣдинѣ?
	ПКЯ	难道就这么来报效我这白发老人！
	ПРЯ	Неужели так <u>служите мне</u> (т.е. «отблагодарили меня». – Ц.Л.) ¹ , седому старику! (Ч6)
Ч7	ОК	А_уже не_вижду власти сильного и богатого и многовои брата моего Ярослава съ черниговскими былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчаки, и съ реву́гы, и съ ольбе́ры.
	ОЛ	А_уже не_вижду власти сильного и богатого, и многовои, брата моего Ярослава съ черниговскими былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчаки, и съ реву́гы, и съ ольбе́ры.
	ПКЯ	我还没见到过比亚洛斯拉夫兄弟更兵多财足。坚强的势力 (Этот вариант приводится в новейшем издании (2018 г.) [22. С. 30]. В первых трех редакциях (1991, 1999 и 2003 гг.) Ли Сиинь перевел эту фразу как «我没有见到亚洛斯拉夫兄弟更兵多财足。坚强的势力 ‘Я не вижу более стойкой (т.е. «закаленной») власти с еще большим количеством воинов и богатства, чем у брата Ярослава»» [3. С. 34]. – Ц.Л.). 车尔尼戈夫的权贵。统领；塔特兰部，谢比尔部，托甫恰克部，列夫格部，奥尔贝拉部——都听他调遣。
	ПРЯ	Я еще не видел более <u>стойкой</u> (т.е. «закаленной». – Ц.Л.) власти с еще большим количеством воинов и богатства, чем у брата Ярослава. Черниговские бояре, могуты, татраны, шельбиры, топчаки, реву́ги, ольберы – все в его распоряжении. (Ч7)
Ч8	ОК	Тиц_бѣ бес щитѣвъ, съ засапо́жники кли́комъ пълкы побѣждають, звонячи въ прадѣднѣю славу.
	ОЛ	Тиц_бѣ бес щитѣвъ, съ засапо́жники кли́комъ пълкы побѣждають, звонячи въ прадѣднѣю славу.
	ПКЯ	这些队伍不用刺刀。只有靴刀。大喝一声就能得胜。发扬祖宗的光荣 (Этот вариант предложен в изданиях 1991, 1999 и 2018 гг. [3. С. 34]. В редакциях 2003 г. Ли Сиинь перевел эту фразу как «这些队伍不执盾牌，只用靴刀，大喝一声就能威震敌胆。战胜千军。发扬祖宗的荣耀。‘ Эти отряды не носили щитов, пользовались только засапожниками. Они смогли громким криком поколебать мужество врага, победить тысячную армию и пронести славу своих предков »» [20. С. 56]. – Ц.Л.)

¹ Как показано ниже, в переводе Ли есть неудачные варианты со стилистическими или грамматическими ошибками. Мы подчеркнули те места, где ошибки вызывают наибольшее недопонимание, и показали возможные интерпретации этих вариантов в скобках в качестве авторского объяснения. Более подробный анализ дается в последующих подразделах.

	ПРЯ	Эти отряды не пользуются штыками, а только засапожниками, крикнут один раз и тут же побеждают, умножают славу своих предков. (Ч8)
Ч9	ОК	Нъ рекѡсте: мужаймъся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ.
	ОЛ	Нъ рекѡсте: мужаймъся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ.
	ПКЯ	而这两人却放言：“让我们凭自己本领. 把先前的武功据为己有. 把将来的勋业两人平分.”
	ПРЯ	Но эти два человека заявили: «Давайте будем опираться на себя особенно-сти (тут грамматическая ошибка, должно быть « <u>凭自己的本领</u> ‘на свои способности’»». – Ц.Л.), возьмем боевые искусства (т.е. «военные за-слуги» – Ц.Л.) наших предшественников как свои собственные и разделим будущие подвиги поровну между собой» (Ч9)
Ч10	ОК	А чи дѣво ся, братие, стару помолодити? Коли соколъ въ мѣтехъ бываѣтъ, вѣсоко птиць възбиваѣтъ, не дасть гнѣзда своего въ обиду.
	ОЛ	А чи дѣво ся, братие, стару помолодити? Коли соколъ въ трѣхъ мѣтехъ бываѣтъ, – вѣсоко птиць възбиваѣтъ, не дасть гнѣзда своего въ обиду.
	ПКЯ	弟兄们. 说什么：人老了. 不能再年轻. 换毛三次的雄鹰. 能从高空俯击凡鸟. 决不坐视自己的老窝受欺凌.
	ПРЯ	Братья, что (вы. – Ц.Л.) говорите: когда люди постарели, больше не могут снова помолодеть. Сильный орел, который трижды перелинял, может нападать на обычных птиц сверху с высокого неба, никогда не потерпит обиды своему гнезду. (Ч10)
Ч11	ОК	Нъ се злѡ княже ми не посѡбие, на ничь ся годѣны обратѣша.
	ОЛ	Нъ се злѡ: княже ми не посѡбие, на ничь ся годѣны обратѣша.
	ПКЯ	可叹的是：各路诸侯不给我支持. 时代教人无所作为.
	ПРЯ	Печально то, что все князья не поддерживают меня, времена заставляют людей ничего не делать. (Ч11)
Ч12	ОК	Се уримъ кричѣть подь саблями половѣцкыми, а Володѣмѣрь подь ранами. Туга и тоска сыну Глѣбѡву!
	ОЛ	Се уРѣмъ кричѣть подь саблями половѣцкыми, а Володѣмѣрь подь ранами. Туга и тоска сыну Глѣбѡву!

ПКА	历莫夫在波洛夫马刀下叫喊。符拉季米尔因负伤而呻吟。落到格列伯公子头上的的是忧愁与悲伤!
ПРЯ	Римов кричит под саблями половецкими, а Владимир стонет от ран. На долю <u>господина Глеба</u> (тут ошибка, должно быть « <u>格列伯家的公子</u> ‘сына Глебова’»). – Ц.Л.) выпали грусть и горе! (Ч12)

2. Лексико-грамматический анализ перевода Ли. В этом эпизоде Ли Сиинь в основном пользовался такими приемами, как изъятие, добавление и подмена. Некоторые примеры, несомненно, можно считать удачными.

В переводе *рано еста началá Половѣцкую зѣмлю мечи цвѣлѣи* (Ч2) упоминание *мечей* исчезло в конечном тексте [3. С. 33], но переводчик трансформировал переносное значение выражения *мечи цвѣлѣи* в его прямое – ‘наступать’. Общий смысл исходного выражения сохраняется. Далее, после перечисления всех племен, подчиняющихся брату Святослава Ярославу, Ли добавил объяснение: «都听他调遣 ‘все в его распоряжении’» (Ч7) [3. С. 34]. Дополнение соответствует как логике оригинального смысла, так и привычным выражениям китайского языка. В *Володѣмѣрь (кричѣтъ) подѣ ранами* глагол переводится как «呻吟 ‘стонет’» (Ч12) [3. С. 35], что хорошо соотносится с обстановкой и соответствует поэтике китайского языка. Есть и некоторые уместные подмены. Словосочетание *сребренѣи стѣдѣнѣ* (Ч6), символизирующее старость и мудрость Святослава, трансформировалось в «白发老人 ‘седой старик’» [3. С. 33] в соответствии с привычным китайским выражением. Кроме того, вариант «番人的血 ‘кровь нецивилизованных иноплеменников’» (Ч4) [3. С. 33] восходит к *крьвь поганую*. 番人 синонимичен слову 蛮貊 ‘иноплеменников’ [3. С. 6], уже упомянутому в предыдущем разделе, с такой же семантической окраской. Здесь Ли Сиинь гибко передает смысл идеолого-религиозного презрения в китайской аналогии.

Однако ученый предлагал и малоэффективные варианты.

В самом начале 3. С. переводчик пропустил слово *тогда*, указывающее на временную последовательность 3. С. Святослава относительно его разговора с боярами. К действию *изрони* переводчиком добавлен образ выполнения: ‘лицом к лицу, глаза в глаза’ [3. С. 33]. Святослав после своего вещего сна все еще сидит на горах в Киеве, Игорь же находится в половецком плену. Киевский князь лишь «следует мысленно за полком Игоря» [36. С. 21], они не могут беседовать непосредственно. Вариант Ли может привести к непониманию текста читателями.

В Ч3 видится практически дословная аналогия порядка слов в переводе структуры «过早地想... ‘слишком рано хотеть что-то делать’» [3. С. 33] и в

ее оригинале. Однако в письменном китайском языке подчеркнутая информация (в данном случае – несвоевременность похода) обычно помещается в конце предложения, редко оказываясь в середине перед глаголом.

В комментарии к Ч4 Ли Сиинь объясняет, что победа Игора в первом бою приведет его в ловушку, поэтому здесь говорится «нечестно ‘不光荣的’ (вариант перевода дается сразу же после слова *нечестно*. – Ц.Л.)» [3. С. 107]. Хотя его объяснение причины «нечестности» похода не соответствует авторитетному мнению в российской науке, здесь предложен уместный вариант перевода. Но в самом переводном тексте Ли Сиинь подобрал выражение «不幸的是» ‘к несчастью’ [3. С. 33], которое в китайском языке приобретает совершенно иной оттенок: говорится не о нечестности, а о несчастье. Упрек великого князя превращается в сочувствие.

В Ч5 значение ‘душа’, восходящее к слову *сърдцѣ*, исчезло в переводе, вместо эпитета *жестощѣмъ харалѹзѣ* применяется «纯钢 ‘чистой стали’» [3. С. 33], также добавлен образ ‘ветра’.

Слово 报效 (Ч6) [3. С. 33] имело значение ‘отблагодарить за чье-то добро’ лишь в древнем китайском языке, но в современном китайском оно используется исключительно для выражения ‘исполнять свои обязанности на благо страны или государства’, что неуместно в данном контексте.

Та же проблема встречается в Ч7. Хотя в древнекитайском языке эпитет 坚强 употреблялся для изображения характеристики вещей (‘крепкий, закаленный’), в современном китайском он используется только для описания качества человека. Он не согласуется со словом 势力 ‘власть’ [3. С. 34].

В переводе Ч8, рассказывая о смелости войск Ярослава, Ли перевел «这些队伍不用刺刀 ‘они не пользуются **штыками**’» (Ч8) [3. С. 34] вместо *Тш_бѣ бес щитѣвъ* [3. С. 34] в исходном тексте. Во-первых, штык появился лишь в XVII в. в качестве дополнения к огнестрельному оружию. Использование данного слова в переводе памятника XII в. противоречит историческим фактам и реальной обстановке. Во-вторых, в древнерусском тексте отсутствие щитов «подчеркивает храбрость воинов, довольствующихся в бою одним оружием» [37. С. 138], им даже не нужно дополнительной защиты. Данная подмена мешает выразительности оригинального смысла. Далее в переводе опускается скрытая логика. По мнению Д.С. Лихачева, выражение *звонить в славу* означает «гордиться славой предков» и «быть окруженным ореолом славы предков» [3. С. 205]. С помощью этого выражения автор объясняет причину беспрецедентной храбрости воинов их уважительным отношением к славе предков. Однако в китайском переводе дееспричастие превратилось в форму действительного залога [3. С. 34], в связи с чем исчезла причинно-следственная связь.

В 凭自己本领 (Ч9) [3. С. 34] отсутствует структурная частица 的 между двумя рядами однородных членов предложения 自己 ‘сам, себя’ и 本领 ‘особенности’, тем самым допускается грамматическая ошибка. Слово 武功 (Ч9) [3. С. 34] в значении ‘боевые подвиги’ употребляется лишь в древнекитайском языке и довольно редко встречается в современных китайских текстах. В настоящее время оно уже стало специфическим словом для термина ‘боевые искусства’.

Выражение «说什么 что (вы) говорите» (Ч10) [3. С. 34] сильно отличается от оригинала по смыслу. А «从高空俯击凡鸟 ‘нападать на обычных птиц **сверху** с высокого неба»» (Ч10) [3. С. 34] полностью антонимично оригинальному выражению *высоко птицъ **възбиваетъ*** по направлению движения (*сверху* вместо *наверх*).

В переводе предложения «*Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкими ...*» (Ч12) пропускается лексема *се* [3. С. 35], которая «ставится в начале предложения, указывая на переход к новой мысли» [26]. В данном случае *се* выступает как важное звено, которое указывает на связь между прежним контекстом (причиной) и последующим (следствием). Предлагаемый Ли Сиинем перевод разбивает логическую связь оригинала. Сложно однозначно оценить значение *у Римъ* (Ч12) в переводе Ли. Переводчик замечает в комментарии: «*у Римъ* – в первом издании (т.е. в издании «Слова» 1800 г. – Ц.Л.) пишется *Уримъ* и в комментарии предполагается, что это «имя подчиненного воеводы или одного из союзников Игоря» [3. С. 111]. Потом он цитирует мнение Д.С. Лихачева: «должно быть “у Рима”, т. е. Римов. После поражения Игоря половцы напали на такие города, как Римов, и тиранили (местных жителей. – Ц.Л.)» [3. С. 112]. Видимо, в переводном тексте он принял предложение Д.С. Лихачева и транскрибировал не имя *Урим* «*乌利姆*», а название города *Римов* «*历莫夫*» [3. С. 35]. Вполне возможно, Ли Сиинь пытался создать параллелизм с продолжением о раненом Владимире с помощью персонификации (т.е. он образно переводит, что город кричит под саблями). Но, с другой стороны, сложно считать его вариант полностью удачным, так как упоминающийся дальше Владимир в комментариях Ли фигурирует только как князь [3. С. 112]. Такой параллелизм может запутать читателей. Далее *格列伯公子* (Ч12) [3. С. 35] восходит к *сыну Глебѣу*. В китайском языке для обозначения оригинального смысла можно было воспользоваться выражением *格列伯家的公子* (дословно – ‘сын из семьи Глеба’), но в переводе Ли этот фрагмент искаженно передается как ‘господин Глеба’ [3. С. 35].

Из приведенных примеров видно, что переводной текст Ли в целом характеризуется высокой степенью вольности переводчика. В нем смешиваются смысловой и дословный перевод, а также вольные изменения. Нередко

встречаются грамматические ошибки, неправильный подбор китайских соответствий, отсутствие тесных контекстных связей, индивидуального толкования и т.д.

3. Литературно-поэтический анализ перевода Ли. Переводной текст нельзя рассматривать изолированно от общего эффекта передачи смысла источника. Мы выделим основные смысловые антитезы в 3. С. и рассмотрим поэтическую ценность перевода Ли с точки зрения того, как он передает и воссоздает эти оппозиции.

Первая антитеза касается противопоставления «мы» (Святослав и его поколение) и «вы» (Игорь, Всеволод и другие молодые князья). Она в первую очередь отражается в частях 7, 8 и 12, где сравниваются «наши» (бывшие) и «ваши» (нынешние) силы и власть. В этих частях великий киевский князь вспоминает, какими храбрыми были прежние русские воины, и подчеркивает, что такой власти «уже не видит» в нынешнее время. С распадом Руси русские силы больше не «пугают» врагов своими «криками», т. е., своей храбростью и доблестью, а наоборот, кричат под мечами врагов. Но перевод Ч7 в издании 1991 г. является чистым повествованием [3. С. 34], а в переводе 2018 г. – похвалой силе и власти Ярослава [22. С. 30]. В обеих версиях отсутствует сравнение бывшего с нынешним. В переводе Ч8 «这些队伍……

大喝一声就能得胜 ‘Эти отряды... крикнут один раз и тут же побеждают’» [3. С. 34] гипербола превратилась в гротеск, что ослабляет акцент при описании масштабов русской силы.

Здесь скрывается также контраст обстановки на «своей» и «чужой» землях: «вы» ищете воинской славы там, в половецкой (чужой) степи, а «мы» здесь, в своей земле, страдаем из-за вашего поведения. Но отсутствие причинно-следственной связи в Ч12 сглаживает это противопоставление.

В частях 8, 9 автор «Слова» объясняет упадок русской силы отличием «вашего» отношения к «славе» предков от «нашего». По его мнению, причина всепобеждающей силы Руси в прошлом состоит в уважительном отношении к славе предков. Эта причина не только создает контраст с амбициями Игоря и Всеволода, которые планировали похитить эту славу «нечестно», но также скрытым образом служит объяснением предпосылки их поражения. К сожалению, обе *славы* отражаются в переводе Ли словом *подвиг* [3. С. 34]. Сравнение разрушается.

Разное отношение к прошлой славе проявляется и в разном понимании ответственности перед Русской землей (Ч10–11). По поводу идеи Ч10 в русской науке есть разные трактовки. Д.С. Лихачев переводит первую фразу Ч10 так: «А разве дивно, братия, старому помолодеть!» [33. С. 83], в то время как у О.В. Творогова совершенно иное мнение: действительно «диво», если старик смог помолодеть [38]. Мы предпочитаем второе объяснение. С учетом контекста Святослав здесь выражает сожаление и бессилие по отношению к общей ситуации, так как осознает, что он уже стар и мало что может сделать. С помощью метафорического образа сокола он высказывает идею о том, что «нашу» ответственность защищать единую Русь должны бы

наследовать «вы» – молодые князья, которые, однако, не отвечают на его вызов. Видимо, Ли Сиень выбрал вариант Д.С. Лихачева [3. С. 34], что, по нашему мнению, во многом ослабляет антитезу.

С первой антитезой перекликается вторая, которая связана с отношением Святослава к Игорю и его брату Всеволоду. Она создается за счет отличия тона автора во вводном описании (Ч1) и обращении (Ч2) от всего последующего повествования.

Так, хотя основной тон 3. С. предполагает упрек Игорю за его непродуманный поход на половцев, Д.С. Лихачев обращал внимание на глагол *изрони*, который свидетельствует о том, что Святослав «как бы говорит ее (свою речь. – Ц.Л.) против воли», так как «ему тяжело упрекать» своих двоюродных братьев [36. С. 204]. Чувства Святослава смешанные: с одной стороны, он не может игнорировать трагедию, вызванную младшими князьями; с другой – у него уже нет сильной власти, позволяющей ему прибегать к жестокости, проводя свою политику, он может лишь вспоминать о прошлом и надеяться на княжескую поддержку.

Поэтому перед тем, как он, будучи правителем Русской земли, выскажет свое неудовольствие дерзким поведением младших князей, он ласково обращается к ним «мой сынóвчя», подчеркивая не только государственные связи, но также родственные. В 3. С. подчеркнуто высшее положение Святослава как по месту на лестнице феодального подчинения, так и по возрасту. Святослав появляется в «Слове», окруженный «на горах Киевских боярами» [36. С. 59–60], что обозначает «церемониальное положение» говорящего [36. С. 54] в качестве «отца всех князей Киевской Руси» [39. С. 213]. А слово *сынóвчя*, как указывает В.П. Адрианова-Перетц, подразумевает в «Слове» младших князей по отношению к старшему [37. С. 136].

Таким образом, справедливее воспринимать 3. С. как терпеливое наставление от более мудрого и более опытного «старейшины» Русской земли, а не резкую отповедь правителя подчиненному. Именно поэтому в Ч3 Святослав обвиняет героев не в категорической неуместности самого похода, а лишь в его несвоевременности. В китайском языке глагол 諭 (Ч1) [3. С. 33] используется, когда вышестоящий дает указание тому, кто ему подчиняется по феодальной иерархии. Это выражение не передает нежность обращения. Неоднозначность и тонкость отношения Святослава к Игорю и Всеволоду в значительной степени утрачены.

Об антитетичном отношении великого киевского князя свидетельствует также Ч5. В комментарии к *въ бѹѣсти* переводчик в первую очередь объясняет, что «это значит ‘в храбрости’», а потом цитирует еще два объяснения:

Некоторые исследователи считали, что это значит ‘в тщеславии’, тогда как по мнению Б.А. Рыбакова содержание этого предложения связано с ритуаломковки меча: после выковки всадник, высоко держа меч, пока он еще красный, несется галопом, чтобы меч остыл на холодном ветру; из этого следует, что *буеть* может обозначать сильный ветер (*буи, буины* – в значении ‘сильный’) [3. С. 107].

Сравним с оригинальным объяснением Б.А. Рыбакова:

Существует своеобразный способ закалки оружия: раскаленный выкованный клинок, поставленный вертикально лезвием вперед, вручается всаднику, который гонит коня с возможной быстротой. При этом пламенный харалужный клинок закаляется в воздушной струе, причем лезвие, охлаждаясь больше, было тверже, а обух сохранял большую вязкость, что в целом давало идеальные качества клинка. В связи с этим фраза автора "Слова": "Игорю и Всеволоде!.. Ваю храбрая сердца в жестоком харалуже скована, а в буети закалена" приобретает особый смысл и свидетельствует как о технических знаниях автора, так и о приемах закалки пламенной стали, практиковавшихся древнерусскими оружейниками [40. С. 236–237].

Б.А. Рыбаков стремится объяснить предысторию смысла предложения. Сложно отождествить значение слова *буеть* с *ветер* на основании изложения русского ученого. Очевидно, что Ли Сиинь неверно истолковал мнение Б.А. Рыбакова и допустил ошибку. Более того, В.П. Адрианова-Перетц указывает, что в древнерусском языке слово *буеть* имеет как положительный, так и отрицательный смысл [37. С. 137]. Учитывая, что речь потом будет идти о бедствиях от похода Игоря, мы предполагаем, что здесь предлагается негативная оценка упрямого и дерзкого характера Игоря и Всеволода, что создает контраст с предыдущей фразой. То есть, с одной стороны, ему предстоит положительно оценить их авантюризм и смелый дух, с другой стороны, автор осуждает их выступление в поход без предупреждения киевского князя, что принесло «тугу и тоску» всей Русской земле. В переводе Ли передается только положительная оценка. Возможность альтернативной трактовки исчезла.

Кроме того, 3. С. является важной составляющей для выражения общей темы древнерусского памятника, потому что в нем раскрывается главная тематическая оппозиция поэмы – «честь–слава», которая дает возможность разных интерпретаций этого произведения. Однако, как уже отмечалось выше, такие ключевые слова, как *нечестно* в Ч4, *слава* в Ч9, подменяются в переводе разными неудачными вариантами, что полностью разрушает функционирование этих же слов в исходном тексте.

В целом смысл указанных антитез 3. С. отражается в переводе Ли неэффективно. Неоднозначная оценка Игоря во многом ослабляется в силу одностороннего положительно окрашенного повествования и отсутствия явного сравнения с прошлым Руси. В итоге неудачно передается общая историческая и политическая ситуация. Общий смысл 3. С. и его художественное достоинство, отраженные в оригинале, во многом утрачены.

4. Суть «пофразового» подхода в переводе Ли. Теоретически «пофразовая» стратегия переводчика, отраженная в тексте перевода, не может быть оправдана принципами «смыслового перевода». Содержание перевода Ли часто трудно отождествить со смыслом оригинала. В переводном тексте встречается немало нелогичных по смыслу мест. Если учитывать еще и комментарии, добавленные переводчиком, то мысль иногда еще больше искажается.

Так, в предисловии к переводу Ли Сиинь заявил:

В тех местах, которые еще не имеют однозначного решения в науке, я по возможности подобрал выражения, которые сочетаются с их контекстом, так же, как мастера, реставрируя старинные картины, выбирают наименее заметный цвет для поврежденного места. Я считаю правильным перечислить разные мнения, чтобы читатели не следовали моему переводу с закрытыми глазами [3. С. 12].

Но, например, в комментарии к фразе «**从高空俯击凡鸟** ‘нападать на обычных птиц **сверху** с высокого неба’» (Ч10) [3. С. 34] переводчик добавил: «Во время охоты орел гонит птицу в высокое небо, затем сам летит еще выше, парит и гонит птицу в изнеможении; потом внезапно бросается вниз, чтобы поймать добычу» [3. С. 110]. В древнерусском тексте речь идет о том, что сокол, защищая свое гнездо от других птиц, стремительно взлетает и прогоняет их. Комментарии к переводу усиливают запутанность смысла контекста.

При изолированном изучении текста Ли на основании традиционной переводческой теории сложно объяснить противоречие между заявлением переводчика и полученным им результатом. Также следует учесть влияние его предшественника. Рассмотрим перевод этого фрагмента Вэй Хуанну¹ [29. С. 16–17; 31. С. 15–16]:

Тогда величественный князь Святослав

(тут была семантическая ошибка, в издании 2000 г. заменено на «великий князь»)
высказал со слезами смешанное

золотое слово,

он сказал: (Ч1)

«О, мои дети, Игорь и Всеволод! (Ч2)

Вы слишком рано начали творить обиду мечами

Половецкой земле,

чтобы найти себе славу. (Ч3)

Но нет ничего честного, даже если вы победили,

ведь нет ничего честного, хотя вы пролили кровь поганую. (Ч4)

Ваши храбрые сердца

скованы из крепкой стали

закалены в безбоязненной смелости. (Ч5)

Какие хорошие дела сделали вы мне, такому седому старику? (Ч6)

Я уж не вижу во власти

сильного,

богатого,

многовоинного

моего брата Ярослава,

(тут семантическая ошибка, в издании 2000 г. изменено на «Я уж не вижу власти моего / сильного, / богатого, / многовоинного / брата Ярослава,)

¹ В переводе Вэй также замечаются неудачные варианты обработки. Мы подчеркнули те места, где ошибки вызывают наибольшее недопонимание, показали переработку Вэй Хуанну в четвертом издании его работы, вышедшем в свет в 2000 г., т.е. после публикации перевода Ли.

вместе с черниговскими боярами,

с могутами,

с татранами,

с шельбирами,

с топчаками,

с ревугами,

с ольберами (Ч7)

(в издании 2000 г. фраза переработана как «черниговские бояре, / воеводы, / татраны, / шельбиры, / топчаки, / ревуги, / ольберы, все в его распоряжении»).

А эти люди, развивая прадедовскую славу,
не носят щиты, а пользуются только засапожными ножами,
только с помощью клика побеждают врагов. (Ч8)

Но вы сказали: «Давайте помужествуем сами:
давайте мы сами похитим прошлую славу,
давайте мы сами поделим будущую славу!» (Ч9)

Братья, разве дивно старику помолодеть?

Когда у сокола восстанавливаются перья,
он с высокого неба взбивает таких маленьких птиц,
не даст своего гнезда в обиду. (Ч10)

Но, к сожалению, князья не хотят мне помогать:
время ухудшилось. (Ч11)

Вот в Римове люди кричат под саблями половецкими,
а Владимир **стонет** под тяжелыми ранами.

Горе и тоска принадлежит сыну Глебову (Ч12)

(в издании 2000 г. «Горе и тоска выпали на главу сына Глебова»)!¹

Несложно обнаружить формальные аналогии между двумя переводами.

Если такие успешные находки, как «白发老人 ‘седой старик’» (Ч6) [29. С. 16;

3. С. 33], «呻吟 ‘стонет’» (Ч12) [29. С. 17; 3. С. 35] и др. еще можно объяснить случайностью, то логические ошибки в оценке Игоря (Ч5) [29. С. 16; 3. С. 33], направления взлета сокола [29. С. 17; 3. С. 35] и упоминание о «помолодении» старика (Ч10) [29. С. 17; 3. С. 34] уже говорят об их таинственной связи. Исключительное доверие к трактовке Д.С. Лихачева не может стать здесь оправданием. Ведь, например, в работе Д.С. Лихачева «“Слово о полку Игореве” и культура его времени», которая упоминается в списке литературы в конце издания перевода Ли [20. С. 179]), уже четко раскрывается негативная оценка автором «безумной» попытки Северских братьев «вдвоем “похитить” славу» [36. С. 258]. Если принять во внимание тот факт, что Ли Сиинь является специалистом в области лексикографии русского языка и участвовал в составлении авторитетных справочных работ по русскому языку, то допущенные им множественные ошибки может объяснить только значимое влияние работы Вэй на процесс перевода Ли.

С одной стороны, Ли Сиинь пытался отличаться от перевода Вэй буквально почти каждым словом. Однако, с другой – его сфокусированность на формальном отличии от перевода Вэй и недостаточное внимание к другим

¹ Полу жирный, курсив и подчеркивание мои. – Ц.Л.

материалам заставляют его пожертвовать целостностью и выразительностью языка своей работы. Как же, например, произошло превращение *щитов* в *штыки* (Ч8) [З. С. 34]? Рассмотрим комментарий к выражению *бес щитовъ, съ засапожники* в переводе Вэй: «засапожники, боевое оружие. Оно употреблялось только тогда, когда противники сходились настолько близко, что использование **мечей** и **щитов** могло только мешать движениям сражающихся, т.е. только в самых ожесточенных схватках» [29. С. 43]. Таким образом, Ли Сиинь не хочет повторить выражение в тексте перевода Вэй, но его вариант все же получается под влиянием намека из комментария предшественника (*штыки*, восходящие к *мечам*, которые часто используются вместе со *щитами*).

В конечном счете в вольности перевода Ли отражаются несистемные знания теории перевода. Как в паратексте, так и в тексте перевода наблюдается некоторая хаотичность. Кроме неудачных вариантов перевода, в новейшем издании 2018 г. также отмечаются неуместные обратные обработки, которые уже были включены в качестве исправлений и изменений в издании 2003 г., например перевод предложения из З. С. «Тии_бѡ бес щитѡвъ, съ засапожники клѣкомъ пълкы побѣждають, звонячи въ прадѣдную славу» (Ч8).

Несистемность знания переводчика объясняет скрытую мотивировку заявления Ли Сиинем «пофразового перевода». Перевод Вэй почти полностью основывается на переводе Д.С. Лихачева, в том числе и по ритмической форме (ср. [2, 33]). Вэй Хуанну разбил свой текст точно по разбивке в переводе русского ученого, что визуально дает Ли Сииню впечатление, как будто он перевел «буквально, дословно». При несистемном понимании переводческой методики Ли Сиинь декларировал особый подход к переводу, чтобы привлечь внимание читателей к тому, что свой перевод он будет делать иначе. Его утверждение о том, что будет «переводить иначе, чем в случае буквального перевода», на самом деле указывает, что он «переведет иначе, чем (его предшественник, который переводит) буквально». В этой двусмысленности скрывается таинственное значение заявления Ли Сииня, выпадающего из контекста переводческой теории.

Заключение

Как в элементах паратекста перевода «Слова», так и в самом тексте Ли Сиинь добился разнообразного формального новшества по сравнению с первым полным переводом «Слова» на китайский язык, что имеет позитивное значение с точки зрения общего развития переводческой деятельности и процесса рецепции «Слова» в Китае и зарубежье.

Но слишком большой интерес переводчика к новаторству в области формы приводит к недостаточному вниманию к содержанию работы. На самом деле, на Ли Сииня повлиял предшествующий перевод, который по содержанию тоже был далек до совершенства. Но, к сожалению, в своем переводе Ли Сииню не удалось исправить и усовершенствовать труд предшественника в содержательном плане.

На основе проведенного анализа текста и паратекста мы предполагаем, что «пофразовый перевод», выдвинутый Ли Сиинем в качестве основного принципа, имеет два значения. Во-первых, с точки зрения теории перевода он означает «смысловой перевод», который переводчик считает правильным подходом к переводу, но которому у него не получается соответствовать. Во-вторых, в практике переводчика этот термин подразумевает заявление о том, что он будет переводить иначе, чем Вэй Хуанну, который создал перевод, визуально воспринимаемый как дословный.

Двусмысленность переводческой концепции Ли Сииня определяется недопониманием переводчиком-лингвистом теории перевода и одновременно сильным желанием соперничать с предшественником.

Данное исследование, как представляется, имеет значение в трех аспектах. Во-первых, результат перевода иногда оказывается необъясним, если подходить к нему лишь с помощью традиционной теории перевода. Тогда стоит учитывать фактор человека как социокультурной единицы, которая существует в среде последовательной переводческой и творческой деятельности. С этой точки зрения паратекст работы всегда имеет значение. Во-вторых, раз фактор психологический также играет важную роль в процессе перевода, переводчику правильнее сознательно избегать неэффективного соперничества с предыдущими переводами и сосредоточиться на самом творческом деле. В-третьих, на рубеже XX–XXI вв. появилось много удачных переводов русскоязычных произведений на китайский язык, но в основном они были переводами писателей и поэтов золотого и серебряного века, а также советского периода. В конечном счете причина отсутствия более удачного перевода «Слова» состоит в том, что произведение не вызвало достаточного интереса у китайских читателей. А это говорит о том, что ключ культурного обмена заключается не только в репутации произведения в стране-адресате, но и тесно связан с исторической и культурной обстановкой в стране-адресанте.

Список источников

1. 默无 [Мо У]. 俄国史诗. 义葛出征记 [Русский эпос. Слово о полку Игореве]. 红豆漫刊. 世界史诗专号 [Журнал Хундоу. Специальный номер «Исторические эпосы мира»]. 1934. Т. 2, № 3. С. 47–48. (На кит. яз.)
2. 伊戈尔远征记 [Слово о полку Игореве]. Пер. с рус. 魏荒弩 [Вэй Хуанну]. 北京 [Пекин]: 人民文学出版社 [Народное литературное издательство], 1957. 66 с. (На кит. яз.)
3. 伊戈尔出征记 [Слово о полку Игореве]. Пер. с древнерус. 李锡胤 [Ли Сиинь]. 哈尔滨 [Харбин]: 黑龙江大学辞书研究所 [Институт лексикографии Хэйлунцзянского университета], 1991. 152 с. (На кит. яз.)
4. Зенкин С.Н. Теория литературы. Проблемы и результаты. М.: НЛЮ, 2018. 217 с.
5. 李锡胤 [Ли Сиинь]. 李锡胤论文选 [Хрестоматия научных статей Ли Сииня]. 哈尔滨 [Харбин]: 黑龙江人民出版社 [Хэйлунцзянское народное издательство], 1991. 390 с. (На кит. яз.)
6. 俄汉成语词典 [Русско-китайский фразеологический словарь]. 赵洵 等编 [Чжао Сунь и др. (ред.)]. 哈尔滨 [Харбин]: 黑龙江大学 [Хэйлунцзянский университет], 1958. 611 с. (На кит. яз.)

7. 大俄汉词典 [Большой русско-китайский словарь. 罗玲 等编 [Ло Лин и др. (ред.)]; 黑龙江大学俄语系词典编辑室 [Редакционный кабинет факультет русского языка Хэйлунцзянского университета]. 北京 [Пекин]: Коммерческая пресса, 1985. 2737 с.] (На кит. яз.)
8. 俄汉新词词典 [Русско-китайский словарь новых слов]. 黑龙江大学《俄汉新词词典》编写组 编 [Редакционный совет «Русско-китайского словаря новых слов Хэйлунцзянского университета (ред.)]. 哈尔滨 [Харбин]: 黑龙江人民出版社 [Хэйлунцзянское народное издательство], 1978. 252 с. (На кит. яз.)
9. *Грамматика русского языка* / редкол.: В.В. Виноградов и др. ; АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1952–1954.
10. 俄语语法 [Грамматика русского языка]. Пер. с рус. 哈尔滨外国语学院 [Харбинского института иностранных языков]. 北京 [Пекин]: 时代出版社 [Таймс Пресса], 1957–1962. (На кит. яз.)
11. *Советский энциклопедический словарь*: [ок. 80 000 слов] / А.М. Прохоров (гл. ред.). 2-е изд. М.: Сов. энцикл., 1982. 1599 с.
12. 苏联百科词典 [Советский энциклопедический словарь]. Пер. с рус. 中国大百科全书出版社 译 [Издательство «Большая китайская энциклопедия»] 北京 [Пекин]: 中国大百科全书出版社 [Издательство «Большая китайская энциклопедия»], 1986. 2045 с. (На кит. яз.)
13. *Виноградов В.В. 词的语法学说导论* [Русский язык. Грамматическое учение о слове]. Пер. с рус. 黑龙江大学编译室 [Редакционный совет Хэйлунцзянского университета]. 北京 [Пекин]: 科学出版社 [Научное издательство], 1960. 187 с. (На кит. яз.)
14. *Шанский Н.М. 俄语构词分析基础* [Основы словообразовательного анализа]. Пер. с рус. 吴吉康 [У Цзикан], 吴绍本 [У Шаобэнь], 金铁侠 [Цзинь Теся]; ред. 李锡胤 [Ли Сиинь]. 北京 [Пекин]: 时代出版社 [Таймс Пресса], 1955. 54 с. (На кит. яз.)
15. *Грибоедов А.С. 聪明误* [Горе от ума]. Пер. с рус. 李锡胤 [Ли Сиинь]. 哈尔滨 [Харбин]: 黑龙江人民出版社 [Хэйлунцзянское народное издательство], 1980. 164 с. (На кит. яз.)
16. *Хемингуэй Э. 老人与海* [Старик и море]. Пер. с англ. 李锡胤 [Ли Сиинь]. 成都 [Чэнду]: 四川文艺出版社 [Сычуаньское издательство художественной литературы], 1987. 90 с. (На кит. яз.)
17. *Гриз Ж.-Б. 现代逻辑* [Современная логика]. Пер. с фр. 李锡胤 [Ли Сиинь]. 北京 [Пекин]: 社会科学文献出版社 [Издательство литературы по общественным наукам], 1989. 177 с. (На кит. яз.)
18. 左少兴 [Цзо Шаосин]. 《伊戈尔出征记》译注本评介 [Рецензия на перевод «Слова о полку Игореве»]. 中国俄语教学 [Обучение русскому языку в Китае]. 2003. Т. 22, № 3. С. 55–58. (На кит. яз.)
19. *Стеллецкий В.И. Краткая поколенная роспись князей до начала XIII века // Слово о полку Игореве: Древнерусский текст и переводы / Стеллецкий В.И. (вступ. ст., ред. текстов, прозаич. и поэтич. пер., примеч. к древнерус. тексту и словарь); Тимофеева Л.И. (стихотворное переложение и пояснения к нему). М.: Просвещение, 1965. Вклейка.*
20. 伊戈尔出征记 [Слово о полку Игореве]. Перев. с древнерус. 李锡胤 [Ли Сиинь]. 北京 [Пекин]: 商务印书馆 [Коммерческая пресса], 2003. 128 с. (На кит. яз.)
21. 伊戈尔出征记 [Слово о полку Игореве]. Пер. с древнерус. 李锡胤 [Ли Сиинь] // 贝奥武甫 罗兰之歌 熙德之歌 伊戈尔出征记 [Беовульф. Песнь о Роланде. Эль Сид. Слово о полку Игореве]. 陈才宇等 译. [Чэнь Ц. и др. (пер.)]. 南京 [Нанькин]: 译林出版社 [Издательство «Илинь»], 1999. С. 571–661. (На кит. яз.)
22. 伊戈尔出征记 [Слово о полку Игореве]. Пер. с древнерус. 李锡胤 [Ли Сиинь]. 南京 [Нанькин]: 译林出版社 [Издательство «Илинь»], 2018. 54 с. (На кит. яз.)

23. Летописные повести о походе князя Игоря / Творогов О.В. (подгот. текста, пер. и коммент.) // Библиотека литературы Древней Руси. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4940> (дата обращения: 23.10.2022).
24. 阮元 [Жуань Юань]. 尚书正义. 卷第十一 [Общепринятый комментарий к Шаншу (Т. 2)] // 十三经注疏. 清嘉庆刊本. 总第二十卷 [Комментарий к Тринадцатиканонию (издание во время правления Цзяцин Династии Цин). Т. 20 по общему каталогу]. 北京 [Пекин] : 中华书局 [Книжная компания Чжунхуа]. 2009. С. 392.] (На кит. яз.)
25. Колесов В.В. Ударение в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 31: «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1976. С. 37–43.
26. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» : в 6 вып. / Богородский Б.Л., Лихачева Д.С., Творогов О.В. (ред.); Виноградова В.Л. (сост.). Л. : Наука, 1965–1984. URL: <http://feb-web.ru/feb/slovoss/ss-abc/> (дата обращения: 23.10.2022).
27. [先生] 李锡胤: 一个纯粹的读书人 [Ли Сиинь: чистый ученый] URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1575943391112324&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 23.10.2022). (На кит. яз.)
28. Нестерова Н.М. Sense-for-sense translation // Основные понятия англоязычного переводоведения : терминолог. слов.-справ. / отв. ред. и сост. М.Б. Раренко. М., 2011. С. 165–166.
29. 伊戈尔远征记 [Слово о полку Игореве]. Пер. с рус. 魏荒弩 [Вэй Хуанну]. 北京 [Пекин] : 人民文学出版社 [Народное литературное издательство], 1983. 67 с. (На кит. яз.)
30. 伊戈尔远征记 [Слово о полку Игореве] / пер. с рус. яз. 魏荒弩 [Вэй Хуанну]. 北京 [Пекин] : 人民文学出版社 [Народное литературное издательство], 1991. 67 с. (На кит. яз.)
31. 伊戈尔远征记 [Слово о полку Игореве]. Перев. с рус. 魏荒弩 [Вэй Хуанну]. 北京 [Пекин] : 人民文学出版社 [Народное литературное издательство], 2000. 87 с. (На кит. яз.)
32. 伊戈尔远征记 [Слово о полку Игореве]. Пер. с рус. 魏荒弩 [Вэй Хуанну] // 魏荒弩译伊戈尔远征记. 涅克拉索夫诗选 [Пер. Вэй Хуанну. Слово о полку Игореве. Стихотворения Некрасова]. 魏荒弩 译 [Вэй Хуанну (пер.)]. [Пекин] : 人民文学出版社 [Народное литературное издательство], 2017. С. 1–83. (На кит. яз.)
33. Слово о полку Игореве / вступ. ст. «Золотое слово русской литературы», ред. текста, дословный и объяснит. пер. с древнерус., примеч. Д.С. Лихачева; ил.: В.А. Фаворский, М.И. Пиков. 2-е изд., доп. М. ; Л. : Детгиз, 1954 (обл. 1955). 231 с.
34. 现代汉语词典 [Словарь современного китайского языка]. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室 编 [Редакционный кабинет Института языкознания Китайской академии общественных наук (ред)]. 北京 [Пекин] : 商务印书馆 [Коммерческая пресса], 2005. 1869 с. (На кит. яз.)
35. Творогов О.В. Злато слово // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» : в 5 т. Т. 2 / ред. Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, С.А. Семячко, О.В. Творогов. СПб., 1995. С. 227–229.
36. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л. : Худож. лит., 1985. 351 с.
37. Адрианова-Перетц В.П. Стилистический и лексический комментарий к «Слову о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI–XIII веков. Л., 1968. С. 45–189.
38. Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси / ред. Д.С. Лихачев и др. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4940> (дата обращения: 23.10.2022).
39. Югов А.К. О «Золотом слове» // Слово о полку Игореве. М., 1975. С. 213–217.
40. Рыбакова Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. 792 с.

References

1. Mo, W. (1934) Russian Epic. The Song of Igor's Campaign. *Hundou Magazine. Special issue "Historical Epics of the World"*. 3 (2). pp. 47–48. (In Chinese).
2. Wei, H. (ed.) (1957) *The Song of Igor's Campaign*. Translated from Russian. Beijing: People's Literary Publishing House. (In Chinese).
3. Li, X. (1991) *The Song of Igor's Campaign*. Translated from Ancient Russian. Harbin: Institute of Lexicography of Heilongjiang University. (In Chinese).
4. Zenkin, S.N. (2018) *Teoriya literatury. Problemy i rezul'taty* [Theory of Literature. Problems and results]. Moscow: "NLO".
5. Li, X. (1991) *Anthology of Scientific Articles by Li Xiyin*. Harbin: Heilongjiang People's Publishing House. (In Chinese).
6. Zhao, S. et al. (eds) (1958) *Russian-Chinese Phraseological Dictionary*. Harbin: Heilongjiang University. (In Chinese).
7. Lo, L. et al. (eds) (1985) *Big Russian-Chinese Dictionary*. Beijing: Kommercheskaya pressa. (In Chinese).
8. Editorial Board of the Russian-Chinese Dictionary of New Words of Heilongjiang University. (1978) *Russian-Chinese Dictionary of New Words*. Harbin: Heilongjiang People's Publishing House. (In Chinese).
9. Vinogradov, V.V. (ed.) (1952–1954) *Grammatika russkogo yazyka* [Grammar of the Russian Language]. Moscow: USSR AS.
10. Anon. (1957–1962) *Grammar of the Russian Language*. Translated from Russian. Beijing: Times Press. (In Chinese).
11. Prokhorov, A.M. (ed.) (1982) *Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar': [Ok. 80000 slov]* [Soviet Encyclopedic Dictionary: [Approx. 80000 words]]. 2nd ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
12. Encyclopedia of China. (1986) *Soviet Encyclopedic Dictionary*. Translated from Russian. Beijing: Encyclopedia of China. (In Chinese).
13. Vinogradov, V.V. (1960) *Russian Language. Grammatical doctrine of the word*. Translated from Russian. Beijing: Scientific Publishing House. (In Chinese).
14. Shanskiy, N.M. (1955) *Fundamentals of Word-Formation Analysis*. Translated from Russian. Beijing: Times Press. (In Chinese).
15. Griboedov, A.S. (1980) *Gore ot uma* [Woe from Wit]. Translated from Russian by Li Xiyin. Harbin: Heilongjiang People's Publishing House. (In Chinese).
16. Hemingway, E. (1987) *The Old Man and the Sea*. Translated from English by Li Xiyin. Chengdu: Sichuan Fiction Publishing House. (In Chinese).
17. Griz, J.-B. (1989) *Modern Logic*. Translated from French by Li Xiyin. Beijing: Publishing House of Literature on Social Sciences. (In Chinese).
18. Zuo, Sh. (2003). Review of the translation of The Tale of Igor's Campaign. *Teaching the Russian language in China*. 3 (22). pp. 55–58. (In Chinese).
19. Stelletskiy, V.I. (1965) *Kratkaya pokolennaya rospis' knyazey do nachala XIII veka* [Brief generational painting of princes until the beginning of the 13th century]. In: Stelletskiy, V.I. (ed.) *Slovo o polku Igoreve: Drevnerusskiy tekst i perevody* [The Song of Igor's Campaign: Old Russian text and translations]. Moscow: Prosveshchenie.
20. Li, X. (ed.) (2003) *The Song of Igor's Campaign*. Translated from Ancient Russian. Beijing: Commercial Press. (In Chinese).
21. Li, X. (1999) *The Song of Igor's Campaign*. Translated from Ancient Russian. In: Chen, Q. et al. (eds) *Beowulf. Song of Roland. El Cid. The Song of Igor's Campaign*. Nanjing: Yilin Publishing House. pp. 571–661. (In Chinese).
22. Li, X. (2018) *The Song of Igor's Campaign*. Translated from Ancient Russian. Nanjing: Yilin Publishing House. (In Chinese).

23. Tvorogov, O.V. (ed.) *Letopisnye povesti o pokhode knyazya Igorya* [Chronicles about the campaign of Prince Igor]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus']. [Online] Available from: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4940> (Accessed: 23.10.2022).
24. Ruan, Yu. (2009) Common Commentary on Shangshu (Vol. 11). In: *Commentary on the Thirteenth Canon (published during the Jiaqing reign of the Qing Dynasty)*. Vol. 20. Beijing: Zhonghua Book Company. P. 392. (In Chinese).
25. Kolesov, V.V. (1976) *Udarenie v "Slove o polku Igoreve"* [Emphasis in The Song of Igor's Campaign]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 31. Leningrad: Nauka. pp. 37–43.
26. Bogorodskiy, B.L., Likhacheva, D.S. & Tvorogov, O.V. (eds) (1965–1984) *Slovar'-spravochnik "Slova o polku Igoreve"* [The Song of Igor's Campaign. Dictionary-reference book]. Leningrad: Nauka. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/slovoss/ss-abc/> (Accessed: 23.10.2022).
27. Baidu Baijiahao. (n.d.) *Mr. Li Xiyin: pure scholar*. [Online] Available from: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1575943391112324&wfr=spider&for=pc> (Accessed: 23.10.2022). (In Chinese).
28. Nesterova, N.M. (2011) Sense-for-sense translation. In: Rarenko, M.B. (ed.) *Osnovnye ponyatiya angloyazychnogo perevodovedeniya* [Basic Concepts of English Translation Studies]. Moscow: INION RAN. pp. 165–166.
29. Wei, H. (ed.) (1983) *The Song of Igor's Campaign*. Translated from Russian. Beijing: People's Literary Publishing House. (In Chinese).
30. Wei, H. (ed.) (1991) *The Song of Igor's Campaign*. Translated from Russian. Beijing: People's Literary Publishing House. (In Chinese).
31. Wei, H. (ed.) (2000) *The Song of Igor's Campaign*. Translated from Russian. Beijing: People's Literary Publishing House. (In Chinese).
32. Wei, H. (ed.) (2017) *Translations by Wei Huangnu. The Song of Igor's Campaign. Poems by Nekrasov*. Beijing: People's Literary Publishing House. pp. 1–83. (In Chinese).
33. Likhachev, D.S. (ed.) (1954) *Slovo o polku Igoreve* [The Song of Igor's Campaign]. 2nd ed. Moscow; Leningrad: Detgiz.
34. Editorial Office of the Institute of Linguistics, Chinese Academy of Social Sciences. (2005) *Dictionary of Modern Chinese*. Beijing: Commercial Press. (In Chinese).
35. Tvorogov, O.V. (1995) *Zlato slovo* [The Golden Word]. In: Dmitriev, L.A. et al. (eds) *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve"* [Encyclopedia of The Song of Igor's Campaign]. Vol. 2. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 227–229.
36. Likhachev, D.S. (1985) *"Slovo o polku Igoreve" i kul'tura ego vremeni* [The Song of Igor's Campaign and the culture of its time]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
37. Adrianova-Peretts, V.P. (1968) *"Slovo o polku Igoreve" i pamyatniki russkoy literatury XI–XIII vekov* [The Song of Igor's Campaign and monuments of Russian literature of the 11th – 13th centuries]. Leningrad: Nauka. pp. 45–189.
38. Tvorogov, O.V. (ed.) (1997) *Slovo o polku Igoreve* [The Song of Igor's Campaign]. In: Likhachev, D.S. et al. (eds) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus']. [Online] Available from: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4940> (Accessed: 23.10.2022).
39. Yugov, A.K. (1975) *O "Zolotom slove"* [About the Golden Word]. In: Yugov, A.K. (ed.) *Slovo o polku Igoreve* [The Song of Igor's Campaign]. Moscow: Mosk. rabochiy. pp. 213–217.
40. Rybakova, B.A. (1948) *Remeslo drevney Rusi* [Craft of Ancient Rus']. Moscow: USSR AS.

Информация об авторе:

Ли Цзивэй – аспирант филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: zwli1563107653@outlook.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ziwei Li, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: zwli1563107653@outlook.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.02.2023;
одобрена после рецензирования 16.06.2023; принята к публикации 25.03.2024.*

*The article was submitted 01.02.2023;
approved after reviewing 16.06.2023; accepted for publication 25.03.2024.*

Original article

UDC 821.133.1-3.09А.Франс

doi: 10.17223/19986645/88/10

Interpreting the title: What is stored inside Anatole France's *L'Étui de nacre*

Natalia A. Nikitina¹, Natalia A. Tuliakova²

¹ National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russian Federation

¹ gromovanat@list.ru

² n_tuljakova@mail.ru

Abstract. The title of a literary work is the first and, often, the last step into author-reader communication, be it a separate text or a collection. Sometimes its interpretation can be deliberately complicated by the author. This paper analyses the title of Anatole France's cycle *L'Étui de nacre* as an example of such case. We argue that this title is cryptic and, in the absence of the author's comments, needs interpretation from the reader. To understand the title and its function, we look at its both parts (*étui* and *nacre*) in the context of various discourses and traditions (myths, religions), paying special attention to France's own works, in order to find a clue to the cryptic title. Although the image of a container could be used as a traditional metaphor for a collection of literary works, France's choice of the lexeme makes this hardly conceivable as the word *étui* requires a complement which is missing from the title, so it is not known what the container is designed for, not to mention whether it is empty or full, open or closed, etc. Thus, the image of a container, important for France's oeuvre, becomes significant in itself, as it continuously appears in all the parts of the cycle, acquiring several distinct meanings of keeping, secrecy, and memory. France also implies several ideas related to mother-of-pearl, being attracted by its aesthetic and literary associations, as well as its polysemy and ambiguity, the awareness of which is obvious from the analysis of his prose. The religious associations of the image that are often used to refer to Logos foreground the very idea of baptism and draw the reader's attention to characters' names in the cycle. Its mythological potential is realised differently in the parts devoted to different cultures ranging from Venus to Virgin Mary, and ultimately to the woman in general. *Nacre* also introduces the image of pearl, which France traces in Dante's *Divine Comedy*, which, through a complex net of associations, embodies a universal verity comprised of numerous individual and often conflicting truths. The semes that are foregrounded in the cycle with the help of the title are those of whiteness and oscillation, with a background of meanings from several cultures. This is especially important for France, as the stories of *L'Étui de nacre* show the same objects or actions from different angles, and the author's position is hardly conceivable. Both parts of the title can serve as references to myth and Christianity, as well as to several central concepts of the cycle, such as the complex nature of femininity, the relations between love and death, reason and faith, and the meaning of history. The intentionally elusive image implied by the title aims to reflect the ambiguity of these concepts, the unattainability of an ultimate and exclusive interpretation of the author's position.

Keywords: title of literary work, cryptic titles, prosaic cycle, image, pearl in literature, container in literature, Anatole France, *L'Étui de nacre*

For citation: Nikitina, N.A. & Tuliakova, N.A. (2024) Interpreting the title: What is stored inside Anatole France's *L'Étui de nacre*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 88. pp. 196–216. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/88/10

Introduction

Titling a literary work is probably one of the most important stages in the author's communication with the reader [1. P. 2], the first chance to convey the message, to form the reader's attitude. Due to their strong position within a literary text, titles "serve to link a text with its audience, in a linkage which is variable on both sides" [2. P. XXXV]. Among the textual and paratextual elements of a literary work, the title arguably presents the widest opportunities for interpretation because, although being a part of the text, it is an independent element [3. P. 1–8]. It is natural that theoretical and practical issues related to titles permanently attract scholars' attention. The scope of theoretical questions comprises the status of the title, its structure, its relations with the text, titles' hierarchy and taxonomy [4; 5]. Practical concerns involve the history of intitulation, construing the meanings of particular titles, establishing their origins, studying the effect of titles on books popularity, etc. [6; 7].

From the text interpretation perspective, the title is both a clue to the text and an element that has to be deciphered. It is explained by the fact that the title is able to considerably complicate the text semantics as it connects the named text to the outside world [5. P. 14]. This connection, not always a straightforward one, often requires interpretation. The situation is complicated by the status of the title, as "the title is equal to neither a word nor a phrase, nor a sentence, nor an elliptical statement in connection with its grammatical, semantic and stylistic features" [8. P. 161].

When it comes to titles of a collection rather than a single work, the name performs even a wider range of functions as it refers to all its parts in order to unite them [9]. Unfortunately, titles of collections or ensembles of texts have not received much attention yet, although the mechanisms of titling are obviously different in this case. Cycles' names can be generated in various ways. They usually appear after several separate texts have been united by the author, but occasionally may be given before the cycle is finished. For example, Charles de Coster, while finishing *Légendes flamandes* (1857), was looking for a fourth story to complete the whole. Titles may be given not only by the author but by the editor or publisher, typically when the cycle is collected by the latter (*Leyendas* by Gustavo Bécquer, 1871). Titles may change with time, as authors alter the structure of the cycle or its message, as it happened with Washington Irving's initial *Alhambra* (1832) receiving the title *Tales of the Alhambra* in the second edition (1851), which stressed the narrative element of the collection. Still, notwithstanding the title origin, the reader eventually faces it and has to link it with the whole work as well as with each of its parts.

A title may relate to the cycle constituents in various ways. While separate works of fiction are commonly called eponymously, collections naturally use

other types of 'synecdochic' or 'metonymic' [2. P. XXXIV] titles. For instance, it is a common case when cycles acquire toponymic or generic identification, or both, like Nathaniel Hawthorne's *Twice-Told Tales* (1837) or Gottfried Keller's *Zürichen Novellen* (1889). Alternatively, cycles are named after one of the stories: *Balthasar* by Anatole France (1889), *The Trimmed Lamp* by O. Henry (1907). Though infrequently, authors can use 'allusive titles', which 'depend on our collective memory' [10. P. 163], referring to their own work¹ or a piece by another writer.²

However, there are cases when none of the options is chosen. Then a title may foreground an image, metaphor, setting, which is often explained in the preface or introduction. To illustrate, in *The Casuarina Tree* (1926), Somerset Maugham clarifies the reasons for choosing this title: otherwise, it would require a reader to do research into the topic. The most complicated case is when the cycle is named in a seemingly unrelated, 'vague' manner.³ One quite a common way of doing it is naming a cycle with a plural noun, which will express the idea of a collection: *Émaux et camées* by Théophile Gautier (1852), *Les Fleurs du mal* by Charles Baudelaire (1857), *Opavshie listya* by Vasily Rozanov (1915), *Orientalisms* by Somerset Maugham (1899). In Elena Afonina's classification, the title in such collections refers to the 'plurality of episodes' [9. P. 10].

In this paper we analyse another type of the title, which, in our opinion, has been overlooked. It is a metaphor of a container.⁴ Such is, for example, Eleanor Farjeon's *The Old Nurse's Stocking Basket* (1931), where the Nurse tells a new tale to children each time she mends a new pair of their stockings. Vsevolod Rozhdestvensky's *Shkatulka pamyati* (*A Casket of Memory*, 1972) unites stories different both stylistically and genre-wise by explaining that they all come from the writer's diary. In the above-mentioned book by Rozanov each volume is named 'khorob'.⁵ Another example is Sergey Dovlatov's collection *Chemodan* (*Suitcase*, 1986), where the suitcase serves a memory-invoking tool.⁶ A vivid illustration of this type is Anatole France's prosaic cycle *L'Étui de nacre* (1892). Unlike the examples above, France does not explain his choice and the purpose of this container, which also complicates the title. Marie-Claire Bancquart, the editor of the most authoritative France's *Œuvres* (1984–1994), identifies the need for clarification but does not go into much detail: "As far as we know, Anatole France never explained the title of *L'Étui de nacre*. It makes one imagine a minute precious box locking an array of various painted scenes or several small

¹ *Une Larme du diable* by Théophile Gautier (1839) is a self-reference to the play with the same name.

² Cf. Vladislav Khodasevich's *Schastliviy domik* (*A Happy Home*, 1922), a citation from Alexander Pushkin's poem *Domovomu* (*To the Homegod*, 1819).

³ 'Vague' titles are seen as belonging to the twentieth-century tradition, especially that of absurd. Most attention is attracted by names of novels (*The Name of the Rose* by Umberto Eco, *L'Automne à Pékin* by Boris Vian, etc.).

⁴ The 'compartmental' function of the title is briefly mentioned in [11. P. 12].

⁵ an obsolete Russian word which denotes a container that is used to be carried by peddlers.

⁶ For more information, see [12].

interconnected objects <...>. This title suggests a collection of fine work and accomplished taste, which can give birth to a dream or nostalgia without a claim of any greatness" [13. P. 1387].

From this perspective, the title referring to a container sustains the unity of the parts. Afonina, attempting to establish a connection between the role of the title and the absence / presence of framing elements, such as preface, argues that in cycles where such elements are missing, the role of the title heightens as it fulfils the explanatory function. In this case the title is often a metaphor [9. P. 28]. However, there are other meanings behind the image, which will be discussed later.

L'Étui de nacre is a result of thorough work on the text and the sequence of stories, most of which initially appeared in periodicals in 1889–1891. Another large part came as selected and altered chapters from France's earlier and presumably unsuccessful novel *Les Autels de la peur* (1884) set during the French Bourgeois Revolution. When afterwards France broke the novel into separate stories, he placed them at the end of *L'Étui de nacre*, thus distorting the chronological order of his material, as the beginning of the cycle presents legends from the Late Antiquity followed by stories from modern life (obviously, the 1880s). Such disparity meant that the cycle's integrity had to be provided by means other than chronology. And it is so, as the three generic and temporal layers of the cycle develop the same concepts (religion, love, sovereignty, memory, and several others) and include a wide range of recurring images, ideas, and plot elements [14. P. 124–135]. Also, the collection demonstrates an evident cyclic structure: the final story dwells on the theme of oblivion and ways of recording history, central for the opening story.

It is worth mentioning that the titles of separate stories within the collection are quite conventional. Most of them are either eponymic (*Gestas*, *Leslie Wood*), or refer to the protagonist (*Le Procureur de Judée*, *Le Petit Soldat de plomb*), or add a generic attribute (*Légende des saintes Oliverie et Liberette*, *Memoires d'un volontaire*). In one of the titles, *Amicus et Célestin*, the names form an opposition. A smaller group of stories are entitled with the reference to the central event or its time (*La Messe des ombres*, *Anecdote de floréal, an II*), which may also bear symbolic meaning (*L'Aube*). Only one story is called with a descriptive noun phrase (*La Mort accordée*), which is also easily deciphered within the text.

Still, never once throughout the cycle does France use the expression *l'étui de nacre* or any of its components or derivatives, which is a rare case – explicit or implicit reiteration of the title is almost inevitable in a literary work. That makes the title cryptic, or, in Gerard Genette's terms, demonstrates "a provocative absence of thematic relevance" [15. P. 713]. It seems, though, that a stylist like France would never have chosen a title without a special intention. It is more likely that the absence of the imagery connected with pearls, even where it would be only natural, was a deliberate act. In this case, construing the title may help to disclose the author's message.¹

¹ A similar mechanism is observed by Ulrich Schneider in James Joyce's *Dubliners* (though, concerning the titles of individual stories), where numerous interpretations of the titles

The present paper analyses the title of *L'Étui de nacre* within the context of different discourses and traditions focusing on the images of a casket and mother-of-pearl. As the title denotes a compound, in the text it is fragmented into constituents, so we will first look at the image of container in culture and establish its meaning with regards to France's oeuvre and the particular cycle. Then, we will outline the mythological, cultural and religious background to the image of mother-of-pearl¹ in order to see how it is used in France's cycle. Also, we will search for the clues in France's prose where these images occur. These steps will allow us to suggest some interpretations to the title.

The paper has two objectives. The first, practical one, is deciphering the meaning of France's ensemble title and suggesting its possible interpretations. Although the title is often a key or cipher to the cycle [17. P. 85], it sometimes needs a clue itself [18. P. 256]. The way we attain this objective is linked to our belief that the textual element that presents a cipher should have a clue in the texts related to it. In France's work, loaded with numerous connections to other works of art, it is reasonable to seek for a key in the culture of his time. In other cases, however, it would be more worthwhile to use the 'concrete' approach developed by Dmitry Likhachev [19. P. 7–8], when a clue is to be found in drafts, manuscripts, etc.² We believe that the algorithm we are using could be applied to some other texts.

The second, theoretical, objective is to clarify how 'cryptic' [20. P. 219] titles, an example of which is *L'Étui de nacre*, contribute to a cycle's integrity and what extra meanings they may add. The paper also establishes a possible connection between the title and the cycle realised on a supra-textual level. France in his cycle exploits such possibilities of image creation in a highly sophisticated manner.

Container in literature and culture

Metaphors related to containers pervade human life as a way of structuring reality [21]. The image of a container, one of the basic metaphorical concepts [22. P. 152], is definitely ambiguous [23. P. 19]. An attempt to generalise the semantic potential of the container image in French literature was made by Gaston Bachelard in the 1950s [24]. Although the philosopher does not aim to develop an exhaustive classification of the possible meanings, he pinpoints several important semes inherent in *des images du secret*. According to Bachelard, a container, be it a cupboard, a casket, or a box, indicates the sphere of soul's secret life, mystery, recollections, and something of high value, as they are opposed to open space in their function: storing and hiding from the idle view.

"are made possible through the absence of an explicit reference to the title in the context" [16. P. 410].

¹ As the image of pearl (*perle*) is almost inseparable from that of mother-of-pearl (*nacre*), we will take into account both words.

² As Bancquart claims, no manuscripts of the cycles can be found [13. P. 1405].

The end of the nineteenth century was an epoch of interest in everything old, especially in search of artefacts related to exotic cultures and epochs. France himself reflected this interest in his works: Pigeonneau has devoted his life to “l’archéologie égyptienne” (*M. Pigeonneau*), Sylvestre Bonnard collects rare books (*Le Crime de Sylvestre Bonnard*), Miss Bell keeps a large collection of bells (*Le Lys rouge*), and so on. The catalogue of the National Library of France contains many references to ancient objects discovered and displayed in the second half of the nineteenth century, together with their cases (*étui*), which shows the tendency of the age to appreciate and collect exotic objects. At the same time, many medieval containers had lost their original purpose, which could not be restored [25. P. 69]. Thus, containers also presented a mystery for the descendants.

On the whole, Anatole France’s characters tend to collect valuable things and expose them to everyone’s view. On the other hand, many lead a secret life, which results in creating images of close space meant to keep their mysteries. Thus, France’s works are abundant with names of different containers that altogether create an opposition between hollow and deep lives. For instance, in *Le Lys rouge*, enormous collections of bells, books, baubelots are displayed in numerous *armoires*, on *bahus*, while a secret letter is kept within *de son coffre à bijoux* [26. T. 2. P. 515]. The most vivid satirical image is that of a cupboard for storing evidence against Dreyfus, which turns into a whole edifice in *L’Île des pingouins*. No one knows what is kept inside, and the revelation of the contents leads to a scandalous failure of the case.

The choice of the word *étui* for the title of the cycle seems to be of high importance. First, it is far less specific in meaning than, for example, *coffer* or *coffret*. To illustrate, Diderot’s encyclopedia states that “les différentes especes d’étuis sont en si grand nombre, qu’il seroit impossible de les décrire toutes” [27. P. 97]. *Étui* may contain a hat, little scissors, needles, épée; it may be large or small, be made of wood, cardboard, gold, silver, ivory. However, it always has a particular purpose that dictates its properties.

The word *étui* does not frequently occur in France’s works. When it does, France always indicates the function of the container, naming the things stored inside – *cigarettes* [26. T. 2. P. 519], *ciseaux* [26. T. 2. P. 262], *doublons*, *ducassons*, *nobles à la rose et autres belles pièces d’or* [26. T. 2. P. 319]. In these contexts *étui* stores something personal, tangible, but conventional. In one case, *étui* belonging to children contains *choses inimaginables* [28]. Not naming the objects may be accounted to the fact that children value things in a way different from that of adults, so these objects may not be specified.

However, in *L’Étui de nacre* the container is completely devoid of any function. When France deprives this image of its function, it becomes extremely vague and speculative, just as the image of *tour d’ivoire*, which, according to Shapin’s precise expression, has always been a pure ‘figure of speech’ [29. P. 1]. *L’Étui de nacre* is likely to arouse very different associations depending on the reader’s background.

The second reason for opting the word *étui* is the semantic potential related to literary texts as *étui* has been known to refer to a sort of case for books. Those cases typically protected bindings of such books as the Bible, or stored almanacs. The meaning of the word *étui* started to absorb the meaning of such a binding, which is revealed in a later tradition to call collections of stories with the names of containers.¹

The image of a box is also special because it requires some additional information about its being close or open. Since France never clarifies this question as well as its purpose (or it being empty or even emptied), it adds to the ambiguity and vagueness of the image.

It seems necessary to look at the scope of containers and the attitude to them in France's cycle, as well as to the values expressed with the help of different containers. The cycle abounds with containers in a wide sense, as all the stories depict some dwellings, typically secluded and protected from an idle view, be it a cave, a villa, a convent, an apartment. The concept of seclusion and isolation is nuclear for the cycle, as it is frequently discussed by the characters and supported by other images, smaller in size and thus more conceivable, which will be analysed further.

On the level of ideas, seclusion is expressed with saint hermits from the first part, lonely secular people of the second part, and separated lovers (hiding or imprisoned) in the third part. All of them choose their seclusion consciously, even if reluctantly.

Containment images related to seclusion are various (a basket, a cupboard, an envelope, a drawer, a beehive, etc.), but some of them are recurring. Those are the images of a coffin and a bottle, which can acquire opposite meanings as they can be open or closed, empty or full. On the plot level, the motifs of opening and closing, filling and emptying reiterate. To illustrate, Célestin frees the trees from fairies, while Amicus fills the church with flowers. Euphrosine is awarded with a cup (an empty object), while her suitor offers her caskets full of wonderful things, which she rejects. Whereas Barnabe can fit his scarce belongings into any container (such as a rolled carpet), the monks seclude themselves into a monastery.² Soldiers of the republic in the third part constantly break or empty bottles, while women keep letters in secretaries, etc.

Another concept connected to container image is that of a secret. Most personages have something to hide: Lamia seems to conceal his love to Magdalene, Catherine Fontaine her past love affair, Leslie Wood his meetings with the deceased spouse; Scolastica keeps her chastity in secret, Euphrosine hides her identity, and the women of the third part have naturally much to conceal in order to save their lives. Secrets may be related to religious values; for example,

¹ For example, Mrs. Blencoe, *The Casket. A miscellany, consisting of unpublished poems* (1829); Innokenty Annensky, *Kiparisovy larets* (1910); Karin Wimmer, *Märchen-Schatulle* (2019).

² In this context, body also may be treated as a container. For the saints, it should be kept intact.

Célestin is unwilling to share secrets with Amicus as he thinks the fawn will not be able to perceive them, and Pontius mentions a prophet who intended to show the Samaritans the sacred vessels hidden in Mount Gerizim:

Un homme de la plèbe, puissant par la parole, comme il s'en trouve beaucoup en Syrie, persuada aux Samaritains de s'assembler en armes sur le mont Gazim, qui passe en ce pays pour un lieu saint, et il promit de découvrir à leurs yeux les vases sacrés qu'un héros éponyme, ou plutôt un dieu indigène, nommé Moïse, y avait cachés, aux temps antiques d'Évandre et d'Énée, notre père. Sur cette assurance, les Samaritains se révoltèrent [26. T. 1. P. 880].

In the first part, a secret is mostly kept with the help of a dwelling and is related to the seclusion concept, but gradually the two concepts are distinguished and the image is realised as a tangible object. While seclusion becomes not a free choice but a necessity, the idea of a secret is developed as the lives now depend on it being kept. As a secret becomes material, it is easier to uncover and use it as evidence, it needs protection in the form of a container. The images expressing the concept of a secret are an envelope that keeps a letter, a cabinet, a folder with law cases, a niche between mattresses, and a confessional.

Containers not only help to hide, but also enable a person to keep and remember. The third concept related to containers is that of memory, which is vital for most characters who recollect their lives throughout the narratives. They mostly live in the past rather than in the present or future. In the first part, memory is embodied with the images of a cultural text – literature, architecture. It means that memory is not individual, but targeted at the descendants: the witnesses rely on a written word, constructed church, etc. In *Sainte Euphrosine*, the heroine's father keeps only memories instead of any palpable proofs of his gone fortune. Barnabe maintains a tradition of an older juggler. In the second part, recollections are aimed at a person: the village doctor does not intend his journal for anybody; Catherine Fontaine recalls her love affair in full isolation; Gestas wants to name all his sins within the confessional walls to a priest only. In the third part, physical memory (in the form of letters) has to be destroyed and memories should be imprinted on the mind. The book and the literal culture are replaced by the acacia tree, which, apart from witnessing lovers' meetings, bears traces of their vows. Thus, memory becomes individual and dies with the character's demise.

The concept of memory is in fact the most important as the two framing stories of the cycle are devoted to memory and oblivion. *Le Procureur de Judée* and *Le Petit soldat de plomb* oppose a written record of history and an oral tradition: while Lamia hands down his memories only for himself, Pilate is interested in the next generations' opinions; his narrative almost literary coincides with Flavius Josephus' historical accounts. Voltaire's description of the Battle of Fontenoy contradicts Tulip's narration, and the latter reproaches the narrator that he does not know how to write history. Thus, the veracity of any form of memory is questioned.

Le Petit soldat de plomb also presents the climax of containment images, as the story starts with enumerating abundant containers that are kept inside a cupboard, a larger container: "...J'entendis très distinctement trois coups frappés sur la glace d'une vitrine qui est à côté de mon lit et dans laquelle vivent

pêle-mêle des figurines en porcelaine de Saxe ou en biscuit de Sèvres, des statuettes en terre cuite de Tanagra ou de Myrina, des petits bronzes de la Renaissance, des ivoires japonais, des verres de Venise, des tasses de Chine, des boîtes en vernis Martin, des plateaux de laque, des coffrets d'émail; enfin, mille riens que je vénère par fétichisme et qu'anime pour moi le souvenir des heures riantes ou mélancolique... [26. T. 1. P. 1017].

France's *étui*, whose content is not specified (or forgotten), seems to be an ideal, universal container that can be instantiated in different objects. No definite answer to what kind of container is denoted, or what is stored inside, or whether it is closed or open, can be given. As Genette puts it, "the ambiguity can <...> be targeted by the title formula itself, by the presence of one or several words with double meaning" [15. P. 714]. The same idea of an elusive truth is expressed with the second component of the title, *nacre*.

Pearl in literature and culture

The other element of the title, *nacre*, is similarly complicated for interpretation. One of the reasons is its close connection with pearl, which shares its major properties and develops from the same material as the shell that covers it. Naturally, perception of the two substances in culture is characterised with a high degree of consistency. For European culture pearl and mother-of-pearl have traditionally been alien materials brought from overseas, and the difficulty in procuring them increased their value. They have been mainly appreciated for their unique quality of pearlescent shimmer, opalescence and subtle shifts of hues [30], which, in fact, is an optical illusion.

A thorough analysis of the cultural meaning and origins of pearl is provided by Friedrich Ohly, although the researcher does not go into analysing French culture and literature [31]. Ohly explores a noticeable variety of cultural sources and identifies several traditions and changes that the image has undergone. One of his major findings is the ambivalence of the material. First of all, pearl combines the features of inanimate and animate nature, bordering between the world of animals and that of gems. Secondly, pearl is born of an earthly and low substance to become a beautiful object of heavenly purity. These properties call for explanations and result in the occurrence of pearl and mother-of-pearl in different cultures and religions, providing the substances with a range of associations. Thus, pearl is considerably polysemantic.

Mythological systems explain the emergence of pearl in a number of ways. The Islamic world ascribes pearl's creation to the tears that Adam and Eve wept over the death of Abel or to angelic tears. The *Physiologus* gives another version of the origin – a result of marriage between heaven and earth. Then, according to Greek authors, pearl was born from a lightning. Myths also link pearls to Aphrodite / Venus, as her birth from foam resembles that of pearls, and this precious stone is used as an attribute and a metaphor for the goddess. All these

interpretations demonstrate the heavenly, divine origin of pearl, which continues to exist in the earthly world.¹

Pearl plays an important role in Christianity and is a highly complicated symbol [32]. A theology of pearl's origin in heaven was developed in the early Christianity by Clement of Alexandria, Origen, and Ephraim the Syrian as an illustration of Virginal Conception. As Ohly points out, Clement perceived pearl as an image for the Incarnation and for the Immaculate Conception, presenting "the topos of the luminous logos-pearl in the flesh of a clam" [31. P. 36]. Conceived and growing within mussels, pearls afterwards became an ideal child of the high (heaven) and the low (earth). Pearl came to designate the Divine Logos itself, which resulted in the emergence of some expressions and meanings to the word in different languages.² It seems natural that modern researchers have used optical metaphors of oscillation when discussing the philosophy of name, starting with Pavel Florensky [33. P. 87, 95].

Then, mother-of-pearl and pearl commenced to refer to the Virgin Mary through the idea of Immaculate Conception (which in culture led to a surprising link between Mary and Venus) and to Her Son. "A pearl also represents the luminous and most pure Jesus who was born by the Virgin from divine thunderbolt. For, like the pearl, born in flesh and shell and dampness, a body is moist and extremely shiny and full of pneuma. The God-Logos is spiritual light incarnate, sending His rays through a luminous and moist body" [30. P. 46–47].

Not only are mother-of-pearl and pearl used as a metaphor for the central concepts of Christianity, the materials are actually exploited for religious purposes, for example, to cover sculptures of Christ "where it [mother-of-pearl] figures the oscillation between life and death and simultaneously alludes to rebirth and/or virginal conception" [30. P. 37]. Pearls are often used to decorate sacred treasure objects [31], while mother-of-pearl frequently serves for covering portable relic containers [30. P. 39], or for making strings of beads.

It seems that in *L'Étui de nacre* this connection between mother-of-pearl and religion is of greatest importance. To start with, the acts of baptising and naming are crucial for all parts of the cycle. In the first one, it is revealed in changing names when accepting a different confession. In the second one, the name reveals or hides some truth about a personage. For example, the name of the main character in *Gestas* openly links him to the Bible and complicates associations with the figure of Paul Verlaine, who inspired the image. In the final part, the names of different characters are shards of one name from the earlier novel. Thus, Fanny d'Avenay from *Les Autels de la peur* turns into Sophie in *L'Aube* or Pauline de Luzy, while the plot stays the same. In brief, Logos plays a vital role in the whole cycle's poetics.

¹ We do not here consider other meanings of pearl, for instance, the way it is used in *sèlam*, Turkish flower language, which was actively perceived by the European culture of the 18th and 19th centuries (*Lady Montagu's Letters*, 1763), where pearl (*inge*) refers to youth.

² Cast pearls before swine; a pearl of wisdom; a pearl of great price, etc.

The mythological meaning of pearl is equally important in the cycle. The first part, whose stories are set in the times of early Christianity, is full of allusions to female goddesses. Quite naturally, the opposition (or, rather, interaction) here lies between the new religion and the Greek and Roman paganism. Remarkably, it is Venus who is most frequently mentioned among ancient gods. In *Le Procureur de Judée*, Pontius erroneously relates Jewish religion to Venus's cult: "Toutefois, je crois qu'ils ont anciennement adoré Vénus. Car encore aujourd'hui les femmes présentent à l'autel des colombes pour victimes et tu sais comme moi que des marchands, établis sous les portiques du temple, vendent des couples de ces oiseaux pour le sacrifice" [26. T. 1. P. 886].

In *Amycus et Célestin* the hermit builds his chapel on the site of a ruined Venus temple. The title character of *Sainte Euphrosine*, when disguised as a man, reminds a passer-by of young Eros, who is also mentioned in *Scolastica*, where Silvanus attributes the rosebush on the graves of Scolastica and her spouse to the powers of this god rather than Christ. Venus or Eros do not appear in *La Légende des saintes Oliverie et Liberette*, instead, Artemis is mentioned, sharing certain features with Venus and the Virgin Mary: "Elle se nomme Diane, et son pied d'argent effleure, sous les pâles clartés de la lune, le thym des montagnes. Elle n'a pas dédaigné de recevoir dans son lit d'hyacinthes fleuries des bergers et des chasseurs comme nous. Pourtant elle est toujours vierge" [26. T. 1. P. 897].

Thus, every story of the first part of *L'Étui de nacre* features a feminine goddess, who embodies nature in its fertility, youth, and love. Interestingly, these stories also deal with the image of Jesus Christ rather than Mary, as the female characters search for His divine marriage. The God of Christianity is masculine, as opposed to the feminine pagan goddesses, and the numerous heroines (an unnamed Jewish woman, presumably Magdalene, Scolastica, Saint Euphrosine, Oliverie and Liberette) reject their feminine nature in search of Christ's divine love.

The system changes in *Le Jongleur de Notre Dame*, which shows the triumph of the Virgin Mary, who is worshiped by the main character and the monks. This image recurs in *Gestas*: the old drunkard prays to Mary in a moment of repentance. Thus, the other pearl-related figure is introduced, and Her image reminds considerably of the goddess in the earlier stories: She is the icon of femininity, the ideal woman giving love and consolation, though retaining a gallant hue. At the same time, two of the tales in this part do not mention either Venus or Mary, although they are dedicated to love and religion. These are *La Messe des ombres* and *Leslie Wood*. Both stories deal with the motif of love after death: the protagonists lose their beloved to find them mystically, in both cases such reunion brings about their death. This plot can be related to the myth of Venus and Adonis, so the mythological allusion takes place at the level of the plot rather than through imagery.

Mythological allusions to a feminine goddess become even more subtle in the third, revolutionary part of *L'Étui de nacre*. The text is remarkably devoid of Christian or pagan images, even though the characters may be connected with religion (as in *Memoires d'un volontaire*) or declare their faith (*L'Aube*). It seems that their attitude to religion is more intellectual, and they are eager to use

religious ideas (on a par with philosophy and poetry) as instruments to build a new world. Thus, the heroine of *L'Aube* appeals to the Bible and Rousseau with equal ease. Despite their inexplicitness, mythological allusions retain their position, and yet again they are connected with the female characters. The heroines of the stories are beautiful women who inspire strong love, in two cases they have little sons (whose angelic appearance reminds of Eros). They may also find themselves in situations related to ancient rituals. For instance, Pauline de Luzy pretends to have been making love to her guest in order to hide her neighbour from Jacobins, bringing to the reader's mind the practice of sexual sacrifice to female goddesses (including Aphrodite). In *Anecdote de floréal*, an II prisoners carve their lovers' names and leave love poems on the bark of an acacia tree in the yard, in the same way as peasants acted with the fairy tree in *Amycus et Célestin*. Moreover, the tragic plots of several stories, where the heroines reject love and then suffer or perish, can be compared to myths of Venus' revenge to those who refused to love.

Nacre and perle in Anatole France's prose

The Larousse dictionary of 1905 provides one meaning of the word *nacre*: "Matière blanche, à relets irisés, qui forme l'intérieur de certaines coquilles et s'emploie en tabletterie" [34. P. 393], and numerous meanings of *perle*, among them many technical ones. Apart from the main meaning ("Concrétion brillante, dure, arrondie, qui se forme dans certains coquillages bivalves, par une extravasation de la nacre" [34. P. 792]), by the end of the nineteenth century the word *perle* had developed some poetic and figurative meanings: dent très blanche; goutte d'un liquide limpide; personne très estimable; chose d'un grand prix; petits ornements d'email, de verre, de métal. Besides, there came about several expressions in which the word is used: *enfiler des perles*, *jeter des perles devant les pourceaux*, *gris de perle* [Ibid.]. Some of them originate from older sources (e.g. the Bible), but remarkably retain the word 'perle', which is not the case in all European languages.

Inside *L'Étui de nacre*, the word *nacre* is never used, and a participle *perlé* occurs once, within the story *Le Jongleur de Notre Dame*, with the context being traditionally Christian and related to the Virgin Mary. "Marbode la représentait assise dans une chaire, le front ceint d'un nimbe à orbe perlé. Et il avait soin que les plis de la robe couvrissent les pieds de celle dont le prophète a dit: 'Ma bien-aimée est comme un jardin clos'" [26. T. 1. P. 921].

To understand what France means by *nacre* in the title of the cycle, it is vital to see how he uses this word in his oeuvre. Having analysed France's works, we have identified those in which the words *nacre* and *perle* (in the first meaning) are of importance.

First of all, *perle* and *nacre* are used literally – to denote jewelry, usually within a phrase *un collier de perles* [26. T. 3. P. 802; 26. T. 4. P. 319]. Other expressions of this kind are *les agrafes de perles* [26. T. 4. P. 295], *la canne de*

nacre [26. T. 4. P. 483]. Pearls usually decorate women's hair and garments [26. T. 4. P. 90; 26. T. 4. P. 926]. The words *nacre* / *perle* may acquire opposite connotations: they either arouse a feeling of joy due to their purity and beauty [26. T. 1. P. 633], or irritation in case they indicate vanity, especially when saints amply decorate themselves with pearls [26. T. 4. P. 33; 26. T. 4. P. 351].

Very rarely are *perle* and *nacre* attributed to men, in which case it is the colour that matters. M. Bergeret regrets that his tie is not as white as it used to be and "les boutons de *nacre* dans les boutonnières agrandies par un long usage" [26. T. 2. P. 897]. The white colour in this context becomes synonymous to youth, vivacity, hope. The colour is also emphasised in several cases when *nacre* refers to the whiteness of the skin [26. T. 2. P. 461; 26. T. 4. P. 307].

The substances also possess magic qualities. Sometimes *perle* becomes an attribute of a fairy: "hennin à deux cornes, que *des perles* d'un bel orient rendait clair et lumineux comme le croissant de la lune" [26. T. 1. P. 209], or of a magical world. *L'Abeille*, which describes two magical locations, those of Undines and gnomes, is abundant with pearls and shells. No matter how beautiful and precious pearls may be, they are opposed to intangible values of love and devotion, which win in the end. However, *perle* and *nacre* can be used as attributes to saints and the Virgin Mary: "Petite et noire, couronnée de gemmes, dans un manteau resplendissant d'or, de pierreries et de *perles*, elle tenait sur ses genoux son Enfant qui, noir comme elle, passait la tête par une fente de son manteaux" [26. T. 4. P. 265].

One of conventional meanings of *perle*, that of a rarity, is quite typical of France,¹ although in the majority of cases the word is used ironically. Its occurrence in *Le Crime de Sylvestre Bonnard* is particularly interesting: it denotes a masterpiece, a book pleasant for the soul and the eye. In this context, it is significant that the book meant is the collection of Saints' lives: "Oh! le manuscrit de la *Légende dorée*! Une *perle*, Excellence, un rubis, un diamant! Deux miniatures si parfaites qu'elles font entrevoir le paradis. Quelle suavité! Ces couleurs ravies à la corolle des fleurs font un miel pour les yeux!" [26. T. 1. P. 186]. At the same time, books are reevaluated in the course of the narrative, and the word *perle* is tinted with an ironic hue.

The Christianity theme occurs in the same book, when the word *perle* is used to characterise the painting of a religious plot – *Une Adoration des bergers*, and also in *L'Humaine tragédie*: "Il se nomme Lucide et il est bien nommé, car c'est une *perle de patience*" [26. T. 2. P. 643]; "a pauvreté ... est une *perle précieuse*" [26. T. 2. P. 649].

The white colour of *perle* and its connection with Christianity is accentuated in *Thaïs*, when doves are compared to pearls: "Le long des toits de brique des colombes formaient une file de *perles*" [26. T. 1. P. 862]. Through the colour of white, pearl is connected to the image of Thaïs on her dying bed ("Thaïs reposait toute *blanche*" [26. T. 1. P. 862]), which appears in the same passage.

¹ "L'Île des pingouins", "Le Lys rouge", "Histoire de la Duchesse de Cigogne et de M. de Boulingrin".

Also, a pearl is a metaphor for a star, though complicated, as stars and constellations are presented in a mythological way: “Levez les yeux, mon fils, et voyez sur votre tête le Chariot de David qui, traîné par Mizar et ses deux compagnes illustres, tourne autour du pôle; Arcturus, Véga de la Lyre, l’Épi de la Vierge, la Couronne d’Ariane, et sa perle charmante. Ce sont des soleils” [26. T. 2. P. 69]. The connection with heaven is revealed in *Le Lys rouge*, while the city of Venice is being described: “Oui, à Venise, le ciel est coloriste ... l’air de Venise ... sème des perles. Le ciel... jette dans l’espace irisé ses perles et ses cristaux” [26. T. 2. P. 379].

Interestingly, France creates some audial images with the help of *perle*: “Cependant René Chartier, qui jouait Joconde, se tenait immobile, le cou allongé comme un tuyau, soucieux uniquement du velours et des perles de sa voix, grave et même un peu somber” [26. T. 3. P. 282]; “Et leur rire venait, à travers la large voie, aux oreilles de Remi, comme un bruissement à peine perceptible de perles remuée” [26. T. 1. P. 106]. In *Balthazar*, it is used to describe a fountain, and again *perle* is exploited with both audial and visual traits: “a reine de Saba les reçut dans une cour rafraîchie par des jets d’eau parfumée qui retombaient en perles avec un murmure clair” [26. T. 1. P. 588].

There are several cases when France’s personages explicitly reveal their awareness of the cultural tradition behind pearls, for instance, when d’Astarac mentions an Arabian fable involving pearls: “comme le coq de la fable arabe dédaigna la perle tombée dans son grain” [26. T. 2. P. 62]. A mythological allusion is clear from *Le Livre de mon ami*: “Prenons le conte le plus simple de tous, cette histoire d’une jeune fille qui laisse échapper de sa bouche deux roses, deux perles et deux diamants. Cette jeune fille est l’aurore qui fait éclore les fleurs et les baigne de rosée et de lumière” [26. T. 1. P. 574]. In *La Rôtisserie*, d’Astarac suggests his own version of pearl origin: those are salamanders’ teeth: “Les Salamandres n’ont point de dents, à proprement parler. Mais leurs gencives sont garnies de deux rangs de perles, très blanches et très brillantes, qui donnent à leur sourire une grâce inconcevable. Sachez encore que ces perles sont de la lumière durcie” [26. T. 2. P. 45].

To sum up, France uses the words *perle* and *nacre* conventionally, but in the complex of meanings accrued by the image, and this polysemy can be equally well exploited in the title of the cycle in question.

In our opinion, yet another key to the understanding of the pearl image, unique to France, may be found in *L’Humaine tragédie*, which explicitly dwells on the image of pearl in Fra Giovanni’s dream. This image, in its turn, is a tribute to Dante and Goethe. France construes white colour as the colour of pearl, which stresses Goethe’s finding of the constituents of white. Pearl becomes an allegory of truth: “Alors la roue parut toute blanche. Et elle passait en éclat l’astre limpide où le Florentin vit dans la rosée Béatrice. Et l’on eût dit qu’un ange, ayant essuyé la perle éternelle pour en ôter les taches, l’avait posée sur la terre, tant la roue ressemblait à la lune qui, au plus haut du ciel, brille un peu voilée par la gaze des nuées légères” [26. T. 2. P. 676].

At the same time, this image of *la perle éternelle* is a quotation from a French translation of Dante's *Paradise*, and its development. France implies that there is no single truth; only taken together, individual verities become a universal truth:

Contemple la Vérité blanche que tu désirais connaître. Et sache qu'elle est faite de toutes les vérités contraires, en même façon que de toutes les couleurs est composé le blanc. Et cela, les enfants de Viterbe le savent, pour avoir fait tourner sur l'aire du marché des toupies bariolées. Mais les docteurs de Bologne n'ont point deviné les raisons de cette apparence. Or en chacune de ces devises était une part de la Vérité, et de toutes se forme la devise véritable" [26. T. 2. P. 676].

The fact that France refers to Dante is proved by another instance of his quoting. In *Le Lys rouge* Prince chooses to read aloud a passage from *The Divine Comedy* (Paradise, 2), quoting precisely the line which includes the phrase *la perle éternelle*: "Au dedans d'elle nous reçut *la perle éternelle*..." [26. T. 2. P. 438]. It demonstrates France's attention to this image in Dante's poem.

To summarise this part, the words *nacre* and *perle* often occur in the context of the feminine that can refer either to the Virgin Mary, Christian saints, pagan goddesses, or earthly women. It is obvious that France stresses the link between pearls and heaven, and is attracted by the concept of pearl as embodying the universal verity through comprising conflicting truths.

We have noticed that, despite the numerous mythological allusions typical of pearl, the images of *perle* and *nacre* are surprisingly absent from the text of *L'Étui de nacre*. From this perspective, it seems interesting to analyse France's usage of colours in the text of the cycle, especially of the colour white, which was traditionally associated with pearl in his own oeuvre and in the contemporary poetry. It is evident that, rather than colours, the text operates mostly with the concept of brightness (usually in the landscapes) and radiance (e.g. through the concept of light). The colour white itself also occurs in many parts of the cycle, and its usage definitely bears a systemic character.

The first thing that can be observed here is the ambivalence of the colour, as it is used in a number of distinct oppositions. Thus, in the cycle, it is associated not only with youth, but also with the old age. A remarkable example is the opposing pair of young Amycus with his *dents blanches* [26. T. 1. P. 893] and old Célestin with *sourcils blancs* [26. T. 1. P. 892] and *barbe blanche* [26. T. 1. P. 894]. Throughout the cycle, the grey hair of the older characters such as Leslie Wood (*favoris blancs* [26. T. 1. P. 931]) and Catherine Fontaine (*cheveux blancs* [26. T. 1. P. 925]), and the fair hair of the young (*blanche Pannychis* [26. T. 1. P. 1019]) are referred to as *white*.

Secondly, white forms the opposition of purity and sin. The colour is linked with the virgin characters of the first part: *blanche licorne* (1-900) in *Légende des saintes Olivierie et Liberette*, white statues in *Le Jongleur de Notre-Dame*: "À ses pieds, deux petites figures nues et toutes blanches se tenaient dans une attitude suppliante. C'étaient des âmes qui imploraient, pour leur salut et non, certes, en vain, sa toute-puissante intercession" [26. T. 1. P. 921]. Gestas pleads: "Mon bon monsieur le curé, donnez-moi de quoi vous avez, de l'eau pure, une robe blanche et des ailes pour ma pauvre âme" [26. T. 1. P. 944]. At the same time, white

accompanies the image of hatred: “C’était un petit homme à grosse tête dont les paroles passaient en sifflant entre deux lèvres blanches et quatre dents jaunes” [26. T. 1. P. 958]. Colour (white or unspecified) becomes a way to disguise nature – to cover skin (“Fardées et peintes, sentant le nard et la myrrhe, macérées dans les aromates, leur chair est d’un goût rare et délicieux” [26. T. 1. P. 888]) or hair (“leur poudre n’est pas d’un blanc assez pur” [26. T. 1. P. 983]).

White is also the colour of ceremony and uniform, and, through the clothing of a priest (“surplis blanc d’un prêtre” [26. T. 1. P. 944] in *Gestas*) and the soldiers’ uniform [26. T. 1. P. 988; 26. T. 1. P. 990; 26. T. 1. P. 1017], it is included into an opposition between church and army, peace and war, religion and politics.

Finally, the very conflict of life and death is also rendered through white. White is the colour of dawn (“l’aube blanchit la fenêtre” [26. T. 1. P. 940]), of bridal clothing [26. T. 1. P. 907] and thus of hope. But it is also the colour of death as it is presented in *Leslie Wood* (“Et c’est l’âme désolée que je m’agenouillai au pied du lit où mon Annie reposait sous une croix de roses, muette, blanche, et les pâles violettes de la mort sur les joues” [26. T. 1. P. 939]) and *Le Manuscrit d’un medecin de village*: “...Je m’imaginai que j’étais depuis longtemps, depuis très longtemps, dans cette salle basse, devant ce lit de cotonnade blanche, et que les mois, les années s’écoulaient sans que je fisse un mouvement” [26. T. 1. P. 953].

Another function of white in *L’Étui de nacre* is focusing the narration. It often marks the central images of the stories, many of which have symbolic meaning. Such is the colour of the unicorn in *La Légende des saintes Oliverie at Liberette* or of the envelope in *Le Perquisition*, the colour of which is mentioned thrice (“Blanc sur le tapis rouge” [26. T. 1. P. 1015; 26. T. 1. P. 1016]). These two episodes, which come from different parts of the cycle, introduce the concept of miracle and salvation, though the concepts themselves are interpreted differently.

Quite frequently, when white appears in the crucial moments of the narration, it is accompanied by other colours. Such are the striped clothes of Ampere in *Le Manuscrit d’un medecin de village* (“une veste rayée de rose et de blanc” [26. T. 1. P. 954]), of Sophie in *L’Aube* (“robe à raies blanches et roses” [26. T. 1. P. 991]). A very bright image comes from *Amycus et Célestin*. Here the egg as a symbol of new life connects polytheism and Christianity: “J’ai rêvé de nids et d’œufs, d’œufs blancs, tiquetés de brun”, sings a lark [26. T. 1. P. 891]. New life is not purely white, but combines colours. Remarkably, this image can be directly connected with the title as it shares some properties with both pearl and container, which has to be opened to continue the circle of life.

In other words, the central images of *L’Étui de nacre* are marked not with white alone, but with a synthesis of different hues, which reminds of nacre, whose changing colour unites different shades in one oscillating image. This again brings us back to France’s understanding of Dante’s *perle* and Goethe’s idea of white as the synthesis of all colours. So, the *nacre* of the title can be seen as a symbol of truth, eternal and ever changing, which allows different interpretations and is extremely hard to perceive as a whole. As the stories of the cycle constantly

oppose different systems of values, religions, attitudes, France's choice of the allegory is understandable.

Interpretations

We argue that, when naming his cycle *L'Étui de nacre*, France implied several ideas related to container and mother-of-pearl. He could be attracted by the aesthetic and literary contexts in which they occurred, as well as their polysemy and ambiguity. The phrase itself may relate to both tangible and intangible objects and denote a number of things.

The first way to interpret the title is through its connection to femininity, which was traditional for the French literature of the epoch. Female characters occupy the central position in most of the stories of the cycle and stand out as objects of awe and admiration. Mother-of-pearl, with its ambivalent virginal-sensuous associations, embodies the nature of woman as it is depicted in *L'Étui de nacre*. All the central female characters are related to both Venus and Mary, combining the earthly and the spiritual. This parallel uncovers another conflict of the cycle, the one between polytheism and monotheism, which are shown as deeply interrelated. Finally, a more modern interpretation of pearl as a metaphor for death and resurrection also stresses the link between love and death, love after death and eternal life achieved through love, which is found in different parts of the cycle.

Another obvious interpretation is that of a container, both natural (a shell) and man-made (a storage box). As a shell, the cycle embraces its stories, which in this case are compared to a pearl. As we have seen, the image of a pearl traditionally refers to the Word, in its divine and poetic function. Through the Christian usage, the title may also remind of a box for keeping sacred things. These things can mean the universal truth, or Logos (which brings back the pearl metaphor for the Word), but they can also mean precious objects, namely ideas which are cherished by the writer as an individual. The image of *L'Étui de nacre* as a storage box is not devoid of aesthetic perceptions, through its connection with gems. These perceptions must have been very important for France as a stylist and admirer of all things beautiful. Such interpretations also allow the title to unite the different time layers of the cycle, as a mother-of-pearl casket can store sacred relics from the early Christianity, as well as jewels during the French Revolution or pills in the modern times.

There is still a third interpretation, more personal, which links the cycle to France's understanding of Dante's symbol of pearl. As pearlescent colour unites seemingly opposite and contrasting hues, various contrasting concepts form the plot and its structure in *L'Étui de nacre*. What seems conflicting to people (e.g. different religions, forms of government, philosophical systems, opposition of mysticism and medicine) turns out to be perfectly compatible. Moreover, it is unfeasible to explain life and its mysteries from the extremes of any single doctrine. This message, implied in most stories of the cycle, is thus supported by

the symbolic meaning of the title.¹ Oscillation may also indicate different edges of an image, be that a saint, an elderly hermit, or a terror victim.

The variety of meanings of the word *nacre* itself and the relation between the title and the text seem to arise from the ambiguity of the contents. The stories of *L'Étui de nacre* show the same objects or actions from different angles, and the author's position is hardly conceivable. The eternal shimmer and deceptive simplicity of mother-of-pearl accompanied by the mystery of the container well suit this quality of the text and make this image a perfect metaphor for the whole work. We believe that the container metaphor ciphers what Yulia Babicheva refers to as "the dialectics of the writer's soul" [35. P. 63], as it reflects the author's attitudes and values first and foremost.

Speaking about cryptic titles in general, France's example, though being quire rare, reveals some mechanisms of writer-text-reader interaction. Difficulties in the title interpretation, according to Lev Barlas, are caused by the absence of a direct link between the surface and the deep structures of the title [36. P. 84]. We have tried to restore this link by looking for the semantic constituents of the title within the text of the stories. As a cryptic title does not have a definite 'signifié' within the text, its semantic potential is considerably augmented. Instead of deploying one image, the title is related to a whole complex of images which are interconnected via the title. In fact, the very connection between them becomes possible due to their functioning within the cycle. Thus, the title creates a certain semantic field which may be realised as images and motifs that connect the plots of different stories and determine the emergence of a new plot.

In his book on title, Giancarlo Maiorino argues that titles "create zones of transaction between readers and writers as well as zones of transition between literary traditions" [1. P. 2]. It is obvious that cryptic titles heighten the role of the reader as they generate numerous, potentially endless, associations that dictate the perception of a cycle as a whole. It is up to the reader to trace the links between the images and discover various implied meanings. As a result, the author loses some degree of control over the message conveyance. It is natural that writers, when choosing cryptic titles, tend to offset this loss of authority by including a preface and explaining the title. France's rejection of this strategy is conscious and may be attributed to his position as a philosopher and the message of the cycle: valuing individual truth over the set authority.

¹ One more possible interpretation of the title is a parallel to the image of *tour d'ivoire*. The image of *tour d'ivoire*, which first appeared in the Biblical Song of Solomon, traditionally referred to the Virgin Mary. Later it developed a different meaning and denoted isolation and sacred status of poetry and arts (see [29]). It is obvious that France knew the roots and meaning of the image, quoting the Song of Solomon in the cycle and it being part of the world culture. The expression *l'étui de nacre* has the same structure and the meaning of its components as *tour d'ivoire*. Moreover, it is focusing on the same property – the white colour of the denoted object. Then, it could be supposed that it may have a similar meaning. However, this hypothesis needs further verification.

Conclusion

The analysed title, on the one hand, belongs to the category of cryptic titles and, on the other hand, employs a container image. As such, it is connected with the concepts of secrecy, seclusion and memory storage, which many of the cycle's images and plots stem from. However, France deprives *l'étui* of its pragmatic function, and, as an expression of a pure idea, it becomes highly ambiguous. As for *nacre*, France implies several aspects related to mother-of-pearl – white colour, shimmering, associations with different religious traditions. The writer seems to be attracted by its polysemy and ambiguity, frequently using the image in other works that may be treated as a cipher to the cycle's title. Both parts of the title contribute to the idea of the challenge of capturing impalpable truth. Thus, *L'Étui de nacre* may imply that the cycle should be treated as an ambivalent one, whether its message is religious or philosophic, ethical or aesthetical, Christian or secular. The stories of the cycle demonstrate different viewpoints on a number of ideas and phenomena, and it is difficult to identify the narrator's position. The task of interpreting the message shifts to the reader who dares to open this enigmatic casket.

References

1. Maiorino, G. (2010) *First Pages: A Poetics of Titles*. University Park: Penn state university press.
2. Levin, H. (1977) The Title as a Literary Genre. *The Modern Language Review* 72 (4). pp. xxiii–xxxvi.
3. Eco, U. (1985) *The Title and the Meaning in Reflections on 'The Name of the Rose'*, translated by W. Weaver. London: Secker & Warburg. pp. 1–8.
4. Rothe, A. (1986) *Der literarische Titel: Funktionen, Formen, Geschichte*. Frankfurt am Main: Klostermann.
5. Veselova, N. (1998) *Zaglavie literaturno-khudozhestvennogo teksta: ontologia i poetika* [Title of a fiction text: ontology and poetics]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tver.
6. Room, A. (1996) *Literally Entitled: A Dictionary of the Origins of the Titles of over 1300 Major Literary Works of the Nineteenth and Twentieth Centuries*. Jefferson, NC: McFarland.
7. Bernard, A. (1995) *Now All We Need is a Title: Famous Book Titles and How they Got That Way*. New York: Norton.
8. Bogdanova, O.Yu., Babayan, V.N., Kramarenko, O.L. (2020) Fiction Title Semantic and Grammatical Features. *Philology. Theory & Practice*. 13 (11). pp. 161–164.
9. Afonina, E. (2005) *Poetika avtorskogo prozaicheskogo tsikla* [Poetics of the author's prose cycle]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tver.
10. Kellman, S.G. (1975) Dropping Names: the Poetics of Titles. *Criticism*. 7 (2). pp. 152–167.
11. Gibbons, V.L. (2010) *Towards a Poetics of Titles: The Prehistory*. PhD Thesis. Cardiff University.
12. Shiryayeva, S.N. (2020) The Functions of the Epigraph and Title in a Literary Text (Based on the Works of Sergey Dovlatov). *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki*. 2 (37). pp. 90–97. (In Russian).
13. Bancquart, M.-C. (1984) Notice, notes et variants. In: France, A. *Œuvres* (4 vol.). T. 1. Paris: Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade.

14. Nikitina, N. & Tuliakova, N. (2014) *L'Étui de nacre* by Anatole France: Genre and Structure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (27). pp. 124–135. (In Russian).
15. Genette, G. & Crampe, B. (1988) Structure and Functions of the Title in Literature. *Critical Inquiry*. 14 (4). pp. 692–720.
16. Schneider, U. (1991) Titles in Dubliners. *Style*. 25 (3). pp. 405–415.
17. Koz'ma, M.P. (2016). Title as a Way to Decode Literary Texts. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 10-1 (64). pp. 85–87. (In Russian).
18. Ageeva, Yu. (2014) The title and finale complex as a forming element in the poetics of prose microcycles. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*. 1(124). pp. 255–264. (In Russian).
19. Likhachev, D. (1981) *Literatura– real'nost' – literatura* [Literature – Reality – Literature]. Leningrad: Sovetsky pisatel'.
20. Hollander, J. (1975) Haddocks' Eyes: A Note on the Theory of Titles. *Vision and Resonance*. N.Y.: Oxford University Press.
21. Bowden, D. (1993) The Limits of Containment: Text-as-Container in Composition Studies. *College Composition and Communication*. 4 (3). pp. 364–379.
22. Alessandrini, N. & Rodríguez, N.C. (2017) Is Container a Natural and Embodied Image Schema? A Developmental, Pragmatic, and Cultural Proposal. *Human Development*. 60 (4). pp. 144–178.
23. Hirsch, S. (2013) Inhabiting the Icon: Shipping Containers and the New Imagination of Western Space. *Western American Literature*. 48. pp. 17–40.
24. Bachelard, G. (1961) *La Poétique de l'espace*. 3 éd. Paris: Presses universitaires de France.
25. Nees, L. (2014) What's in the Box?: Remarks on Some Early Medieval and Early Islamic Precious Containers. *Notes in the History of Art*. 33 (¾). pp. 67–77.
26. France, A. (1984–1994). *Œuvres* (4 vol.). éd. établie, présentée et annotée par M.-C. Bancquart. Paris: Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade.
27. D'Alembert, J.-B. & Diderot, D. (1751). *L'Encyclopédie*, 1 éd. Dix-sept volumes plus neuf volumes de planches. T. 6. Paris.
28. France, A. (1900) *Nos enfants; scènes de la ville et des champs*. Paris: Hachette.
29. Shapin, S. (2012) The Ivory Tower: The History of a Figure of Speech and its Cultural Uses. *British Journal for the History of Science*. 45 (1). pp. 1–27.
30. Fricke, B. (2012) Matter and Meaning of Mother-of-Pearl: The Origins of Allegory in the Spheres of Things. *Gesta*. 51 (1). pp. 35–53.
31. Ohly, F. (2002) *Die Perle des Wortes: Zur Geschichte eines Bildes für Dichtung*. Frankfurt am Main: Insel.
32. Astell, A.W. (2012) Artful Dogma: The Immaculate Conception and Franz Werfel's "Song of Bernadette". *Christianity and Literature*. 62 (1). pp. 5–28.
33. Rudenko, D. & Svatko, Yu. (1993) *Filosofia imeni: v poiskakh novykh prostranstv* [Philosophy of the Name: In Search of New Spaces]. Kharkov: Oko.
34. Augé, C. (1905) *Nouveau Larousse Illustré. Dictionnaire universel encyclopédique*. Tome 6. Paris: Librairie Larousse.
35. Babicheva, Yu.V. (2000) Poetika zaglaviya [Poetics of the Title]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6 (22). pp. 61–64.
36. Barlas, L. (1989) Sostavnye nazvaniya khudozhestvennykh proizvedeniy [Composite Titles of Works of Fiction]. In: *Frazeologicheskaya nominatsia. Osobennosti semantiki frazeologizmov* [Phraseological Nomination. Features of the Semantics of Phraseological Units]. Rostov-on-Don: RGPI. pp. 80–89.

Information about the authors:

N.A. Nikitina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: gromovanat@list.ru

N.A. Tuliakova, Cand. Sci. (Philology), independent researcher. E-mail: n_tuljakova@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Информация об авторах:

Никитина Н.А. – канд. филол. наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: gromovanat@list.ru

Тулякова Н.А. – канд. филол. наук, независимый исследователь. E-mail: n_tuljakova@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

*The article was submitted 26.01.2022;
approved after reviewing 12.11.2022; accepted for publication 25.03.2024.*

*Статья поступила в редакцию 26.01.2022;
одобрена после рецензирования 12.11.2022; принята к публикации 25.03.2024.*

Научная статья
УДК 82:82-31:82-6
doi: 10.17223/19986645/88/11

Неоконченный роман А.В. Никитенко «Леон» и его аллюзии в «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова

Кристина Константиновна Павлович¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *pavlovitch.cristina@yandex.ru*

Аннотация. Впервые рассматривается вопрос о типологической близости первого романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история» и неоконченного романа А.В. Никитенко «Леон». Основой для сопоставления стала эстетическая теория «идеализированного реализма» критика и цензора А.В. Никитенко. Будучи профессором Санкт-Петербургского университета, он, как и его московский коллега Н.И. Надеждин, видел будущее отечественной словесности за синтезом романтических и реалистических начал. Лабораторией этих идей стало собственное художественное творчество Никитенко.

Ключевые слова: И.А. Гончаров, А.В. Никитенко, синтез, романтизм, реализм, «Обыкновенная история», «Леон»

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых: МК-1380.2022.2 «Неизвестные страницы русского романтизма: художественные опыты А.В. Никитенко (проблематика, поэтика, текстология)».

Для цитирования: Павлович К.К. Неоконченный роман А.В. Никитенко «Леон» и его аллюзии в «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 88. С. 217–229. doi: 10.17223/19986645/88/11

Original article
doi: 10.17223/19986645/88/11

Nikitenko's unfinished novel *Leon* and its allusions in *An Ordinary Story* by Goncharov

Kristina K. Pavlovich¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*
¹ *pavlovitch.cristina@yandex.ru*

Abstract. The article studies the aesthetic system of the Russian critic and censor Aleksandr Nikitenko and its reception by the writer Ivan Goncharov, who used these aesthetic principles in *An Ordinary Story* (1847), the first novel of his trilogy. For the first time, the context of Nikitenko's literary work, which has not yet become an object

of research, is scientifically investigated. The identification of typological connections with literary texts of that time also actualizes the meaning of the notion of “idealized realism”. The special and versatile personality of Nikitenko, who was a lecturer at Moscow University and influenced the minds of the “young generation” of the 1840s, turned out to be important both for the formation of contemporary literature and for Goncharov’s aesthetics. In his critical works, such as “Vasily Andreevich Zhukovsky, From the Point of View of His Poetic Character and Work” (1853) and “Thoughts on Realism in Literature” (1872), Nikitenko reflects on romantic principles, which, in his opinion, are one-sided and incomplete. The critic saw the future of Russian literature in an organic synthesis of romantic and realistic principles. Of particular importance are the personal and creative relationships between Goncharov and Nikitenko, which is evidenced by the content of the important personal ego-document *Diary*, which the author kept for almost half a century. It contained all the details of his meetings with Goncharov. The unfinished work *Leon, or Idealism* was devoted to the problem of sublime romanticism and the failure of youthful dreams. In the title, the author stated the philosophical basis associated with the aesthetics of romanticism. The three excerpts of Nikitenko’s literary work that have come down to us are subject to the general author’s idea, namely, the destructiveness and inconsistency of the romantic worldview. In addition, Nikitenko, as a contemporary of Pushkin, paid special attention to the hero Lensky, whose path, as a superfluous man, his own hero Leon followed. Judging by the remaining notes on Nikitenko’s personal edition, stored in the Research Library of Tomsk State University, the owner’s close attention to dreaming heroes, such as Lensky, is obvious. The life path of Leon was largely correlated with the content of Goncharov’s novel *An Ordinary Story*, in which the main character, the romantic Aduiev, lives in romantic dreams. Both heroes are disappointed in their own ideals, meeting with prosaic reality. The finale of Goncharov’s text is largely correlated with Nikitenko’s aesthetics of artistic synthesis in literature, the poeticization of the ordinary.

Keywords: Goncharov, Nikitenko, synthesis, romanticism, realism, *An Ordinary Story*, *Leon*

Acknowledgements: The research was carried out within the framework of a grant from the President of the Russian Federation to support young scientists, No. MK-1380.2022.2.

For citation: Pavlovich, K.K. (2024) Nikitenko’s unfinished novel *Leon* and its allusions in *An Ordinary Story* by Goncharov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 88. pp. 217–229. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/88/11

Искусство не знает исключительного ни идеализма,
ни реализма: в нём они соединяются оба.
А.В. Никитенко [1. С. 28]

Личность А.В. Никитенко до сих пор не стала предметом целостного научного осмысления [2–6], хотя он был одной из знаковых фигур отечественной словесности первой половины XIX в. Разноплановая деятельность, погруженность в процессы историко-литературной жизни нашли отражение в его личной летописи – «Дневнике», охватившем почти полвека.

Этот исторический документ открывает для современных исследователей множество тайн, подробностей жизни Никитенко, представляет особенности формирования и становления эстетических процессов, связанных с

определением пути развития русской литературы, перехода от романтического видения мира к реалистическому.

Никитенко, профессор Московского университета, критик и цензор, был активным деятелем современного ему историко-литературного процесса. Он влиял на формирование эстетических позиций своих студентов, в числе которых были М.Ю. Лермонтов, И.А. Гончаров, выступал оппонентом на защите диссертации Н.Г. Чернышевского [7. С. 279–280], активно занимался публицистикой, был последователем профессора Н.И. Надеждина в реализации категории синтеза в художественном творчестве.

Работы Никитенко отражают его позицию в отношении слома художественной парадигмы XIX в. Эстетическая база Никитенко была связана с идеалистической философией Ф. Шеллинга. В русской литературе он хотел видеть идеалистическую основу, сопряженную с реалистическими принципами. Именно принцип «идеализированного реализма» [8. С. 132] должен был, по его мнению, стать ключевым как в изображении действительности, так и в оценке любого художественного текста. Не случайно П.Н. Сакулин отмечал, что «на задачи художника и на процесс творчества Никитенко смотрит глазами идеалистически настроенного реалиста» [9. С. 523].

Важной работой, посвященной данной проблеме, стала статья 1853 г. «В.А. Жуковский со стороны его поэтического характера и деятельности», в которой Никитенко размышляет о становлении романтизма в России, особенностях творчества и языка первого русского романтика. В ней наблюдается явная диалектика отношения автора к тому, что должно быть предметом изображения в художественной литературе. Никитенко определяет талант Жуковского как «счастливое равновесие», достигаемое за счет того, что «высокое назначение поэзии выполняется не одним прямым изображением изящного, идеального порядка вещей» [10. С. 8], но в сочетании с самой действительностью. Обращение к категории действительности при создании поэтического целого Никитенко считал важной задачей художника, видел в синтетизме полноту изображения мира: «Крайности поэтического реализма имеют своё важное и глубокое значение, но только тогда, когда литература и жизнь хорошо знакомы с идеалами высшей лучшей действительности» [10. С. 8].

В итоговой работе «Мысли о реализме» 1872 г. Никитенко пишет о категории синтеза в искусстве: «...в идеализме есть и другая сторона, которую реализм не может не уважать, и в которой оба эти направления духа совпадают, и действуют за одно для высших идей человечества. Мы говорим о *синтетическом* принципе духа <...> Принципе *высших обобщений*» [1. С. 12]. По Никитенко, русская литература должна развиваться именно под знаком «разумного реализма», в котором идеализация служит возвышению, одухотворению, поэтизации жизни.

Важным для понимания эстетики Никитенко становится его художественное творчество, до сих пор существующее в тени его знаменитого «Дневника». В начале 20-х гг. XIX в. молодой Никитенко создаёт свои первые опыты в философской прозе. В личном архиве Никитенко, хранящемся

в рукописном отделе ИРЛИ РАН, находятся два неопубликованных отрывка: «Музариона, или Картина человеческих страстей» (1822) и «Картина страстей» (1825), посвященные мечтательности как пагубной жизненной программе. В ряду этих первых сочинений тогда еще студента Санкт-Петербургского университета стоит и неоконченный, но все же напечатанный фрагментами роман «Леон, или Идеализм»¹, в котором автор хотел дать для экзальтированной личности программу принятия действительности через философское преодоление иллюзий и возвышенного самообмана.

В одной из последних работ [8. С. 305], где дано осмысление эстетики Никитенко на примере его личной библиотеки, указано, что существует только один отрывок «Леона», опубликованный в альманахе А.А. Дельвига «Северные цветы на 1832 год». Однако ещё 1828 г. в «Полевых цветах» появился отрывок с названием «Леон и Маргарита, или Предрассудки XIX века», а в том же году «Невский альманах» представил другой фрагмент романа с обширными философскими рассуждениями о любви.

Если обратиться к публикации этих трёх отрывков романа «Леон, или Идеализм», становится очевидно, что все они при разности содержания имеют общую фабульную основу, приоткрывающую замысел всего произведения. В центре внимания автора – духовная жизнь молодого провинциального дворянина по имени Леон, получившего достойное домашнее образование. По достижении должного возраста он поступает в университет, где и начинает складываться его философия романтического идеала. В это же время герой встречает возлюбленную, названную Маргаритой, к которой пишет пространные письма и с которой по неясным причинам у него происходит разлад («...в кораблекрушении, которое претерпел в опасном море жизни, не многое для меня уцелело; лучшее погибло...» [12. 147].). Леон увлекается романтической поэзией, проводит время в «беседах» со своим кумиром Дж. Байроном.

Сохранившийся материал позволяет говорить о том, что Никитенко хотел показать несостоятельность романтизма во всех его проявлениях, а также (как следствие) опасность вертеризма, принятого за модель существования человека. Вероятно, роман должен был закончиться принятием героя действительности, прозы жизни, как впоследствии показал И.А. Гончаров в «Обыкновенной истории» (1847).

Публикация «Леона» была важна для молодого Никитенко, поскольку имела автопсихологическую основу в раскрытии выработанной им философии идеализма. Никитенко создает образ молодого энтузиаста, чтобы на его примере показать пагубность страстей и пылкого воображения, и в этом плане он очень тесно сходится с А.С. Пушкиным, который в романе в стихах «Евгений Онегин» на примере фигуры Ленского показывает слабости романтической натуры, экзальтированной души. Внимание Никитенко как

¹ П.Н. Берков в статье «Из истории русского вертеризма (Беллетристические опыты А.В. Никитенки)» (1932) указывает на то, что роман «Леон» представляет собой «...обработку «Музарионы» [11. С. 6].

пушкинского современника, конечно, было приковано к роману в процессе его поглавной публикации, а в развитии судьбы пылкого товарища Онегина он нашел траекторию того же пути, которым должен был идти его собственный герой.

Свидетельством особого интереса Никитенко к образу Владимира Ленского являются карандашные пометы, оставленные критиком на страницах первого отдельного издания «Евгения Онегина» (1833) из его личной библиотеки (ОРКП НБ ТГУ)¹. Читательская рефлексия Никитенко достоверно показывает, что образ романтика-поэта его привлекает именно в выстроенном Пушкиным противопоставлении главному герою.

Первая помета, касающаяся образа Ленского, встречается уже во второй главе:

И мира новый блеск и шум
Еще пленяли юный ум [14. С. 43].

Никитенко во всей строфе выделяет именно эти две строки, в которых автор упоминает о юном возрасте молодого романтика, таком же, как у Леопа в начале его жизненного пути. Далее в IX строфе Никитенко подчеркивает простым карандашом:

Негодование, сожаленье,
Ко благу чистая любовь [14. С. 44].

Здесь – акцент на любовь как главную жизненную силу, источник душевного томления и итог всех мечтаний. А именно сердечное чувство является той темой, которая пронизывает все известные отрывки романа Никитенко. Особенно важным для Никитенко оказалось противопоставление жизненных устремлений Онегина и Ленского. Сначала он отмечает пору сближения двух молодых людей: «Судьба и жизнь в свою чреду, / Все подвергалось их суду», а затем выделяет ироничный оттенок в отношении Онегина к Ленскому, где отдельное место занимает поэзия:

Поэт в жару своих суждений
Читал, забывшись, между тем
Отрывки северных поэм,
И снисходительный Евгений,
Хоть их не много понимал,
Прилежно юноше внимал [14. С.49].

¹ См. полную расшифровку и интерпретацию помет Никитенко на романе «Евгений Онегин» в статье И.О. Волкова и Э.М. Жиликовой: Волков И.О., Жиликова Э.М. «Представляет живую картину современных нравов»: А.В. Никитенко – читатель и критик романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Болдинские чтения : сб. ст. / отв. ред. И.С. Юхнова. Н. Новгород, 2022 [13. С. 188–213].

Наконец, Никитенко отчеркивает строки, в которых дано практически прямое впечатление пушкинского героя от натуры Ленского, связанное с отталкивающей однообразностью романтических упований:

Всегда, везде одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль [14. С. 52].

Читательское обращение Никитенко к роману Пушкина происходило в русле развития его концепции «идеализированного реализма», ставшего эстетической основой и для «Леона». При этом искания Никитенко не прошли бесследно, его эстетические опыты значимо коррелируют с идейным содержанием уже упомянутого романа Гончарова «Обыкновенная история», который в самом названии словно обыгрывает разочарование Леона, возводимое в типичность.

Н.И. Пруцков заметил, что «Гончаров в трактовке образа Адуева-младшего» шел по пути прозаического «варианта судьбы романтика Ленского», который наметил Пушкин и иронически развил Белинский, – это путь драматического «изживая романтизма» [15. С. 23]. В «родословной» Адуева-племянника рядом с Ленским вполне можно поставить и никитенковского Леона, который встраивается в процесс преодоления романтического настроя собственной личности. В критических заметках «Лучше поздно, чем никогда» (1879) Гончаров прямо указывал на главный замысел «Обыкновенной истории»: «...я, конечно, имел в виду и себя и многих подобных мне учившихся дома или в университете, живших по затишьям, под крылом добрых матерей, и потом – отрывавшихся от неги, от домашнего очага, со слезами, с проводами (как в первых главах “Обыкновенной истории”) и являвшихся на главную арену деятельности, в Петербург» [16. С. 83]. Писатель, друживший с Никитенко, не мог не знать и не читать отрывки из «Леона». Имеющий сложное, диалектическое отношение к романтизму, Гончаров посвящает первый роман своей трилогии именно теме, которая так волновала хорошо ему знакомого критика в 1820-е гг.

Сюжетная и идейная линия «Леона» тесно соотносится с «Обыкновенной историей» Гончарова, которая вышла спустя пятнадцать лет после публикации первого отрывка романа Никитенко. Очевидно, что критик печатал свои фрагменты как миниатюрные этюды-размышления, имеющие большую или меньшую целостность, хотя и в отсутствии динамично развивающегося сюжета и явной хронологии. По записи из «Дневника» становится ясно, что практически весь известный материал романа был создан уже к 1828 г., когда Никитенко переживал любовную драму с Керн¹.

¹ Судьбоносной для Никитенко оказалась встреча с А.П. Керн. Первая красавица столицы оказывала внимание Никитенко для своих особых целей. Она высылала ему записки из жизни для того, чтобы влюбленный в неё принял их за «сюжет своего романа,

Гончаров и Никитенко используют разные способы подачи одного и того же сюжета. «Обыкновенная история» открывается отъездом Адуева в Петербург навстречу новой жизни, а первый отрывок из «Леона» сразу начат с ретроспекции – описания разочарованного героя. Оба романа сближают как общий идейный замысел, так и пересечения сюжетных линий. Александр Адуев, покидающий родные Грачи и отправляющийся в неизвестный Петербург, очень напоминает экзальтированного Леона в начале его жизненного пути.

«Леон»

Уже в душе моей боролись стихии высшего нравственного существования. Но в борьбе сей единому случаю предложено было решить их жребий. Сердце мое, так сказать, уединенно дышало в груди моей чувствованиями века, чуждое тех мелких страстей, которые в юноше преобразуют уже будущего раба общественного формалитета, ржавую пружину в механизме жизни [18. С. 254].

«Обыкновенная история»

Ему скоро тесен стал домашний мир. Природу, ласки матери, благоговение няньки и всей дворни, мягкую постель, вкусные яства и мурлыканье Васьки – все эти блага, которые так дорого ценятся на склоне жизни, он весело менял на неизвестное, полное увлекательной и таинственной прелести [19. Т. 1. С. 9].

Героев влечет неутолимая жажда жизни и деятельности. При этом сам тип «мечтателя» был определен еще в годы воспитания и сложился под влиянием домашнего образования в степном имении, проникнутом патриархальностью жизненного уклада:

«Леон»

В самом деле, в то время как моя пламенная фантазия заменяла мне ум, а сей последний коснел в дремоте бездействия или, не направляемый искусною рукою, не руководимый по пути строгих начал, привыкал действовать только в пользу чувства и мечты, – в то самое время сердце мое дышало нежнейшими ощущениями [18. С. 256].

Я был воспитываем до семнадцатилетнего возраста в доме родителей моих так, как обыкновенно воспитывают русского дворянина, т. е. меня учили всему почти для одного вида, немного заботясь о том, в какой связи состоит то, что я буду знать, с тем, что предназначено мне делать [18. С. 255].

«Обыкновенная история»

Он мечтал о благородном труде, о высоких стремлениях и преважно выступал по Невскому проспекту, считая себя гражданином нового мира... [19. Т. 1. С. 25].

Он прилежно и многому учился. В аттестате его сказано было, что он знает с дюжину наук да с полдюжины древних и новых языков. Всего же более он мечтал о славе писателя [19. Т. 1. С. 9].

который она подстрекала продолжать» [17. С. 54]. Эта запись в «Дневнике» имеет важное значение для установления времени написания произведения. Никитенко начал писать автобиографический роман примерно около 1827 г.

Экзальтированность Леона и Александра Адуева напрямую связана с эпохой увлечения романтизмом как главным миромоделирующим принципом. Герой Никитенко прямо излагает особенности своего внутреннего мира, предельно соответствующие духу времени и обстоятельствам, в которых он живет: «Я родился в эпоху так называемых новых идей» [18. С. 254]. Но он не проходит ту нравственную эволюцию, в которой осуществил путь своего героя Гончаров. В финале романа писатель показал Адуева-младшего убежденным реалистом.

Большую роль в жизни героев Никитенко и Гончарова играет «прекрасная дама». У обоих есть возвышенный предмет обожания, хотя принадлежащий к обыкновенному – провинциальному миру, но своим возлюбленным они выражают безмерную преданность, в которой и сами как будто убеждены. При этом сердечные волнения Александра и Леона поданы авторами не без иронии в отношении обманчивости или наивности их устремлений:

«Леон»

Рано начала снестать сердце мое томительная жажда любви. На четырнадцатом году моего возраста в каждой уездной барышне, готовившейся быть достойною супругою какого-нибудь заседателя земского суда, я видел уже существо идеальное [18. С. 257].

«Обыкновенная история»

«Софью! нет, маменька, я ее никогда не забуду!» – сказал Александр [19. Т. 1. С. 7].

У Гончарова сентиментальные проявления, как и в отрывках «Леона», имеют общую цель – показать несостоятельность односторонней чувствительности. При этом эмоциональная выразительность понимается как положительное качество, вообще присущее жизни. Так, в самом начале «Обыкновенной истории» возникает образ сентиментальной матушки, провожающей сына в столицу. Тот же идиллический образ проявляется в «Леоне»:

«Леон»

Но мать моя была женщина, исполненная чистой любви ко всему прекрасному и доброму, и я сам любил ее с нежностью [18. С. 257].

«Обыкновенная история»

Слезы давно кипят у ней в сердце; они подступили к горлу, дают грудь и готовы брызнуть в три ручья; но она как будто берегла их на прощанье и изредка травила по капельке [19. Т. 1. С. 6].

Образы матушек в обоих произведениях не случайно соседствуют и соотносятся с образами дядюшек, принимающих заботу о племянниках. Мужская трезвость и рациональность взгляда на мир у Гончарова и Никитенко явно противопоставляются заблуждениям матерей.

«Леон»

К несчастью, мать моя совершенно зависела от моего дяди, который с поприща политической своей жизни принес в свою деревню несколько почтенных ран, глубокое невежество и страсть решать все

«Обыкновенная история»

По гроб жизни буду помнить, как мы вместе, гуляючи около нашего озера, вы, с опасностью жизни и здоровья, влезли по колено в воду и достали для меня в трост-

дела военные и не военные по правилам солдатской дисциплины [18. С. 258].

нике большой желтый цветок, как из стебелька одного тек какой-то сок и перемарал нам руки, а вы почерпнули картузом воды, дабы мы могли их вымыть; мы очень много тогда этому смеялись. Как я была тогда счастлива! Сей цветок и ныне хранится в книжке... [19. Т. 1. С. 19].

Еще один важный элемент в русле сопоставления «Леона» и «Обыкновенной истории» – это пейзаж. У Никитенко он фрагментарен, что вполне закономерно, и в целостном виде присутствует лишь единожды. Его отличительная особенность в том, что изображение природы несет на себе след предшествующей традиции его идиллического осмысления, полнота которого не может быть достигнута из-за бури внутреннего мира романтического героя. У Гончарова идиллическое выходит на первый план и соединяется с «обыкновенностью» – принципиально важной категорией для эстетики Гончарова. Пейзажные описания составляют тихую поэзию жизни. В «Леоне» сентиментальное представлено как уходящее, а у Гончарова как настоящее, вечное:

«Леон»

Дом мой, находясь в некотором отдалении от других, примыкает к подошве крутой горы, увенчанной печально зеленеющими соснами и елями. <...> Перед окнами сего дома лежит обширная равнина, замыкаемая вдали цепью холмов: она скучна и безотрадна, как жизнь человека, оставленного любовью и дружбою [18. С. 256].

«Обыкновенная история»

С балкона в комнату пахнуло свежестью. От дома на далекое пространство раскидывался сад из старых лип, густого шиповника, черемухи и кустов сирени. Между деревьями пестрели цветы, бежали в разные стороны дорожки, далее тихо плескалось в берега озеро, облитое к одной стороне золотыми лучами утреннего солнца и гладкое, как зеркало; с другой – темно-синее, как небо, которое отражалось в нем, и едва подернутое зыбью. А там нивы с волнующимися, разноцветными хлебами шли амфитеатром и примыкали к темному лесу. какой красотой бог одел поля наши! [19. Т. 1. С. 11].

Находясь в уединении, Леон зачитывается лирикой «певца Британии»: «Со мной поэт XIX века – Байрон. Беседа с ним составляет лучшее моё удовольствие» [18. С. 18]. Находим подобное и у Гончарова: «...в подтверждение чистоты исповедуемого им учения об изящном, призывал тень Байрона» [19. Т. 1. С. 62]. Образ английского поэта появляется в «Обыкновенной истории» ещё раз, когда в разговоре с Лизой Александр Адуев замечает у неё книгу: «То был “Чайльд-Гарольд”» [19. Т. 1. С. 139]. Уже отрезвленный герой объясняет возлюбленной опасности такого чтения и подобного мироощущения: «Зачем вам читать Байрона? – продолжал он, – может быть, жизнь ваша протечет тихо, как этот ручей: видите, как он мал, мелок; он не отразит ни целого неба в себе, ни туч; на берегах его нет ни скал, ни пропастей; он

бежит игриво; чуть-чуть лишь легкая зыбь рябит его поверхность; отражает он только зелень берегов, клочок неба да маленькие облака... так, вероятно, протекла бы и жизнь ваша, а вы напрашиваетесь на напрасные волнения, на бури; хотите взглянуть на жизнь и людей сквозь мрачное стекло... Оставьте, не читайте! глядите на все с улыбкой, не смотрите вдаль, живите день за днем, не разбирайте темных сторон в жизни и людях, а то...» [19. Т. 1. С. 140].

Идейная составляющая неосуществленного полностью романного замысла Никитенко как будто предвосхищает коллизию первого романа Гончарова: вскрытие иллюзий и разочарование романтика в своих идеалах. В «Обыкновенной истории» герой эксплицирует идеи Гончарова о синтезе, о невозможности одностороннего – идеалистического – принятия жизни: «...сочувствуйте тому, что свойственно вашему сердцу; ищите того, что под лад ему, иначе может случиться страшный разлад... и в голове, и в сердце. Тут он покачал головой, намекая на то, что он сам – жертва этого разлада» [19. Т. 1. С. 140]. Путь Леона и Адуева-младшего определен ломкой старых нравов, персонажи, ставящие себя на возвышенно-героические позиции, не выдерживают проверку прозой жизни, в которой, как оказывается, не все отдано исключительно идеальному.

«Леон»

Ничего не может быть мучительнее иного противоречия понятий с сим порядком, которое некогда возмущало все мои чувства. Какой-то смертоносный холод сжимал все мои идеи и останавливал их развитие; я чувствовал, как душа моя, отделяясь мало по малу от связей с другими, делаясь уединенною, ниспала в мрачную бездну, где все вокруг меня было глухо, дико и мертво [18. С. 258].

Казалось, всё умирало, гибло вокруг меня; однако ж я не умирал; я был полон жизни и силы; но сия жизнь, неразделяемая с другими, была тяжка для моего сердца... [18. С. 259].

«Один, один среди вселенной» [18. С. 257].

«Обыкновенная история»

Теперь он желал только одного: забвения прошедшего, спокойствия, сна души. Он охлаждался более и более к жизни, на все смотрел сонными глазами. В толпе людской, в шуме собраний он находил скуку, бежал от них, а скука за ним. Он удивлялся, как могут люди веселиться, беспрестанно заниматься чем-нибудь, увлекаться каждый день новыми интересами [19. Т. 1. С. 134].

Прежняя восторженность на лице Александра умерялась легким оттенком задумчивости, первым признаком закрадшейся в душу недоверчивости и, может быть, единственным следствием уроков дяди и беспощадного анализа [19. Т. 1. С. 40].

«Наедине с собою только, – писал он в какой-то повести, – человек видит себя как в зеркале; тогда только научается он верить в человеческое величие и достоинство» [19. Т. 1. С. 60].

Примеры из художественных текстов свидетельствуют о совершающемся постепенном разочаровании в представлениях и идеалах – как Леона, так и Адуева-племянника. У Гончарова значимым символом этого изменения служат слова Евсея по возвращении барина в родные пенаты: «Ра... кажись, разочаро... ванный...» [19. Т. 1. С. 160]. Это еще одно указание именно на «обыкновенность» происходящего, понимание которого, хотя и не совсем

уверенное, открывается даже Евсею. Ближе к финалу романа читатель встречает Александра Адуева в воплощении той несчастной судьбы, которую у Никитенко предрекал восторженному Леону его учитель-француз: «Леон! – сказал он мне однажды в порыве искренности и природного своего добродушия, – у тебя сердце столь нежное, воображение и воля столь неукротимые, что ты будешь несчастнейшее существо на сем свете» [18. С. 195].

Пушкинский афоризм из стихотворения «К Каверину» («Смешон и ветреный старик, / Смешон и юноша степенный») как нельзя лучше раскрывает идейный замысел Гончарова. В финале романа оба героя оказываются участниками «обыкновенной истории» – Адуев-младший отказывается от экзальтированности, а над дядей, который с «трезвым сознанием необходимости дела, труда, знания» учил племянника жизни, Гончаров вершит собственный суд, показывая его полный жизненный крах, связанный с ситуацией «романтического бегства» (Италия) и семейного уединения. Гончаров вновь обращается к пушкинским отсылкам, когда его герой начинает замечать поэзию «серенького неба, сломанного забора, калитки, грязного пруда и трепака» [19. Т. 1. С. 22]. Автор прозаически перефразирует строки из «Отрывков из путешествия Онегина»: «Иные нужны мне картины: / Люблю песчаный косогор, / Перед избушкой две рябины, / Калитку, сломанный забор, / На небе серенькие тучи, / Перед гумном соломы кучи / Да пруд под сенью и в густых, / Раздолье уток молодых» [20. С. 1]. Таким образом, Гончаров утверждает значимость художественного синтеза в литературе, поэтизацию обыкновенности. Именно эта художественная формула оказалась созвучной Никитенко в его собственном художественном творчестве.

Таким образом, Никитенко осмыслял современный ему историко-литературный процесс и человеческую жизнь вообще как органичное взаимодействие романтических и реалистических начал – «идеализированный реализм». Художественный опыт критика оказался созвучным идее Гончарова об «утраченных иллюзиях» провинциального романтика. «Обыкновенная история» аккумулирует типологические черты и линии, связанные с никитенковским Леоном (и, в свою очередь, восходящие или опирающиеся на образ Ленского), но уже в период расцвета «натуральной школы».

Список источников

1. Никитенко А.В. Мысли о реализме в литературе // Журнал Министерства народного просвещения. 1872. Ч. 159, январь. С. 1–56.
2. Колосова Г.И. Автографы И.А. Гончарова в библиотеке А.В. Никитенко // Из истории книжных фондов библиотеки Томского университета. Томск, 1998. Вып. 3. С. 43–49.
3. Колосова Г.И. А.В. Никитенко и Н.В. Гоголь: (По материалам библиотеки А.В. Никитенко, хранящейся в Научной библиотеке Томского государственного университета) // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. М., 2009. Вып. 2. С. 90–107.
4. Жиякова Э.М., Павлович К.К. А.В. Никитенко – читатель и критик романа И.А. Гончарова «Обломов» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 68. С. 243–257.
5. Гончарова Н.В. Личная библиотека А.В. Никитенко как «летопись русской литературы» // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 25–31.

6. Волков И.О., Жилиякова Э.М. А.В. Никитенко читатель и критик романа А.И. Герцена «Кто виноват?» (по материалам библиотеки профессора) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 77. С. 145–168.

7. Отзыв проф. А.В. Никитенко о диссертации Н.Г. Чернышевского, 13 апреля 1855 г. // Красный Архив. Исторический журнал / Главное Архивное управление НКВД СССР. Т. 6 (91). М., 1938. С. 279–280.

8. Гончарова Н.В. Библиотека А.В. Никитенко как репрезентант его творческой и профессиональной деятельности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 23 с.

9. Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма: Князь В.Ф. Одоевский. Мыслитель – писатель. Т. 1, ч. 1. М. : М. и С. Сабашниковы, 1913. 481 с.

10. Никитенко А.В. В.А. Жуковский со стороны его поэтического характера и деятельности // Отечественные записки. 1853. Т. 86, отд. 2. С. 1–36.

11. Берков П.Н. Из истории русского вертеризма. М. : АН СССР, 1933. 8 с.

12. Невский альманах. 1832. С. 137–148.

13. Волков И.О., Жилиякова Э.М. «Представляет живую картину современных нравов»: А.В. Никитенко – читатель и критик романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Болдинские чтения : сб. ст. / отв. ред. И.С. Юхнова. Н. Новгород, 2022. С. 188–213.

14. Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах. СПб. : Типография А.Ф. Смирдина, 1833. 287 с.

15. Пруцков Н.И. Мастерство Гончарова-романиста. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. 230 с.

16. Гончаров И.А. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Худож. лит., 1980. Т. 8: Статьи, заметки, рецензии, письма. 559 с.

17. Никитенко А.В. Записки и дневник : в 3 т. Т. 1. М. : Захаров, 2005. 640 с.

18. Северные цветы на 1832 год. М. : Наука, 1980. 399 с.

19. Гончаров И.А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 1. М. : Гослитиздат, 1952. 327 с.

20. Пушкин А.С. Последняя глава Евгения Онегина. СПб., 1832. 60 с.

References

1. Nikitenko, A.V. (1872) Mysli o realizme v literature [Thoughts on realism in literature]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 159. January. pp. 1–56.

2. Kolosova, G.I. (1998) Avtografy I.A. Goncharova v biblioteke A.V. Nikitenko [Autographs by I.A. Goncharov in the library of A.V. Nikitenko]. In: Erokhina, G.S. (ed.) *Iz istorii knizhnykh fondov biblioteki Tomskogo universiteta* [From the History of the Book Collections of the Library of Tomsk University]. Vol. 3. Tomsk: Research Library of Tomsk State University. pp. 43–49.

3. Kolosova, G.I. (2009) A.V. Nikitenko i N.V. Gogol' (Po materialam biblioteki A.V. Nikitenko, khranyashcheysya v Nauchnoy biblioteke Tomskogo gosudarstvennogo universiteta) [A.V. Nikitenko and N.V. Gogol (Based on materials from the library of A.V. Nikitenko, stored in the Scientific Library of Tomsk State University)]. In: Dmitrieva, E.E. (ed.) *N.V. Gogol': Materialy i issledovaniya* [N.V. Gogol: Materials and research]. Vol. 2. Moscow: Institute of World Literature RAS. pp. 90–107.

4. Zhilyakova, E.M. & Pavlovich, K.K. (2020) Aleksandr Nikitenko as the Reader and Critic of Ivan Goncharov's Oblomov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 68. pp. 243–257. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/68/11

5. Goncharova, N.V. (2021) Aleksandr Nikitenko's Private Library as a "Chronicle of Russian Literature". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – Tomsk State University Journal*. 463. pp. 25–31. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/463/3

6. Volkov, I.O. & Zhilyakova, E.M. (2022) Aleksandr Nikitenko as a Reader and Critic of the Novel Who Is to Blame? by Alexander Herzen (on the Material of the Professor's Library).

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 77. pp. 145–168. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/77/7

7. Adoratskiy, V.V. et al. (eds) (1938) *Krasnyy Arkhiv. Istoricheskiy zhurnal* [Krasnyy Arkhiv. Historical magazine]. Vol. 6 (91). Moscow: Tsentr. arkhiv RSFSR. pp. 279–280.

8. Goncharova, N.V. (2017) *Biblioteka A.V. Nikitenko kak reprezentant ego tvorcheskoy i professional'noy deyatel'nosti* [Library of A.V. Nikitenko as a representative of his creative and professional activities]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.

9. Sakulin, P.N. (1913) *Iz istorii russkogo idealizma. Knyaz' V.F. Odoevskiy. Myslitel' – pisatel'* [From the History of Russian Idealism. Prince V.F. Odoevsky. A thinker is a writer]. Vol. 1. Part 1. Moscow: M. i S. Sabashnikovy.

10. Nikitenko, A.V. (1853) V.A. Zhukovskiy so storony ego poeticheskogo kharaktera i deyatel'nosti [Vasily Andreevich Zhukovsky, From the Point of View of His Poetic Character and Work]. *Otechestvennye zapiski.* 86. Section 2. pp. 1–36.

11. Berkov, P.N. (1933) *Iz istorii russkogo verterizma* [From the History of Russian Wertherism]. Moscow: USSR AS.

12. *Novskiy al'manakh.* (1832). pp. 137–148. (In Russian).

13. Volkov, I.O. & Zhilyakova, E.M. (2022) “Predstavlyaet zhivuyu kartinu sovremennykh нравов”: A.V. Nikitenko – chitatel' i kritik romana A.S. Pushkina “Evgeniy Onegin” [“Presents a vivid picture of modern morals”: A.V. Nikitenko as a reader and critic of A.S. Pushkin's Eugene Onegin]. In: Yukhnova, I.S. (ed.) *Boldinskie chteniya* [Boldin Readings]. Nizhny Novgorod: National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. pp. 188–213.

14. Pushkin, A.S. (1833) *Evgeniy Onegin. Roman v stikhakh* [Eugene Onegin. A novel in verse]. Saint-Petersburg: tip. Aleksandra Smirdina.

15. Prutskov, N.I. (1962) *Masterstvo Goncharova-romanista* [The Skill of Goncharov the Novelist]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

16. Goncharov, I.A. (1980) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 8. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

17. Nikitenko, A.V. (2005) *Zapiski i dnevnik* [Notes and Diary]. Vol. 1. Moscow: Zakharov.

18. Grishunin, A.L. (1980) *Severnye tsvety na 1832 god* [The Severnye tsvety for 1832]. Moscow: Nauka.

19. Goncharov, I.A. (1952) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.

20. Pushkin, A.S. (1832) *Poslednyaya glava Evgeniya Onegina* [The Last Chapter of Eugene Onegin]. Saint Petersburg: tip. Departamenta narodnogo prosveshcheniya.

Информация об авторе:

Павлович К.К. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: pavlovitch.cristina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.K. Pavlovich, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pavlovitch.cristina@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.07.2022;
одобрена после рецензирования 25.11.2022; принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 17.07.2022;
approved after reviewing 25.11.2022; accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья
УДК 82.091 + 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/88/12

Интерпретация мотива женской кукольности: от мифа до постмодерна

Ирина Спивак-Лавров¹

¹ *Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, Актобе, Казахстан,
irinaspivaklavrov@rambler.ru*

Аннотация. Рассматриваются интерпретации женской кукольности в контексте различных исторических периодов от мифологии до постмодернизма. Определяются обрядовые и архетипические источники культурологического феномена куклы. Образ женщины-куклы и куклы-женщины соотносится со многими смежными мотивами: ожившей статуи, превращения, подмены, внутренней пустоты и статичности. Исследуются различные трактовки мотива кукольности в аспекте романтической, модернистской и постмодернистской эстетики в русской и европейской литературе.

Ключевые слова: кукла, куколовод, романтизм, модернизм, постмодерн, пошлость, антиутопия, карнавализация

Для цитирования: Спивак-Лавров И. Интерпретация мотива женской кукольности: от мифа до постмодерна // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 88. С. 230–241. doi: 10.17223/19986645/88/12

Original article
doi: 10.17223/19986645/88/12

Interpretation of the motif of female puppetry: From myth to postmodernism

Irina Spivak-Lavrov¹

¹ *Aktobe Regional University, Aktobe, Republic of Kazakhstan, irinaspivaklavrov@rambler.ru*

Abstract. The article deals with the interpretation of female puppetry in the context of various historical periods from mythology to postmodernism. Ritual and archetypal origins of the culturological phenomenon of the puppet are determined. The image of a woman-puppet and a puppet-woman correlates with many related motifs: a revived statue, duality, transformation, inner emptiness, and static characters. Various interpretations of the motif of puppetry in the aspect of romantic, expressionistic, postmodern aesthetics in Russian and European literature are explored. In romantic literature ("The Sandman" by E.T.A. Hoffmann), the mechanical puppet Olympia is associated and subordinated to the odious figures of its creators and puppeteers: Professor Spalanzani and lawyer Coppelius. The images of scientists, inventors in the context of the Middle Ages and the Renaissance are associated with infernal dark

forces, this theme also dominates in Goethe's poem *Faust*, Dr. Faust is practically inseparable from Mephistopheles and forms a single whole with him. Thus, the idea of pure reason, devoid of faith, ascending not to divine truth, but to the opposite demonic principle, is accumulated. One of the interpretations of the motif of a woman-puppet in the literature of romanticism is the humanization, anthropomorphism of puppet characters, when they are endowed with a soul and high human qualities (H.C. Andersen's "The Tin Soldier"). In the twentieth century, in the literature of modernism and postmodernism, this interpretation of the motif of puppetry is inverted. Now a person is likened to a puppet, transforming into a mannequin and a robot. In the modernist literature of the first third of the 20th century, the motif of female puppetry was extremely popular, the article considers the heroines of V. Wolf's short stories, female images in K. Vaginov's novel *Bambochada*, Valya (the novel *Envy*) and Natasha ("The Cherry Pit") from the works of Yu. Olesha, as well as the female characters of V. Nabokov's novels *King*, *Queen*, *Jack* and *Invitation to a Beheading*. In *Invitation to a Beheading*, the world of vulgarity turns into a totalitarian apparatus, in which any manifestation of "otherness" is not possible. Cincinnatus should be executed only because he does not fit the molds and patterns of the puppet world. The images of puppets, marionettes, and puppeteers become markers of the dehumanization of the art of the 20th century. A puppet is always perceived as a fake person, a copy, a simulacrum, so one of the main related motifs of puppetry is the motif of duality. The image of a person possessed by a "double" is transformed into an "automatic machine", into a living dead person. In the context of modernism, more precisely expressionism, in the texts of V. Wolf, Yu. Olesha and K. Vaginov, female images are likened to puppets or things, they are "puppet-like", but the human component is still present. In the process of creating images, comparisons and various types of tropes play an important role. In the postmodern novels of V. Nabokov, the characters completely transform into puppets, the ambiguity disappears, but the absurdity of the images appears.

Keywords: puppet, puppeteer, romanticism, modernism, postmodernism, vulgarity, dystopia, carnivalization

For citation: Spivak-Lavrov, I. (2024) Interpretation of the motif of female puppetry: From myth to postmodernism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 88. pp. 230–241. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/88/12

В первой трети XX в. в литературе модернизма и постмодернизма возникает новая интерпретация мотива кукольности. Человек уподобляется кукле, трансформируясь в марионетку, манекена, машину и робота. Образы кукол и кукловодов становятся маркерами дегуманизации искусства XX в. и появления жанра антиутопии или дистопии. В романе Ю. Олеши «Зависть» (1927) главный герой Николай Кавалеров «завидует» так называемым «новым людям» постреволюционной действительности Андрею Бабичеву, Володе Макарову, Шапиро, которые лишены эмотивной функции, обезличены. «Новые люди» стремятся превратиться в идолов (Андрей Бабичев) или в машины (Володя Макаров), чтобы достичь совершенства. Володя Макаров с гордостью говорит о себе: «Я человек-машина, не узнаешь ты меня. Я превратился в машину» [1. С. 56]. По мнению М.О Чудаковой, «это люди-вещи, в них есть нечто застойное, и чем больше они двигаются, шумят, бьют по мячу, тем очевиднее их внутренняя остановленность, их

уподобленность «неживому миру» [2. С. 64]. В. Набоков в романе «Приглашение на казнь» (1935–1936) показывает, как мир пошлости превращается в тоталитарный аппарат, в котором невозможно проявление любой инаковости. Главный герой Цинцинат должен быть казнен только потому, что он не соответствует шаблонам и паттернам кукольного мира.

Стиль В. Вулф, Ю. Олеши, К. Вагинова и В. Набокова ближе к экспрессионизму, именно это предположение, а не прямое влияние авторов друг на друга позволяет сравнивать творчество английской писательницы В. Вулф и русскоязычных авторов, объединенных временным контекстом (первая треть XX в.). Также можно выделить общность тем, мотивов, приемов, творческого инструментария заявленных авторов. Отличительными чертами экспрессионизма можно считать трагический гротеск, карикатурность образов, метафоризацию, символизм и карнавальное начало. В. Руднев в своем «Словаре культуры XX века» замечает, что для экспрессионизма «характерен принцип всеохватывающей **субъективной интерпретации реальности**, возобладавшей над миром первичных чувственных ощущений, как было в первом модернистском направлении – импрессионизме» [3]. Для импрессионизма характерна сосредоточенность на пейзажных образах, а экспрессионизм сконцентрирован на личности человека, его трагизме и одиночестве. Иллюстрацией этих смыслов является культовое произведение экспрессионизма в живописи начала XX столетия картина Э. Мунка «Крик». Субъективный идеализм, а также его крайняя форма солипсизм становятся основными философскими направлениями мировоззренческого уровня для творчества В. Вулф, Ю. Олеши, К. Вагинова и В. Набокова.

В модернистской литературе первой трети XX в. мотив женской кукольности был крайне популярен, в статье будут рассмотрены героини новелл В. Вулф, женские образы в романе К. Вагинова «Бамбочада» (1931), Валя (роман «Зависть» (1927) и Наташа («Вишневая косточка») (1929) из произведений Ю. Олеши, а также женские персонажи романов В. Набокова «Король, дама, валет» и «Приглашение на казнь» (1935–1936).

Мотив куклы-женщины связан с различными бинарными оппозициями «живого – неживого, оживающего – застывающего, одухотворенного – механического, мнимой жизни – жизни подлинной» [4. Т. 1. С. 380], необходимо отметить, что в разные эпохи проявляются различные аспекты этого мотива. В статье феномен куклы понимается как обобщающее понятие, т.е. любое изображение, дублирование человека, подделка, симулякр, такие образы, как пугало, чучело, статуя, манекен, робот, а также, как частный случай, отождествление человека с вещью, уравнивание его с предметным миром интерпретируются как отдельные проявления общей темы.

Экспонируем истоки мотива женской кукольности в древних мифах, образах и в истории художественной литературы. Восприятие образа куклы связано с ее маргинальным, пограничным положением между реальным миром живых и потусторонним миром мертвых. Кукла представляет собой культурологический феномен, не принадлежащий ни к миру вещей, ни к миру людей. В русском фольклоре сжигание чучела Масленицы и Костромы

трактуют как идею умирающего и возрождающегося бога зерна, но также эти обряды связаны с инициацией, шуточными похоронами и мнимой смертью, таким образом, масленичное чучело связано с тройственным смысловым рядом: жизнь – смерть – возрождение.

Истоки мотива женщины-куклы и куклы-женщины восходят к мифологическому античному сюжету о Пигмалионе и Галатее и связаны с архетипическим образом ожившей статуи, созданной Пигмалионом (демиург – создатель) и оживленной Афродитой (божественное начало). В этом мифе происходит метаморфоза, трансформация из статуи в человека, в данном аспекте можно отметить проявление бинарной оппозиции «застывающего – оживающего» и «неживого – живого». Существует апокрифический миф о Лилит, первой жене Адама, представляющий собой неудачный опыт Творца. Лилит впоследствии становится демоническим существом в иудейской мифологии, наносящим вред роженицам и новорождённым детям. В библейской традиции Ветхого Завета Ева создана Творцом опосредованно через ребро Адама. Женщина, согласно ветхозаветной трактовке, ближе к искустителю и сама является искушением для мужчины. Таким образом, в апокрифическом и официальном библейском мифе о создании женщины зарождается бинарная оппозиция «божественное – демоническое» (Ева – Лилит; двойственность самой Евы).

В европейском романтизме мотив куклы-женщины становится полисемантическим, включающим не только негативную зловещую трактовку, но и идеализацию кукольных персонажей. Например, в повести «Щелкунчик» (1816) Э.Т.А. Гофмана и в сказке Г.Х. Андерсена «Оловянный солдатик» (1838) куклы наделяются высокими человеческими эмоциями и чувствами. Двойственная природа куклы позволяет ей участвовать в многочисленных превращениях (человека в куклу и наоборот). В «Щелкунчике» Э.Т.А. Гофмана используется смежный мотив подобного двойного превращения человек – кукла – человек.

В «Песочном человеке» (1816) Э.Т.А. Гофмана ожившая механическая кукла разрушающе воздействует на психику и судьбу Натаниэля. «Олимпия явилась в богатом наряде, выбранном с большим вкусом. Нельзя было не восхититься прекрасными чертами ее лица, ее станом. Ее странно изогнутая спина, ее талия, тонкая, как у осы, казалось, происходили от слишком сильной шнуровки. В ее осанке и поступи была заметна какая-то размеренность и жесткость, что многих неприятно удивило» [5]. Олимпия – это идеально созданная кукла-женщина, персонифицирующая демоническое начало, отсутствие души приводит к заполнению пустоты темной энергией inferнальных сил. В русском романтизме существует тождественный сюжет повести Э.Т.А. Гофмана – это произведение А. Погорельского «Пагубные последствия необузданного воображения». Внутренняя пустота механических кукол в тексте усиливается акцентом на портретной детали – глазах кукольных героинь: «потопленные вниз очи» Аделины, «можно было подумать, что она ничего не слышит и ничего не видит» [6]. Ю. Лотман замечает:

«Движущаяся кукла, заводной автомат, неизбежно вызывает двойное отношение: в сопоставлении с неподвижной куклой активизируются черты возросшей натуральности – она менее кукла и более человек, но в сопоставлении с живым человеком резче выступает условность и ненатуральность» [4. Т. 1. С. 377]. В литературе европейского и русского романтизма проявляются бинарные оппозиции оживающего – застывающего, одухотворенного – механического, божественного – демонического начала.

В реалистической литературной традиции кукольная внешность женщины имеет негативную трактовку, связанную с неестественностью, ходульностью, отсутствием витальной силы. Гармоничная природная красота и кукольность воспринимаются как антитеза. Дон Гуан в «Маленьких трагедиях» А.С. Пушкина говорит о северных красавицах: «В них жизни нет, все куклы восковые» [7]. Для эстетики модернистского направления начала XX в. – экспрессионизма характерны приемы овеществления человека и очеловечивания вещи. Сравнение и метафора позволяют «освоить» объект, сделать «своим», причислить его к сфере субъективного сознания. В стиле В. Вулф и Ю. Олеши присутствуют тождественные мотивы, стилистические приемы и авторский инструментарий. Героиня рассказа «An unwritten novel» (1920) В. Вулф неестественна и механистична: «she moved her head from side to side, like a top» [8], «краснощечие яблоки» в корзинах подобны женским головкам за окнами парикмахерской. В новелле «The new dress» (1924) главная героиня сравнивается с портняжной куклой, в которую можно втыкать булавки («She felt like a dressmaker's dummy standing there, for young people to stick pins into» [8]. Изабелла из новеллы «The lady in the looking-glass» поражает своей закрытостью, замкнутостью, она сравнивается «с запертыми ящичками, набитым письмами. Говорить о том, чтобы «вскрыть ее», точно она устрица, грешно и нелепо» [9. С. 462]. Предметы, напротив, наделяются качествами живого существа, например, осколок стекла из новеллы «Solid objects» (1920) превращается в фантастического арлекина. Мотив женщины-куклы входит как частный случай в мотив «человека-вещи». Таким образом, возникает мотив женщины-куклы и женщины-вещи в стилистике прозы В. Вулф.

Например, в рассказе «Вишневая косточка» (1929) героиня красива, но пуста и фальшива. «Наташа подняла лицо, и вдруг ее лицо показалось мне сияющим фарфоровым блюдцем» [1. С. 214]. В.П. Полонский назвал стиль Ю. Олеши предметным, или «вещным», в котором образы предметы оживляются с помощью метафоры и становятся равнозначными героям-персонажам. В иконике Ю. Олеши выделяется базовый треугольник художественных типов героев: прагматик – художник – вещь. Ю. Олеша маркирует тип персонажа прежде всего в отношении его к вещному миру. В его произведениях присутствуют два характера, два мировосприятия, два антипода: художник и прагматик. Прагматик просто использует вещь, относится к образам-предметам только с точки зрения их полезности, утилитарности, в то время как художник видит внутренний мир и красоту вещей. В романе «За-

висть» к первому типу героев, т.е. к прагматикам, относятся Андрей Бабичев, Володя Макаров, Шапиро и др., а ко второму (художникам) – Николай Кавалеров и Иван Бабичев. Вещи или предметы также оказываются одушевленными, например Кавалеров заявляет: «Меня не любят вещи. Мебель норовит подставить мне ножку. Какой-то лакированный угол буквально укусил меня. С одеялом у меня всегда сложные взаимоотношения. Суп, поданный мне, никогда не остывает» [1. С. 14]. Женские образы Ю. Олеши отчасти приравняются к предметному миру. В приведенной ниже таблице иллюстрируется прием очеловечивания предметов и овеществления людей. Ваза просвечивает кровеносной красотой, а щека Вали подобна вазочке. Колбаса становится неким символом прагматиков, так как сфера деятельности Николая Бабичева связана со всем, «что касается жранья». Именно поэтому в руках Бабичева колбаса оживает, а вдову Прокопович «можно выдавливать, как ливерную колбасу».

Оживленная вещь в стилистике Ю. Олеши	Женщина-вещь в стилистике Ю. Олеши
1. Тончайшего фарфора <u>ваза</u> , округлая, высокая, просвечивающая нежной кровеносной красотой [1. С. 13].	1. Когда слеза, изгибаясь, течет по щеке Вали, <u>как по вазочке</u> [1. С. 64].
2. <u>Колбаса</u> свисала с розовой сановной ладони Бабичева, как нечто живое [1. С. 25] (подчеркнуто нами. – И. С.-Л.).	2. Вдова Прокопович стара, жирна и рыхла. Ее можно выдавливать, <u>как ливерную колбасу</u> [1. С. 37].

Красавицы Валя и Наташа всегда выбирают прагматиков, рационально мыслящих материалистов, «образцовых мужских особей» [1. С. 13], подобных Володе Макарову, Андрею Бабичеву и Борису Михайловичу («Вишневая косточка»), но, в мировидении Ю. Олеши, лишенных воображения и чувствования, поэтому пустых и никчемных истуканов, идолов. Наташа отдает предпочтение Борису Михайловичу, а Валя не замечает любви и восторженности Кавалерова, способного поэтически выразить чувство восторженности и любви: «Она прошумела мимо меня, как ветвь, полная цветов и листьев» [1. С. 26]. Кавалеров и Иван Бабичев, родной брат Андрея, обладают авторским мировидением, но в контексте романа «Зависть» им достается незавидный жребий, они делят на двоих постель вдовы Анечки Прокопович, опускаясь на самое дно пошлого мира. Сюжетные метафоры – это система мировидения Ю. Олеши. Иван Бабичев создает машину-исполина, предназначенную для тотального разрушения мира. Эта машина получает имя шекспировской Офелии. Эта машина – символ подпольного, маргинального искусства. В периоды революций и войн искусство становится ненужным, так как весь мир замыкается на жестокости и утилитарности, тогда искусство начинает мстить, трансформируясь из созидательной силы в разрушающую.

Все женские образы К. Вагинова в романе «Бамбочада» обладают кукольной внешностью, у каждой героини свое амплуа: и невеста Евгения, Ларенька, с голубыми («цвета воды») глазами [9. С. 352], и тихая, аккуратная

дочь шорника с ее бледной правильной красотой и «безукоризненно причесанными бледными волосами» [10. С. 389], и последнее увлечение Евгения – Нинон «с ее ярко очерченными алыми губами, открытыми голубыми глазами и мягкими золотистыми кудрями, казалась ему... куклоподобной» [10. С. 446]. Таким образом, автор подчеркивает их внутреннюю пустоту и статичность. «Она (Матреша Белоусова) была жеманна и говорила про домовика Прошу, что он ворочает ее как куколку» [10. С. 356]. Эта тотальная женская кукольность связана с идеей пошлости кукольных героинь, особой атмосферой карнавализации романа, приемом трагического гротеска, гиперболизации и избыточности образов. Этот роман К. Вагинова необходимо воспринимать в контексте эстетики экспрессионизма. Евгений Фелинфлеин представляет собой пародию на романтического персонажа, Фелинфлеин сублимируется в образе плута, шута и трикстера, также как и Кавалеров называет себя «шутком при Бабичеве». Евгений оказывается в центре повествования, окруженный женскими куклоподобными персонажами различных типов (балерина Варенька, роковая Нинон и хозяйка квартиры Матреша Белоусова).

Композиция романа «Бамбочада» осложнена вставными новеллами. Например, рассказ о дочери Ермилова и о незаметной актрисе, которая благодаря знаменитой пудре товарищества «Гигиена» превратилась в любимицу публики и королеву сцены. Последняя новелла представляет собой пародию на рекламу, подчеркивающую ее антиэстетическую и антигуманную сущность. В.В. Набоков в статье о рекламе писал, что любая реклама подменяет истинные человеческие ценности – материальными. Реклама в тексте романа К. Вагинова призывает: «Купите пудру товарищества «Гигиена» и вы будете счастливы». Таким образом, реальный мир подменяется искусственным, а человек – куклой, манекеном, роботом, симулякром.

В. Носик в своей новой книге замечает: «Один из западных набоковедов назвал Набокова – *homoludens* («игрун», «игрок», «любитель игр»)» [11. С. 245]. Действительно, игровое начало разнообразно представлено в художественной прозе и драматургии Набокова. Причем игровое начало переплетается у Набокова-Сирина с интеллектуальным, автор открыто ориентирует читателя на поиски второго, третьего смыслов. Почти все женские персонажи в романах В. Набокова «Король, дама, валет» и «Приглашение на казнь» пошлые и внутренне пустые манекены и куклы. Кукольность главной героини романа «Король, дама, валет» Марты подтверждается цитатами: «она... машинально поправила юбку, машинально заметив, что пассажир, появившийся в углу, молодой человек в очках, – смотрит на голый шелк ее ног» [12. Т. 1. С. 118], глаза ее неподвижны «с их большими, словно упругими зрачками» [12. Т. 1. С. 121].

Роман В. Набокова «Приглашение на казнь» относится к литературной антиутопии или дистопии. Автор открыто апеллирует к театральности, зрелищности и абсурдности. Фон, на котором происходит действие, явно ассоциируется с театральными декорациями («плоские деревья», луна, которую

можно убрать, «бутафорский желудь», нарисованные ряды зрителей). Главный герой романа антиутопии «Приглашение на казнь» Цинциннат говорит своей матери: «Почему у вас макинтош мокрый, а башмаки сухие, – ведь это небрежность. Передайте бутафору». [12. Т. 4. С. 75]. По отношению к матери Цинцинната звучит такая фраза: «Я же отлично вижу, что вы такая же пародия как все... Играйте свою роль...» [12. Т. 4. С. 75]. Цинциннат говорит о том, что «тридцать лет прожил среди плотных на ощупь приведений, скрывая, что жив и действителен» [12. Т. 4. С. 39], в этом, пожалуй, главная вина Цинцинната, на протяжении всего романа он находится в тюрьме и ожидает собственной казни.

Женская кукольность в романе «Приглашение на казнь» проявляется прежде всего в Марфиньке, жене Цинцинната. «Продолговатые, чудно отшлифованные слезы поползли у Марфиньки по щекам, подбородку, гибко следуя всем очертаниям, – одна даже дотекла до ямки под ключицей, но глаза смотрели все так же кругло...» [12. Т. 4. С. 113]. Причем слеза Марфиньки на вкус оказалась «не соленая и не солодкая – просто капля комнатной воды». Хотя внешний вид Цецилии Ц., матери Цинцинната, и запрограммированное поведение выдают ее кукольную сущность, именно в ней Цинциннат заметил мгновенное выражение глаз, «словно проступило нечто, настоящее, несомненное (в этом мире, где все было под сомнением), словно завернулся краешек этой ужасной жизни и сверкнула на миг подкладка» [12. Т. 4. С. 78].

В системе образов романа К. Вагинова «Бамбочада» и В. Набокова «Приглашение на казнь» присутствуют тождественные образы балерины Вареньки и Эмочки. В романе «Бамбочада» К. Вагинова балерина Варенька, дочь Ермилова, внешне прелестная, но внутренне совершенно пустое и бесполезное существо. Варенька, которая «любила свое тело и холила его для искусства, целыми днями мылась, причесывалась... примеряла всякие ленточки, туфельки, мяукала, заговаривала голосами маленьких детей» [10. С. 382]. Вареньке уже не существует в художественном времени и пространстве романа, так как она умирает совсем молодой, о жизни Вареньки рассказывает ее безутешный отец Ермилов, но мертва она была еще при жизни, так как представляла собой совершенно неприкаянное существо, с кукольной внешностью, внутренней пустотой и чувством нарциссизма. Кукла – балерина Эмочка сначала проявляла мнимое благородство, собираясь помочь Цинциннату избежать казни и устроить ему побег из тюрьмы, но подземный ход приводит Цинцинната обратно в камеру. Эмочка оказывается дочерью директора тюрьмы, а мнимый побег, организованный ею, – способ поиграть с заключенным Цинциннатом. Во внешности Эмочки открыто декларируется неестественность, кукольность: «...все еще на корточках, но чуть вольнее, чуть покачиваясь, как на рессорах, скрестив голые пушистые руки, полуоткрыв розовый рот и моргая длинными, бледными, как бы даже седыми, ресницами, смотрела поверх стола на дверь»; «...ее распущенные, шелковисто-бледные волосы кончались длинными буклями» [12. Т. 4. С. 25]. Эмочка уже не подобна кукле или вещи, она и есть кукла, равнодушная ко всему, в том числе и к судьбе заключенного Цинцинната.

Эммочка и Марфинька – это уже не куклоподобные образы, в них не осталось ничего человеческого, это куклы в театральных декорациях романа. Марфинька символизирует пошлость и низость жизни, она не только не скрывает от мужа свои многочисленные измены, но еще и сообщает о них: «Марфинька опять это делала». Уменьшительно-ласкательные суффиксы в номинациях этих героинь романа (Варенька, Эммочка и Марфинька) подчеркивают фальшивость и приторность образов. Тожественным в этих героинях является семантика механистичности, фантомности, бездушности, сходства с неким оригиналом и в то же время – мертвенность, искусственность.

Отдельно рассмотрим компонент кукольника и кукловода, скрытого за куклой, эти образы появляются дискретно в определенные периоды истории литературы. Так, образ кукловода характерен в основном для романтизма и постмодернизма. Образы создателей – демиургов механических кукол в литературе романтизма в «Песочном человеке» Э.Т.А. Гофмана и в «Пагубных последствиях необузданного воображения» А. Погорельского соединены с демоническими темными силами. Прекрасная Олимпия и Аделина с ангельским ликом связаны и соподчинены с одиозными фигурами их создателей и кукловодов: профессором Спалланцани и адвокатом Коппелиусом («Песочный человек») и профессором Андрони и его поделщиком Вентурино («Пагубные последствия необузданного воображения»). Одежда Вентурино, красный плащ и треуголка, его роль мнимого пастора, обвенчавшего главного героя повести А. Погорельского графа Алцеста с куклой, набитой «хлопчатой бумагой», выдают в нем существо в высшей степени безнравственное, а возможно, и олицетворяющего дьявольские силы.

В сюжете литературной сказки Ю. Олеши «Три толстяка» осуществляется двойная подмена Суок на куклу наследника Тутти, затем сломанная кукла заменяется доктором Гаспаром Арнери на живую девочку. В «Трех толстяках» происходит инверсия романтической традиции, зловещие демонические образы ученых трансформируются в положительных персонажей доктора Гаспара Арнери и изобретателя Туба, находящегося в заточении, из-за того, что он отказался сделать «железное» сердце наследнику Тутти.

«Король, дама, валет» представляет собой пародию на реалистические социальные романы Теодора Драйзера. Набоков оставляет подсказку, отсылку к Драйзеру, так как фамилия мужа Марты Драйер. Драйзер – Драйер – это неслучайное созвучие, внешний нарратив романа очень похож на криминально-социальные сюжеты Драйзера, но это только маска, симулякр и подделка. В кульминационный момент сюжет переворачивается и текст становится постмодернистским. О. Дарк соотносит основную идею романа «Король, дама, валет» с мотивом «человека-куклы, манекена, автомата. Но «автоматизация» человека – только частное проявление более глобальной темы судьбы, рока, фатума. Отсюда и карточная символика, вынесенная в название» [12. Т. 4. С. 13]. Основная сюжетная линия романа «Король, дама, валет» построена на традиционном любовном треугольнике Драейр – Марта – Франц. Марта и Франц, провинциальный племянник Драейра, становятся любовниками. Марта замышляет убийство богатого супруга, Франц

должен стать исполнителем и соучастником этого убийства, но судьба распоряжается совсем иначе. Появление директора страхового общества «Фатум» и «долголягой» черной куклы во фраке в спальне Драйеров предвещает неожиданный финал романа. Преступный замысел Марты оборачивается против нее, она сама оказывается жертвой, внезапно умирая от острой пневмонии. В. Набоков дает второй вариант финала, происходящий в онейрическом пространстве бреда Марты, где ей удастся довести свой план до конца и утопить мужа.

Марта – это не просто кукла, она стремится вести свою игру, расставлять и убирать фигуры, она возводит себя в ранг кукловодов. Заметим, что в изобретении Драйера среди движущихся манекенов нет женской фигуры, видимо потому, что ей отведена другая роль, роль кукловода. В начале знакомства с Францем Марту посещает мысль: «Он ослеплен и смущен, он такой молоденький... Теплый податливый воск, из которого можно сделать все, что захочется» [12. Т. 1. С. 133].

Кукловодом, режиссером и одновременно главным действующим лицом в «Приглашении на казнь» становится мсье Пьер. Этот герой, действительно, главный распорядитель, ему подчиняются не только куклы-персонажи, но и декорации. Мсье Пьер делает в подарок Эммочке поддельный фотоальбом, «фотографии демонстрировали Эммочку сначала, какой она была сегодня, затем – по окончании школы, т.е. спустя три года, скромницей, с чемоданчиком балерины в руке, затем – шестнадцати лет, в пачках, с газовыми крыльцами за спиной... затем... ах, во многих еще видах и позах, вплоть до самой последней лежачей» [12. Т. 4. С. 98]. Фотоальбом представляет собой не истинные эпизоды жизни Эммочки, а симулякры и симуляции, а морщины на лице Эммочки условны, «проведенные без смысла, без знания их истинного значения». В современном виртуальном пространстве появились многочисленные компьютерные маски, искусственно превращающие пользователя в ребенка или старика. В. Набоков предвосхитил реалии современности, связанные с возможностями искусственного интеллекта. Марта и мсье Пьер – это мнимые кукловоды, а истинным кукловодом можно считать судьбу, рок, фатум, эта тема звучит у В. Набокова в античном понимании, как неминуемое возмездие и невозможность изменить предначертанное.

Таким образом, мотив кукольника и кукловода проявляется дискретно в историко-литературном процессе. Образы ученых, создателей кукол у Э.Т.А Гофмана и А. Погорельского связываются с inferнальными темными силами, эти образы воплощают идею чистого разума, лишённого веры, восходящего не к божественному началу, а к противоположной темной силе. Профессор Спаланцани и профессор Андрони – это лжетворцы, имеющие демоническую, inferнальную природу и создающие механических бездушных кукол. В литературе модернизма из текстов, заявленных в начале статьи, кукольники и кукловоды появляются только в повести-сказке Ю. Олеши «Три толстяка», скорее всего, в данном тексте это обусловлено жанром литературной сказки. В постмодернистской литературе мнимый

или подлинный кукловод экспонирует идею дегуманизации и обезличивания человека, превращения его в марионетку или робота, за которыми стоит фигура кукловода-манипулятора.

Вещность и кукольность героев В. Вулф, Ю. Олеши, К. Вагинова и В. Набокова отражают, во-первых, общую мировую тенденцию обезличивания, парализации человека в современном мире. Во-вторых, они содержат элемент игры, позволяющий автору распоряжаться героями-марионетками по своему усмотрению, моделировать ситуацию, проигрывая несколько возможных вариантов развития сюжета. В-третьих, как нам кажется, кукольность – это одно из проявлений пошлости, представляющей собой явление наднациональное и надсоциальное. «Пошлость – это не только явная, неприкрытая бездарность, но главным образом ложная, поддельная значительность, поддельная красота, поддельный ум, поддельная привлекательность» [13. С. 388]. Кукла – это поддельный человек, а мир кукол – пародия на человеческий мир, лишенный истинных ценностей. Если в более ранних романах В. Набокова герой играет с пошлостью, то здесь «пошлость играет с героем как с игрушкой, крутит, вертит им и уничтожает» [14]. В-четвертых, во всех текстах присутствуют карнавализация, трагический гротеск, крайне субъективное восприятие мира, присвоение образов к личной сфере авторского сознания с помощью метафоры и символа. Романы В. Набокова «Король, дама, валет» (1928) и «Приглашение на казнь» (1935–1936) отличаются от более ранних модернистских текстов В. Вулф, Ю. Олеши, К. Вагинова. Если тексты модернизма наполнены многозначностью, метафоричностью, символизмом, то в текстах постмодернизма появляются абсурдные образы. В модернистских текстах персонажи подобны куклам, а в романах В. Набокова героини непосредственно превращаются в кукол, «пойми, что меня убивают, мы окружены куклами, ты кукла сама» [12. Т. 4. С. 81]. В постмодернизме для создания образов используется другой инструментарий, связанный с приемом совмещения несовместимого и созданием абсурдных, карикатурных образов, построенных на гротеске.

Список источников

1. Олеша Ю.К. Избранное. М. : Худож. лит., 1974. 576 с.
2. Чудакова М.О. Мастерство Ю. Олеши. М. : Наука, 1972. 100 с.
3. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. URL: <http://lib.ru/CULTURE/RUD-NEW/slowar.txt>
4. Лотман Ю.М. Куклы в системе культуры // Избранные статьи : в 3 т. Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин : Александрия, 1992. 380 с.
5. Гофман Эрнст Теодор Амадей. Песочный Человек / пер. с нем. А. Морозова. М.: Олма Медиа групп, 2008. 384 с.
6. Погорельский А. Пагубные последствия необузданного воображения. URL: <https://lib.liim.ru/creations/p-114/p-114-02.html>
7. Пушкин А.С. Каменный гость. URL: <https://pushkin-digital.ru/work/3/text>
8. URL: A haunted House and Other Short Stories. URL: <https://gutenberg.net.au/ebooks12/1203821h.html#ch-04>
9. Вулф В. Избранное. М. : Худож. лит., 1989. 558 с.
10. Вагинов К.К. Козлиная песнь; Труды и дни Свистонова; Бамбочада; Гарпагонина. М. : Худож. лит., 1991. 473с.

11. Носик В. Мир и дар Владимира Набокова: Первая русская биография. М. : Пенаты, 1995. 552 с.
12. Набоков В.В. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Правда, 1990–1992.
13. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М. : Независимая газета, 1996. 440 с.
14. Ерофеев В.В. Лабиринт один: ворованный воздух. URL: <https://r7.rbook.me/book/24350445/read/page/61/>

References

1. Olesha, Yu.K. (1974) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
2. Chudakova, M.O. (1972) *Masterstvo Yu. Oleshi* [Mastery of Yu. Olesha]. Moscow: Nauka.
3. Rudnev, V.P. (1997) *Slovar' kul'tury XX veka* [Dictionary of the 20th Century Culture]. [Online] Available from: <http://lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slovar.txt>
4. Lotman, Yu.M. (1992) *Kukly v sisteme kul'tury* [Dolls in the cultural system]. In: Lotman, Yu.M. *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Vol. 1. Tallinn: Alexandra.
5. Hoffmann, E.T.A. (1991) *Pesochnyy Chelovek* [Sandman]. Translated from German by A. Morozov. Moscow: Olma-Media Grupp.
6. Pogorel'skiy, A. (1989) *Pagubnye posledstviya neobuzdannogo voobrazheniya* [The Harmful Consequences of Unbridled Imagination]. Moscow: Pravda. [Online] Available from: <https://lib.liim.ru/creations/p-114/p-114-02.html>
7. Pushkin, A.S. (n.d.) *Kamennyi gost'* [The Stone Guest]. [Online] Available from: <https://pushkin-digital.ru/work/3/text>.
8. Woolf, V. (n.d.) *A Haunted House and Other Short Stories*. [Online] Available from: <https://gutenberg.net.au/ebooks12/1203821h.html#ch-04>
9. Woolf, V. (1989) *Izbrannoe* [Selected Works]. Translated from English. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
10. Vaginov, K.K. (1991) *Kozlinaya pesn'; Trudy i dni Svistonova; Bambochada; Garpagoniana* [Goat Song; Works and days of Svistonov; Bambochada; Harpagoniana]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
11. Nosik, V. (1995) *Mir i dar Vladimira Nabokova. Pervaya russkaya biografiya* [The World and Gift of Vladimir Nabokov]. Moscow: Penaty.
12. Nabokov, V.V. (1990) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Pravda.
13. Nabokov, V.V. (1996) *Leksii po russkoy literature* [Lectures on Russian Literature]. Moscow: Nezavisimaya gazeta.
14. Erofeev, V.V. (n.d.) *Labirint odin: vorovannyi vozdukh* [There is only one labyrinth: stolen air]. [Online] Available from: <https://r7.rbook.me/book/24350445/read/page/61/>

Информация об авторе:

Спивак-Лавров И. – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры русской филологии и межкультурной коммуникации Актобинского регионального университета им. К. Жубанова (Актобе, Казахстан). E-mail: irinaspivaklavrov@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I. Spivak-Lavrov, Cand. Sci. (Philology), senior lecturer, Aktobe Regional University (Aktobe, Republic of Kazakhstan). E-mail: irinaspivaklavrov@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.03.2023;
одобрена после рецензирования 03.06.2023; принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 07.03.2023;
approved after reviewing 03.06.2023; accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья
УДК 82.091
doi: 10.17223/19986645/88/13

Критическая и переводческая рецепция поэзии В.А. Жуковского в Китае: 1980-е гг.

У Ваньин¹, Ирина Анатольевна Поплавская²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *815054635@qq.com*

² *poplavskaj@rambler.ru*

Аннотация. Рассматриваются основные проблемы изучения личности и творчества Жуковского в Китае в период с 1950-х до 1980-х гг. Раскрывается рецепция стихотворений Жуковского первыми переводчиками Цзян Лу, Сунь Веем, Сюй Чжифан. Предметом специального анализа становится сборник «Избранные стихотворения В.А. Жуковского» (1985) на китайском языке и особенности переводческих стратегий Хуан Чэнлай и Цзинь Лючунь. Доказывается, что принцип монтажа образов и элементов русского стиха в единое целое посредством актуализации неявных связей, контекста, ассоциаций является ведущим принципом перевода стихотворений Жуковского в этом сборнике.

Ключевые слова: русская романтическая поэзия, Жуковский, психологизм, жанровая система лирики, русско-китайские литературные взаимосвязи, критическая рецепция, переводческая рецепция

Для цитирования: У Ваньин, Поплавская И.А. Критическая и переводческая рецепция поэзии В.А. Жуковского в Китае: 1980-е гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 88. С. 242–264. doi: 10.17223/19986645/88/13

Original article
doi: 10.17223/19986645/88/13

Critical and translational reception of Vasily Zhukovsky's poetry in China: The 1980s

Wu Wanying¹, Irina A. Poplavskaya²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *815054635@qq.com*

² *poplavskaj@rambler.ru*

Abstract. The relevance of the article is seen in the study of the particularity of Russian-Chinese intercultural and transcultural communication of the second half of the 20th century, in the comprehension of the most important trends in modern

comparative literature related to the issues of translated literature, in the understanding of the national specifics of Russian literature, which receives its interpretation in Chinese literature. The aim of the article is to identify the features of the creative reception of Vasily Zhukovsky's poetry by Chinese translators and researchers of the second half of the 20th century. The objectives of the article are: to study Chinese translations of Russian poetry of the first third of the 19th century in the formation and development of Russian-Chinese literary ties; to understand the distinctive features of the translation strategies of Chinese authors when translating Zhukovsky's poems into Chinese; to compare Zhukovsky's poems and their Chinese translations; to clarify the role of individual publications (readers, anthologies, collections of poems by Russian authors) in the formation of Russian-Chinese literary and cultural dialogue. The material for this publication was scientific articles by Chinese philologists Zhang Weimin, Lu Kun, Qin Dezhu about the features of the work of the "first Russian romantic" and the typology of Russian romanticism, published in the 1980s, and the collection *Selected Poems of V.A. Zhukovsky* (1985), translated by well-known Chinese translators Huang Chenglai and Jin Liuchun. The article employs cultural-historical, historical-literary, comparative and hermeneutical methods of analysis. Works on the history and theory of translation by Yu.D. Levin, R.R. Tchaikovsky, E.L. Lysenkova, and others were used. The article consistently conducts a comparative analysis of individual fragments from Zhukovsky's poems "Rural Cemetery", "Evening", "The Proximity of Spring", "Sea", the ballad "Svetlana" with their translations into Chinese. As a result of the analysis, it is concluded that, in the collection *Selected Poems of V.A. Zhukovsky*, Huang Chenglai and Jin Liuchun created an adequate translation of the poetic texts of the Russian romantic poet. The reasons why Chinese translators turned to the works of the "first Russian romantic" are connected with the desire to present a complete picture of the development of Russian romanticism in the person of Pushkin, Lermontov, Zhukovsky; the evolution of their figurative, motif, genre and style systems; the features of the transfer of psychologism in lyrics. When translating Zhukovsky's poems into Chinese with its isolating pictographic type of writing, the use of the principle of mounting images and elements of Russian verse into a single whole through implicit connections, context, associations is observed. Chinese translators turn to individual emotional and psychological details when depicting the internal state of the characters and landscapes in Zhukovsky's lyrics, achieving their greater concretization. When translating poems, key mythologems are used, which are significant for both Russian and Chinese cultures. These include dawn (morning and evening), moon (month), stars, water, seasons. In translation, there are often images-symbols such as the sea, the road, the echo, detailed allegorical descriptions, emotional dialogues. All this allows us to say that the works of Zhukovsky as a representative of the psychological trend in Russian romanticism with its genre (elegy, ballad, meditative poem, patriotic song) and figurative system met the internal needs of the development of literature and literary criticism in China in the second half of the 20th century.

Keywords: Russian romantic poetry, Zhukovsky, psychologism, genre system of lyrics, Russian-Chinese literary interrelations, critical reception, translation reception

For citation: Wu Wanying & Poplavskaya, I.A. (2024) Critical and translational reception of Vasily Zhukovsky's poetry in China: The 1980s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 88. pp. 242–264. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/88/13

Продуктивный диалог между культурами Запада и Востока, начатый в XVIII–XIX вв., активно продолжается и в настоящее время. Составной частью этого глобального диалога становятся русско-китайские литературные и культурные взаимосвязи второй половины XX в. Актуальность статьи видится в изучении своеобразия русско-китайской межкультурной и транскультурной коммуникации 1950–1980-х гг., в осмыслении важнейших тенденций современной компаративистики, связанных с вопросами переводной литературы, с пониманием национальной специфики русской литературы и ее интерпретацией в литературе Китая. Цель статьи заключается в выявлении особенностей творческой рецепции поэзии В.А. Жуковского китайскими переводчиками и исследователями второй половины XX в. Задачи статьи связаны с изучением китайских переводов русской поэзии первой трети XIX в. и раскрытием их роли в становлении и развитии русско-китайского литературного диалога; с осмыслением отличительных черт переводческих стратегий китайских авторов при переводе стихотворений Жуковского на китайский язык; с проведением сопоставительного анализа произведений русского поэта-романтика и их китайских переводов; с уточнением роли отдельных изданий (хрестоматий, антологий, сборников стихотворений русских авторов) в формировании русско-китайского литературного и культурного пространства.

Вопросам изучения и перевода русской литературы в Китае посвящены работы известного синолога и переводчика Л.Е. Черкасского [1, 2], востоковеда и переводчика М.Е. Шнейдера [3], израильского исследователя Марка Гамзы [4, 5], труды которого «представляют собой не только первое в англоязычной литературе большое исследование рецепции русской литературы в Китае первой половины XX в., но и ценную работу в области сравнительной, культурной и интеллектуальной истории» [6]. Литературоведы из Китая, в свою очередь, отмечают, что вплоть до 1960-х гг. русская литература в Китае была наиболее распространена по сравнению с другими зарубежными литературами [7. С. 52]. Как пишет в этой связи известный китайский литературовед Лю Вэньфэй, у истоков переводов произведений русской литературы в Китае стоит имя Пушкина, «что является не только удивительным совпадением, но и символическим началом» [8].

Произведения золотого века русской литературы впервые начинают переводиться в Китае в начале XX столетия. Известно, что в 1900 г. на китайский язык были переложены три басни И.А. Крылова, а в 1903 г. был осуществлен сокращенный перевод «Капитанской дочки» А.С. Пушкина [6]. Однако творчество Жуковского становится фактом культурного сознания в Китае начиная с середины XX в. Одним из ранних источников, послуживших знакомству китайского читателя с его поэзией, стал перевод на китайский язык стихотворений поэта из книги «Русская литература: Хрестоматия для 8-го класса средней школы», 15-е издание которой вышло в 1952 г. [9]. Данная хрестоматия была переведена известными в Китае славистами-переводчиками Цзян Лу (1920–2022) и Сунь Вэй (1917–2014) и опубликована в издательстве «Писательская пресса» в 1954 г. [10]. В первый том вошли

произведения древнерусской литературы, тексты русских авторов XVIII–XIX вв.: М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, а также сочинения Жуковского и А.С. Пушкина. Перевод данной хрестоматии заложил основу для формирования «текста русской литературы» в Китае второй половины XX в., в котором поэзия пушкинской эпохи составляла его семантическое и эстетическое ядро. В этом томе были напечатаны четыре произведения Жуковского: элегия «Сельское кладбище», «Певец во стане русских воинов», баллада «Светлана», стихотворение «Море» [10. С. 213–219]. Обращение китайских исследователей и переводчиков к поэзии Жуковского в этот период объясняется, на наш взгляд, как общим интересом их к русской классической поэзии, так и стремлением представить целостную картину ее развития в XVIII – первой трети XIX в., наметить возможные этапы ее эволюции, определить место Жуковского в русском литературном процессе первой половины XIX в. Образ русского поэта-романтика в восприятии китайского читателя соотносится в это время с элегической, одической и медитативной лирикой, с изображением топосов сельского кладбища, поля брани, зимнего и морского пейзажей.

В 1958 г. в Пекине в издательстве «Народная литература» вышла книга под названием «Классики русской литературы» [11]. Она представляла собой перевод книги «Классики русской литературы: критико-биографические очерки», изданной под редакцией Л.И. Тимофеева в 1953 г. [12]. Глава о Жуковском была переведена Сюй Чжифан (1932–2022), известной переводчицей русской поэзии в Китае. В ней Жуковский рассматривается как основоположник русского романтизма, внесший исключительный вклад в развитие русской литературы [11. С. 210]. Данные издания задали своего рода вектор восприятия творчества Жуковского в Китае, направленный на изучение становления, развития и типологии русского романтизма и эстетики жизнетворчества поэта.

Следующий этап в рецепции поэзии «первого русского романтика» приходится на 1980-е гг. В 1981 г. в журнале Синьцзянского университета была опубликована статья под названием «О Жуковском и ранней русской романтической литературе» [13. С. 42–48]. Автором ее был Чжан Вэйминь. В ней предметом изучения становятся биография русского поэта, а также его творчество, стоящее у истоков возникновения романтизма в России. Автор статьи подробно говорит о значении переводных произведений в художественном творчестве Жуковского, отмечая, что «перевод произведений зарубежных писателей-романтиков сыграл решающую роль в формировании его мировоззрения и романтических идей» [13. С. 42]. По словам Чжан Вэйминь, особенно длительным и плодотворным был контакт Жуковского с немецкой культурой.

Предметом рассмотрения в первой части данной статьи становятся элегия Жуковского «Вечер», стихотворения «Таинственный посетитель», «Море», баллады «Светлана» – «одно из лучших повествовательных стихотворений поэта» [13. С. 45] – и «Эолова арфа». Во второй части автор говорит об особенностях эстетики и поэтики русского романтизма. Он выделяет

два направления в русском романтизме: активный и пассивный романтизм. Представители активного романтизма в русской литературе – это Пушкин, произведения которого «Вакхическая песнь», «К морю», поэма «Цыганы» анализируются в статье, а также М.Ю. Лермонтов, автор знаменитого «Паруса». Жуковский же рассматривается как яркий выразитель эстетики пассивного романтизма. В целом же творчество Жуковского имело большое значение для развития русской литературы, а сам он, по словам Чжан Вэйминь, воспринимался как «первый настоящий лирический поэт России» [13. С. 48]. Поэт заложил фундамент для развития русской романтической литературы, которая открыла широкую дорогу литературе реалистической.

В 1982 г. в журнале «Наслаждение шедеврами» была напечатана статья Лу Кунь «Жуковский и Пушкин», раскрывающая влияние Жуковского на становление Пушкина как поэта, описывающая диалогические отношения между ними [14. С. 113]. В статье, в частности, цитируется известное письмо Жуковского к П.А. Вяземскому от 19 сентября 1815 г.: «Я сделал еще приятное знакомство с нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Царском Селе. Милое, живое творение! <...> Это надежда нашей словесности... <...> Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет» [15. С. 405]¹. Это письмо не только предвещает тему «победителя-ученика» и «побежденного учителя» в русской литературе, но и свидетельствует о начале многолетних творческих контактов Жуковского, Вяземского и Пушкина и о формировании в русской поэзии «школы гармонической точности».

Два года спустя, в 1984 г., переводчик русской литературы Цинь Дежу публикует статью под названием «Жуковский и его “Певец во стане Русских воинов”». В ней исследователь высоко оценивает как оригинальное, так и переводное творчество русского поэта. «Певец во стане русских воинов» является, по мнению Цинь Дежу, наиболее репрезентативным патриотическим стихотворением поэта, посвященным событиям Отечественной войны 1812 г. [16. С. 21]. В статье автор также говорит о том, что «в прошлом китайские литературные и художественные круги не уделяли особого внимания изучению творчества Жуковского, до сих пор не существует достаточного полного исследования о его произведениях и комментариях к ним» [16. С. 24].

Остановимся более подробно на одном из сборников стихотворений русского поэта. В 1985 г. в Китае вышли в свет «Избранные стихотворения В.А. Жуковского» [17]². Основой для этого издания послужили сочинения Жуковского, изданные в Советском Союзе в 1954 г. [18]. В сборник вошли девять произведений поэта: элегии «Сельское кладбище» и «Вечер», «Певец

¹ В дальнейшем все цитаты даются по этому изданию с указанием в скобках тома (арабскими цифрами) и страницы (римскими цифрами).

² В дальнейшем все цитаты даются по этому изданию с указанием в скобках страницы.

во стане русских воинов», стихотворения «Море», «Близость весны», «Таинственный посетитель», баллады «Людмила», «Светлана» и старинная повесть в двух балладах «Двенадцать спящих дев». Во вступительной статье к сборнику «Северный Орфей» переводчицы и исследовательницы русской литературы в Китае Хуан Чэнлай (р. 1925) и Цзинь Лючунь (р. 1931) рассматривают творчество Жуковского в контексте поэтики консервативного романтизма в русской литературе [19]¹. Основная заслуга поэта, по их мнению, видится в том, что он «сумел найти в своей поэзии разнообразные интонации для изображения внутреннего мира своих героев <...> для раскрытия сложных психологических эмоций с помощью тонкого и яркого изображения природы» [17. С. II]. Стихотворения Жуковского, представленные в данном сборнике, формируют достаточно целостное представление о поэтической системе русского автора и о его эволюции, свидетельствуют о разнообразии его жанровой палитры, определяют его место в системе русского и западноевропейского романтизма.

В предисловии дан краткий анализ таких произведений поэта, как элегия «Сельское кладбище» (1802), элегия «Вечер» (1806), в которой преобладают «тонкое описание сменяющихся пейзажей, воспоминание о счастливых годах, проведенных с друзьями, и размышление о дружбе, любви, жизни и смерти» [17. С. III]. Также упоминаются стихотворения поэта «Невыразимое» (1819), «Близость весны» (1820), «Море» (1821), «Таинственный посетитель» (1824). В последнем из них присутствует ярко выраженное мистическое начало, что позволяет авторам предисловия поставить вопрос об эволюции романтизма Жуковского в период с 1800-х до 1820-х гг. Главное же внимание авторы уделяют балладам «Людмила» (1808), «Светлана» (1812) и старинной повести в двух балладах «Двенадцать спящих дев» (1817). Так, они отмечают, что в балладе «Светлана» «автор блестяще описывает народный быт и обычаи Древней Руси: в крещенский вечерок девушки гадают перед зеркалом» [17. С. IV]. В этом произведении счастье героини «наступает после пробуждения», и таким образом происходит «романтическая идеализация реальной жизни» [17. С. IV]. Повесть «Двенадцать спящих дев» рассматривается китайскими переводчицами как образец русской национальной поэмы, действие которой происходит в древнем Новгороде и на берегах Днепра в эпоху Киевской Руси. В основе ее лежит архетипический сюжет искупления. В первой балладе под названием «Громобой» разрабатывается сюжет договора героя с дьяволом, который продал ему свою душу

¹ В русском литературоведении этот тип романтизма Жуковского определяется как психологический, созерцательный. Как писал Г.А. Гуковский, «сущность и идея стиля Жуковского, его поэзии в целом – это идея романтической личности. Жуковский открыл русской поэзии душу человеческую, продолжив психологические искания Карамзина в прозе и решительно углубив их. <...> Романтическая личность – это идея единственно важного, ценного и реального, находимого романтиком только в интроспекции, в индивидуальном самоощущении, в переживании своей души как целого мира и всего мира. Психологический романтизм Жуковского воспринимает весь мир через проблематику интроспекции» [19].

и души двенадцати своих дочерей. Во второй части «Вадим» описывается пробуждение спящих дочерей Громобоя и искупление его грехов. Эпизод встречи Вадима с киевской княжной вносит лирическое начало в произведение, но вместе с тем он показывает «силу веры Вадима в божественное Провидение» [17. С. VIII]. В итоге читатель приходит к выводу, что «земная жизнь – это только подготовка к загробной небесной жизни и последующей вечной жизни» [17. С. XI].

В заключении авторы вступительной статьи говорят о том, что «Жуковский занимает важное место в истории развития русской поэзии начала XIX в. В нашей стране такому крупному литературному явлению долгое время не уделялось достаточного внимания, поэтому необходимо познакомить читателей с его творчеством, чтобы облегчить дальнейшее изучение истории развития русской поэзии и тем самым представить историческое рассмотрение двух различных школ русского романтизма в их единстве и различии» [17. С. XIII–XIV].

Обратимся к переводам на китайский язык отдельных стихотворений Жуковского из этого сборника. По мнению Ю.Д. Левина, художественный перевод представляет собой «переработку оригинала, осуществленную литератором, представителем иной национальной культуры, а нередко и иной эпохи» [20. С. 6]. Эта переработка получает двоякий смысл. Прежде всего, она вводит «писателя в новую литературу, тем самым обогащая ее» [20. С. 6]. В то же время «обогащается» и сам переводимый автор. «Инонациональные интерпретации нередко помогают глубже понять и оценить его творчество, открыть в этом творчестве такие черты и особенности, которые остались бы скрытыми, если рассматривать одно лишь внутринациональное его усвоение» [20. С. 6]. С этих позиций рассмотрим творчество Жуковского в китайской переводческой рецепции 1980-х гг.

Открывается сборник «Избранных стихотворений В.А. Жуковского» элегией «Сельское кладбище», которая стала своего рода «визитной карточкой поэта, его творческим вероисповеданием» [21. С. 79]. Известно, что стихотворение Жуковского представляет собой перевод знаменитой элегии английского поэта-сентименталиста Томаса Грея (1716–1771) «Элегия, написанная на сельском кладбище» («Elegy, Written in a Country Church-Yard», 1751). Русский поэт трижды обращался к переводу этого произведения: в 1801, 1802 и 1839 гг. Первый перевод не удовлетворил Жуковского, и ему пришлось переработать его. Направление переработки связано с включением в новую редакцию эпитафии, с изменением заглавия с «Элегии» на «Сельское кладбище. Элегия», что сообщило тексту большую пространственную конкретизацию и актуализировало ее жанровую разновидность («кладбищенская элегия»). Второй перевод элегии был осуществлен в 1802 г. и напечатан в журнале «Вестник Европы» (1802. Ч. 6, № 24. Декабрь). Данный перевод послужил источником для перевода элегии на китайский язык, выполненного Хуан Чэнлай и Цзинь Лючунь. Важно отметить, что перед нами перевод перевода, где русский текст воспринимается

как эквивалентный английскому оригиналу и одновременно как оригинальный для китайских переводчиков.

Основу этой элегии составляет рефлексия лирического повествователя о жизни, смерти и посмертном существовании человека. Не случайно произведение начинается с описания летнего вечера с его утасаживающими красками и приглушенной акустикой. В китайском переводе эта особенность стихотворения Жуковского сохраняется. Ср.: «Уже бледнеет день, скрываясь за горою», 太阳落山, 天色渐趋暗淡 («Солнце заходит, небо темнеет»); «В туманном сумраке окрестность исчезает...», 暮色中, 四周暧昧, 雾气弥漫 («Сумерки, смутно вокруг, туман густой...»); «Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает, // Лишь слышится вдали рогов унылый звон», 独有夜晚嗡嗡鸣的甲虫时隐时现, // 惟闻悲戚的角笛呜呜响 («Только жуки, жужжащие в ночи, мелькают, // Лишь слышится звучание рогов»).

Далее через ночной сон в природе осуществляется семантический переход к описанию сна мертвых. Жуковский использует в этом фрагменте олицетворение, отрицательный параллелизм с присоединительными конструкциями с рядами однородных членов и обобщающим словом-образом «ничто». Ср.:

«Сельское кладбище»	乡村墓地	Перевод с китайского языка
Денницы тихий глас, дня юного дыханье, Ни крики петуха, ни звуч- ный гул рогов, Ни ранней ласточки на кровле щебетанье – Ничто не вызовет почивших из гробов (I, 53).	不论是晓星轻柔的声息, 还 是白昼新鲜的呼吸. 不论是雄鸡的啼唱, 还是号 角嘹亮的喧响, 抑或是, 那屋檐上早起的燕 子的呢喃, 任什么也不能把亡人自坟墓 唤转 (2).	Тихий звук утренней звезды, дня свежего дыха- ние. Крик петуха или звучный гул рогов, Или ранних ласточек на карнизах щебетанье. Ничто не может вернуть мертвых из могилы

В переводе заимствованный из славянской мифологии образ денницы, полуденной зари (или звезды), приходящейся матерью, дочерью или сестрой солнцу, возлюбленной месяца [22. С. 367], адекватно заменён «утренней» звездой. В китайском источнике отрицательный параллелизм отсутствует, а внимание в большей степени акцентировано на существительном «ничто», выраженном отрицательным местоимением. Используемый в переводе принцип нанизывания образов («Крик петуха или звучный гул рогов, // Или ранних ласточек на карнизах щебетанье») близок к монтажному способу мировосприятия, свойственному китайскому языку с его пиктографическим письмом.

В размышлении о посмертной участи «праотцев села» китайские переводчики чаще обращаются к оценочным эпитетам и к предложениям с вопросительной интонацией. Ср.:

«Сельское кладбище»	乡村墓地	Перевод с китайского языка
Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою И невозвратную добычу возвратит? Не слаще мертвых сон под мраморной доскою; Надменный мавзолей лишь персть их бремени (I, 54).	难道假惺惺的赞颂可以缓解 死亡的痛苦, 能召回那不可复返的俘虏? 大理石板之下, 亡人之梦哪 能更甜美? 倨傲的陵墓只会增加他们身 体的重负 (3).	Может ли ложная похвала облегчить боль смерти Или отозвать пленника, ко- торый не может вернуться? Как под мраморными пли- тами сны мертвых могут быть слаще? Величественная могила только увеличивает вес над их телами

В переводе встречается оценочный эпитет «ложная похвала», используются два вопросительных предложения вместо одного в русском тексте, что акцентирует внимание на мелодике данного фрагмента, а русское книжное устаревшее слово «персть» («земной прах») заменяется нейтральным «тело», что позволяет в языковом отношении приблизить перевод к китайскому читателю.

Завершается элегия эпитафией, изображающей словесный психологический портрет умершего юноши и выделенной в тексте курсивом. Здесь важно акцентировать внимание на использовании Жуковским приема текста в тексте, связанного с включением эпитафии в элегию. По мнению Ю.М. Лотмана, «переключение из одной системы семиотического осознания текста в другую» приводит, с одной стороны, к дополнительному «генерированию смыслов» [23. С. 66]. С другой стороны, «соединение «вещей» и «знаков вещей» в едином текстовом целом порождает «двойной эффект», подчеркивая одновременно и условность условного, и его безусловную подлинность», что приводит к сближению «жизни» и «литературы», к тому, что один текст воспринимается в функции литературной, а другой – в функции подлинной реальности [23. С. 70]. Здесь в функции подлинной реальности выступает эпитафия над могилой певца, а в функции литературной – описание природы и топоса сельского кладбища. Если в основном тексте элегии «наметилась тенденция соотнесения духовного облика и судьбы лирического героя с условно-поэтическим типажом «бедного певца», то в эпитафии «создается идеальный лирический образ меланхолического героя» [24. С. 69], отличительной особенностью которого «является способность центростремительной сублимации контрастных эмоциональных состояний, в результате чего и рождается субъективно гармонизирующее душу состояние меланхолического покоя» [24. С. 69]. В эпитафии противопоставляются отсутствие славы, счастья и способность к творчеству, чувствительность души, бренность земной жизни и надежда на спасение в жизни вечной. Эта

же тональность, несколько усиленная противопоставлениями, сохраняется и в переводе. Ср.:

«Сельское кладбище»	乡村墓地	Перевод с китайского языка
...Что слава, счастье, не знал он в мире сем. Но музы от него лица не от- вратили, И меланхолии печать была на нем (I, 57).	在这个世界上, 他未曾体验 过光荣和幸福。 然而缪斯并未向他背过脸 去, 尽管在他身上烙下过忧郁的 印记 (9).	Он никогда не испытывал славы и счастья в этом мире, Однако Муза не отверну- лась от него, Хотя на нем было клеймо меланхолии

Использование в переводе наречия «никогда», противительного союза «однако», союза «хотя» в значении «несмотря на то, что» акцентирует внимание на единстве противоположных состояний как условия обретения внешнего и внутреннего равновесия, земного и небесного покоя «певца уединенного».

Как известно, в элегии Жуковского во всех строфах используется перекрестная рифма. В переводе же присутствует следующий тип рифмовки: в нечетных строфах рифмуются 1, 2 и 4-й стихи, в четных: 1 и 3, 2 и 4-й. Что касается ритмики китайского стиха, то в ней гласные звуки различаются не по ударной / безударной позиции, а по их тональности. В китайском языке существуют четыре тона, соответственно различается и поэтическая ритмика в китайской и русской поэтической системах, поэтому при переводе русской поэзии на китайский язык невозможно воспроизвести ритмический рисунок подлинника [25. С. 20, 21].

«Сельское кладбище» Жуковского с момента его появления в печати в 1802 г. стало фактом истории русской литературы и культуры. В 1897 г. философ В.С. Соловьев написал стихотворение «Родина русской поэзии. По поводу элегии “Сельское кладбище”, посвященное сыну поэта П.В. Жуковскому. В примечании к нему автор отметил, что «Сельское кладбище» может считаться началом истинно человеческой поэзии в России после условного риторического творчества державинской эпохи» [26. С. 118]. В этом с ним согласен и В.Н. Топоров, который пишет, что «начало нового литературного направления и начало Жуковского как поэта и как переводчика сошлись на переводе греевской «Elegy» [27. С. 219]. В этом смысле важно умение Жуковского-переводчика «предельно расширять ту сферу, где «чужое» входит в контекст со «своим», его усваивающим и усиливающим» [27. С. 223]. То же самое можно сказать и в отношении перевода элегии «Сельское кладбище» Жуковского на другие языки, в частности на китайский, где «чужое» взаимодействует со «своим» и где важен монтажный принцип, основанный на активизации контекстных и ассоциативных связей в передаче художественной образности.

Первая оригинальная элегия Жуковского «Вечер» была напечатана в журнале «Вестник Европы» (1807. № 4. Февраль). В ней поэт развивает элегические лейтмотивы, прозвучавшие ранее в стихотворении «Сельское кладбище» (быстротечность времени, бренность бытия, память как воскрешение из небытия, одухотворение природы), и преобразовывает их в устойчивый комплекс художественно-эстетических тем, соотносимых с исповедально-психологической линией в его творчестве [28. С. 465]. В основе элегии «Вечер» лежит изображение природного мира, соединенного с эстетической и автобиографической рефлексией лирического субъекта в их взаимоотношениях. Знаками этих взаимоотношений выступают образы водного зеркала («зеркало воды», «в реке дубравы отразились», «в реке блестящая струя»), которые приобретают здесь конструктивный смысл. Он связан с передачей внешних и внутренних состояний, описаний природы, визуальных, акустических, ольфакторных и кинетических соответствий, образующих особенность художественного мира данного стихотворения. Поэтически переданное здесь вечернее чувство раскрывает «такое слияние человека с природой, которое оказывается одновременно познанием тайной жизни природы и самопознанием нравственных глубин, недоступных человеку, отвлекаемому многоцветными, яркими впечатлениями дня» [29. С. 33]. Вечерний колорит элегии передается через приглушенную визуальность образов, соединенную с выразительной акустикой и подвижной точкой зрения, а также через мотив воспоминания и психологическую авторефлексию субъекта речи.

В переводе стихотворения на китайский язык отмечается большая по сравнению с оригиналом конкретизация образов природы. Ср.:

«Вечер»	黄昏	Перевод с китайского языка
Как солнца за горой пленителен закат, — Когда поля в тени, а рощи отдаленны И в зеркале воды колеблющийся град Багряным блеском озаренны (I, 75).	夕阳西下的时分有多迷人—— 田野沉浸着阴影, 而远处的丛林与如镜水面上 荡漾的 城市, 却被绛紫的余霞染 映 (10).	Как очаровательно, когда солнце садится на западе, — Поля погружены в тень. Далекie леса и город в воде, похожей на зеркало, Окрашены ярким тёмно-фиолетовым сиянием

Образ наступающего вечера, переданный в русском тексте повествовательным предложением с характерным эмоциональным эпитетом «пленителен», через следующее затем тире семантически и синтаксически конкретизируется с помощью сложноподчиненного придаточного предложения времени с противительным союзом «а» и соединительным союзом «и». Благодаря этому в данной строфе происходит сближение пространственных образов («солнце», «гора», «поля», «рощи отдаленны», «зеркало воды»,

«град») с временными («вечер»). Так формируется в элегии характерный вечерний хронотоп, неотделимый от «потока воспоминаний» лирического субъекта. В переводе сохраняются все элементы вечерней образности, однако они в большей степени конкретизируются через использование тройного светового эпитета («яркое темно-фиолетовое сияние»).

Конкретизация природных образов как эстетическая установка переводчиков видна, например, в следующих стихах: «Последняя в реке блестящая струя // С потухшим небом угасает», 与熄灭了光亮的天空一起隐没的, // 是那河上的粼粼波光 («Угасает вместе с небом, погасившим свой свет, // Этот искрящийся блеск на реке»); «Как слит с прохладою растений фимиам!», 草木的芳香混合着黄昏的清凉 («Запах травы, смешанный с прохладой сумерек!»); «Осыпан искрами во тьме журчащий ключ», 幽冥中, 淙淙泉水迸溅起星星点点 («В темноте журчащий родник брызжет каплями воды»). Возможно, большая конкретизация и детализация образов природы при переводе на китайский язык связаны с особенностями восприятия китайской мифологии, в которой мир земной – это прежде всего горы и реки. Для единого слова «реки-горы» в средневековом Китае существовало слово «цзяньшань», которое означало «страна» [22. С. 655]. Еще одна особенность перевода элегии видится в передаче аллегорий. Ср. у Жуковского: «О дней моих весна, как быстро скрылась ты // С твоим блаженством и страданьем!» и использование описательной аллегорической образности в переводе 呵, 满载着你的欢乐和痛苦绵绵, // 逝去了, 我春日的华年 («О, полны твоих радостей и страданий, // Ушли мои весенние годы!»).

В целом же переводчики стремятся к сохранению мелодики стихотворения, переданной с помощью повествовательных, восклицательных, вопросительных предложений и предложений с многоточиями. Используют лейтмотивные образы (жизнь, смерть, судьба, поэзия, дружба, любовь), анафоры, лексический повтор, которые формируют смысловые и эстетические «центры» в лирике Жуковского, раскрывают «идеальную формулу жизни и поэзии» с гармонизирующей их фигурой певца [28. С. 466].

Стихотворение Жуковского «Близость весны» (1820) впервые было напечатано во втором томе третьего издания «Стихотворений Василия Жуковского», вышедшего в 1824 г. Данное стихотворение относится к натурфилософской лирике поэта и оказывается тесно связано с его художественной философией «весеннего чувства», в основе которой лежит описание весеннего преображения природы и души лирического «я» через переживание бесконечного [30. С. 121–129]. Образ весны представлен также в стихотворении Жуковского «Майское утро» (1797), в набросках описательной поэмы «Весна» (1806–1812), в таких произведениях, как «Весеннее чувство» (1816), «Певец в Кремле» (1816), «Там небеса и воды ясны!» (1816), баллада

«Вадим» (1810–1817), послание «Подробный отчет о луне» (1820), «Приход весны» (1831) и др. Он раскрывает «архетипическую связь с темой сотворения мира, провоцирующую творческую активность мироздания: весной вселенная как бы творится заново» [31. С. 84].

В стихотворении «Близость весны» сюжетно-семантическими центрами выступают образы «небо», «луна», «звезда любви», «бесплотные», переданные через акустические и визуальные образы «тишина», «лунное сияние», «бездна голубая». Используемый здесь трехстопный хорей с пиррихиями и смежной рифмовкой акцентирует внимание на внутренней перекличке небесных образов с земными («звезда любви» и «темная гора»), последние как бы рождаются заново вместе с приходом весны. Отсюда в стихотворении важная роль отводится эпитетам, характеризующим «бесплотных» и выраженным деепричастиями («чаруя», «оживляя»).

Перевод этого произведения на китайский язык оказывается тождественным оригиналу. Отличие связано с заменой образа «звезда любви», который в оригинале используется в единственном числе, на «звезды любви» – во множественном числе – в переводе. Ср.: «Звезда любви играет // Над темною горой», 爱的星星嬉戏在 // 幽暗的山冈上 («Звезды любви играют // На темном холме»). В стихотворении Жуковского этот метафорический образ воспринимается в большей мере как проекция внутреннего состояния субъекта речи, благодаря которому происходит соединение природного и антропологического планов. В переводе же делается акцент прежде всего на звездности весеннего неба как природного объекта. В этой связи важно отметить, что в китайской мифологии модель мира оказывается не четырехчленной, а пятичленной: четыре стороны света и середина (центр). Согласно этим представлениям божество Тай-хао (Фу-си) является повелителем востока и соотносится с весной, деревом и зеленым цветом [22. С. 656].

Художественная философия «весеннего чувства» в творчестве Жуковского воспринимается как эстетическая основа авторского текста «времена года». Важнейшие особенности этого текста у русского поэта-романтика связаны с выстраиванием парадигмы: природа – человек – Бог, археосюжетом которого является изображение умирающего и воскресающего божества, а также божества, дающего жизнь и плодородие через приносимую им сакральную жертву [32. С. 18].

Стихотворение Жуковского «Море» предположительно было написано в августе-сентябре 1821 г., впервые же оно было опубликовано в альманахе «Северные цветы» на 1829 г. «Море» относится к жанру медитативной элегии, в которой отражается переход «из области отвлеченных общечеловеческих законов бытия к личностному, лирическому их выражению и одновременно к поиску символического языка» [33. С. 608]. Исключительная роль здесь отводится лирическому «я», в сознании которого преломляется поэтическая рефлексия о философских основах бытия. Эстетика романтического двоемирия, представленная через противопоставление моря и неба, отражает динамику изменчивых состояний вселенной и внутреннюю динамику

человеческой жизни. Параллелизм внешнего и внутреннего миров передается здесь через олицетворения («Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью, // Тревожною думой наполнено ты»), лексический повтор с использованием акустических и визуальных эпитетов («Безмолвное море», «лазурное море», «ты чисто в присутствии чистом его»), анафору с рядами однородных членов, выраженных глаголами действия («Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь, // Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...»), психологические эпитеты («сладостной полное жизни», «сладостный блеск»). Исследователи отмечают влияние на элегию «Море» немецкой романтической натурфилософской лирики А. Шлегеля, Маттисона, Шиллера, Клопштока, Виланда [34. С. 154] и поэтической маринистики Байрона [35. С. 112–128]. Стихотворение «Море» наряду с такими шедеврами лирики поэта 1818–1824 гг., как элегия «На кончину ея Величества королевы Виртембергской» (1819), отрывок «Невыразимое» (1819), послание «Подробный отчет о луне» (1820), «Мотылек и цветы» (1824), открыло для русской поэзии особый тип стихотворения, где эстетическая проблематика оказалась «прочно связана с натурфилософией и бытовыми зарисовками, с философской символикой и личными чувствами. <...> Жуковский подготовил тот тип поэзии, который можно было бы назвать эстетическим и этическим вероисповеданием» [34. С. 157].

Сравним оригинальный текст стихотворения «Море» и его перевод на китайский язык. В целом перевод оказывается достаточно близок оригиналу. Однако обращает на себя внимание следующий фрагмент. Говоря об отражении неба в морских волнах, Жуковский пишет:

«Море»	大海	Перевод с китайского языка
Таинственной, сладостной полное жизни, Ты чисто в присутствии чистом его: Ты льешься его светозарной лазурью, Вечерним и утренним светом горишь, Ласкаешь его облака золотые И радостно блещешь звездами его (II, 226).	你充满着活力, 神秘而宁静, 因它的纯净而纯净: 你焕射着蔚蓝天空的灿烂, 映燃着黄昏与早晨的光昕, 你爱抚它金色的云朵, 且欢乐地灼耀着它的星星 (55).	Ты полон жизненных сил, загадочен и прелестен, Ты чист своей чистотой: Ты сияешь великолепием голубого неба. Ты отражаешь свет сумерек и утра. Ты ласкаешь его золотые облака, Ты сияешь от радости на (при) его звездах

Дважды употребленная русским поэтом в этом отрывке анафора, выраженная местоимением второго лица единственного числа «ты», использование синтаксического параллелизма в оригинале в переводе усиливается: шесть раз встречается местоимение «ты» в начале стихов, шесть раз повторяются синтаксически однотипные предложения, раскрывающие семантику зеркального отражения-преломления небесного пространства на поверхности моря. Отсутствующая в переводе рифма, как и в оригинальном тексте,

компенсируется многочисленными лексическими и синтаксическими повторами. Встречающиеся в переводе глаголы природного действия («сияешь», «отражаешь»), цветковые эпитеты («голубого», «золотые») вместе с повторами акцентируют ассоциативные связи и раскрывают символический характер поэтической образности. Используемый в переводе образ эха («Волны смятения еще долго отдаются эхом»), который отсутствует у Жуковского, воспринимается как семантическая и акустическая параллель к визуальному образу зеркала, отражающей водной глади и одновременно как антитеза тишине, спокойствию. Можно сказать, что образы эха и тишины получают в переводе символический смысл и соотносятся с определенными состояниями природы, человеческой души и с состояниями вселенной в целом.

По замечанию современной исследовательницы, в элегии Жуковского «Море» «стихии моря и неба уподоблены друг другу как взаимоотражающие зеркала и символы субстанциально-экзистенциальных сфер обитания высших смыслов жизни и судьбы человека» [36. С. 231]. Образы зеркала и образы эха в оригинальном и переводном текстах элегии «Море» также могут служить реализацией метафоры перевода как процесса и как результата творчества, как соответствия оригинального текста его переводному аналогу.

Баллада «Светлана» впервые была опубликована в журнале «Вестник Европы» (1813. № 1–2). Обращение Жуковского к жанру баллады связано со стремлением показать «новый характер мироощущения», выразить «новый мир идей и чувств» [21. С. 88]. В центре баллады «Светлана» оказывается сознание героини, которое открыто миру и стремится к осуществлению собственного счастья. Для достижения его Светлане предстоит пройти испытание любовью и временем.

Время действия баллады, как известно, относится к периоду Святков, начинающихся от Рождества Христова и заканчивающихся Крещенским сочельником – праздниками зимнего календарного цикла. Сцена святочного гадания в этой оригинальной балладе поэта формирует характерный мир-образ, раскрывающий глубинные свойства русского женского характера, тесно связанного с религиозным, природным и культурным началом [37. С. 284]. Сцена гадания воспринимается как динамичное событие в жизни русского мира, переданное поэтом в первой строфе многочисленными глаголами и глагольными формами, связанными с семантикой действия: «гадали», «сняв с ноги, бросали», «положи», «кормили», «топили», «клали», «расстилали», «пели». Возникающий затем диалог между подругами и Светланой раскрывает песенную поэтику этого жанра в творчестве Жуковского и психологическую основу в передаче душевного состояния героини. Так, например, в сцене гадания передается соединение внутренних ожиданий Светланы с её внешними ночными страхами: «Робость в ней волнует грудь, // Страшно ей назад взглянуть, // Страх туманит очи...».

В этой ситуации воплощение романтического двоемирия поэта раскрывается через возникающий в балладе образ зеркала, который соединяет явь и сон героини, мир предзеркалья и зазеркалья [38. С. 98]. Этому способствует и эстетика чудесного, передающая несовпадение фантастического и

реального начал, их принципиальную разноприродность. В то же время фантастическое начало в балладах Жуковского обнаруживает «двойственность заключенных в душе возможностей, борьбу в ней и за нее могущественных надличностных сил» [39. С. 146]. Особенность отражения этого конфликта в балладе «Светлана» видится в том, что он получает преломление через сон героини, через иррациональное, подсознательное начало в ее душе.

Сцена зимней езды Светланы и ее суженого раскрывает особенности русского природного ландшафта и национальные черты характера героини: верность любовному чувству, жертвенность, богобоязненность. Это особенно заметно в сцене посещения «хижинки под снегом»:

Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И с крестом своим в руке,
Под Святыми в уголке
Робко притаилась (III, 36).

Внутреннее напряжение героини в этом эпизоде передается через визуальный образ горящей свечи, которая «То прольет дрожащий свет, // То опять затмится...». Пробуждение героини воспринимается не только как возвращение ее к реальности, но и как приобщение ее к чуду крещенского вечера. Образ дороги во сне Светланы преобразуется в реальном мире в долгожданную встречу с прибывшим женихом.

Две заключительные строфы баллады воспринимаются как авторский метатекст, обращенный к адресату баллады – А.А. Протасовой. В них заключается и эстетическая автоинтерпретация баллады («В ней большие чудеса, // Очень мало складу»), и ее поэтическая философия («Лучший друг нам в жизни сей // Вера в Провиденье. // Благ зиждителя закон: // Здесь несчастье – лживый сон; // Счастье – пробужденье»).

В переводе баллады на китайский язык авторы в целом верно передают оригинал. Отдельные изменения касаются перевода строф, в которых описывается внутреннее состояние Светланы после пробуждения. Ср.:

«Светлана»	斯维特兰娜	Перевод с китайского языка
Все блестит... Светланин дух Смутен сновиденьем (III, 37).	周遭一切清明辉耀.....而斯维 特兰娜, 她的心犹因梦境而烦扰 (84– 85).	Все вокруг чисто и славно... А Светлана, Ее сердце все еще беспоко- ило сновидение

В оригинале описание наступающего зимнего утра противопоставляется «смутному» состоянию души пробудившейся от сна героини. В переводе тоже сохраняется антитеза, однако затем акцентируется внимание на длящемся тревожном состоянии героини: 周遭一切清明辉耀.....而斯维特兰娜,

// 她的心犹因梦境而烦扰 («Все вокруг чисто и славно... А Светлана, // Ее сердце все еще беспокоило сновидение»). В переводе следующего затем монолога героини сохраняется интонационная мелодика оригинала. Однако важный для русского поэта образ «горькой судьбины» заменяется на словосочетание «страдания и неприятности». Ср.:

«Светлана»	斯维特兰娜	Перевод с китайского языка
«Ах! ужасный, грозный сон! Не добро вещает он – Горькую судьбину» (III, 37).	“呀! 竟是一场骇人的、可怕的梦! 它所预示的不是幸运吉兆, 而是苦难烦恼 (85).	«Ах! то был пугающий, ужасный сон! Он предвещает не удачу, А только страдания и неприятности

Можно сказать, что философия судьбы, рока, враждебных человеку обстоятельств, важная в балладной поэтике Жуковского, в переводе представлена не столь отчетливо.

Следующая строфа тоже построена на передаче контрастных описаний тревожного внутреннего состояния Светланы и прекрасного утреннего зимнего пейзажа, освещенного солнцем. Ср.:

«Светлана»	斯维特兰娜	Перевод с китайского языка
Села (тяжко ноет грудь) Под окном Светлана; Из окна широкий путь Виден сквозь тумана; Снег на солнышке блестит, Пар алеет тонкий... (III, 37).	斯维特兰娜 (胸中郁闷) 憩坐傍窗; 抬眼向窗外眺望, 穿过雾霭是一条宽阔的大道; 白雪在阳光映照下熠熠闪耀; 湿润的空气升腾起红雾袅袅 (85)...	Светлана (смятение в груди) Сидит у окна; Глядит в окно, Сквозь туман широкая аллея; белый снег блестит на солнце; Влажный воздух поднимается в кудрях красного тумана...

Последняя фраза в переводе расширяет пространство зимнего пейзажа от горизонтального его изображения до вертикального, описывая движение пара снизу вверх и акцентируя внимание на его цветовой семантике («красный туман»), что визуально напоминает классическую китайскую живопись.

Как видим, при переводе баллады «Светлана» переводчицам удалось точно воспроизвести особенности национальной картины мира, связанные с религиозными календарными обрядами русского человека, важнейшие черты женского национального характера, картины зимней природы. Песенная основа жанра баллады передается в переводе с помощью мелодики стиха, сочетающей предложения с повествовательной, вопросительной и восклицательной интонацией, и эмоционального диалога. Психологическое

состояние героини раскрывается через параллельное изображение ее переживаний и природных явлений.

Отметим, что в сборнике «Избранные стихотворения В.А. Жуковского» Хуан Чэнлай и Цзинь Лючунь создали адекватный перевод поэтических текстов русского поэта-романтика, т.е. текстов, содержательно, эстетически и функционально равноценных оригиналу, максимально полно и без искажений воссоздающих оригинал на языке перевода [40. С. 96]. Стремление представить целостную картину развития русского романтизма в лице Пушкина, Лермонтова, Жуковского, эволюцию их образной, мотивной, жанровой и стилиевой систем, особенности передачи психологизма в лирике – все это во многом обусловило обращение китайских переводчиц и исследователей к творчеству «первого русского романтика». При переводе стихотворений Жуковского на китайский язык с его изолирующим пиктографическим типом письма можно говорить об использовании принципа монтажа образов и элементов русского стиха в единое целое посредством неявных связей, контекста, ассоциаций [41. С. 205]. Китайские переводчицы обращаются к отдельным эмоциональным и психологическим деталям при изображении внутреннего состояния героев и пейзажей в лирике Жуковского, добиваясь их большей конкретизации.

При переводе стихотворений используются ключевые мифологемы, значимые как для русской, так и для китайской культуры. К ним относятся заря (утренняя и вечерняя), луна (месяц), звезды, вода, времена года. На примере образа луны можно проследить, как происходит возрастание его семантики в русском и китайском языке через культурные ассоциации. В русской романтической поэзии образ луны соотносится с призрачностью, обманчивостью, связями с потусторонним миром, со смертью. В китайской же традиции луна часто становится атрибутом любовной истории и символизирует домашний очаг и чистую любовь [41. С. 201], что приводит к известному семантическому соприкосновению данного образа. В переводе часто встречаются образы-символы, такие как море, дорога, эхо, развернутые аллегорические описания, эмоциональные диалоги. Все это позволяет говорить о том, что творчество Жуковского как представителя психологического направления в русском романтизме с его жанровой (элегия, баллада, медитативное стихотворение, патриотическая песнь) и образной системой отвечало внутренним потребностям развития литературы и литературоведения в Китае второй половины XX в.

Итак, изучение вопросов межкультурной и транскультурной коммуникации, взаимодействия и взаимовлияния национальных литератур становится одним из важнейших направлений в современном литературоведении. В данной статье на основе переводческой и критической рецепции творчества Жуковского в Китае отражены особенности русско-китайских литературных и культурных взаимосвязей в период от 1950-х к 1980-м гг. В процессе перевода стихотворений «первого русского романтика» на китайский язык формируются особенности переводческих стратегий китайских авторов. Они отражают процесс «присвоения» «чужой» литературы «своей»,

раскрывают особенности русской национальной картины мира, выступают эстетическим материалом для создания «русского текста» в китайской литературе. Важнейшие особенности переводческих установок китайских авторов были выявлены в результате сравнительно-сопоставительного анализа стихотворений Жуковского «Сельское кладбище», «Вечер», «Близость весны», «Море», «Светлана» и их китайских аналогов. Они характеризуются большей конкретизацией в передаче пейзажей, частым использованием ассоциативных, контекстных связей, аллегорической образности, что во многом способствует формированию монтажного принципа перевода. Хрестоматии и антологии русских авторов, сборники стихотворений Жуковского, статьи по эстетике и поэтике русского романтизма, вышедшие в Китае во второй половине XX в., свидетельствуют об интересе китайских читателей и исследователей к золотому веку русской поэзии, о начале нового этапа в русско-китайском литературном и научном диалоге.

Список источников

1. Черкасский Л.Е. Маяковский в Китае. М. : Наука, 1976. 224 с.
2. Черкасский Л.Е. Русская литература на Востоке: Теория и практика перевода. М. : Наука, 1987. 182 с.
3. Шнейдер М.Е. Русская классика в Китае. М. : Наука, 1977. 272 с.
4. Gamsa Mark. The Chinese translation on of Russian Literature: Three studies. Leiden ; Boston : Brill, 2008. 430 p.
5. Gamsa Mark. The reading of Russian Literature in China: A Moral Example and Manual of Practice. N.Y. : Palgrave Macmillan, 2010. 227 p.
6. Третьяков В. Русская литература в Китае // Новое литературное обозрение. 2011. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/4/russkaya-literatura-v-kitae.html> (дата обращения: 11.01.2023).
7. Ян Янь. Распространение и влияние русской литературы в Китае (1900–1960 гг.) // Евразийский Союз Ученых. Филологические науки. 2016. № 4 (30). С. 49–53.
8. Лю Вэньфэй. Перевод и изучение русской литературы в Китае // Новое литературное обозрение. 2004. № 5 (69). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/5/perevod-i-izuchenie-russkoj-literatury-v-kitae.html> (дата обращения: 12.01.2023).
9. Русская литература : хрестоматия для 8 класса средтq школы / сост. Н.Л. Бродский, И.Н. Кубиков. 15-е изд. М. : Учпедгиз, 1952. 395 с.
10. Русская литература / сост. Н.Л. Бродский (Цзян Лу и Сунь Вэй перевели на китайский) : в 2 т. Пекин : Изд-во писателей, 1954. Т. 1. 1216 с. (俄国文学史, 布罗茨基 (蒋路, 孙玮 译). 北京, 1954).
11. Классики русской литературы / под ред. Л.И. Тимофеева. Пекин : Изд-во Народной литературы, 1958. 638 с. (俄罗斯古典作家论, 季莫菲耶夫主编. 北京).
12. Классики русской литературы: критико-биографические очерки / под общ. ред. Л.И. Тимофеева ; сост.- ред. М.С. Горячкина. М. : Детгиз, 1953. 551 с.
13. Чжан Вэйминь. Краткое рассмотрение творчества Жуковского и ранней русской романтической литературы // Журнал Синьцзянского университета. (Философия и социальные науки). 1981. № 4. С. 42–48. (略论茹柯夫斯基与俄国早期浪漫主义文学, 张为民, 新疆大学学报(哲学社会科学版), 新疆 : 新疆大学)

14. Лу Кунь. Жуковский и Пушкин // Наслаждение шедеврами. 1982. № 5. С. 113. (茹科夫斯基与普希金, 路困, 名作欣赏).
15. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Изд. дом ЯСК, 2018. Т. 15.
16. Цинь Дежу. Жуковский и его «Певец во стане Русских воинов» // Журнал Шанхайского педагогического университета. 1984. № 1. С. 19–24. (茹科夫斯基及其《俄罗斯军营的歌手》秦得儒, 上海师范大学学报(哲学社会科学版)).
17. Жуковский В.А. Избранные стихотворения. Шанхай : Шанхайское изд-во переводов, 1985. 181 с. (茹科夫斯基诗选, 黄成来、金留春译, 上海 : 上海译文出版社).
18. Жуковский В.А. Сочинения / подгот. текста и примеч. В.П. Петушкова ; вступ. ст. Г.Н. Поспелова. М. : Гослитиздат, 1954. 563 с.
19. Жуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. М. : Худож. лит., 1965.
20. Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX века. Л. : Наука, 1985. 299 с.
21. Янушкевич А.С. История русской литературы первой трети XIX века : учеб. пособие. М. : Флинта, 2015. 752 с.
22. Мифы народов мира : в 2 т. М. : Большая Рос. энцикл., 1997. Т. 1. 671 с.
23. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2000. 704 с.
24. Садовников А.Г. Меланхолия и меланхолический герой в поэзии В.А. Жуковского // Жуковский: Исследования и материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. Вып. 3. С. 53–79.
25. Лю Чжэцян. Своеобразие рецепции китайской поэзии первой трети XX в переводах Л.Е. Черкасского: из истории русско-китайских литературных связей : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2017. 25 с.
26. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л. : Сов. писатель, 1974. 350 с.
27. Топоров В.Н. «Сельское кладбище»: К истокам русской поэзии // Russian Literature (North-Holland Publishing Company). 1981. Vol. 10. P. 207–286.
28. Ветиева Н.Ж. «Вечер. Элегия»: комментарий // Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. М., 1999. Т. 1. С. 465–467.
29. Касаткина В.Н. Поэзия В.А. Жуковского. М. : Изд-во МГУ, 1998. 109 с.
30. Поплавская И.А. Художественная философия «весеннего чувства» в лирике Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского // Mikołaj Karamzin i jego czasy. Warszawa, 2017. С. 121–129.
31. Калашиникова А.Л. Мотив весеннего преображения души в художественном творчестве Ф.И. Тютчева: фольклорные и христианские традиции // Фольклорная картина мира. Кемерово, 2012. Вып. 2. С. 83–91.
32. Поплавская И.А. Текст «времена года» и художественная философия «весеннего чувства» в творчестве В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 17–23.
33. Канунова Ф.З. «Море. Элегия». Комментарий // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 2. М., 2000. С. 608–609.
34. Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. Томск : Изд-во ТГУ, 1985. 285 с.
35. Жилыкова Э.М. О философской природе лирики В.А. Жуковского // Художественное творчество и литературный процесс. Томск, 1982. Вып. 4. С. 112–128.
36. Щербакова О.В. Творческая история, поэтика и проблематика перевода баллады Ф. Шиллера «Der Taucher» В.А. Жуковским // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2010. Вып. 1. С. 212–231.
37. Канунова Ф.З., Ветиева Н.Ж. Светлана: комментарий // Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. М., 2008. Т. 3. С. 284–291.
38. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М. : Наука, 2006. 524 с.

39. Маркович В.М. Балладный мир Жуковского и русская фантастическая повесть эпохи романтизма // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 138–166.

40. Чайковский Р.Р., Вороневская Н.В., Лысенкова Е.Л., Харитонова Е.В. Художественный перевод как вид межкультурной коммуникации: (основы теории). М. : ФЛИНТА Наука, 2015. 222 с.

41. Иванова Н.П., Хао У. Пейзажный дискурс в русской и китайской прозе первой трети XX века // Диалог культур: теория и практика преподавания языков и литератур. Симферополь, 2018. С. 200–204.

References

1. Cherkasskiy, L.E. (1976) *Mayakovskiy v Kitae* [Mayakovsky in China]. Moscow: USSR AS.
2. Cherkasskiy, L.E. (1987) *Russkaya literatura na Vostoke: Teoriya i praktika perevoda* [Russian Literature in the East: Theory and practice of translation]. Moscow: Nauka.
3. Schneider, M.E. (1977) *Russkaya klassika v Kitae* [Russian Classics in China]. Moscow: USSR AS.
4. Gamsa, M. (2008) *The Chinese Translation of Russian Literature: Three studies*. Leiden; Boston: Brill.
5. Gamsa, M. (2010) *The Reading of Russian Literature in China: A Moral Example and Manual of Practice*. New York: Palgrave Macmillan.
6. Tret'yakov, V. (2011) *Russkaya literatura v Kitae* [Russian literature in China]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 4. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/4/russkaya-literatura-v-kitae.html> (Accessed: 11.01.2023).
7. Yan, Ya. (2016) Rasprostranenie i vliyanie russkoy literatury v Kitae (1900–1960 gg.) [Distribution and influence of Russian literature in China (1900–1960)]. *Evrasiyskiy Soyuz Uchenykh. Filologicheskiye nauki*. 4 (30). pp. 49–53.
8. Lyu, V. (2004) *Perevod i izuchenie russkoy literatury v Kitae* [Translation and study of Russian literature in China]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5 (69). [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/5/perevod-i-izuchenie-russkoj-literatury-v-kitae.html> (Accessed: 12.01.2023).
9. Brodskiy, N.L. & Kubikov, I.N. (eds) (1952) *Russkaya literatura: khrestomatiya dlya 8 klassa sred. shkoly* [Russian Literature: A reader for 8th grade schools]. 15th ed. Moscow: Uchpedgiz.
10. Brodskiy, N.L. (ed.) (1954) *Russian Literature*. Translated from Russian by Jiang Lu and Sun Wei. Vol. 1. Beijing: [s.n.]. (In Chinese).
11. Timofeev, L.I. (ed.) (1958) *Classics of Russian Literature*. Beijing: [s.n.]. (In Chinese).
12. Timofeev, L.I. (ed.) (1953) *Klassiki russkoy literatury: kritiko-biograficheskie ocherki* [Classics of Russian Literature: Critical and biographical essays]. Moscow: Detskaya literatura.
13. Zhang, W. (1981) A brief examination of Zhukovsky's work and early Russian romantic literature. *Journal of Xinjiang University. (Philosophy and Social Sciences)*. 4. pp. 42–48. (In Chinese).
14. Lu, K. (1982) Zhukovsky and Pushkin. *Enjoying Masterpieces*. 5. P. 113. (In Chinese).
15. Zhukovskiy, V.A. (2018) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 15. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
16. Qin, D. (1984) Zhukovsky and his "Singer in the Camp of Russian Warriors". *Journal of Shanghai Pedagogical University*. 1. pp. 19–24. (In Chinese).
17. Zhukovskiy, V.A. (1985) *Selected Poems of V.A. Zhukovsky*. Shanghai: [s.n.]. (In Chinese).
18. Zhukovskiy, V.A. (1954) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Goslitizdat.
19. Gukovskiy, G.A. (1965) *Pushkin i russkie romantiki* [Pushkin and Russian Romantics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

20. Levin, Yu.D. (1985) *Russkie perevodchiki XIX veka* [Russian Translators of the 19th Century]. Leningrad: Nauka.
21. Yanushkevich, A.S. (2015) *Istoriya russkoy literatury pervoy treti XIX veka* [History of Russian Literature of the First Third of the 19th Century]. Moscow: FLINTA.
22. Tokarev, S.A. (ed.) (1997) *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 1. Moscow: Olimp.
23. Lotman, Yu.M. (2000) *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPb.
24. Sadovnikov, A.G. (2017) Melankholiya i melankholicheskiy geroy v poezii V.A. Zhukovskogo [Melancholy and the melancholic hero in the poetry of V.A. Zhukovsky]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 53–79.
25. Liu, Ch. (2017) *Svoeobrazie retseptsii kitayskoy poezii pervoy treti XX v perevodakh L.E. Cherkasskogo: iz istorii russko-kitayskikh literaturnykh svyazey* [The specifics of the reception of Chinese poetry of the first third of the 20th century in translations by L.E. Cherkassky: from the history of Russian-Chinese literary relations]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
26. Solov'ev, V.S. (1974) *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and Comic Plays]. Leningrad: Sovetsky pisatel'.
27. Toporov, V.N. (1981) "Sel'skoe kladbishche": K istokam russkoy poezii ["Rural Cemetery": To the origins of Russian poetry]. In: *Russian Literature*. Vol. 10. Amsterdam: North-Holland Publishing Company. pp. 207–286.
28. Vetsheva, N.Zh. (1999) "Veche. Elegiya". Kommentariy ["Evening. An elegy". Comment]. In: Zhukovskiy, V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy literatury. pp. 465–467.
29. Kasatkina, V.N. (1988) *Poeziya V.A. Zhukovskogo* [Poetry of V.A. Zhukovsky]. Moscow: Moscow State University.
30. Poplavskaya, I.A. (2017) Khudozhestvennaya filosofiya "vesennego chuvstva" v lirike N.M. Karamzina i V.A. Zhukovskogo [Artistic philosophy of "spring feeling" in lyric poetry by N. M. Karamzin and V. A. Zhukovsky]. In: Dąbrowska, M. & Giuszkowski, P. (eds) *Mikolaj Karamzin i jego czasy*. Warszawa: Institute of Russian Studies of University of Warsaw. pp. 121–129.
31. Kalashnikova, A.L. (2012) Motiv vesennego preobrazheniya dushi v khudozhestvennom tvorchestve F.I. Tyutcheva: fol'klornye i khristianskie traditsii [The motif of the spring transformation of the soul in the artistic work of F.I. Tyutchev: folklore and Christian traditions]. In: Afanas'eva, E.M. (ed.) *Fol'klornaya kartina mira* [Folklore Picture of the World]. Vol. 2. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 83–91.
32. Poplavskaya, I.A. (2014) The Text "Times of Year" and the Artistic Philosophy of the "Spring Feeling" in the Works by V.A. Zhukovsky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 388. pp. 17–23. (In Russian).
33. Kanunova, F.Z. (2000) "More. Elegiya". Kommentariy ["Sea. An elegy". Commentary]. In: Zhukovskiy, V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy literatury. pp. 608–609.
34. Yanushkevich, A.S. (1985) *Etapy i problemy tvorcheskoy evolyutsii V.A. Zhukovskogo* [Stages and Problems of Creative Evolution of V.A. Zhukovsky]. Tomsk: Tomsk State University.
35. Zhilyakova, E.M. (1982) O filosofskoy prirode liriki V.A. Zhukovskogo [On the philosophical nature of V.A. Zhukovsky's lyrics]. In: Kiselev, N.N. (ed.) *Khudozhestvennoe tvorchestvo i literaturnyy protsess* [Artistic Creativity and Literary Process]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 112–128.
36. Shcherbakova, O.V. (2010) Tvorcheskaya istoriya, poetika i problematika perevoda ballady F. Shillera "Der Taucher" V.A. Zhukovskim [Creative history, poetics and problems of translation of F. Schiller's ballad "Der Taucher" by V.A. Zhukovsky]. In: Yanushkevich, A.S.

& Ayzikova, I.A. (eds) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 212–231.

37. Kanunova, F.Z. & Vetsheva, N.Zh. (2008) Svetlana. Kommentariy [Svetlana. Comment]. In: Zhukovskiy, V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 3. Moscow: Yazyki russkoy literatury. pp. 284–291.

38. Yanushkevich, A.S. (2006) *V mire Zhukovskogo* [In the World of Zhukovsky]. Moscow: Nauka.

39. Markovich, V.M. (1987) Balladny mir Zhukovskogo i russkaya fantasticheskaya povest' epokhi romantizma [The ballad world of Zhukovsky and the Russian fantasy story of the era of Romanticism]. In: Iyezuitova, R.V. (ed.) *Zhukovskiy i russkaya kul'tura* [Zhukovsky and Russian Culture]. Leningrad: Nauka. pp. 138–166.

40. Chaykovskiy, R.R. et al. (2015) *Khudozhestvennyy perevod kak vid mezhkul'turnoy kommunikatsii: (osnovy teorii)* [Literary Translation as a Type of Intercultural Communication: (basics of theory)]. Moscow: FLINTA.

41. Ivanova, N.P. & Khao, U. (2018) Peyzazhnyy diskurs v russkoy i kitayskoy proze pervoy trety XX veka [Landscape discourse in Russian and Chinese prose of the first third of the 20th century]. In: Orekhova, E.E. & Titarenko, E.Ya. (eds) *Dialog kul'tur: teoriya i praktika prepodavaniya yazykov i literature* [Dialogue of Cultures: Theory and practice of teaching languages and literatures]. Simferopol: IT "ARIAL". pp. 200–204.

Информация об авторах:

У Ваньин – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: 815054635@qq.com

Поплавская И.А. – д-р филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: poplavskaj@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Wu Wanying, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 815054635@qq.com

I.A. Poplavskaya, Dr. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: poplavskaj@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.02.2023;
одобрена после рецензирования 19.03.2023; принята к публикации 25.03.2024.*

*The article was submitted 05.02.2023;
approved after reviewing 19.03.2023; accepted for publication 25.03.2024.*

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья
УДК 070.431.2
doi: 10.17223/19986645/88/14

Продуктовый подход в работе информационного агентства: опыт медиагруппы «Россия сегодня»

Татьяна Олеговна Ачето^{1,2}, Михаил Владимирович Зеленцов³

¹ Главная дирекция информации международной медиагруппы «Россия сегодня»,
Москва, Россия

^{2,3} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

^{1,2} t.acheto@ria.ru

³ mzelentsov@hse.ru

Аннотация. Авторы представляют исследование, посвященное специфике редакционного управления информационным агентством в контексте цифровизации и продолжающейся медиаконвергенции. В частности, они рассматривают специфику продукта и продуктового портфеля массмедиа. Непосредственно практической частью является рассмотрение продуктовой линейки новостного агентства, а также проведение эмпирического исследования, посвященного аспектам современного редакционного управления относительно формирования этой линейки.

Ключевые слова: информационное агентство, медиаменеджмент, медиаконвергенция, продуктовый портфель, аудиторные сегменты

Для цитирования: Ачето Т.О., Зеленцов М.В. Продуктовый подход в работе информационного агентства: опыт медиагруппы «Россия сегодня» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 88. С. 265–285. doi: 10.17223/19986645/88/14

Original article
doi: 10.17223/19986645/88/14

Product approach in the work of a news agency: The case of the Rossiya Segodnya media group

Tatyana O. Acheto^{1,2}, Mikhail V. Zelentsov³

¹ Rossiya Segodnya international media group, Moscow, Russian Federation

^{2,3} National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

^{1,2} t.acheto@ria.ru

³ mzelentsov@hse.ru

Abstract. The authors present a joint research on the specifics of editorial management of a news agency in the context of digitalization and the ongoing media

convergence. In particular, they examine the particular characteristics of the product and product portfolio of the media. The direct practical part is the examination of the product line of a news agency, as well as an empirical study on the aspects of modern editorial management in relation to the formation of this line. The work was carried out as part of a comprehensive study of the hybridization of business processes of Russian news agencies in the context of media convergence. The leading hypothesis in this material is the assertion that a news agency, which previously existed as a special, infrastructural media, has turned into an entire media “combine” that works for absolutely different audience segments, which allows the agency to compete with other media. In addition, this transformation leads to completely new managerial practices – in addition to news production, managers produce non-news content, experiment with virtual reality, and enter other content promotion platforms. The academic novelty of the material lies in the examination of the formation of the product portfolio through the focus on managerial practices. It is worth pointing out that there are almost no works in the domestic scientific discourse, which would deal specifically with the product approach in the organization of news agencies’ functioning. The key works for forming the theoretical background were the works of Henry Jenkins, Oliver Boyd-Barrett, Terhi Rantanen, Elena Vartanova, Evgeniy Prokhorov, Anna Kachkaeva, Georgiy Viren, Tatyana Frolova, Vasily Polnov. The authors divided the theoretical foundation into three subgroups – media convergence, media management, and the functioning of news agencies. Among the methods used were observation, open data analysis, reflexive thematic analysis, in-depth interviews, and generalization. The article presents the authors’ definition of the “product of a news agency”, a direct review of the product portfolio of the Rossiya Segodnya media group, as well as the results of in-depth interviews, which were conducted with former and current managers of this media group. The results of the empirical study were divided into the following categories: “Organization of the production of news content”, “Organization of the production of multimedia special projects”, “Managing the editorial staff”, “Organization of content distribution”, “Organization of the back office in terms of IT”. The authors also tried to summarize management practices, as well as to form a small recommendation base for further development of the agency’s products in the digital environment.

Keywords: news agency, media management, media convergence, product portfolio, audience segments

For citation: Acheto, T.O. & Zelentsov, M.V. (2024) Product approach in the work of a news agency: The case of the Rossiya Segodnya media group. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 88. pp. 265–285. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/88/14

Введение

Российские информационные агентства, которые полноценно начали совмещать свои инфраструктурные обязательства перед медиарынком (т.е. поставлять информацию) и удовлетворять потребности массовой аудитории, уже превратились, по сути, в массмедийные «комбинаты» – они не просто выпускают новостной контент, но и производят спецпроекты, и экспериментируют с виртуальной реальностью, делают медиафасады на зданиях своих штаб-квартир и т.д. Все это заставляет менять и управленческие прак-

тики в этих медийных группах – менеджеры теперь озабочены не только оперативностью и цитируемостью новостей, но и думают над новыми цифровыми форматами и даже средами, которые могут вовлечь новую аудиторию.

В рамках процесса медиаконвергенции продолжается фрагментация, сегментация аудитории новостных агентств, которые стали конкурентами своих же клиентов, а вследствие этого – диверсификация продуктовых портфелей.

Мы теоретически рассматриваем так называемые базовые элементы конвергентно-интеграционного процесса, который реализуется в анализируемых нами массмедиа. «Верхним слоем» подобного гибридного процесса¹ являются результаты деятельности, а именно продуктовые портфели и новые редакционные форматы. С точки зрения бизнес-деятельности и специфики современного медиаменеджмента обратим взгляд именно на продуктовую линейку агентств.

Предметным ракурсом нашей работы является продуктовый подход в работе информационного агентства. Кроме рассмотрения непосредственно продуктов, мы также выясняем принципы реализации такого подхода – выделяем определенные управленческие практики, которые повлияли на текущий диверсифицированный продуктовый портфель массмедиа.

В качестве примера мы выбрали международную группу «Россия сегодня», которая является лидером «большой тройки» российских информационных агентств (ТАСС, «Россия сегодня», «Интерфакс») [1].

Медиагруппа была создана 9 декабря 2013 г. на базе «РИА Новости» и Государственной иновещательной компании «Голос России». В ноябре 2014 г. в составе медиагруппы начало работу международное агентство и радио Sputnik. Медиагруппа объединяет новостные ленты на разных языках, радиовещание в 19 странах, 16 мультимедийных пресс-центров по всему миру, производство и распространение фотоконтента и инфографики, VR/AR-проекты [2]. Активная цифровая трансформация данного массмедиа началась в конце 2000-х гг. – тогда в «РИА Новости» в 2008 г. открылся конвергентный ньюсрум [3].

Следует сказать о границах исследования. Выбирая именно российское агентство, мы говорим о важности анализа опыта российского федерального массмедиа (и передачи этого опыта), поскольку уверены в одной особенности отечественного медиаландшафта: условная централизация СМИ в стране диктует моду на технологические и содержательные тренды региональным массмедиа, а такие флагманы классических СМИ в «цифре», как ТАСС, «Россия сегодня» и «Интерфакс», являются главными референсами для других массмедиа в России.

Научной новизной материала является рассмотрение непосредственно продуктового подхода в практике медиагруппы «Россия сегодня», включения в дискурс авторской дефиниции «продукт информационного

¹ По нашему мнению, гибридный процесс в современных информационных агентствах предусматривает планирование, создание, распространение контента и сервисных услуг для разных аудиторных сегментов.

агентства», анализа специфики управленческих практик агентства. Особо значимо привлечение экспертных мнений со стороны медиаменеджеров группы. В данный момент в отечественном поле медиаисследований не было работ относительно продуктового подхода в информационных агентствах, не считая англоязычной работы Е.Л. Варгановой и А.В. Вырковского, которые анализировали опыт агентства ТАСС [4]. Изучение подобного подхода на примере «России сегодня» может дополнить академический дискурс изучения современного медиаменеджмента и информационных агентств, в которых новости перестали быть ключевым продуктовым направлением.

Методология исследования

На основе как общетеоретических методов, так и при помощи анализа открытых данных, теоретической рефлексии, а также с помощью результатов качественных глубинных интервью раскрывается специфика продуктового подхода в практике медиагруппы «Россия сегодня».

Исследование поделено на два этапа: кабинетный и полевой.

На этапе кабинетного исследования была проанализирована литература, теоретически обоснована позиция относительно медиаконвергенции как продолжающегося процесса, статуса информационных агентств в цифровой среде. Была сформулирована дефиниция продукта информационного агентства. С помощью анализа открытых данных проведен обзор продуктового портфеля медиагруппы «Россия сегодня» и выявлены общие закономерности этой линейки.

На этапе полевого исследования были взяты четыре глубинных интервью. Респонденты отбирались таким образом, чтобы в конечном счете можно было проследить путь развития цифровизации в медиагруппе с начальных этапов, описать существующие направленности «России сегодня» с точки зрения цифровых технологий, выяснить, какие элементы цифровизации уже внедрены. Кроме того, выбор респондентов обусловлен необходимостью сформировать представление об управлении в «России сегодня» на разных уровнях, в том числе редакции и пресс-службы, поскольку данные отделы непосредственно участвуют в создании информационного продукта. Количество респондентов является достаточным для получения необходимых результатов. Вопросы для интервью формулировались с целью получить представление о подходах к управлению каждого из выбранных менеджеров, о культуре менеджмента в медиагруппе в целом, выявить связь между информационными технологиями и управленческими подходами. Кроме того, было задано несколько вопросов, непосредственно касавшихся самих технологий, которые внедрялись раньше и внедряются сейчас. Также интерес представляло мнение экспертов по поводу позиции медиагруппы на российском рынке, поскольку это важный показатель для формирования управленческих подходов. Ответы экспертов обобщались по управленческим практикам в нескольких видах продуктов, которые производит

медиагруппа. Верификация ответов проводилась с помощью открытых статистических и сравнительного анализа.

Отметим, что некоторые высказывания спикеров являются предвзятыми: менеджеры не могли позволить себе достаточно критично оценивать ту или иную ситуацию, в позитивном ключе говорили о работе медиагруппы, что для эмпирического исследования является качественной погрешностью, которую мы признаем.

Обзор литературы

Теоретический бэкграунд по данному вопросу мы делим на три предметных области: медиаконвергенция, медиаменеджмент и рассмотрение информационного агентства как особого типа СМИ. Выделим, на наш взгляд, ведущие работы.

Среди трудов, посвященных конвергенции как социокультурному феномену, следует отметить фундаментальную работу Генри Дженкинса о конвергентной культуре [5]. К источникам по теме медиаконвергенции, а также цифровизации редакционных процессов в традиционных СМИ можно отнести пособия МГУ и НИУ ВШЭ по интернет-СМИ [6] и мультимедийной журналистике [7], а также коллективную работу теоретиков и практиков медиаиндустрии «Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016» [8].

Говоря об интеграции массмедийных платформ, форматов, организационных аспектов, исследователи чаще всего обращаются к базовой дефиниции медиаконвергенции, которую раскрыл в 1983 г. профессор Массачусетского технологического университета Итиель де Сола Пул. О конвергенции он говорил как о процессе, который «размывает границы между различными медиа, даже между средствами адресной коммуникации, такой как почта, телефон и телеграф, а тем более между средствами массовой коммуникации, такой как пресса, радио и телевидение» [9].

По нашему мнению, медиаконвергенция является продолжающимся процессом – традиционные СМИ, которые однажды «вышли» в цифровую среду и в целом адаптировались в ней, до сих пор сталкиваются с новыми вызовами, которые представлены в виде изменения поведенческих паттернов аудитории своего издания, появления новых платформ и каналов распространения контента, повышения конкуренции на рынке. Все эти вызовы заставляют конвергентные редакции развиваться, трансформироваться, экспериментировать с форматами и платформами, развивать новые профессиональные компетенции. По сути, внедрение искусственного интеллекта в редакционные практики таких информагентств, как ТАСС и «Интерфакс» [10], эксперименты с форматами виртуальной реальности в «России сегодня» и есть пример продолжающейся медиаконвергенции, т.е. «сближения» традиционных редакций с новыми сетевыми алгоритмами.

Говоря о теоретико-методологических основах редакционного менеджмента, следует отметить ведущие работы, посвященные бизнес-моделиро-

ванию и управленческим практикам в аналоговых и цифровых СМИ и медиаструктурах: монографию А.В. Вырковского «Редакционный менеджмент в печатных и онлайн-массмедиа: процессный подход» [11], пособие В.Л. Иваницкого «Основы бизнес-моделирования СМИ» [12]. В этих работах полноценно раскрываются как аспекты бизнес-концепций СМИ, так и обзоры теорий менеджмента инноваций и менеджмента креатива относительно массмедиа, что можно проецировать на деятельность международной медиагруппы. Говоря о базовой дефиниции, мы обращаемся к термину Е.Л. Варгановой: *медиаменеджмент* – «комплексная сфера, включающая в себя процесс принятия решений на макро- и микроэкономическом уровне для обеспечения эффективного функционирования СМИ одновременно и как экономического, и как социального институтов, а также для эффективного функционирования отдельных фирм» [13].

Анализируя работу информационных агентств в контексте российской и зарубежных медиасистем, мы выделяем работы Оливера Бойда-Барретта, Тери Рантанен, которые полно и подробно описывали опыт как мировых информагентств, так и специфику работы ТАСС и «Интерфакс» [14]. Зарубежные ученые также ввели в дискурс термины «оптовые» и «розничные» СМИ, говоря о том, что информагентства как инфраструктурные СМИ являются «оптовыми» – собирают информацию и продают клиентам – «розничным» СМИ, при этом они отмечают, что на современном этапе и новостные агентства стали «розничными» – они распространяют информацию конечному пользователю.

Среди отечественных исследований выделим пособие Г.В. Вирена, Т.И. Фроловой, В.А. Полынова «Информационные агентства» [15]. Ключевым теоретическим аспектом при анализе информационного агентства как специфического типа СМИ являлось его определение как части инфраструктуры средств массовой информации, которое снабжает другие массмедиа новостями. В обновленном издании пособия 2023 г. дана новая трактовка дефиниции «информационные агентства» – в частности, говорится, что это уже полноценные «интернет-СМИ, обращенные непосредственно к массовой аудитории, и, одновременно, инфраструктурные СМИ...» [15. С. 34]. Собственно, последнее определение является актуальным, от него мы будем отталкиваться при рассмотрении нашей темы относительно работы международной медиагруппы «Россия сегодня».

Интересна позиция И.В. Кирии относительно развития новостной индустрии – ученый считает, что институциональная история массмедиа делится на несколько этапов: 1) партийная пресса (журналистика мнений); 2) массовая журналистика факта (журналистика новостей); 3) нишевая журналистика факта (интересны определенные новости); 4) нишевая журналистика мнений (по сути, объяснительная журналистика). Кирия утверждает, что новостные медиа претерпели следующие организационные изменения: 1) они «пересеклись» с культурными индустриями и телекоммуникационным сегментом; 2) стали выпускать много неностного контента; 3) весь контент

медиапредприятий стал «нестандартным», «разовым»; 4) медиа стали активно применять методику проектного управления (при этом процессное управление остались в рамках производства новостного контента) [16].

Продукт и продуктовый портфель информационного агентства

В пособии «Информационные агентства» Вирен, Полюнов и Фролова указывают на определенные критерии, которые, как считают они, являются обязательными для формирования и последующего функционирования универсального информагентства. Первым пунктом значится выпуск эксклюзивной новостной информации общественно-политического характера [15. С. 31]. Здесь хотелось бы вступить в небольшой спор с учеными. Оперативные новости, конечно же, являются базовым элементом, но нельзя отрицать роль справочной информации, а в нынешней цифровой среде и роль гибридных новостных форматов и остальных продуктовых элементов. То есть только лишь новостей недостаточно, чтобы современное информагентство, которое позиционирует себя не только как инфраструктурное СМИ, но и как полноценное онлайн-массмедиа, существовало на медиарынке. Здесь мы солидарны с позицией Кирии, которую описали выше. Мы подходим к вопросу о функционировании средства массовой информации с маркетинговой стороны и уверены, что именно продуктовый подход может быть актуальным для рассмотрения управленческой результативности медиапредприятия.

Мы бы хотели внести в тезаурус исследований новостных агентств как СМИ обобщенное понятие *продукта информационного агентства*. Для нас это результат деятельности информационного агентства как инфраструктурного СМИ и онлайн-массмедиа, который выражается в системе предоставляемых сервисных услуг, информационных, информационно-аналитических материалов текстового, аудиовизуального и виртуального характера, который может быть реализован в рамках смешанной бизнес-модели и предоставляется для разных аудиторных сегментов (b2b¹ и b2c²).

К сожалению, в академической науке еще не до конца сформулировано и концептуализировано понятие «продуктовый портфель», которое активно употребляется в так называемом прикладном маркетинге. Кроме того, один из авторов данной статьи в ходе работы в индустрии сам часто сталкивался с тем, что понятие «продуктовый портфель» присутствует в практике как специалистов по маркетингу, так и высоких управленческих чинов большой медиаконпании. В контексте разговора о специфике выпускаемых цифро-

¹ Применительно к информационным агентствам b2b-сегмент (англ. business to business – «от бизнеса к бизнесу») предполагает предоставление сервисных и информационных услуг подписчикам.

² Применительно к информационным агентствам b2c-сегмент (англ. business to customer – «бизнес для потребителя») предполагает бесплатное предоставление информационных услуг массовой аудитории.

вых продуктов агентств и трансформации управленческих практик необходимо также ввести в общий тезаурус работы прикладное маркетинговое понятие: *продуктовый портфель* – это многообразие продуктов, которое позволяет судить об объеме деятельности, экономических перспективах бизнес-единицы, более точно удовлетворять запросы потребительских сегментов [17]. Работа агентств на общую аудиторию выработала другие специфические свойства бизнес-процессов – формирование тех самых продуктовых портфелей информационных агентств с ориентацией на разные аудиторные сегменты. Так появились, например, b2b-b2c-ориентированные продукты, а общий бизнес-процесс из инфраструктурного b2b-формата превратился в гибридный, сочетающий бизнес-процессы, рассчитанные на разные аудитории. То есть формирование и текущее функционирование продуктовых портфелей информагентств связано с медиаконвергенцией и, как следствие, с фрагментацией аудитории.

Таблица дает общее представление о портфеле медиагруппы.

Основа продуктового портфеля медиагруппы «Россия сегодня»

№	Название продукта	Аудиторный сегмент	Краткое описание
1	Русскоязычные новостные ленты «РИА Новости» («РИА Новости. Главное», «РИА Новости. Молния», дайджесты, «Анонсы», «База анонсов», «Фотоанонсы» и др.)	b2b	Флагманский продукт медиагруппы, который включает в себя разные универсальные и специализированные новостные ленты на русском языке
2.	Ленты на иностранных языках Sputnik News (английский, испанский, китайский, арабский языки, фарси)	b2b	Флагманский продукт медиагруппы, который включает в себя разные универсальные и специализированные новостные ленты на иностранных языках
3	Флагманский сайт агентства «РИА Новости» – ria.ru, и его спутники-каналы в социальных медиа	b2c	Открытые новостные цифровые ресурсы агентства «РИА Новости»
4	Флагманский сайт агентства Sputnik – sputnikglobe.com	b2c	Открытые новостные цифровые ресурсы агентства Sputnik
5	Информационно-аналитическое агентство «Прайм»	b2b+b2c	Агентство, специализирующееся на экономической, финансовой информации. Предоставляет

№	Название продукта	Аудиторный сегмент	Краткое описание
			открытую информацию и реализует работу торгового информационного терминала – «автоматизированной системы управления финансовыми потоками и активами»
6	Портал «ИноСМИ»	b2c	Сайт, специализирующийся на переводе наиболее интересных материалов зарубежных медиа
7	Портал «Украина.ру»	b2c	Сайт, специализирующийся на материалах, посвященных украинской тематике
8	Портал Baltnews	b2c	Сайт, специализирующийся на материалах, посвященных ситуации в Латвии, Литве и Эстонии
9	Видеостудия «ТОК»	b2c	Студия документального кино
10	Медиабанк	b2b+b2c	Сервис по предоставлению фото-, видео-, аудиоконтента
11	Мультимедийный пресс-центр	b2b	Площадка для проведения информационных мероприятий

У международной медиагруппы «Россия сегодня» портфель, отличающийся от агентства «Интерфакс» и ТАСС. Если «Интерфакс», с которого в 1990-х гг. и началась активная диверсификация продуктов, предоставляет в основном сервисные структуры в оптике b2b, то «Россия сегодня», кроме доступа к своим закрытым новостным терминалам русскоязычного информ-агентства «РИА Новости» и иноязычного агентства Sputnik, к открытому контенту на всевозможных сайтах и в социальных медиа, предоставляет аудитории большой объем совершенно разных результатов бизнес-деятельности группы. Например, также активно работает и предоставляет аналитические отчеты компания «РИА Рейтинг» – такой контент важен как для узкого круга специалистов, так и для массовой аудитории, а сами СМИ или другие медиа начинают цитировать именно «РИА Рейтинг». Это рейтинговое агентство внутри «России сегодня» предоставляет абсолютно разные

типы материалов: обзоры по нефти и газу, по электроэнергетике, по металлургии, по машиностроению, по химии, по медиаотрасли и т. п. Кроме того, медиагруппа предоставляет доступ к мониторингу зарубежных аналитических центров и массмедиа на предмет выявления рейтингов.

Надо отметить, что «Россия сегодня» – это в первую очередь русскоязычное новостное агентство «РИА Новости» и международное агентство и радиоканалы Sputnik (полагаем, это самые главные активы группы). Предприятие характеризуется лидирующими и инновационными подходами в сфере цифровой журналистики. Если рассмотреть историю «РИА Новости» в 2000–2010 гг., то как специалистами индустрии, так и исследователями отмечается тот факт, что именно в этой редакции формировалось взаимодействие классических СМИ с так называемыми гражданскими журналистами [2].

Отметим, что ленты (новостные терминалы) и флагманский сайт ria.ru являются лишь малой частью портфеля медиагруппы. Среди активов выделяют также агентство экономической информации «Прайм», «Спорт», «ИноСМИ», видеостудию «ТОК». Важный аспект монетизации – это введение смешанной бизнес-модели, которая будет включать как государственные субсидии, так и продажу подписки на русскоязычные и иноязычные новостные ленты, рекламу на цифровых платформах, продажу аналитических бюллетеней (обзоров) «РИА Рейтинг» и, конечно, продажу аудиовизуального контента (медиабанки информагентств являются одними из самых перспективных коммерческих активов компаний).

Подобная диверсификация связана с конвергенцией – медиагруппа, используя современные информационно-телекоммуникационные технологии и ориентируясь на тренды медиапотребления и трансформацию паттернов медиапотребителя, заходит в определенные аудиторные сегменты (социально-демографические, тематические). Подобная практика приводит как к росту числа потребителей продукции «России сегодня», так и к логичному росту рекламодателей, которые пользуются приобретенной медиагруппой аудиторией.

Вышеприведенный обзор портфелей был представлен нами ранее на конференции ДВФУ [18], но в нем отсутствовали выводы относительно конвергенции, медиапотребления, а также не было понятия продукта агентства. Для более полной картины стоит проанализировать специфику формирования линейки продуктов «России сегодня» через фокус медиаменеджмента.

Управленческие практики в СМИ как драйверы продуктового подхода

В качестве эмпирической базы использованы результаты глубинных интервью менеджеров международной медиагруппы «Россия сегодня», которые работают в настоящее время, а также тех, кто занимал руководящие должности в данном СМИ несколько лет назад.

Интервью были взяты у четырех человек. Первое – у Александра Куприянова, который работал в «РИА Новости» (ныне входит в медиагруппу

«Россия сегодня») с 2007 по 2014 г., был заместителем руководителя Объединенной редакции новостей. Его опыт оказался ценным для создания общего представления о работе агентства в то время, а также о том, какие информационные технологии использовались тогда. Вторым респондентом стала Анна Старкова, руководившая пресс-службой «России сегодня». Третьим экспертом стал Алексей Филипповский, занимавший должность руководителя центра технологий «России сегодня». Четвертым респондентом стал руководитель редакции стран Европы Михаил Тургиев. Каждое интервью длилось около часа. Беседы были проведены в 2022–2023 гг.

Глубинные интервью проводились по гайду, состоявшему из следующих вопросов:

1. Какие подходы к управлению вы используете?
2. Что является базой менеджмента в медиагруппе?
3. Какие информационные технологии были внедрены в медиагруппу?
4. Влияют ли информационные технологии на подходы к управлению в «России сегодня»?
5. На что ориентировалась медиагруппа при внедрении информационных технологий?
6. Как вы оцениваете позиции медиагруппы с точки зрения развитости технологий?
7. Кто является основными конкурентами медиагруппы с точки зрения развития информационных технологий в России и в мире?

Изучив результаты интервью, мы попытались обзорно рассмотреть управленческие практики со стороны производства новостей, мультимедиа-проектов, организации творческого процесса и дистрибуции контента, а также роли IT в современной медиагруппе.

Организация производства новостного контента. По словам Александра Куприянова, 10–15 лет назад агентство «РИА Новости» значительно поменяло подход к работе в целом: например, стало внедрять информационные технологии, которые помогли ускорить написание и публикацию новостей. В то время агентство обратилось к редакционным и бизнес-практикам западных новостных агентств (Reuters, Bloomberg), чтобы перенять их опыт не только управления, но работы в целом. Перемены кардинально затронули процесс создания новостного контента: появился ньюсрум в центре которого сидели главные выпускающие редакторы, вокруг них обычные редакторы, а потом уже корреспонденты. Такая организация пространства способствовала улучшенной коммуникации и управлению редакторами и корреспондентами. Кроме того, в то время активно шла цифровизация. Цифровизация – это внедрение в какой-то процесс/деятельность информационных технологий. Что касается сферы СМИ, то цифровизация здесь отражается в появлении и внедрении электронной среды, процессов, положений и регламентов в отношении деятельности медиаорганизации [19]. «Это даже можно назвать корпоративной трансформацией: менялись люди, менялась структура агентства, менялись цели, задачи», – рассказал Куприянов про процесс цифровизации в «РИА Новости».

Эксперты отметили важность трансформации управленческих практик, поскольку изменения и улучшения происходят только при наличии «у руля» грамотных менеджеров. «Но самое главное, что хочу сказать, что вся цифровая трансформация только в людях. Пока нужные люди не появлялись на нужном месте, ничего не взлетало при любых деньгах, при любых поручениях», – отметил Куприянов. «Это важный аспект, потому что трансформация не происходит только потому, что новое решение лучше, нет. Она происходит только под жестким давлением и контролем руководства».

Организация производства мультимедийных проектов. По словам экс-руководителя пресс-службы «России сегодня» Анны Старковой, медиагруппа является абсолютным лидером среди информационных агентств России по цифровому развитию, в том числе благодаря активному развитию AR/VR-проектов, созданию и ведению Telegram-каналов и остальных социальных медиа. «Поэтому сейчас в качестве коммуникации мы используем онлайн-ресурсы, в том числе продвигаем через Telegram-каналы наши бренды, потому что видим, что это довольно эффективный способ: вся наша целевая аудитория, начиная от журналистов, заканчивая руководством и внутренней аудиторией, она находится в Telegram-канале», – заявила Старкова. Большую популярность набирают Telegram-каналы корреспондентов, которые повествуют о своей работе. Так, например, более 1000 подписчиков насчитывают каналы обозревателя радио Sputnik Михаила Шейнкмана, обозревателя Sputnik Афганистана Зохиры Ишмухаметовой, а также специальных корреспондентов медиагруппы.

Мы нашли приложение медиагруппы с виртуальной и смешанной реальностью в AppStore и PlayMarket, которое можно скачать на смартфон, оно носит название «RIA.Lab AR и VR истории», оценка пользователей в AppStore составляет 4,3 из 5. В приложении доступно 25 проектов, среди которых есть «Первые в истории: кругосветное плавание Крузенштерна», «Май 1945-го», AR-игра «Спутник-мусорщик», «Глядя в пасть: изнанка дрессировки хищников в репортаже 360» и др. Однако, по мнению Алексея Филипповского, виртуальная реальность вряд ли может стать массовой в ближайшем будущем. «VR-технологии сложно сделать массовой, потому что она очень затратная. Это вообще сложно себе представить <...> Для того чтобы получать информацию в таком виде, требуется огромное количество подготовки. Тыкать в картинку намного проще, чем нажимать сотни клавиш, поэтому, например, смартфон популярен. А проблема «человек – интерфейс – компьютер» до сих пор еще не решена. Пока нет никаких перспективных наработок. Я думаю, есть перспектива около 10 лет для дополненной реальности. То, что вызывает вау-эффект, зачастую не становится массовым», – объяснил свою позицию медиаменеджер.

Что касается еще одного направления, то особую популярность набирают специальные проекты, основывающиеся на информационных технологиях. «Интерактивный спецпроект – это эксклюзивный медиапродукт, который выгодно выделит ваш бренд в потоке контента» – такое определение приводится на сайте «Россия сегодня» [20]. Так, например, группа много

работает над инфографикой, продолжает создавать приложения с виртуальной и смешанной реальностью, имеет один из крупнейших в России фото- и видеобанков под названием Visualrian. Кроме того, медиагруппа предоставляет услуги по созданию иллюстрированного лонгрида, мультимедийной истории, лендинга, теста, викторины, игры. За 2022 г. медиагруппа решила десятки коммуникационных, маркетинговых и репутационных задач. Одним из самых успешных стал, например, спецпроект «Человек нерациональный: что заставляет нас покупать ненужное», который совмещает в себе мнения экспертов с элементами интерактива [21].

Поскольку мультимедийные проекты довольно дорогие, возник вопрос, какие из ныне существующих продуктов приносят наибольший доход медиагруппе. «Деятельность агентства априори не может быть суперприбыльной. Поэтому существует продажа фото и видео, также организация каких-то профильных мероприятий, на которых они собирают деньги. Есть разные рейтинговые истории, созданные агентством. Это все дополнительные источники заработка... Но технологии в этом играют не то чтобы большую роль. Агентства применяют цифровые технологии, чтобы остаться на плаву и быть конкурентоспособными. Само агентство не может жить без технологий. Наше агентство также уникально из-за наличия огромного количества b2c-продуктов, в которых используется дополнительное средство монетизации – реклама. Это приносит большой доход, так как наш сайт самый посещаемый в Рунете», – рассказал Филипповский.

Управление редакционным коллективом. Как отметил один из экспертов, в управленческих подходах медиагруппа ориентируется прежде всего на своих сотрудников. Поскольку это люди творческие, то и подход к ним со стороны руководителя должен быть особенным. «Журналист – это человек творческий. Они обычно имеют некие амбиции, свою точку зрения; поскольку люди творческие, то нужен индивидуальный подход», – подчеркнул Михаил Тургиев.

Интересен аспект внутриредакционной коммуникации. Эксперт отметил важность использования корпоративной почты, так как общение в Telegram имеет свои недостатки. По словам Тургиева, «один из необходимых инструментов – это фиксация задачи в почте, а не Telegram. Потому что в Telegram можно что-то удалить, а в почте это сохраняется. То есть в случае проблем есть доказательства переписки. Несмотря на то, что появились беседы в Telegram, которые с точки зрения оперативного управления способствуют быстрой передаче новости редактором, рабочую почту никто не отменяет. Это, к сожалению, формализация процесса. Это уже как раз менеджерские дела, которые подразумевают какие-то санкции против сотрудника, не выполнившего свои обязательства. Есть ситуации, когда человек в почту пишет одно, а в Telegram другое на одну и ту же просьбу».

Еще одна управленческая практика – планирование и оперативный менеджмент. «Самое простое планирование – часть нашей общей системы, когда есть планы агентства, есть планы, которые составляют сами корреспонденты, есть планы зарубежных информагентств, все это сводится в одну

точку, я смотрю, есть ли ресурсы на это, распределяю задачи. Потом остается просто отследить результаты этой работы. Вторая часть – оперативное управление. Это когда мы уже ситуативно реагируем на какие-то события, здесь включается прямая работа с корреспондентами в прямом эфире, например в Telegram, или телефонный звонок. Хотя звонки сейчас стали редкостью, потому что Telegram их практически вытеснил», – рассказал Тургиев.

Организация дистрибуции контента. В нашей статье особый интерес представляет именно то, как изменились управленческие практики в контексте конвергенции. Так, все большую популярность сейчас набирает распространение контента с помощью различных платформ/каналов. «Россия сегодня» предоставляет свой контент на таких платформах, как интернет-сайты (ria.ru, 1prime.ru и др.), Telegram-каналы («РИА Новости», «РИА Новости: экономика», «Прайм», «РИА Новости Спорт», «РИА Новости: США» и др.), страницах в социальных сетях («ВКонтакте», «Одноклассники», Twitter). В рамках продолжающейся медиаконвергенции кажется очевидным, что цель медиагруппы, как и любого другого СМИ, – распространить свой контент, задействуя как можно больше каналов сбыта информации. Это особенно важно в наше время, когда пользователям/аудитории предоставляется широкий выбор ресурсов. Как отметили эксперты, в «России сегодня» идет активное развитие Telegram-каналов, т.е. одной из практик управления является направленность на публикацию контента, чтобы он подходил под форматы и Telegram-каналов, и других социальных медиа. Таким образом, опубликованные на ленте новости быстро появляются и на других платформах.

По словам Филипповского, медиагруппа пользуется популярностью во всех соцсетях. «У нас самые популярные СМИ в Telegram, в Facebook¹, пока его не запретили, самый популярный VK-канал, мы только в Instagram² были не самые популярные СМИ, так как у нас количество видеопроизводства не такое, как у коллег. Они хорошо выстрелили, когда переориентировались на видео: Первый канал, «Пятница» и прочие крупные видеопроизводители. У нас есть профессиональное видеопроизводство, но оно в разы меньше, чем у коллег. В TikTok не самые, так как недавно начали этим заниматься. Крупнее нашей медиагруппы только разве что «Европа плюс». Но она не является конкурентом, так как не категория «Новости-СМИ». Непонятно, как будет дальше из-за всех событий. В Telegram до всех этих событий³ мы были не на первом месте, а сейчас мы вышли на первое место», – рассказал эксперт.

¹ Актив компании Meta Inc., которая признана экстремистской организацией на территории РФ.

² Актив компании Meta Inc., которая признана экстремистской организацией на территории РФ.

³ Под событиями спикер подразумевал начало проведения специальной военной операции.

О лидирующей позиции медиагруппы заявил и Михаил Тургиев: «Успешность агентства, конечно, заключается в цитируемости, которая достигается за счет эксклюзивности и оперативности и точности информации. Дальше вопрос в том, где у кого больше эксклюзивов. Например, у ТАСС крайне мало эксклюзивных зарубежных материалов, у них другие задачи для зарубежных корреспондентов».

Организация бэк-офиса в части ИТ. Важным фактором также являются в бэк-офисе медиагруппы продвинутых ИТ-специалистов, которые обеспечивают внедрение и работу различных программ, а также защиту данных. Помимо обеспечения информационной безопасности и разработки программ, специалисты в ИТ-сфере нужны для разработки проектов с использованием виртуальной и смешанной реальности, инфографики, мобильных приложений и т. д. Что касается ИТ-технологий, то «Россия сегодня» постоянно работает над совершенствованием систем. Так, например, медиагруппа занимается внедрением ERP-системы¹, созданием собственных облачных хранилищ, а не использованием чужих. «Мы не используем облака, а строим свои частные облака. Это большое направление, которое поможет нам увеличить разработки, ускорить скорость работ внутри агентства. Условно, предоставит нам более удобную среду для каких-то инноваций. Плюс, наверное, еще большой кусок, который делает наш соседний отдел, – это внедрение ERP-системы, чтобы всю работу бэк-офиса свести в какую-то единую систему, в которой она будет вся отражена, включая работу складов, бухгалтерии, кадров и т.д.», – рассказал Филипповский. Он заявил, что медиагруппа недавно закончила работу над конструктором лонгридов, что является внутренним аналогом Tilda Publishing, который позволяет разбивать большие мультимедийные проекты и продавать их дороже.

Что касается цифровизации как таковой, то Филипповский считает, что она выступает в качестве инструмента улучшения бизнес-показателей, поэтому ее не выделяют в отдельную стратегию. «Цифровизация – это модный термин, который под собой ничего не содержит. В отношении разных структур это будет значить очень разные вещи. Это скорее один из инструментов, которым можно улучшить какие-то бизнес-показатели. Поэтому стратегии цифровизации как таковой никто не делает, только если вы остались в лохматых 90-х годах и у вас всё с использованием бумаги. Если мы говорим про работу нашего агентства (медиагруппа «Россия сегодня»), то наше агентство цифровизировано полностью. У нас нет никаких аналоговых

¹ ERP (от англ. *Enterprise Resource Planning* – планирование ресурсов предприятия) – это интегрированное управление основными бизнес-процессами, часто в режиме реального времени и при посредничестве программного обеспечения и технологий. ERP обычно называют категорией программного обеспечения для управления бизнесом. как правило, это набор интегрированных приложений, которые организация может использовать для сбора, хранения, управления и интерпретации данных, полученных в результате многих видов деятельности [22].

штук, если мы, конечно, не считаем, что цифровизация – это что-то глобальное: например, замена всех корреспондентов машинами», – сказал эксперт.

Выводы

Проведя интервью с несколькими менеджерами медиагруппы, мы выделяем следующие управленческие практики.

1. Менеджеры не руководствуются такими понятиями, как «цифровизация», «стратегии цифровизации / цифровой трансформации». Они уже живут в цифровой среде. Но при этом отмечают, что цифровизация может быть методом улучшения текущей бизнес-деятельности, т.е. может улучшить уже имеющийся диджитал-актив группы.

2. Новостная редакция продолжает работать по принципам конвергентного медиа, заложенным еще 10–15 лет назад. То есть агентство продолжает выпускать контент как в новостной терминал, так и на сайт и в свои социальные медиа.

3. Текущее управление конкретной редакцией новостного агентства руководители делят на две части: планирование (общагентское, внутриредакционное, планы корпунктов, отделов, рабочие планы корреспондентов) и оперативный менеджмент (ситуативная реакция на события).

4. Все рабочие редакционные вопросы решаются посредством корпоративной почты, а не через традиционные мессенджеры вроде Telegram.

5. Менеджмент планирует расширять спектр продуктов медиагруппы за счет активного использования методов виртуальной и смешанной реальности. При этом в группе отмечают дороговизну подобных проектов.

6. Редакции нацелены на увеличение производства мультимедийных специальных проектов, которые являются в большей степени репутационными для медиагруппы.

7. Медиагруппа продолжает расширять каналы дистрибуции контента.

Возрастает роль IT-специалистов, которые не просто сопровождают редакционные процессы, но и занимаются вопросами информационной безопасности, в частности создают собственные облачные хранилища, внедряют ERP-систему, а также корпоративные конструкторы лонгридов, позволяющие создавать эксклюзивные проекты на собственной платформе.

Эксперты отмечают, что медиагруппа позиционируется как массмедиа с большой долей b2c-продуктов, что позволяет активно монетизировать работу СМИ. При этом руководитель технологического отдела замечает, что сама модель классического информационного агентства не является «суперприбыльной» – из этого и следует также возникновение диверсифицированной продуктовой линейки, о которой мы уже писали.

Стоит сказать, что столь популярный тренд, как AR/VR, который уже внедрен в редакционную практику группы, не до конца реализован, поскольку для полноты реализации проектов виртуальной реальности необходимо кадровое усиление специалистов со столь же высокими профессиональными компетенциями как в медиа, так и в IT. Кроме того, как отмечают

эксперты, VR-проекты – дорогостоящий медиапродукт, который, скорее всего, не станет массовым. При этом репутационные мультимедийные проекты, которые группа планирует создавать с помощью собственного конструктора, являются приоритетными в редакционной практике.

Не был озвучен пункт про активное использование искусственного интеллекта, нейросетей в редакционной практике. По нашему мнению, столь важный пункт стоит рассматривать с точки зрения удобства при написании и выпуске коротких новостей (например, заметки о погоде или биржевые новости). Подобная роботизация новостной журналистики поможет сэкономить средства, но при этом менеджменту стоит определить правила организации и управления подобным интеллектом.

Что касается управления творческим, редакционным коллективом (а точнее, коммуникации с ним), а также обеспечения информационной безопасности, правомерно говорить о целесообразности создания собственного корпоративного мессенджера, который будет сочетать в себе плюсы того же Telegram и корпоративной почты.

По сути, медиаменеджеры являются, как сказали бы в сфере IT, «backend-разработчиками», которые с помощью своих управленческих практик реализуют ту самую линейку продуктов – презентационную, «лицевую» часть медиагруппы (frontend). Управленческие практики могут оставаться прежними (как в случае с общей организацией создания новостей), так и видоизменяться в контексте продолжающейся конвергенции (применение нейросетей), но их общая задача заключается в предоставлении полного спектра качественных и инновационных медиапродуктов, которые впоследствии можно будет успешно монетизировать с учетом разных аудиторных предпочтений. При этом мы согласимся с позицией А. Филипповского, который заявил о цифровизации как о модном термине, – все продукты медиагруппы действительно уже существуют в «цифре», но эти цифровые продукты будут развиваться и превращаться, возможно, в другие сервисы (например, активное развитие технологий дополненной и виртуальной реальности может сформировать в «России сегодня» собственную метавселенную, где будут собраны все VR-проекты медиагруппы, а потребитель с помощью очков виртуальной реальности сможет «побывать внутри» таких проектов), тем самым эта линейка пройдет тот же путь конвергенции – теперь будут «сближаться» не аналоговые СМИ, платформы и жанры с «цифрой», а старые цифровые форматы будут интегрироваться с новыми информационно-коммуникационными технологиями.

«Россия сегодня» выглядит именно таким массмедийным «комбинатом», о котором мы говорили во введении, и такой тип медиа заставляет менеджмент диверсифицировать не только продуктовый портфель, но и свои взгляды и позиции относительно цифровой среды и новых возможностей по созданию контента или других сервисов. Конечно, столь богатая палитра продуктов группы связана не только с коммерческой бизнес-моделью, но и с государственным субсидированием массмедиа, – данный факт позволяет «России сегодня» проводить подобные эксперименты на высоком уровне.

Совершенно иначе могут обстоять дела у тех СМИ, которые не имеют подобных ресурсов, однако общее понимание развития продуктового подхода в российских федеральных медиа может сформировать новый тренд в отечественной медиасфере, связанный с диверсификацией результатов деятельности любого медиа, развитием неностальных, мультимедийных проектов (актуально для переосмысления работы именно новостных СМИ), максимально активным присутствием в социальных медиа (теперь это важнее, чем наличие сайтов), а также созданием иных цифровых сервисов.

Соотнося анализируемый нами объект с теоретической базой, «Россию сегодня» можно назвать массмедиа, которое сочетает специфику «оптового» и «розничного» СМИ, согласно терминологии Бойд-Барретта и Рантанен.

Список источников

1. *Топ-3* самых цитируемых информационных агентств – март 2023 // Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/12104/> (дата обращения: 01.05.2023).
2. *История* международной медиагруппы «Россия сегодня» охватывает 80 лет // Международная медиагруппа «Россия сегодня». URL: <https://xn--c1acbl2abdlkab1log.xn--p1ai/history/> (дата обращения: 10.04.2023).
3. *Журналистика* и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / под ред. А.Г. Качкаевой. М., 2010. 200 с.
4. *Vartanova E.L., Vyrkovsky A.V.* Between the State and the Market: An Analysis of TASS' Fall and Rise // Journalism. 2020.
5. *Дженкинс Г.* Конвергентная культура: Столкновение старых и новых медиа. М. : Группа компаний «Рипол классик», 2019. 384 с.
6. *Лукина М.М., Фомичева И.Д.* Интернет-СМИ: Теория и практика. М. : Аспект Пресс, 2010. 348 с.
7. *Мультимедийная журналистика* / под общ. ред. А.Г. Качкаевой, С.А. Шомовой. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 418 с.
8. *Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016* / под науч. ред. С. Балмаевой, М. Лукиной. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. 304 с.
9. *Ithiel de Sola Pool.* Technologies of Freedom: On Free Speech in an Electronic Age. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1983. P. 23.
10. *Кульчицкая Д.Ю., Фролова Т.И.* Компьютерные алгоритмы в работе российских информационных агентств (на примере ИА «Интерфакс» и ТАСС) // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2020. № 1. С. 3–19.
11. *Вырковский А.В.* Редакционный менеджмент в печатных и онлайн-медиа: процессный подход. М. : МедиаМир, 2016. 380 с.
12. *Иваницкий В.Л.* Основы бизнес-моделирования СМИ : учеб. пособие. М. : Аспект Пресс, 2010. 256 с.
13. *Вартанова Е.Л.* Чем управляют менеджеры СМИ?: О природе современного медиаменеджмента // Медиаскоп. 2007. Вып. 1. URL: <https://clck.ru/33QDv3> (дата обращения: 10.04.2023).
14. *Бойд-Барретт О., Рантанен Т.* Агентства новостей: Глобальные и национальные агентства новостей: возможности и проблемы в век Интернета // Медиа. М. : Юнити-Дана, 2017. С. 66–81.
15. *Информационные агентства : учебник и практикум для вузов* / Г.В. Вирен, В.А. Польшов, Т.И. Фролова. М. : Юрайт, 2023. 197 с.

16. Управление медиапроектами. Лекция Ильи Кирии. URL: https://www.youtube.com/watch?v=9VO0K1fpcWw&ab_channel=UNIVERTV (дата обращения: 25.04.2023).
17. Молодецкая С.Ф. Формирование продуктового портфеля на основе нечетко-множественного моделирования // *Экономический анализ: теория и практика*. 2012. № 38. С. 46–54.
18. Зеленцов М.В. Цифровые продуктовые портфели в системе российских информационных агентств // *Журналистика и общественные коммуникации в цифровом пространстве: создавая смыслы. Международная научно-практическая конференция, Владивосток, 29 сентября – 1 октября 2022 г. : материалы конференции / отв. ред. Н.А. Аргылов. Владивосток, 2022. С. 80–84.*
19. Цифровизация СМИ // Журнал «Российское образование». URL: [https://ruobraz.ru/news/tsifrovizatsiya-smi/#:~:text=\(дата обращения: 9.04.2023\).](https://ruobraz.ru/news/tsifrovizatsiya-smi/#:~:text=(дата обращения: 9.04.2023).)
20. Спецпроекты // Россия сегодня. URL: <https://xn--c1acbl2abdlkablog.xn--p1ai/special-projects/> (дата обращения: 9.04.2023).
21. Человек нерациональный: что заставляет нас покупать ненужное // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20221107/sinara-shopping-1826912861.html> (дата обращения: 9.04.2023).
22. RISE with SAP for Modular Cloud ERP: A new way of working. URL: <https://news.sap.com/2021/06/sapphire-now-rise-with-sap-for-modular-cloud-erp/> (дата обращения: 9.04.2023).

References

1. Medialogiya. (2023). Top-3 samykh tsitiruemykh informatsionnykh agentstv [Top 3 most cited news agencies]. *Medialogiya*. March. [Online] Available from: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/12104/> (Accessed: 01.05.2023).
2. Rossiya segodnya. (n.d.) Istoriya mezhdunarodnoy mediagruppy “Rossiya segodnya” okhvatyvaet 80 let [The history of the international media group Rossiya segodnya covers 80 years]. [Online] Available from: <https://xn--c1acbl2abdlkablog.xn--p1ai/history/> (Accessed: 10.04.2023).
3. Kachkaeva, A.G. (ed.) (2010) *Zhurnalistika i konvergentsiya: pochemu i kak traditsionnye SMI prevrashchayutsya v mul'timediynye* [Journalism and Convergence: Why and how traditional media are turning into multimedia]. Moscow: Aspekt-Press.
4. Vartanova, E.L. & Vyrkovsky, A.V. (2020) Between the State and the Market: An Analysis of TASS' Fall and Rise. *Journalism*. DOI: 10.1177/1464884919883490
5. Jenkins, H. (2019) *Konvergentnaya kul'tura. Stolknoenie starykh i novykh media* [Convergent Culture. The collision of old and new media]. Translated from English. Moscow: Gruppa kompaniy “Ripol klassik”.
6. Lukina, M.M. & Fomicheva, I.D. (2010) *Internet-SMI. Teoriya i praktika* [Internet Media. Theory and practice]. Moscow: Aspekt Press.
7. Kachkaeva, A.G. & Shomova, S.A. (eds) (2017) *Mul'timediynaya zhurnalistika* [Multimedia Journalism]. Moscow: Higher School of Economics.
8. Balmaeva, S. & Lukina, M. (eds) (2016) *Kak novye media izmenili zhurnalistiku. 2012–2016* [How New Media Have Changed Journalism. 2012–2016]. Yekaterinburg: Humanitarian University.
9. de Sola Pool, I. (1983) *Technologies of Freedom: On Free Speech in an Electronic Age*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. P. 23.
10. Kul'chitskaya, D Yu. & Frolova, T.I. (2020) Komp'yuternye algoritmy v rabote rossiyskikh informatsionnykh agentstv (na primere IA “Interfaks” i TASS) [Computer algorithms in the work of Russian news agencies (on the example of Interfax and TASS)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*. 1. pp. 3–19.

11. Vyrkovskiy, A.V. (2016) *Redaktsionnyy menedzhment v pechatnykh i onlaynovykh massmedia: protsessnyy podkhod* [Editorial Management in Print and Online Mass Media: A process approach]. Moscow: MediaMir.
12. Ivanitskiy, V.L. (2010) *Osnovy biznes-modelirovaniya SMI* [Fundamentals of Business Modeling of the Media]. Moscow: Aspekt Press.
13. Vartanova, E.L. (2007) Chem upravlyayut menedzhery SMI? O prirode sovremennogo mediamenedzhmenta [What do media managers manage? On the nature of modern media management]. *Mediaskop*. 1. [Online] Available from: <https://clck.ru/33QDv3> (Accessed: 10.04.2023).
14. Boyd-Barrett, O. & Rantanen, T. (2017) Agentstva novostey. Global'nye i natsional'nye agentstva novostey: vozmozhnosti i problemy v vek Interneta [News agencies: Global and national news agencies: opportunities and threats in the age of the Internet]. In: *Media*. Moscow: Yuniti-Dana. pp. 66–81.
15. Viren, G.V., Polynov, V.A. & Frolova, T.I. (eds) (2023) *Informatsionnye agentstva* [Information Agencies]. Moscow: Izdatel'stvo Yurayt.
16. UNIVER TV. (2018) *Upravlenie mediaproektami. Lektsiya II'i Kiriya*. [Media project management. Lecture by Ilya Kiriya]. [Online Video] April 5th. Available from: https://www.youtube.com/watch?v=9VO0K1fpcWw&ab_channel=UNIVERTV (Accessed: 25.04.2023).
17. Molodetskaya, S.F. (2012) Formirovanie produktovogo portfelya na osnove nechetko-mnozhestvennogo modelirovaniya [Formation of a product portfolio based on fuzzy set modeling]. *Ekonomicheskyy analiz: teoriya i praktika*. 38. pp. 46–54.
18. Zelentsov, M.V. (2022) [Digital product portfolios in the system of Russian information agencies]. *Zhurnalistika i obshchestvennye kommunikatsii v tsifrovom prostranstve: sozdavaya smysly* [Journalism and Public Communications in the Digital Space: Creating meanings]. Proceedings of the International Conference. Vladivostok. 29 September – 1 October 2022. Vladivostok: Far Eastern Federal University. pp. 80–84. (In Russian).
19. Rossiyskoe obrazovanie. (2021) Tsifrovizatsiya SMI [Digitalization of the media]. *Rossiyskoe obrazovanie*. 10 December. [Online] Available from: <https://ruobraz.ru/news/tsifrovizatsiya-smi/#:~:text=> (Accessed: 09.04.2023)
20. Rossiya segodnya. (n.d.) *Spetsproekty* [Special Projects]. [Online] Available from: <https://xn--c1acbl2abdlkablog.xn--p1ai/special-projects/> (Accessed: 09.04.2023).
21. RIA Novosti. (2022) Chelovek neratsional'nyy: chto zastavlyayet nas pokupat' nenuzhnoe [An irrational person: what makes us buy unnecessary things]. *RIA Novosti*. 7 November. [Online] Available from: <https://ria.ru/20221107/sinara-shopping-1826912861.html> (Accessed: 09.04.2023).
22. Grigoleit, U. & Musilhy, K. (2021) RISE with SAP for Modular Cloud ERP: A new way of working. *SAP*. 2 June. [Online] Available from: <https://news.sap.com/2021/06/sapphire-now-rise-with-sap-for-modular-cloud-erp/> (Accessed: 09.04.2023).

Информация об авторах:

Ачето Т.О. – заместитель начальника отдела управления координации и оперативного выпуска Главной дирекции информации международной медиагруппы «Россия сегодня»; магистрантка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: t.acheto@ria.ru

Зеленцов М.В. – доцент института медиа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), творческий руководитель образовательной программы магистратуры «Современная журналистика». E-mail: mzelentsov@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.O. Acheto, deputy head of the Department of Coordination and Operational Release of the Main Directorate of Information, Rossiya Segodnya international media group (Moscow, Russian Federation); master's student, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: t.acheto@ria.ru

M.V. Zelentsov, associate professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: mzelentsov@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.04.2023;
одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 25.03.2024.*

*The article was submitted 18.04.2023;
approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 25.03.2024.*

Научная статья

УДК 070

doi: 10.17223/19986645/88/15

СМИ о российском рынке труда: главные темы, форматы освещения и жанровые решения

Екатерина Борисовна Громова¹, Юрий Михайлович Ершов²

^{1,2} *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(филиал в г. Севастополе), Севастополь, Россия*

¹ *katya-64@inbox.ru*

² *ershovym@my.msu.ru*

Аннотация. Анализируется специфика журналистского исследования рынка труда в России на современном этапе. Контент-анализу подвергнуты тексты шести федеральных и шести региональных СМИ за четыре месяца. Выявлены приоритетные темы и общие проблемы для рынка труда Юга России и общенационального рынка. Определены преимущественные форматы представления актуальной информации о работе и работниках, а также жанровые особенности презентации труда.

Ключевые слова: журналистика, пресса, рынок труда, контент-анализ, дискурс, тема, формат, жанр

Для цитирования: Громова Е.Б., Ершов Ю.М. СМИ о российском рынке труда: главные темы, форматы освещения и жанровые решения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 88. С. 286–303. doi: 10.17223/19986645/88/15

Original article

doi: 10.17223/19986645/88/15

Mass media about the Russian labor market: Main topics, coverage formats and genre solutions

Ekaterina B. Gromova¹, Yuri M. Ershov²

^{1,2} *Branch of Moscow State University in Sevastopol, Sevastopol, Russian Federation*

¹ *katya-64@inbox.ru*

² *ershovym@my.msu.ru*

Abstract. The article is a report on a content-analytical study of an array of media texts on the labor market. The objective of the project was to study the presence of the topic of labor in modern Russian media and the nature of its representation in the context of authorial texts. The mediatexts of six federal and six regional media were subjected to content analysis for four months (from June to September). The sample included federal publications, on the pages of which the topic of labor is covered regularly. Regional media were considered from the mega-region of the South of Russia

(Rostov region, Krasnodar region, Sevastopol and Crimea). Electronic publications for analysis were selected in accordance with the citation frequency identified by the Medialogy rating agency for the first half of 2023. The two most authoritative web-resources in each region, republic, or territory were selected. In total, more than a hundred publications were selected by topic for analysis in three categories. Priority themes and specific problems for the labor market of the South of Russia and the national market were identified. The signs of the author's position and evaluation in relation to the subject of the description were fixed. The preferred formats for presenting up-to-date information about the work, as well as the genre features of the development of the topic of labor, were determined. The conclusions of the article substantiate the coexistence in the press of two contradictory discourses, one of which praises the heroes of labor, and the other criticizes employers for low wages and poor organization of work. It is noted that the topic of labor today is of an expert nature and not a single publication is complete without references to authoritative sources and without the involvement of commentators. Most often, government officials, specialists from recruitment agencies, and academic economists act as expert commentators. In the transfer of the voice of the commentator to various kinds of experts and in the rejection of one's own conclusions, one can see the threat of a fall in the reader's trust in the figure of a journalist, who, in fact, is deprived of the qualities of subjectness. If in the regional media the main topic is the size of wages, then in federal publications they often pay attention to the shortage of workers in industry and the service sector. Another point of difference in journalistic approaches is the genre repertoire. In regional publications that are closer to their audience, there is a set of genres of the Soviet newspaper: reports, congratulations, portrait sketches. But, at the same time, there are also emotional readers' comments on publications. There are no essays and portraits in federal publications, but business genres of press releases, reviews, and comments are used. The content-analytical study we have carried out may be of interest to sociologists of the press and developers of a course on the topics and problems of the periodical press.

Keywords: journalism, press, labor market, content analysis, discourse, topic, format, genre

For citation: Gromova, E.B. & Ershov, Yu.M. (2024) Mass media about the Russian labor market: Main topics, coverage formats and genre solutions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 88. pp. 286–303. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/88/15

Введение

Рынок труда – ключевой и наиболее оперативный индикатор состояния экономики. Динамика рынка труда позволяет судить о национальном благополучии или, наоборот, о нестабильности экономики страны. Через рынок труда устанавливаются уровни занятости населения и размеры оплаты труда. Такие социальные проблемы, как безработица, трудовая миграция, бедность, изучают не только демографы и экономисты, но и ученые в социологических, и в гуманитарных в самом широком контексте исследованиях, включая и media studies.

Журналистская специфика разработки темы труда в СМИ была одним из центральных объектов исследовательского интереса университетских коллективов и отдельных ученых в советскую эпоху, что было обусловлено не

только идеологическим наполнением социальных наук, но и повсеместной репрезентацией в прессе образа труженика. С 1990-х годов меняются общественный строй, медиасистема, контент-политика СМИ и звучание многих традиционных для прессы тем. Появляются невиданные до этого отряды прессы, обслуживающие рынок труда («Работа для вас» и подобные издания) и интересы компаний (корпоративная печать). Новые предметы изучения требуют и обновления исследовательской оптики. Однако тема труда в новом веке не слишком стимулирует научную активность.

Проблема видится в том, что разработка темы труда требует от исследователя экономических знаний, в то время как в нашей стране исследования СМИ традиционно строятся на филологической базе и преимущественно на лингвистических методах анализа текстов. Только на факультете журналистики МГУ есть кафедра теории и экономики СМИ, где выпускают специалистов с углубленной экономической подготовкой. Мониторинг социально-экономической проблематики требует от исследователя любви к статистике и владения математическим аппаратом. Кроме того, сказывается эффект «высокой базы», обеспеченный ведущей ролью человека труда и доминированием этой темы в советской прессе. Вести с полей и портреты героев с Доски почета приобрели анахроничный вид еще на излёте советской эпохи. После социального поворота к капиталистическим отношениям тема труда и ее герои как будто бы вовсе исчезли со страниц периодической печати. Ореол «советскости» не способствовал вхождению данной темы в исследовательский мейнстрим. Сегодня, однако, реликтовое излучение традиционной советской проблематики в современных изданиях уже не отпугивает. Многие из советских реалий вернулись, и нельзя исключать, что человек труда как центральная фигура газетно-публицистического дискурса снова займет то место, которое пока вакантно.

Рынок труда в СССР создавался по концепции полной занятости населения, которая исходила из конституционной нормы «Труд – есть обязанность каждого гражданина». Полная занятость была одной из основных задач планово-административной экономики, а ее реализация означала гарантированную занятость в течение жизни работника, а также заработную плату и необходимый для удовлетворения минимальных потребностей доход семьи. К концу 1980-х годов около 92% трудоспособного населения было занято в общественном производстве или на учебе, которая трактовалась тоже как работа и шла в производственный стаж.

Но в последние десятилетия СССР система трудовых мотиваций ослабела по ряду причин. Во-первых, поголовная занятость сопровождалась низкой ценой труда. Низкая цена труда сложилась в России исторически ещё со времен крепостного права. Во-вторых, в условиях планового распределения рабочей силы руководители не всегда были заинтересованы в эффективном ее использовании, но всегда стремились к увеличению штатов. В результате в экономике сформировалась так называемая «сверхзанятость» – излишки рабочей силы в сравнении с потребностями экономики. В итоге Советский

Союз стал утрачивать свои преимущества в образовательном и квалификационном качестве.

В 1990-е гг. значительная часть трудоспособного населения РФ оказалась без работы по причине банкротства многих предприятий, вынуждена была сменить место и/или характер работы. После отмены нормы обязательного распределения по окончании вуза молодые специалисты, как и многие люди с профессиональным опытом, оказались невостребованными на свободном рынке труда. Тогда и стали появляться специализированные издания, посвященные трудоустройству и сообщающие о вакансиях. Вероятно, первым таким изданием в России стала газета «Работа для вас». Она вышла в свет в 1992 г. и информировала читателей о мерах, предпринимаемых департаментом труда и занятости населения г. Москвы. и о состоянии рынка труда в столице.

По мере развития интернета владельцы редакций стали модернизировать печатные версии под новые реалии, создавая сетевые версии газет и журналов. Правда, коммерциализировать такие сайты удалось немногим – в 2000-х гг. настала эра порталов по трудоустройству. Первый портал появился ещё в 1996 г. Это был job.ru (ООО «Джоб.ру»). В 1999 г. – zarplata.ru (ООО «Деловой Мир Онлайн»), в 2000 г. – superjob.ru (ООО «СуперДжоб») и hh.ru (ООО «Хэдхантер.ру»). В сентябре 2023 г. рейтинг-классификатор ресурсов российского Интернета Рамблер-TOP 100 представляет 514 сайтов по темам «Вакансии и резюме» (139), «Работа за рубежом» (15), «Кадровые и кастинговые агентства» (70), «Работа в интернете» (102) и «Повышение квалификации» (127)¹.

Это медийное многообразие можно назвать информационной инфраструктурой современного рынка труда. По данным рейтинга SimilarWeb (<https://www.similarweb.com/top-websites/jobs-and-career/>), на сентябрь 2023 г. отечественный сайт HeadHunter (hh.ru) стал 34-м по популярности сайтом в России и первым отечественным в разделе «Работа и карьера». Отметим также, что HeadHunter в категории Jobs and Career занимает третье место в мире по посещениям. Ежемесячно этот сайт посещают свыше 73,5 млн человек. Аудиторные показатели hh.ru превышают рекордный тираж газеты «Труд», зафиксированный в июне 1990 г., когда главное издание профсоюзов СССР выпустило 21 млн 584 тыс. экземпляров². Роль этого веб-ресурса в информационном обеспечении и влиянии на рынок труда превышает возможности корпоративных сайтов других кадровых агентств.

Для исследований медиадискурса о рынке труда, прежде всего, необходим более широкий контекст, составленный из работ таких авторитетных социологов труда, как А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов [1], А.И. Кравченко

¹ Рамблер-TOP. Раздел : сайт, «Работа и карьера». Москва. Обновляется в течение суток. URL: <https://top100.rambler.ru/navi?categoryId=1160> (дата обращения: 15.09.2023).

² Какая газета вышла рекордным тиражом за год до распада СССР : сайт. URL: <https://news.rambler.ru/other/41745295-kakaya-gazeta-vyshla-rekordnym-tirazhom-za-god-do-raspada-sssr/> (дата обращения: 15.09.2023).

[2], Д. Маркович [3], В.В. Радаев [4], Ж.Т. Тощенко, Г.А. Цветкова [5] и др. В контексте трудов экономистов и социологов необходимо назвать ряд монографий, изданных за последние 20 лет, среди которых монография А.В. Топилина [6], книга И.А. Юрасова, Е.В. Кузнецовой, М.А. Танина, В.А. Юдиной [7]. Под редакцией В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капельюшниковой вышли в свет «Нестандартная занятость в российской экономике» [8], «Заработная плата в России: эволюция и дифференциация» [9], «Российский работник: образование, профессия, квалификация» [10], «В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда» [11], «Мобильность и стабильность на российском рынке труда» [12].

Отметим немалое количество кандидатских и докторских диссертаций, которые защищены по экономическим наукам и посвящены проблематике региональных рынков труда. Среди них диссертационные исследования К.Н. Вицеляровой [13], М.Н. Рудакова [14], З.С. Хаджимурадовой [15], М.А. Барзаевой [16] и многих других ученых экономистов. Можно заметить, что больше всего диссертационных исследований проведено на Юге России, в Чеченской Республике и Дагестане, что связано, вне всяких сомнений, с высокой долей безработных в этом регионе и местной спецификой нестандартного рынка труда на Северном Кавказе.

Ценным для исследователя материалом являются данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат – <https://rosstat.gov.ru/>), которые систематизированы по разделам «Трудовые ресурсы, занятость и безработица», «Заработная плата», «Условия труда», где каждый раздел разбит на несколько тематических рубрик. Еще одним значимым для исследований ресурсом является сайт Федеральной службы по труду и занятости (Роструд – <https://rostrud.gov.ru/>). Заметим, что Роструд вместе с информационным агентством Интегрум ежемесячно публикует отчеты мониторинга СМИ на тему труда. Продолжающиеся исследования рынка труда проводят и социологические организации, среди которых Институт социологии РАН, ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр¹ и др.

Вместе с тем на стыке медиаисследований, экономики и социологии труда публикаций немного, что было уже отмечено в первом разделе статьи. Единственная диссертация на эту тему была защищена Н.В. Поляковой еще в прошлом веке: «Пресса как фактор информационного обеспечения рынка труда», МГУ, 1999 [17]. Других диссертационных и монографических работ наш поиск не выявил. Есть ряд статей в научных журналах, которые посвящены отдельным аспектам взаимодействия массмедиа и рынка труда. Можно сказать, что рыночно-трудовому направлению исследований только предстоит создать собственную теоретическую базу в науке о журналистике.

¹ Организация Левада-центр внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Методология исследования

Основным методом исследования стал контент-анализ. Это количественный анализ массивов однородных публикаций в СМИ с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей. Для анализа были отобраны 6 федеральных (Газета.ру – <https://www.gazeta.ru/>, Известия – <https://iz.ru/>, Коммерсантъ – <https://www.kommersant.ru/>, РБК – <https://www.rbc.ru/>, Forbes – <https://www.forbes.ru/> и Ведомости – <https://www.vedomosti.ru/>) и 6 региональных СМИ (Газета Кубанские новости <https://kubnews.ru/>; Новостной веб-ресурс 93.ru <https://93.ru/>; Новостной веб-ресурс Donnews.ru <https://www.donnews.ru/>; Ростовская газета. [Rostovgazeta.ru](https://rostovgazeta.ru/) <https://rostovgazeta.ru/>; Новостной портал Севастополя и Крыма ForPost <https://sevastopol.su/>; Информагентство РИА Крым <https://crimea.ria.ru/>). Выборка федеральных СМИ была определена в соответствии с данными мониторинга исследовательской службы Интегрум (<https://integrum.ru/>), выборка региональных СМИ – в соответствии с данными цитируемости исследовательской службы Медиалогия за первый и второй квартал 2023 года. Мы отобрали СМИ из первой тройки по частоте упоминаний.

Период исследования: 16 недель с середины июня по середину сентября 2023 г. Всего было отобрано по тематическому признаку 122 материала (54 из федеральных СМИ и 68 из региональных). В исследовании выделялись следующие три категории контент-анализа: предмет/тема публикации (работа, труд, занятость, безработица, карьера, заработная плата, работник, труженик, рабочий); авторская позиция в отношении к предмету описания (позитивная, негативная, амбивалентная, индифферентная); жанр/формат представления информации (новостная заметка или информационное сообщение, обзор рынка, интервью, комментарий, экспертное мнение, репортаж, зарисовка и другие портретные формы).

Мы предполагали, что представленность темы труда будет примерно одинаковой в федеральных и в региональных СМИ, а вот в ранжировании приоритетных вопросов для обсуждения будут некоторые различия, как и должны быть расхождения в репертуаре используемых жанров и стилей.

Гипотеза 1. В федеральных СМИ поддерживается правительственная повестка, связанная с усилиями министерств и ведомств по обузданию безработицы и привлечению к сфере услуг и производства трудовых мигрантов. В регионах больше внимания журналисты уделяют неконкурентным зарплатам и нехватке рабочей силы.

Гипотеза 2. В федеральных СМИ используются преимущественно жанры деловой прессы и нейтральный тон представления информации. В регионах по-прежнему используются портретные жанры и доминирует более эмоциональный тон изложения.

Основные результаты

Прежде всего, отметим, что тема труда представлена как в федеральных, так и в региональных СМИ на высоком уровне частотности, хотя для кодировщика контент-анализа здесь есть свои трудности. Дело в том, что тема труда может быть «спрятана» в другой широкой тематике. Например, в социальной или экономической теме, в теме бизнеса, теме финансов. Иногда редакции ставят рубрику или хештег #вакансии для сообщений с рынка труда. Но чаще сообщения на тему труда идут в ленте новостей без всякой маркировки. Наличие в содержательной структуре издания мониторинга рынка труда свидетельствует о квалификационном классе данной редакции. Лидеры в разработке данной темы – РБК, Forbes и «Ведомости» – являются образцами качественной журналистики. Это отличие заметно и на уровне региональной прессы, поскольку бульварные газеты никоим образом не интересуются темой труда в отличие от тем развлечения и показательного потребления.

Тема труда имеет ярко выраженный экспертный характер. Почти в каждой публикации обнаруживается ссылка на авторитетный источник. Чаще всего среди источников фигурируют Росстат, Минтруд и другие правительственные структуры. Второй по значимости группой источников являются кадровые (рекрутинговые) агентства: HeadHunter (hh.ru), Работа.ру, SuperJob, «Акция Кадры и HR» и другие представители коммерческой экспертизы. Третья группа источников экспертного знания – это вузы и научно-исследовательские центры ВШЭ, РАНХиГС, РЭУ им. Плеханова и др. В этой теме теперь почти нет самостоятельных журналистских расследований – только привлечение экспертов и комментариев к официальной, отраслевой или корпоративной статистике.

Из-за повышенной доли экспертности в разработке темы рынка труда нужно отметить удручающую вторичность данных и нехватку эксклюзивного контента. Так, например, ссылаясь на Росстат и заявление вице-преьера РФ Татьяны Голиковой, все общественно-политические издания сообщали о рекордно низком уровне безработицы в 3,3 процента (около 2,4 млн безработных). Первое такое сообщение появилось в мае, а в течение лета эта информация многократно повторялась и дополнялась. 25 июля Президент РФ В.В. Путин заявил о 3,2 процентах безработицы, после чего опять все СМИ растиражировали высказывание главы государства.

Из-за повторяемости высказываний одних и тех же спикеров создается своеобразный экспертный пузырь. Аудитория этой группы экспертов как бы разговаривает сама с собой. Журналистское присутствие или активность заметны только в заголовках и лидах, которые авторы стремятся сделать чуть более аттрактивными и интригующими. Так, например, журналисты часто включают в заглавие слово «рекорд» (РБК – Росстат заявил о скачке доходов

россиян и рекорде роста зарплат за 15 лет¹; РБК – Уровень кадрового голода в промышленности установил новый рекорд²; РБК – Россияне стали рекордно много работать³; Ведомости – Рост реальных зарплат в апреле достиг рекорда за пять лет⁴).

Основные журналистские темы рынка труда летнего периода: нехватка рабочей силы, динамика зарплат и критика оплаты труда, отток трудовых мигрантов, привлечение на работу нетрадиционных категорий работников (осужденных, студентов, досрочно выходящих из декретного отпуска женщин и пр.), рост продолжительности трудовой недели, меры властей по регулированию рынка труда. Есть отличия в представленности некоторых тем в федеральных или региональных СМИ (таблица).

Представленность тематики труда в федеральных и региональных СМИ

Тема (подтема)	Федеральные СМИ	Региональные СМИ Юга России
Нехватка рабочей силы	19 (35%)	8 (11,7%)
Обзор заработных плат	1 (1,8%)	11 (16,1%)
Привлечение к работе подростков и других нетрадиционных категорий работников	6 (11,1%)	5 (7,7%)
Меры властей по регулированию рынка труда	3 (5,5%)	8 (11,7%)
Критика уровня оплаты труда	5 (9,2%)	3 (4,4%)
Профессиональный и жизненный путь работника	0	7 (10,2%)
Критика условий труда	0	6 (8,8%)
Безработица	5 (9,2%)	0
Опережающий рост зарплат в ряде отраслей	4 (7%)	1 (1,5%)
Отток трудовых мигрантов	4 (7%)	0
Нарушения трудового законодательства	2 (3,7%)	1 (1,5%)
Работа на удаленке	1 (1,8%)	2 (2,9)
Рост продолжительности трудовой недели	1 (1,8%)	1 (1,5%)
Поздравление (награждение) тружеников	0	2 (2,9)
Новые технологии на рынке труда	2 (3,7%)	0
Изменение режима работы предприятия	0	2 (2,9)
Поддержка предприятиями семей своих сотрудников	1 (1,8%)	0
Переподготовка кадров	1 (1,8%)	0

¹ Росстат заявил о скачке доходов россиян и рекорде роста зарплат за 15 лет // РБК : сайт. Москва. Обновляется в течение суток. URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/08/2023/64ca49b39a79470969138f40> (дата публикации: 02.08.2023).

² Уровень кадрового голода в промышленности установил новый рекорд // РБК : сайт. Москва. Обновляется в течение суток. URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/08/2023/64ca54369a7947ee430b0975> (дата публикации: 03.08.2023).

³ Россияне стали рекордно много работать // РБК : сайт. Москва. Обновляется в течение суток. URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/07/2023/649ea4cc9a7947b29e9db05a> (дата обращения: 03.07.2023).

⁴ Рост реальных зарплат в апреле достиг рекорда за пять лет // Ведомости : сайт. Москва. Обновляется в течение суток. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/06/29/982848-rost-realnih-zarplat-v-aprele-dostig-rekorda> (дата публикации: 29.06.2023).

Выделим главную тему для региональных СМИ – тему заработной платы. Федеральные СМИ чаще в центр внимания ставят проблему нехватки кадров. Региональные СМИ не слишком волнуют проблемы безработицы, оттока трудовых мигрантов (гастарбайтеров) и опережающий рост зарплат в некоторых отраслях. Но в регионах чаще критикуют условия труда и чаще публикуют портретные материалы о профессиональном и жизненном пути героя. Подход региональных журналистов к рынку труда отличается и сосуществованием двух противоречивых дискурсов. Первый можно обозначить как прославление людей труда. Это хорошо знакомый по советской прессе дискурс, который с 1930-х по 1980-е гг. был основным для отечественных СМИ. Второй дискурс назван нами критическим. Это критичное рассмотрение условий труда и работника, который утратил всякую субъектность в производственных отношениях и предстает скорее лицом страдающим.

Приведем примеры того и другого дискурса. «Донские хлеборобы бьют все рекорды». «Цифру в 15,4 млн тонн собранных ранних зерновых с донских полей озвучил губернатор Василий Голубев в процессе рабочей поездки в Усть-Донецкий район. Глава региона встретился с тружениками АПК и вручил госнаграды 24 аграриям по результатам уборки прошлого года... Набрав высокие темпы уборочных работ (в том числе и благодаря технической модернизации), донские хлеборобы собрали большой победный урожай, внося свою весомую лепту в российский каравай 2023 года»¹. Здесь все признаки медиатекста, который в советскую эпоху называли «вести с полей». Уподобление труда спортивному состязанию (или битве), вовлечение первых лиц региона в процесс оценивания труда, обязательное награждение победителей соревнования и прославляющая клишированная лексика (рекордный, победный, весомый).

И в той же Ростовской газете публикуется заметка под заголовком «На Дону водители трамваев жалуются на зарплаты»². «Сотрудники «Ростовской транспортной компании» рассказали, что страдают от низких зарплат и неудовлетворительных условий труда. Работники написали коллективное письмо, в котором утверждают, что ситуация только ухудшается. Они сетуют, что за десять лет работы так и не дождались повышения зарплаты. Сейчас она не превышает 25 тысяч рублей. Также водители жалуются на плохую поставку запчастей и расходных материалов. Это приводит к поломкам оборудования, техники и износу трамвайных путей». Как можно понять

¹ Донские хлеборобы бьют все рекорды / Ростовская газета : сайт. Ростов-на-Дону. Обновляется в течение суток. URL: <https://rostovgazeta.ru/news/2023-08-23/donskie-hleboroby-byut-vse-rekordy-sbor-rannih-zernovyh-sostavil-15-4-mln-tonn-3019631> (дата публикации: 15.09.2023).

² На Дону водители трамваев жалуются на зарплаты. / Ростовская газета : сайт. Ростов-на-Дону. Обновляется в течение суток. URL: <https://rostovgazeta.ru/news/2023-08-11/na-donu-voditeli-tramvaev-zhaluyutsya-na-zarplaty-a-halatnost-chut-ne-ubila-rebenka-3010263> (дата публикации: 11.08.2023).

из данного сообщения, автор разделяет критический пафос обращения работников трамвайного парка, хотя не высказывает собственных оценок, а только цитирует жалобу рабочих.

Сосуществование двух дискурсов в одном медийном пространстве обнаруживается и в других отобранных для анализа СМИ. Например, «Кубанские новости» – один из самых гомогенных в плане позитива дискурсов. Здесь публикуют и поздравления с профессиональными праздниками, и зарисовки о ветеранах труда, и даже о рабочем дне мэра могут рассказать в стиле Гарун-аль-Рашида из «Тысячи и одной ночи», который ходил по рынку неузнанным и слушал, что говорят о власти люди¹. Тем не менее и в этой газете можно встретить критические заметки. Например, в июле редакция в партнерстве с сервисом по поиску работы SuperJob публикует данные опроса жителей краевой столицы и сообщает, представители каких профессий чаще перерабатывают. «Лишь одному из трех краснодарцев (34%) не приходится работать сверх графика. Систематически перерабатывают 55% – в среднем на 31% от нормы рабочего времени в месяц»².

Если верхом славословия в нарративах о труде можно считать «Кубанские новости», то на противоположном конце линейки оценочности оказывается севастьяпольский новостной портал ForPost. Авторы этого портала критикуют чаще, чем хвалят. И критикуют даже тогда, когда берут интервью у экспертов, не высказываясь напрямую. Например: «Почему россияне не хотят возвращаться из отпуска на работу. Как стахановцы стали нехочухами». «Работа порой напоминает каторгу, а люди работают только ради того, чтобы получить хоть какой-то доход, – отметил профессор кафедры труда и социальной политики Института государственной службы и управления Александр Щербаков. «Сам труд не представляет для них ничего интересного. Работники не чувствуют реализации собственного потенциала, возможностей, поэтому относятся к рабочему месту достаточно прохладно. Неудивительно, что многие граждане не хотят возвращаться на работу из отпуска», – сказал ForPost Щербаков³.

Анализ смысловых структур журналистских сообщений напоминает о практике двоемыслия, когда в высказывании придерживаются двух взаимо-

¹ Мэр Новороссийска проехал в час пик в маршрутке и поделился впечатлениями / Кубанские новости : сайт. Краснодар. Обновляется в течение суток. URL: <https://kubnews.ru/obshchestvo/2023/07/03/mer-novorossiyska-proekhal-v-chas-pik-v-marshrutke-i-podelilsya-vpechatleniyami/> (дата публикации: 03.07.2023).

² Маркетологи, учителя и врачи: представители каких профессий чаще жалуются на переработки в Краснодаре / Кубанские новости : сайт. Краснодар. Обновляется в течение суток. URL: [https://kubnews.ru/obshchestvo/2023/07/15/marketologi-uchitelya-i-vrachi-predstaviteli-kakikh-professiy-chashche-zhaluyutsya-na-pererabotki-v-/](https://kubnews.ru/obshchestvo/2023/07/15/marketologi-uchitelya-i-vrachi-predstaviteli-kakikh-professiy-chashche-zhaluyutsya-na-pererabotki-v/) (дата публикации: 15.07.2023).

³ Почему россияне не хотят возвращаться из отпуска на работу/ ForPost : сайт. Севастополь. Обновляется в течение суток. URL: <https://sevastopol.su/news/kak-stahanovcy-stali-nehochuhami> (дата публикации: 30.06.2023).

исключающих мнений. Хлеборобы – молодцы, но работать на комбайне некому (на Кубани сейчас открыто около 1,2 тыс. вакансий для комбайнеров, трактористов-машинистов, механизаторов сельского хозяйства). И это при том, что некоторые аграрные хозяйства на селе предлагают зарплату от 100 до 150 тысяч рублей, что и для города немало. Но обладающих удостоверением тракториста и желанием поработать в три смены почему-то не находится¹. При этом журналисты не стремятся вникнуть в эти противоречия и написать проблемный очерк, как это делали прежде Анатолий Аграновский и Юрий Черниченко, объясняя читателю, как же так выходит, что многие жалуются на нищенские зарплаты, а когда предлагают достойное вознаграждение, оказывается, что претендентов на него надо поискать.

В региональной прессе интересны отклики аудитории на публикации о труде. В комментариях читатель, бывает, расставляет свои смысловые акценты и даже «переписывает» журналистское сообщение. Несколько примеров из обсуждения обзора средних зарплат в регионе². «Да дайте эту среднюю зарплату, чтобы хоть жить более-менее стали, а не выживать!.. А какая зарплата указана в трудовом договоре? МИНИМАЛКА, а всё остальное, бабушка надвое сказала... Агентство недвижимости – это, мягко говоря, непостоянная оплата. Все зависит от количества сделок. Никто тут фиксированную зарплату не платит... Армянские стоматологи да, там бешеные цифры, только ты туда не попадешь, все схвачено... А вообще, то, что обещают на сайтах и в реале две большие разницы... Такой бред уже даже читать надоело! Только злость вызывают эти лживые статьи и выдуманные зарплаты!.. Да какие профессии? В стране их три – торгаш, таксист и охранник. Таксисты, курьеры и милиционеры – стержень народного хозяйства России».

Самым распространенным жанровым решением представления о труде в современных СМИ становится обзор рынка зарплат. Во всех отобранных нами для контент-анализа региональных изданиях были опубликованы такие обзоры. Например, 8 июля на краснодарском ресурсе 93.ru опубликован обзор под заголовком «Кто у нас тут такой богатенький: рейтинг самых высокооплачиваемых профессий в 2023 году (туда попала даже... швея). Не факт, что этот список поможет вам в трудоустройстве, но посчитать чужие деньги всегда приятно»³. Собственно, главное уже сказано в лиде заметки. Это эксплуатация досужего интереса обывателей к размерам зарплаты отдельных категорий работников. К примеру, IT-специалисты могут претендовать на зарплату в 250 тыс. руб. Не факт, что они получают такую зарплату

¹ До 150 тысяч: сколько может зарабатывать комбайнер в Краснодарском крае / Кубанские новости : сайт. Краснодар. Обновляется в течение суток. URL: <https://kubnews.ru/obshchestvo/2023/07/20/do-150-tysyach-skolko-mozhet-zarabatyvat-kombayner-v-krasnodarskom-krae/> (дата публикации: 20.07.2023).

² Сохранена орфография и пунктуация оригинала.

³ Кто у нас тут такой богатенький? / Сетевое издание 93.ru : сайт. Краснодар. Обновляется в течение суток. URL: <https://93.ru/text/job/2023/07/08/72476174/> (дата публикации: 08.07.2023).

за пределами Москвы. Журналисты не только обозревают возможные зарплаты в разных отраслях экономики, но и спрашивают у читателей сайта: А какая у вас зарплата? Наибольшее количество ответов (13%) собрал вариант «Это не зарплата, а слезы, даже говорить стыдно». Чуть меньше ответов (12%) собрал вариант «Меньше 50 тысяч рублей». Столкновение реальных ответов о зарплате с рекламными «до 250 тысяч рублей» помещает такие обзоры рынка в дискурс критического реализма, хотя журналисты напрямую не высказывают никаких собственных оценок.

Еще одно часто используемое жанровое решение темы труда – это заявление официального лица или комментарий эксперта. По развернутым высказываниям носителей разных начальственных должностей можно увидеть, как журналист прячется за спиной своих ньюсмейкеров или передоверяет им свой голос. Эта отстраненность становится заметной и в экспертных опросах. Редакция устанавливает взаимовыгодные отношения (а возможно, и договорные) с коммерческими сервисами типа SuperJob, HeadHunter и др. Эти службы постоянно проводят опросы, которые в редакциях рассматривают как инфоповод. Благодаря такому партнерству на страницах газеты часто публикуют обзоры вакансий и зарплат в разных сферах труда. Умное прочтение сводок рекрутинговых агентств позволяет редакции обозначать и социальные проблемы занятых (например, тайную подработку или переработки). Для рекрутинговых агентств регулярное мелькание их логотипа в лентах новостей экономит рекламный бюджет, поддерживая их известность среди потенциальных клиентов на нужном уровне.

Приведем пример партнерского материала из выпуска «Кубанских новостей» за 21 июля. Публикация озаглавлена «Исследование: жители Кубани очень любят работать в IT и не очень в ЖКХ». «Эксперты из службы исследований hh.ru разбирались, какую работу жители Кубани считают престижной, а какую – нет. Большого сюрприза с лидером рейтинга самых престижных сфер не случилось – в 2023 году краснодарцы уверенно голосуют за IT – 54%, на втором месте нефтегазовая отрасль – 33%, на третьей строчке энергетика – 25%»¹. Для журналиста это выглядит легким заданием, по сути – ререйтингом пресс-релиза рекрутингового агентства с придумыванием привлекательного заголовка. Однако исследованием это назвать на самом деле нельзя: нет необходимой для социологов и статистиков репрезентативности. Есть претензии и к точности словоупотребления. Что значит любят работать или голосуют за IT? Это же не означает, что более половины кубанцев работают программистами в компьютерных фирмах. Сам по себе факт сотрудничества с пресс-службами или публикации партнерского материала не предосудителен. Но когда таких фактов становится слишком много, это превращается в угрозу журналистской профессии.

¹ Исследование: жители Кубани очень хотят работать в IT и не очень в ЖКХ / Кубанские новости : сайт. Краснодар. Обновляется в течение суток. URL: <https://kubnews.ru/obshchestvo/2023/07/21/issledovanie-zhiteli-kubani-ochen-khotyat-rabotat-v-it-i-ne-ochen-v-zhkhkh/> (дата публикации: 21.07.2023).

Хотя жанровый репертуар больше всего зависит от статуса редакции и масштаба ее информационной деятельности, наш контент-анализ обнаружил некоторые форматные закономерности в разработке журналистами темы труда и ее героев. Традиционные жанры газеты (отчеты, зарисовки и другие портретные формы) используют редакции, которые ориентированы на аудиторию старших возрастов. Они лишь воспроизводят те представления, которые сложились в советскую эпоху, укладывая их в словоформы нынешнего времени. Так «Кубанские новости» публикуют поздравления с профессиональными праздниками; репортажи о рейдах добровольных народных дружин¹, что можно определить как неформальную занятость граждан; портреты передовиков производства.

В других редакциях даже при использовании традиционных жанровых форм автор модернизирует нарратив применительно к реалиям нашего времени. Эти приемы осовременивания можно рассмотреть на примере спец-проектов РИА Крым. Шеф-редактор специальных проектов Ольга Леонова представляет исключительно редкий ныне портретный очерк о виноградаре французского происхождения, который с 1994 года живет в России, получив российское гражданство и женившись на русской². Тот же автор рассказывает в другой публикации о немецком бизнесмене, который нашел себе занятие в крымской глубинке.³ После получения российского гражданства Виктором Аном, Джеффом Монсоном и Жераром Депардье возник некий интерес к релокантам из-за рубежа, который и эксплуатируется автором в теме труда.

В прежнюю эпоху журналисты рассказывали о человеке какой-либо профессии, стараясь прорекламировать эту работу, чтобы школьники заинтересовались специальностью и, возможно, при выборе вуза пошли бы по этой стезе. Сегодня журналист в рассказе о людях той или иной профессии гораздо более амбивалентен и нацелен на поиск каких-нибудь жареных фактов, курьёзов и странностей. Популярный веб-ресурс Краснодарского края 93.ru (сетевое издание компании «Шкулев Медиахолдинг Городские порталы») интересуется тем, что людям не нравится в их работе, что их раздражает или даже бесит. Например, женщина-таксист говорит, что ее сильно бесят мелочные люди. «Один парень просил меня перевести рубль ему на

¹ В Сочи около 250 народных дружинников каждый день участвуют в патрулировании улиц / Кубанские новости : сайт. Краснодар. Обновляется в течение суток. URL: <https://kubnews.ru/obshchestvo/2023/07/05/v-sochi-okolo-250-narodnykh-druzhinnikov-kazhdy-den-uchastvuyut-v-patrulirovanii-ulits-/> (дата публикации: 05.07.2023).

² «Провансальный человек»: как русский француз в Крыму растит виноград / РИА Новости Крым : сайт. Обновляется в течение суток. URL: <https://crimea.ria.ru/20230824/provansalnyy-chelovek-kak-russkiy-frantsuz-v-krymu-rastit-vinograd-1130855324.html> (дата публикации: 24.08.2023).

³ От немецкого бизнеса в село: зачем яхтсмен поселился в глубинке Крыма / РИА Новости Крым : сайт. Обновляется в течение суток. URL: <https://crimea.ria.ru/20230822/ot-nemetskogo-biznesa-v-selo-zachem-yakhtsmen-poselilsya-v-glubinke-kryma-1130753782.html?in=t> (дата публикации: 22.08.2023).

карту, так как у меня не было сдачи»¹. Курьер, рассказывая об ужасах рабочего дня, говорит: «Ощущение, что на нас ездят, как на собаках»².

На последних примерах также заметно столкновение критического анализа с глорификацией людей труда. Можно предположить, что в сознании некоторых читателей возникает когнитивный диссонанс при наложении противоречивых дискурсов. Мы не обнаружили заметных региональных отличий в разработке темы труда. На Юге России в летний период особенно много публикаций сезонного характера об обслуживании туристов и индустрии гостеприимства. Однако такие материалы мы найдем и в СМИ Калининграда, Карелии, Горного Алтая и Забайкалья: везде, где россияне любят проводить отпуск. Те местные особенности южных регионов, о которых иногда сообщают федеральные СМИ (например, сниженный до 50% лимит на иностранных сотрудников для сферы строительства в Дагестане и Краснодарском крае)³, никак не обсуждаются и не комментируются в прессе Юга России.

Дискуссия и выводы

Проведенный нами контент-анализ показывает высокую частотность журналистских публикаций о рынке труда и связь этой темы с большими сферами социальной жизни, экономики и бизнеса. В региональной прессе представленность темы несколько выше, чем в федеральных СМИ. Основными рубриками (хештегами) в медийной разработке темы труда являются «работа», «карьера», «вакансии», «зарплата». Тема труда заметно эволюционировала, если сравнивать современные медиатексты с материалами партийно-советской печати. Главное отличие в том, что образ человека труда сегодня в прессе исключительно редок. Практически не задействованы журналистами и очерковые жанры, в которых прежде этот образ создавался. Рынок труда федеральные и региональные массмедиа представляют не в формате человеческих историй и портретов, а в деловых жанрах пресс-релиза, обзора и комментария.

Вместо рабочего сегодня пресса номинирует работника (синего или белого воротничка). Антонимом слова «работник» является слово «хозяин». Работник нередко предстает фигурой, страдающей от диктата хозяина, от плохих условий труда и недостаточного вознаграждения. Это не стахановец, это жертва капиталистической эксплуатации. Труд уже не достоинство, а

¹ Нужен отдельный "мужской" тариф / Сетевое издание 93.ru : сайт. Краснодар. Обновляется в течение суток. URL: <https://93.ru/text/job/2023/08/13/72591296/> (дата публикации: 13.08.2023).

² Курьер рассказал, что его бесит в профессии / Сетевое издание 93.ru : сайт. Краснодар. Обновляется в течение суток. URL: <https://93.ru/text/job/2023/07/09/72476081/> (дата публикации: 09.07.2023).

³ Как обновление доли иностранных сотрудников в компаниях повлияет на регионы / Ведомости : сайт. Москва. Обновляется в течение суток. URL: [https://www.vedomosti.ru/strana/central/articles/2023/08/01/988041-kak-obnovlenie-doli-inostrannogo](https://www.vedomosti.ru strana/central/articles/2023/08/01/988041-kak-obnovlenie-doli-inostrannogo) (дата публикации: 01.08.2023).

удел неудачников, которые не смогли стать хозяевами (в том числе хозяевами собственной жизни). Праздность – не порок, а привилегия богатеньких. Трудящиеся превратились в средство получения прибыли, хотя в этом качестве они уступают прибыли от выкачивания нефти, газа и других природных богатств. Девальвация труда усугубляется отсутствием крепко стоящих на ногах институтов защиты прав трудящихся. В анализируемых нами публикациях ни разу не возникла тема профсоюзов, ни разу не рассказана история восстановления на работе уволенного с нарушениями законодательства или наказания работодателя-самодура. Возможно, такие истории рассказывают в профсоюзных газетах, но их издания не относятся к массовой прессе.

Выявленный нами критический дискурс, который присутствует более в региональных, чем в федеральных медиа, и чаще в негосударственных, чем в государственных СМИ, вступает в противоречие с оптимистическим тоном, которым передаются сообщения о том, что безработица в России находится на исторически низком уровне, а более половины компаний в РФ намерены повысить зарплаты сотрудникам в 2023 г. В этом плане можно заметить, как федеральная и региональная повестка несколько расходятся. В местных изданиях еще можно услышать голос официантов, водителей, курьеров, врачей и учителей, которые рассказывают о своих низких доходах и непригодных условиях труда. В федеральных изданиях человека труда не услышать и не увидеть – только цифры статистики и интерпретация меняющихся тенденций рынка. Можно сказать, что региональные СМИ иногда еще рассматривают труд с точки зрения трудящихся, но на федеральном уровне редакции чаще видят всё с позиции хозяев, предпринимателей, работодателей.

Многие процессы, происходящие на рынке труда, невидны глазами статистики, основанной только на отчетности. Например, директор говорит, что его предприятию срочно нужно нанять ещё 300 работников, но не учитывает, что сварочный аппарат активен только полтора часа за рабочую смену. Сейчас на смену приходит новое поколение, которое ценит своё личное время и не настроено отдавать его «просиживанию» в заводской курилке или в офисе. Конкурентная зарплата важна, но и она не определяет всех мотивов оставаться в этой компании или уйти. Для человека значимы комфортные условия труда, социальный пакет, отношение к нему администрации, перспективы карьерного роста.

Журналисты теряют свою субъектность, отказываясь от дискуссионных площадок и отдавая инициативу заявлений и комментариев чиновникам, менеджерам рекрутинговых агентств и разного рода экспертам. Самоустранение журналистов в глубокой разработке темы труда чревато репутационными потерями самой профессии. В конце концов, кадровые агентства могут свои прямые коммуникации выстраивать без посредничества СМИ, что веб-аналитика активности их сайтов уже и демонстрирует. Читателю очень нужны портретные, аналитические материалы и спецпроекты на тему труда. Аудитория должна чувствовать, что труд – это журналистская тема, не отданная на откуп пиар-отделам рекрутинговых служб и центров занятости.

В изданиях федерального уровня мы ещё встречаем образцы объяснительной журналистики, которую на уровне регионов найти затруднительно. К примеру, в Forbes публикуют текст в жанре эксплейнера, объясняющий, что «дефицит специалистов назревал последние 15 лет – сказалась демографическая яма 1990-х. Ситуацию усугубили события 2022 года – частичная мобилизация и релокация специалистов за границу»¹. В газете «Коммерсантъ» публикуют такие размышления: «Основная проблема – это человеческий ресурс. Это выражается и в крайне низком уровне безработицы: 3% все-таки для нас это аномально. Это уже точно тормоз для развития экономики, а не какой-то плюс. Это отражается и в опережающем росте заработных плат»². Обобщений такого масштаба в прессе региональной мы не найдем. Зато в регионах на некоторых городских порталах и сайтах газет мы можем почитать читательские комментарии к публикациям, которые порой дают большее знание о проблеме, чем прецедентный журналистский текст.

Сформулированные нами исследовательские гипотезы частично подтвердились. Тема труда примерно одинаково широко представлена в федеральной и региональной прессе. Однако приоритеты (повестка) в обсуждении вопросов труда отличаются. Столичных журналистов волнует больше всего нехватка рабочих рук, а региональных журналистов – вопрос зарплат. Отличаются и жанровые решения темы труда. В изучаемый нами период попали летние месяцы и один осенний. На Юге России, информационное пространство которого мы анализировали, лето – это самый напряженный рабочий сезон. Но и в других регионах летняя пора – это время, когда на рынок труда выходят выпускники со своими дипломами и резюме. Выпускникам факультетов журналистики было бы полезно иметь в портфолио публикации на тему труда, а в приложении к диплому – зачет по курсу «Тематика и проблематика периодической печати». Но и без такого курса в учебном плане хорошему студенту по силам исследовать проблемы занятости и сделать себе имя на публикациях о тружениках. Регулярное освещение рынка труда с разных позиций – это показатель качественных изданий, которые отличаются от массовой прессы не только высокими стандартами журналистики и особым репертуаром жанров, но и вниманием к социально-экономической и трудовой проблематике.

Список источников

1. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после. М. : Аспект Пресс, 2003. 481 с.
2. Кравченко А.И. Социология труда в XX веке: Историко-критический опыт. М. : Наука, 1987. 182 с.

¹ Число вакансий в малом бизнесе выросло на 66% / Forbes : сайт. Москва. Обновляется в течение суток. URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/494352-cislo-vakansij-v-malom-biznese-vyroslo-na-66> (дата публикации: 14.08.2023).

² Решетников назвал аномально низкую безработицу тормозом для экономики / Коммерсантъ : сайт. Москва. Обновляется в течение суток. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6198656> (дата публикации: 06.09.2023).

3. Маркович Д. Социология труда. М. : Прогресс, 1988. 234 с.
4. Радаев В.В. Экономическая социология. М. : ГУ ВШЭ, 2005. 603 с.
5. Тощенко Ж.Т., Цветкова Г.А. Социология труда. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 464 с.
6. Топилин А.В. Рынок труда России и СНГ: Реалии и перспективы развития. М. : Экономика, 2004. 320 с.
7. Юрасов И.А., Кузнецова Е.В., Танин М.А., Юдина В.А. Социальные трансформации на рынке труда России. М. : Инфра-М, 2021. 104 с.
8. Нестандартная занятость в российской экономике / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капельюшников. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 398 с.
9. Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капельюшников. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 575 с.
10. Российский работник: образование, профессия, квалификация дифференциация / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капельюшников. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2011. 574 с.
11. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капельюшников. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 534 с.
12. Мобильность и стабильность на российском рынке труда / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капельюшников. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 529 с.
13. Вицелярова К.Н. Занятость и рынок труда в регионе как функции локальной экономики : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ростов н/Д, 1999.
14. Рудаков М.Н. Региональный рынок труда, механизм формирования и функционирования : На примере Республики Карелия : дис. ... д-ра экон. наук. Петрозаводск, 2002. 368 с.
15. Хаджимурадова З.С. Особенности формирования российского рынка труда : на примере Чеченской Республики : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Грозный, 2007.
16. Барзаева М.А. Формирование и развитие рынка труда в трудоизбыточном регионе : на примере Чеченской Республики : дис. ... канд. экон. наук. М., 2013. 178 с.
17. Полякова Н.В. Пресса как фактор информационного обеспечения рынка труда : дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 145 с.

References

1. Zdravomyslov, A.G. & Yadov, V.A. (2003) *Chelovek i ego rabota v SSSR i posle* [Man and His Work in the USSR and After]. Moscow: Aspekt Press.
2. Kravchenko, A.I. (1987) *Sotsiologiya truda v XX veke. Istoriko-kriticheskiy opyt* [Sociology of Labor in the 20th Century. Historical and critical experience]. Moscow: Nauka.
3. Markovich, D. (1988) *Sotsiologiya truda* [Sociology of Labor]. Moscow: Progress.
4. Radaev, V.V. (2005) *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology]. Moscow: Higher School of Economics.
5. Toshchenko, Zh.T. & Tsvetkova, G.A. (2012) *Sotsiologiya truda* [Sociology of Labor]. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga.
6. Topilin, A.V. (2004) *Rynok truda Rossii i SNG: Realii i perspektivy razvitiya* [Labor Market in Russia and the CIS: Realities and development prospects]. Moscow: Ekonomika.
7. Yurasov, I.A. et al. (2021) *Sotsial'nye transformatsii na rynke truda Rossii* [Social Transformations in the Russian Labor Market]. Moscow: Infra-M.
8. Gimpel'son, V.E. & Kapelyushnikov, R.I. (eds) (2006) *Nestandartnaya zanyatost' v rossiyskoy ekonomike* [Non-standard Employment in the Russian Economy]. Moscow: Higher School of Economics.
9. Gimpel'son, V.E. & Kapelyushnikov, R.I. (eds) (2007) *Zarabotnaya plata v Rossii: evolyutsiya i differentsiatsiya* [Wages in Russia: Evolution and differentiation]. Moscow: Higher School of Economics.

10. Gimpel'son, V.E. & Kapelyushnikov, R.I. (eds) (2011) *Rossiyskiy rabotnik: obrazovanie, professiya, kvalifikatsiya differentsiatsiya* [Russian Worker: Education, profession, qualification differentiation]. Moscow: Higher School of Economics.

11. Gimpel'son, V.E. & Kapelyushnikov, R.I. (eds) (2014) *V teni regulirovaniya: neformal'nost' na rossiyskom rynke truda* [In the Shadow of Regulation: Informality in the Russian labor market]. Moscow: Higher School of Economics.

12. Gimpel'son, V.E. & Kapelyushnikov, R.I. (eds) (2017) *Mobil'nost' i stabil'nost' na rossiyskom rynke truda* [Mobility and Stability in the Russian Labor Market]. Moscow: Higher School of Economics.

13. Vitselyarova, K.N. (1999) *Zanyatost' i rynek truda v regione kak funktsii lokal'noy ekonomiki* [Employment and labor market in the region as a function of the local economy]. Abstract of Economics Cand. Diss. Rostov-on-Don.

14. Rudakov, M.N. (2002) *Regional'nyy rynek truda, mekhanizm formirovaniya i funktsionirovaniya: na primere Respubliki Kareliya* [Regional labor market, mechanism of formation and functioning: on the example of the Republic of Karelia]. Economics Dr. Diss. Petrozavodsk.

15. Khadzhimuradova, Z.S. (2007) *Osobennosti formirovaniya rossiyskogo rynka truda: na primere Chechenskoy Respubliki* [Features of the formation of the Russian labor market: on the example of the Chechen Republic]: Abstract of Economics Cand. Diss. Grozny.

16. Barzaeva, M.A. (2013) *Formirovanie i razvitie rynka truda v trudoizbytochnom regione: na primere Chechenskoy Respubliki* [Formation and development of the labor market in a labor surplus region: the example of the Chechen Republic]. Economics Cand. Diss. Moscow.

17. Polyakova, N.V. (1999) *Pressa kak faktor informatsionnogo obespecheniya rynka truda* [The press as a factor in information support of the labor market]. Philology Cand. Diss. Moscow.

Информация об авторах:

Громова Е.Б. – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (филиал в г. Севастополе) (Севастополь, Россия). E-mail: katya-64@inbox.ru

Ершов Ю.М. – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (филиал в г. Севастополе) (Севастополь, Россия). E-mail: ershovym@my.msu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.B. Gromova, Cand. Sci. (Philology), senior lecturer, Branch of Moscow State University in Sevastopol (Sevastopol, Russian Federation). E-mail: katya-64@inbox.ru

Yu.M. Ershov, Dr. Sci. (Philology), professor, Branch of Moscow State University in Sevastopol (Sevastopol, Russian Federation). E-mail: ershovym@my.msu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023;
одобрена после рецензирования 13.10.2023; принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 25.09.2023;
approved after reviewing 13.10.2023; accepted for publication 25.03.2024.

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – М.М. Угрюмова.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2024. № 87

Редактор Т.В. Зелева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 25.03.2024 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 16,5; усл. печ. л. 21,4. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 5847.

Дата выхода в свет 04.06.2024 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru